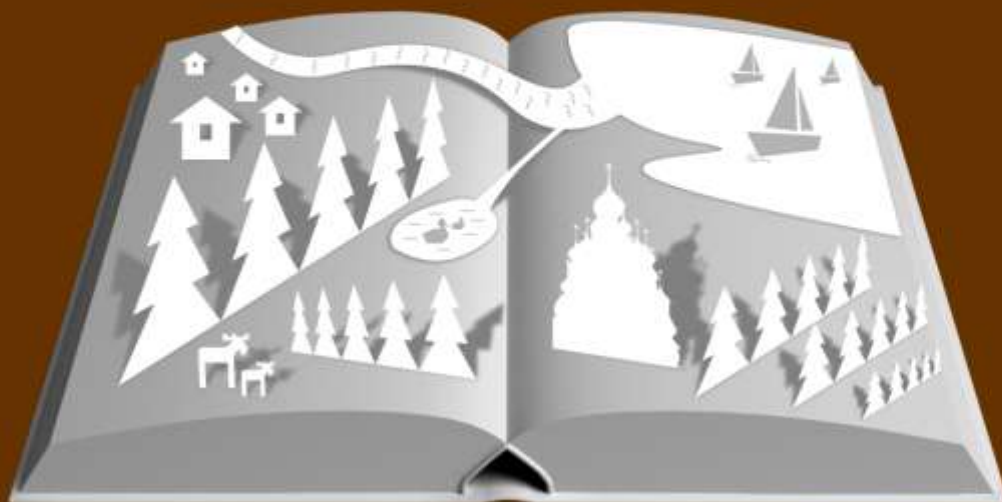

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы III научной конференции
(20 февраля 2009 г.)

Содержание

Предисловие	4
Раздел 1. Пленарные доклады	5
<i>Мошина Т. А.</i> Городские головы Петрозаводска. Коллективный портрет	6
<i>Кондратьев В. Г.</i> Традиции воспитания и образования в поморской семье XIX – XX века	8
<i>Кулагин О. И.</i> Польская политическая ссылка в Олонецкой губернии в 1860–1870-х гг.	14
<i>Литвин А. С.</i> Украинская культура в Карелии	18
<i>Такала И. Р.</i> Особенности языковой политики советской власти в национальных районах Карелии в 1920–30-е гг. (на примере Ребольского края)	25
<i>Морозова С. П.</i> К вопросу о совершенствовании работы школ Петрозаводска в период хрущёвской реформы образования	33
<i>Мамонтова Н. Н.</i> Село Виданы в свете топонимии	37
Раздел 2. Историческая секция	42
<i>Терешкин А. А.</i> Скульптурные изображения Петра I в бронзе: из фондов Карельского государственного краеведческого музея	42
<i>Данков М. Ю.</i> Секреты парусника Петра Великого (о яхте «The Transport Royal» на Русском Севере)	44
<i>Калинина Е. А.</i> Николай Петрович Ушаков – директор Олонецких училищ (1807–1813 гг.) ...	56
<i>Штыченко Е. Э.</i> К вопросу обучения и воспитания в Петрозаводске на рубеже XIX–XX вв. .	59
<i>Дианова К. А.</i> Краеведческие общества Петрозаводска и Архангельска в начале XX века: грани сотрудничества	64
<i>Хлучин А. Н.</i> Медицинские кадры Автономной Карельской Советской Социалистической Республики. 1929–1937 гг.	66
<i>Волкова В. Л.</i> Маленькое звено трагической цепи. Город Кемь и Кемский район в годы политических репрессий	70
<i>Коваленко М. В.</i> Исследовательская работа и творчество заключённых Соловецкого лагеря особого назначения в 1920-е годы	75
<i>Вавулинская Л. И.</i> Политическая работа в лагерях иностранных военнопленных в Карелии в 1945–1949 гг.	79
<i>Дроздюк А.</i> Путешествие Жильбера Рома по Олонецкой гебурнии в 1784 году	82
<i>Пащикова А. А.</i> Миграция населения на территории Салминского и Сортавальского уездов в конце XVIII – начале XX века	86
<i>Собисевич А. В.</i> Ландкарта Олонецкого уезда (1728 г.) как источник социально-экономической информации по истории Карелии раннего нового времени	93
<i>Топоров Д. А.</i> Лесопильные заводы побережья Онежского озера во второй половине XIX – начале XX века	95
<i>Литвин Ю. В.</i> К вопросу о положении женщины в карельской семье (по страницам изданий конца XIX – начала XX вв.)	97
<i>Лайдинен Э. П.</i> Нуортева: эпизоды семейной хроники	99
<i>Намятова Е. С.</i> Деятельность попечительства императрицы Марии о слепых на территории Олонецкой губернии	104
<i>Филимончик С. Н.</i> Деятельность Карельского научно-исследовательского института по сохранению историко-культурного наследия в 1930-е гг.	105

Раздел 3. Секция «Культура. Литература. Фольклор»	111
<i>Александров Ю. С.</i> Первобытные технологии производства в современной музейной экспозиции	111
<i>Смирнова Е. П.</i> Восстановление учреждений культуры и образования в районах Северного Приладожья в 1944–1950 гг.	114
<i>Кудрявцева Г. В.</i> Пушкин в Карелии	120
<i>Кузнецова Н. Ю.</i> Троицкая Сунорецкая пустынь: историко-культурное пространство	124
<i>Шафранская К. В.</i> А. М. Линевский и организация краеведческого движения в Карелии (первая половина 1930-х гг.)	130
<i>Дианова Е. В.</i> Кооперативные библиотеки Европейского Севера в первые десятилетия XX века	135
<i>Новожилова С. В.</i> Библиотека Историко-литературного клуба в фонде Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета	140
<i>Исакова С. Н.</i> Книжная палата Республики Карелия: к 50-летию	144
<i>Пашков А. М.</i> Петербургский комитет грамотности и попытки создания карельской письменности в 1860-е годы	146
<i>Сойни Е. Г.</i> «Калевала» в интерпретации художников филоновской школы	148
<i>Водолазко В. Н.</i> Николай Константинович Михайловский и Ирина Федосова	153
<i>Бобикова Л. В.</i> Елизавета Томберг – народная артистка СССР	156
<i>Урванцева Н. Г.</i> «Кондопога = провинция» (Образ города Кондопоги в устной словесности) .	159
<i>Евдокимова Д. А.</i> Д. Новиков и И. Львова: проблемы мировосприятия	161
Лауреаты республиканского конкурса научно-исследовательских работ «Краевед – 2008» ..	165
<i>Константинова Е. С.</i> Повенец глазами путешественников XVIII века	165
<i>Коттина Т. Г., Герцик Л. Н.</i> Голиковка, Зарека, Неглинка – это всё из прошлого слова..?: Историко-культурные портреты микрорайонов города Петрозаводска	177
<i>Титова Т. И.</i> Сказка – ложь, а песня – быль	216
<i>Сергеева Н.</i> Деревня Самбатукса: вчера, сегодня, завтра	232

Предисловие

20 февраля 2009 года в Национальной библиотеке Республики Карелия состоялась третья научная конференция «Краеведческие чтения», которая организуется и проводится по инициативе Национальной библиотеки.

Трехлетний опыт проведения конференции позволяет выявить некоторые особенности в ее организации. Организаторы конференции сознательно не ограничивают тематику конференции, хотя, конечно, предпочтительны сообщения по истории библиотечного дела, книжной культуры, музейного дела, образования в республике. Само название «Краеведческие чтения» предполагает возможность высказаться всем, кто занимается краеведческими исследованиями и желает донести результаты этих исследований до широкой общественности. В конференции приняли участие ученые из Карельского научного центра РАН, Петрозаводского государственного университета, Карельской государственной педагогической академии, научные работники и специалисты Карельского государственного краеведческого музея, Карельского республиканского института повышения квалификации работников образования, Национального архива РК, Национальной библиотеки РК, аспиранты и студенты учебных заведений республики.

Сборник материалов по итогам конференции включает 36 докладов разнообразной тематики. В соответствии с названиями секций конференции, статьи объединены в три раздела: «Пленарные доклады», «Историческая секция», секция «Культура. Литература. Фольклор». Последний раздел включает статьи лауреатов конкурса научно-исследовательских работ «Краевед – 2008».

Статьи представлены в авторской редакции.

Публикации адресованы краоведам, учителям, студентам и всем, кто интересуется историей Карелии.

Раздел 1

Пленарные доклады

*Т. А. Мошина,
Карельский государственный краеведческий музей*

Городские головы Петрозаводска. Коллективный портрет

В июне 2008 г. вышла в свет книга «Городские головы Петрозаводска», подготовленная мной и историком Н. А. Кораблевым.¹ В книге впервые представлены биографические сведения о всех лицах, занимавших пост городского головы Петрозаводска с 1778 до 1918 г. (41 деятель). Возможно, со временем этот список будет пополнен, так как архивные документы о деятельности городской думы в первой половине XIX в. сохранились лишь частично.

Основой для написания биографических очерков о городских головах послужили документальные материалы («формулярные списки» и другие документы о службе), хранящиеся в фондах Национального архива Республики Карелия, публикации и периодические издания XIX–XX вв., имеющиеся в библиотеках Петрозаводска, а также мемуарная, справочная, исследовательская литература, обнаруженная авторами в библиотеках Петербурга.

В книге рассказывается об основных вехах жизненного пути городских голов, характеризуется их вклад в развитие Петрозаводска. Приводятся сведения о наградах, семейном и имущественном положении городских голов, а также об их интересах вне служебной сферы. Книга снабжена Таблицей «Список городских голов г. Петрозаводска. 1778–1918 гг.», списком «Старые и современные названия улиц г. Петрозаводска», Словарем специальных и устаревших терминов, списком основных источников и литературы, использованных авторами.

Проанализируем жизнедеятельность тех, кто занимал пост городского головы, по нескольким позициям: их социальное и семейное положение, образование, возраст в занимаемой должности, достижения вне названного поста. Поскольку в жизни населения Олонецкой губернии значительное место занимало старообрядчество, то немаловажно проследить, какое отношение городские головы имели к старообрядцам.

Социальное положение, место рождения

Большинство голов были выходцами из крестьян и со временем стали или торгующими крестьянами, или купцами. Трое: Ф. И. Валегин, А. М. Рудницкий, Я. П. Дейхман – первоначально служили по Горному ведомству. А. М. Рудницкий и Ф. И. Валегин достигли чина статского советника. Я. П. Дейхман, А. М. Рудницкий были дворянами.

Городские головы были, в основном, уроженцами Олонецкой губернии. В Петрозаводской слободе и в Петрозаводске родились И. Б. Драницын, С. Т. Жданов, М. И. Пухков, Я. П. Дейхман, в пригородной деревне Сулажгора – Ф. И. Тихонов. Из Заонежских деревень происходило пятеро: И. В. Митрофанов, С. Е. Баранов, Н. Л. Баканин, Г. М. Сывороткин. Из Пряжи – И. У. Зайцев. Из Повенца – Ф. И. Фомин. Из Олонца – М. С. Анциферов. Из Шокшинского погоста – 5 (М. П., Е. Г., К. Н. и Г. Е. Пименовы, И. И. Селиверстов), из Вытегорского уезда – Н. П. Левин.

Из мещан г. Белозерска происходили Н. Ф. Пикин и Н. П. Серого. Из мещан д. Скнятино Тверской губернии – И. А. Румянцев, из мещан г. Новая Ладога – И. Л. Скоков. Из Тамбовской губернии – А. М. Рудницкий.

Городские головы и старообрядцы

Среди первых городских голов Петрозаводска были выходцы из старообрядческих семей, а некоторые из них и сами оставались до последних дней приверженцами «древлего благочестия».

Первый городской голова Митрофанов Иван Васильевич (1742–1792), занимавший пост в 1778–1779 гг., был выходцем из Кижского погоста, где старообрядчество имело крепкие корни. В 1778 г. он категорически отказался брить бороду, сославшись на «болезненные припадки головою и глазною болезней и немолодым летам». Но, скорее всего, причиной этого были его религиозные взгляды.²

¹ Кораблев, Н. А., Мошина Т. А. Городские головы Петрозаводска. 1778–1918 гг. Петрозаводск, 2008.

² Петрозаводск. 300 лет истории. Книга 1. 1703–1802. Петрозаводск, 2001. С. 354–355.

Городской голова **Бекренев Ефим Евстратьевич** (1743 – октябрь 1803, СПб.), занимавший пост в 1794–1796 гг., последние годы жил в Петербурге, принимал участие в строительстве каменных берегов реки Фонтанки и в постройке Казанского собора: имел подряды на заготовку, перевозку и обработку камня, облицовку здания и строительство наружных колонн. Е. Е. Бекренев был похоронен на старообрядческом Малоохтинском кладбище.³

Родной брат городского головы **Алексея Васильевича Симакова** (1763–8.12.1831), Яков Васильевич Симаков, с женой Екатериной Федоровной, дочерью коллежского секретаря Гороховцова, были старообрядцами.⁴

Три брата **Костины**: Харлам Петрович (1771–26.11.1825), городской голова в 1811–1813 гг., Иван Петрович (1781–2.07.1856), городской голова в 1826–1828 гг., и Яков Петрович (1785–2.03.1864), занимавший этот пост в 1829–1832 гг. – были родом из д. Викшезеро Лижемской волости. Их дядя, купец Назар Иванович Костин, скончавшийся 12 октября 1839 г., был старообрядцем.

Севериков Степан Петрович (1788–6.12.1851), городской голова в 1821–1823 гг., несмотря на занимаемые им посты (бургомистр, гласный думы, городской голова), был убежденным приверженцем старой веры, к исповеди не ходил, как и его жена Степанида Никитична, дочь купца Ялгубцова (1788–23.12.1850). Старообрядкой была и жена их сына – Прасковья Васильевна.⁵

Заметной фигурой среди петрозаводских купцов был **Гавриил Маркович Сывороткин** (1794–30.01.1873), занимавший пост городского головы трижды: в 1835–1837, 1847–1850, 1865–1868 гг.

Семья Сывороткиных имела корни в Заонежье – в деревне Филиппова горка Шунгского погоста, откуда был родом один из основателей Выговского общежития Данила Викулов. Родители будущего городского головы – Марк Артемьевич Сывороткин (1766–19.12.1844) и Ирина Саввична – были старообрядцами.⁶

Родители и другого городского головы – **Василия Трофимовича Трофимова** (1812–23.06.1861), занимавшего пост городского головы дважды (1844–1846, 1860–1861), Трофим Алексеев Богданов и мать Парасковья Харитоновна, также были старообрядцами. Вторая жена городского головы В. Т. Трофимова, Пелагея Степановна, была дочерью городского головы С. П. Северикова, приверженца старой веры.⁷

У **Николая Федоровича Пикина** (4.04.1820–12.04.1890) мать, Екатерина Евтифеевна, и тетка, Федосья Евтифеевна, дочери купца Евтифея Григорьевича Дубровина, петрозаводского старожила, были старообрядцами.⁸

Возраст в занимаемой должности

На должность городского головы, в основном, избирали человека опытного, авторитетного и достигшего определенного возраста. Только трое из голов были молодыми людьми – от 26 до 30-ти лет. По семь человек имели возрастную категорию от 32 до 40 лет и от 40 до 50 лет, 8 человек – от 50 до 60 лет. Шесть человек – от 60 до 65 лет. Как известно, возраст в разное время трактовался неоднозначно. Так, первый городской голова И. В. Митрофанов считал себя немолодым и в 36 лет, когда отказался брить бороду.

9 человек избирались на должность неоднократно: дважды – семь человек (И. М. Попов, С. Е. Баранов, С. Т. Жданов, И. Л. Скоков, В. Т. Трофимов, Н. П. Серого, Г. Е. Пименов), трижды – Г. М. Сывороткин, четырежды – Н. Ф. Пикин, причем, С. Е. Баранов был повторно избран через 20 лет, когда ему было 70 лет, а Г. М. Сывороткин в третий раз избирался в 71 год.

Е. М. Пименов, А. М. Рудницкий скончались на посту городского головы.

Семейное положение

Почти все городские головы были женаты, в т. ч. 8 человек дважды. Двое не имели детей. М. П. Пименов усыновил племянника Е. Г. Пименова, который также стал городским головой. Большинство голов имели по многу детей, в том числе – у В. Д. Лысанова было 8 детей, у А. М. Рудницкого – 11 детей, у И. А. Румянцева – 10 детей, у Г. Е. Пименова – 12 детей, у Ф. И. Фомина – 13 детей. Надо учитывать, что в то время много детей умирало в младенчестве и точно проследить по метрическим книгам, сколько детей дожило до совершеннолетия, мне не удалось. И. А. Румянцева в городе даже называли «отцом святого семейства»: ему удалось почти всех дочерей удачно выдать замуж за чиновников и купцов.

Место городских голов в предпринимательстве, общественной жизни, в развитии Петрозаводска и Петербурга

Образование у городских голов было, в основном, домашнее. В. Т. Трофимов, Ф. И. Валегин, А. М. Рудницкий закончили городские училища. Олонецкую мужскую гимназию закончили трое:

³ Саитов, В. И. Петербургский некрополь // Русский архив. 1883. № 5. Приложение. С. 417.

⁴ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25, оп. 21, д. 55/122, 146 об., ф. 25, оп. 21, д. 47/105, л. 116 об. – 117.

⁵ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25, оп. 21, д. 47/105, л. 90, ф. 25, оп. 21, д. 39/95, л. 57 об. – 58.

⁶ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25, оп. 21, д. 39/95, л. 57 об. – 58.

⁷ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25, оп. 21, д. 47/105, л. 90.

⁸ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25, оп. 21, д. 47/105, л. 129 об.

Я. П. Дейхман, В. Т. Трофимов (1825 г.) и Г. Е. Пименов. Я. П. Дейхман закончил также Петербургский университет, а последний городской голова Ф. И. Прохоров закончил учительский институт в Петербурге.

Несмотря на то, что некоторые из голов не имели даже первоначального школьного образования, они преуспели и как предприниматели, и как общественные деятели, и даже как исследователи и изобретатели.

Бесспорно, самыми известными петрозаводскими предпринимателями, внесшими большой вклад в развитие города, были Пименовы, давшие городу четырёх городских голов. Из них самым значительным был коммерции советник **Пименов Марк Пименович** (1799–20.04.1865). Начав с мелочной торговли, он постепенно стал крупным купцом-подрядчиком. Под его руководством в Петербурге строились Аничков и Лебяжий мосты, в Кронштадте – крепостные сооружения (1841 г. – 5 и 6-й ряды рисбанского укрепления на рейде).

М. П. Пименов имел свои пароходы и перевозил из Рыбинска муку, из Петербурга – чай, кофе, сахар и снабжал товарами всех местных торговцев. Торговые обороты Пименова достигали 300 тыс. рублей в год.

Как подрядчик он построил три здания для казенных присутственных мест: в Пудоже, Повенце и в Петрозаводске. Весной 1858 г. принял участие в сооружении пристройки к общественной пристани.

За свой счет построил первый в губернии детский приют на берегу Лососинки, мост через реку Лососинку, каменную церковь в Шокше. Немалые средства выделил Марк Пименов на строительство Крестовоздвиженского собора (16 тыс. рублей), на нужды губернских тюрем, на уплату податей за бедных горожан.

Крупным торговцем и подрядчиком был **Г. М. Сывороткин**. Он занимался добычей огнеупорной глины, железных руд, которые шли на изготовление красок, и известняков, шедших на известь и мел. Торговал хлебом и овошенными товарами, имел озерные и речные суда, занимался подрядами по перевозке товаров и грузов, выполнял ответственные заказы Горного ведомства: перевозил грузы из Петрозаводска с Александровского завода в Кронштадт и Петербург. В ноябре 1828 г. он вместе с купцами Прохором Леонтьевым, Ильей Ногтевым, Иваном Костиным доставил в столицу чугунные детали для Театрального и Конюшенного мостов, выполненные по проекту архитектора В. И. Гесте.

Сывороткин прославился и как благотворитель: он был членом комитетов по постройке кафедрального собора, почетным блюстителем по хозяйственной части в Олонецкой духовной семинарии.

Бекренев Ефим Евстратьевич (1743–00.10.1803, СПб.), городской голова в 1794–1796 гг., был купцом 1 гильдии. Занимался промыслом ластовыми судами и подрядным строением, в частности принимал участие в строительстве каменных берегов реки Фонтанки и в постройке Казанского собора в Петербурге. По контракту вместе с братьями и подрядчиком Копыловым он заготавливал, перевозил и обрабатывал камень, занимался облицовкой здания и строительством наружных колонн. На выполнение подряда у Бекреневых было нанято 500 рабочих.

Жданов Стафей Тимофеевич (1766–3.01.1843), купец 1 гильдии, имел несколько домов, пекарню, занимался подрядами: поставлял для Александровского и Ижорского завода руду из Шокшинского, Гиморецкого, Оштинского, Мегерского, Кондушского урочищ, для Монетного двора – металл из Рыборецкого погоста, перевозил камень с острова Брусно.

А. М. Рудницкий был действительным членом Олонецкого губернского статистического комитета и он подготовил книгу «Описание путей от Петербурга к Соловецкому монастырю и до водопада Кивач» (Петрозаводск, 1888).⁹

В. Д. Лысанов писал статьи для «Олонецких губернских ведомостей», был знатоком народной культуры Заонежья, подготовил и издал книгу «Досюльная свадьба, песни, игры и танцы в Заонежье» (Петрозаводск, 1916). По поручению правления «Онежского пароходного общества», одним из основателей которого он был, Лысанов побывал в составе делегации в Великобритании, где размещал заказы на строительство пароходов. Он также выступил и как изобретатель, предложив новую конструкцию ветряного двигателя, положительно оцененную в Петербурге профессором В. Л. Кирпичевым.

Городским головам приходилось бывать на приемах и балах у губернаторов, входить в состав делегаций, в том числе по приему высоких гостей. Так, С. Т. Жданов принимал в 1819 г. императора Александра I, В. Т. Трофимов принимал в мае 1844 г. Великого князя Константина Николаевича. М. П. Пименов был приглашен на торжественный прием императора Александра Второго в дом губернатора.

Многие выезжали по разным делам в Петербург. Например, Н. Ф. Пикин участвовал в коронации Александра II в Москве. В 1858 г. император посетил Петрозаводск, и Пикин также встречал его на пристани с хлебом-солью.

И. У. Зайцев 13 февраля 1883 г. в составе делегации земских гласных (Н. Ф. Пикин, Ф. И. Богатенков и др.) был принят императором Александром III и императрицей Марией Федоровной в Гатчинской резиденции. По случаю коронации они преподнесли от земства серебряное с позолотой блюдо, солонку, икону Спасителя, серебряный лавровый венок.

В домах городских голов проживали чиновники и образованнейшие люди своего времени. В каменном доме Е. Е. Бекренева на Английской улице после того, как в результате пожара (1803 или 1804 г.) сильно пострадали восточный корпус зданий на Круглой площади и жилые комнаты жил губернатор В. Ф. Мертенс.¹⁰ В доме С. П. Северикова жил Ф. Н. Глинка (1826–1828), в доме И. Л. Скокова – П. Н. Рыбников (1864–1866).

⁹ ОГВ. 1888. № 35. 11 мая.

¹⁰ Капуста, Л. И. Круглая площадь // Улицы и площади старого Петрозаводска. Петрозаводск, 2003. С. 4.

Как следует из архивных материалов и губернской прессы, коммерческая деятельность бывших городских голов зачастую заканчивалась финансовым крахом и даже полным разорением. Так, **С. Т. Жданов** сначала выбыл в мещанство, а в 1822 г. был признан несостоятельным должником. В сентябре 1842 г. за долги заводу и частным лицам (почти 60 тыс. руб.) с молотка пошло все его имение, в т. ч. дом с мезонином на Марининской улице и дом на набережной. **С. Т. Жданов** закончил жизнь, находясь «в бедственном положении, в болезни, лишенный зрения».

А. В. Симаков (1763–8.12.1831), в 1818 г. задолжал большую сумму петербургскому купцу М. Ф. Кашеварову и братьям Ивану и Василию Костину, также занимавшим пост городского головы. Дело о взыскании долгов рассматривал городской магистрат. В 1842 г. сам **И. П. Костин** (1781–2.07.1856) попал в долги, и его имение (дом, мебель, лошадь, корова, дрожки, сани, две лавки в Гостином дворе) было выставлено на продажу, в 1854 г. он был вынужден уступить за долги свои лавки М. П. Пименову.

Тихонов Федор Иванович (1835–6.12.1906), купец 2 гильдии, личный почетный гражданин, вместе с женой, имевшей свои железо-москательные лавки в Гостином дворе, вел торговлю мануфактурой, был совладельцем спиртозавода. Всю жизнь перечислял большие средства на нужды церквей, школ. 1 сентября 1906 г. он был объявлен несостоятельным должником и заключен под стражу «в виду явных признаков злостности банкротства».

В заключение необходимо отметить, что пост городского головы занимал в должностной иерархии заметное место. Ответственность, умение отстаивать интересы города, иногда и в ущерб личным делам, жизнь на виду – это устраивало далеко не всех, кто мог претендовать на этот пост. Выбирали самых достойных и авторитетных. Однако до наших дней дошли изображения только троих городских голов: Г. Е. Пименова (благодаря «Альбому городских голов Российской империи», изданному в Санкт-Петербурге в 1903 г.), И. С. Селиверстова и Ф. И. Прохорова («Семейный портрет» карельского художника В. Н. Попова).

В. Г. Кондратьев,
*Музей истории народного образования ГОУ РК «Институт
повышения квалификации работников образования»*

Традиции воспитания и образования в поморской семье XIX – начала XX вв.

Изучение народных традиций семейного воспитания и образования становится актуальным в связи с поисками новых путей реформирования образовательной системы. Народные традиции, складывавшиеся длительный период времени и адаптированные к среде обитания народа, содержат в себе немало полезного и рационального. Не все в этих традициях может быть принято нами в современных условиях и, тем не менее, их изучение показывает нам их непреходящую ценность.

Русское население, издревле освоившее побережье Белого моря, т. е. относительно Карелии – Кемский уезд, носит название поморы. Жизнь помора в значительной степени отличалась от жизни среднерусского или даже Олонецкого крестьянина. Полею для помора было море, а ловля рыбы и добыча морского зверя – основными его занятиями. Основным и главным трудом помора был морской промысел, который формировал особые трудовые навыки и особые традиции. Как отметил Д. Н. Кузнецов: «Промысловые традиции возникли и передавались в среде мужских промысловых коллективов, которые основную часть года проводили вдали от сельского общества. Быт мужских общин на промысле – специфически поморский быт. Длительные разлуки мужчин и женщин из-за отхода первых на промыслы, опасности морских промыслов, закалявшие мужчин, отнесенная свобода и самостоятельность женщин – эти особенности способствовали с одной стороны индивидуализации личности, а с другой – сплоченности поморов в артели, в «большой семье» на берегу. В результате сформировался особый психический склад, отличающий помора от северного крестьянина-земледельца».¹ Грамотность в поморских семьях всегда была выше, прежде всего потому, что для хождения в море необходимо было хорошо ориентироваться в пространстве, знать особенности морского шельфа, что было невозможно без долгосрочных наблюдений, зафиксированных в поморских народных логиях. Как писал Б. В. Шергин, известный знаток поморского быта: «Архангельские поморы досконально изучили «мудрый обычай» своего моря».² Т. А. Бернштам пишет: «Морская деятельность вызвала к жизни потребность в грамотных людях. А постоянные контакты с официальными представителями власти и с иностранцами способствовали развитию грамотности среди значительной части мужского и даже женского населения, наблюдавшейся в XVIII веке».³ Уважение к «грамотникам» в поморской среде было общим. Одной из замечательных традиций у поморов было

¹ Кузнецов, Д. Н. Экспозиционное пространство и пространство культуры / Д. Н. Кузнецов // Краеведение и музей. – Петрозаводск, 1996. – С. 78.

² Шергин, Б. В. Повести и рассказы / Б. В. Шергин. – Л., 1984. – С. 6.

³ Бернштам, Т. А. Поморы: формирование группы и система хозяйства / Т. А. Бернштам. – Л., 1978. – С. 169.

громкое чтение грамотными для неграмотных. В «Очерках истории народного образования Кольского края», например, отмечено: «В Поморье и среди неграмотных было много любителей чтения. Существовал даже обычай собираться для слушания – грамотный читал книгу, а остальные внимательно слушали, заинтересованно обсуждали чтение».⁴

Своеобразным было и воспитание детей в традиционных больших поморских семьях. И, прежде, всего, обратим внимание на важный момент, характерный как и в целом для крестьянской семьи, так и для семьи поморской в частности, – т. е. на то, что сами по себе дети представляли значительную ценность, с одной стороны, обеспечивая непрерывность рода, с другой – его способность к улучшению благосостояния: «Для крестьянской семьи дети были не столько «радостью», сколько «необходимостью». Бездетных супругов в старости ждала нужда и нищета».⁵ В своей статье, посвящённой народной педагогике поморов, Т. С. Буторина отмечает: «Народные воспитательные традиции Поморья складывались и сохранялись в семье, поддерживались коллективным общественным мнением».⁶ Она выделяет в своей работе следующие характерные черты поморской семьи:

- взаимная уважительность;
- молчаливое послушание и подчинение детей воле родителей;
- особое отношение взрослых и детей к женщине;
- трудолюбие;
- доброе отношение друг к другу, справедливость, коллективизм.

Перечислив вышеназванные черты, Т. С. Буторина отмечает, что главным во взаимоотношениях в поморской семье было **честное отношение к труду**.⁷ Конкретизируя свою мысль в другой своей работе, Т. С. Буторина пишет: «Основой нравственного воспитания детей в семье являлось формирование трудолюбия. У всех поморов был развит общий интерес к делу, которое их кормило. Отец и мать руководили трудом членов семьи равноправно. Подчинение им было беспрекословным».⁸ Знаток и исследователь поморского быта К. П. Гемп, говоря о характере отношений в поморской семье, справедливо отмечает: «Поморская семья – своеобразный мир, отличала его взаимная уважительность всех его членов».⁹ Формирование этого русского субэтноса происходило при значительном участии финно-угорского элемента. При этом отмечают и общие ценности в культуре русских и финно-угров, значительное взаимовлияние двух культур, в частности: «Трудолюбие занимало одно из центральных мест в системе человеческих ценностей и финно-угорских народов, рассматривалось как добродетель, во многом обеспечивающая благополучие дальнейшей судьбы».¹⁰ Проживание в одинаковых тяжелых северных условиях и являлось причиной формирования сходных ценностей.

Касаясь одной из важнейших ценностей народной педагогики, О. А. Платонов пишет: «Трудолюбие, желание старательно и добросовестно работать всегда были главным народным идеалом, определяющим жизнеспособность народа».¹¹ Добывание хлеба насущного на Севере было сопряжено с огромными усилиями, что объяснялось тяжелыми, порой экстремальными природными условиями. Естественно, что выживание в экстремальных условиях суровой северной природы требовало от каждого помора максимально добросовестного отношения к труду, так как от этого зависело не только его благополучие, но и сама жизнь. При этом он осознавал, что его труд является важной составляющей для всего промыслового коллектива. О. А. Платонов отмечает: «Обучение трудовым навыкам, совершенствование мастерства осуществлялось с одной стороны в семье крестьян и ремесленников, а с другой – в общине и артели, непрерывно, в течение всей жизни».¹² Одной из особенностей труда помора, как и труда крестьянского, была определенная цикличность деятельности в течение года. Д. Н. Кузнецов отметил: «Этнокультурное пространство поморской культуры представляется серией культурных локусов, нанизанных на ось пути-дороги: «домашний берег» – «море» – «промысловый берег». Вокруг промыслового пути сосредотачивается вся жизнедеятельность поморов, повторяется из года в год особым ритмом уходов на промыслы и возвращений домой».¹³ Поэтому следует отметить, что при всем существенном отличии жизненного уклада поморов вполне корректным в отношении этой специфической группы населения может быть замечание С. К. Бондыревой в отношении традиционности сельской жизни: «Традиционность сельской жизни вырастает из необходимости и стремления сельских жителей решать жизненные, про-

⁴ Дранников, В. В. Очерки истории народного образования Кольского края / В. В. Дранников, В. А. Манухин, Е. Ф. Дудалова. – Мурманск, 2001. – С. 12–13.

⁵ Федоров, В. А. Мать и дитя в русской древне (конец XIX – начало XX вв.) / В. А. Федоров // Вестник Московского государственного университета. – Серия 8. «История». – 1994. – № 4. – С. 15.

⁶ Буторина, Т. А. Своеобразие народной педагогики поморцев / Т. А. Буторина // Советская педагогика. – 1989. – № 7. – С. 113.

⁷ Там же. С. 113.

⁸ Буторина, Т. С. Ломоносовский период в истории русской педагогической мысли XVIII века / Т. А. Буторина. – М. ; Архангельск. – 2005. – С. 121.

⁹ Гемп, К. А. Сказ о Беломорье / К. А. Гемп. – Архангельск, 1983. – С. 49.

¹⁰ Горб, Д. А. Трудовое воспитание у прибалтийско-финских народов Северо-Запада СССР / Д. А. Горб, М. Л. Засецкая // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. – Л., 1991. – С. 14.

¹¹ Платонов, О. А. Русский труд / О. А. Платонов. – М., 1991. – С. 9.

¹² Платонов. С. 17.

¹³ Кузнецов, Д. Н. Указ соч. С. 81.

изводственные проблемы хорошо проверенными, надежными способами».¹⁴ Труд помора на его «поле» – морском промысле и не мог быть иным, как только коллективным, артельным. Взаимовыручка, взаимозаменяемость были необходимы. Для того чтобы трудиться и просто выжить в экстремальных условиях, чтобы перенять опыт, накопленный предками в многочисленных народных логиях, «уставах» и т. п. необходимо было владеть грамотой. Дети поморов зачастую обучались грамоте в семье. М. М. Громыко отмечает: «Устойчивые традиции крестьянской письменности и книжности существовали в XVIII веке на Русском Севере – в бассейнах Печоры, Мезени, Северной Двины, Пинеги».¹⁵

Позволим себе привести несколько строк из воспоминаний известного писателя Б. В. Шергина: «Я постарше стал, меня дома читать и писать учили. Отец рисовать был мастер и написал мне азбуку, целую книжку. В азбуке опять корабли и пароходы, и рыбы, и птицы – всё разрисовано красками и золотом. К азбуке укалочка была костяная, резная. Грамоте больше учила мама. Букву А называла «аз», Б – «буки». В – «веди», Г – «глаголь», Д – «добро». Чтоб я скорее запомнил, шутя говорила, что начертанья А и Б похожи на жучков. Буква В – будто таракан, Г – крюк».¹⁶ Уважение к книге, к печатному слову воспитывалось в поморских семьях с раннего возраста.

Как правило, в поморской семье родители становились первыми наставниками детей. Т. А. Соловьева отмечает: «Традиционная форма общения, сложившаяся в поморской народной педагогике – это как раз совместная деятельность ребенка и взрослого с самого раннего возраста».¹⁷ Ребенок с раннего детства включался в жизнь семьи, общины. Он сразу становился частью и активным членом традиционного общества. Как отметила Г. В. Насонова: «В русской крестьянской общине ребенок приобщался к взрослым знаниям и правилам общежития постепенно через включение в обрядовую и повседневную жизнь, начиная с рождения, с момента наречения имени».¹⁸ Обязанностью матери было обучение девочек ведению хозяйства и рукоделию. Отецставлял мальчиков в способах и умениях, необходимых будущему рыбаку и добытчику морского зверя. Роль матери и отца в воспитании различна. Каждый из них осуществляет в воспитании детей свои определенные функции: «Отец задает форму семейному бытию, определяет роль и функции в общепринятом миропорядке. Мать следит за исполнением этой формы, осуществляет ее поддержку, наполняет ее эмоциональным содержанием».¹⁹ В целом женщина занимала в поморской семье более достойное положение, нежели в других регионах России. К. П. Гемп отмечает: «Женщины и девушки Беломорья в решении хозяйственных и бытовых дел были самостоятельнее, чем женщины в других регионах дореволюционной России».²⁰ Т. А. Бернштам даёт необходимые пояснения по этому поводу: «Промысловый характер занятий местных жителей, участие девушек и женщин в ряде промыслов наряду с мужчинами на паях, а иногда и самостоятельно – в прибрежном подледном лове на Поморском берегу, в весенних и летних – повсеместно, замещение женщинами ряда мужских должностей в сельской администрации (старост, десятских, почтальонов, гребцов и т. д.) во время отхода мужчин на дальние промыслы, особая роль старообрядок-наставниц – всё это создавало условия для относительно равноправия обоих полов или во всяком случае более уважительного отношения, чем в земледельческих районах, к женщине».²¹

Немаловажным было бы определить основные ценности, принятые в поморской среде, основополагающие идеи в образовательных традициях Поморья. Круг этих идей выделила в своей монографии Т. С. Буторина:

1. идея о ценности человека, в том числе другой национальности;
2. идея о ценности семьи;
3. идея о ценности труда;
4. идея о ценности нравственности;
5. идея о ценности знания;
6. идея о ценности женщины, ее предназначения в нравственности общества и семьи, о гуманном отношении к ней и глубоком уважении».²²

Идеи, идеалы, ценности есть понятия, соотносимые, прежде всего, с нравственностью, духовностью. И. Д. Митина отмечает: «Духовность человека опирается на определенные идеалы. Нет духовности как таковой, самой по себе. Она имеет свои идеальные основы, опирается на них и в тоже время сама является идеальной основой. Все воспитание личности, сама личность опирается на определенный идеал».²³ К традиционным

¹⁴ Бондырева, С. К. Традиции. Стабильность и преемственность в жизни общества / С. К. Бондырева, С. В. Колесов. – М. ; Воронеж, 2004. – С. 256.

¹⁵ Громыко, М. М. Мир русской деревни / М. М. Громыко. – М., 1991. – С. 277.

¹⁶ Шергин, Б. В. Указ. соч. С. 34–35.

¹⁷ Соловьева, Т. А. Поморская народная педагогика о развитии воображения ребенка / Т. А. Соловьева // Народная культура Русского Севера. Живая традиция. – Архангельск, 1998. – С. 121.

¹⁸ Насонова, Г. В. Ребенок и русская традиционная культура / Г. В. Насонова // Народная культура Русского Севера. Живая традиция. – Архангельск, 1998. – С. 63.

¹⁹ Некрылов, А. Ф. Роль отца в традиционной народной педагогике / А. Ф. Некрылов, В. В. Головин // Мир детства и традиционная культура. – М., 1995. – С. 13.

²⁰ Гемп, К. А. Указ. соч. С. 54.

²¹ Бернштам, Т. А. Русская народная культура Поморья / Т. А. Бернштам. – Л., 1983. – С. 105.

²² Буторина, Т. С. Педагогическая регионология. Научная школа / Т. С. Буторина. – Архангельск, 2006. – С. 136–139.

²³ Митина, Г. А. Социокультурные парадигмы... С. 195.

ценностям следовало приобщить ребенка с раннего детства, дабы обеспечить дальнейшее выживание рода: «Крестьяне отдавали себе отчет (и специально акцентировали это) в том, что ребенок осуществляет связь поколений и, стало быть, поддерживает непрерывность семьи, рода».²⁴

Цена знание, поморы использовали любые возможности для его приобретения. Одной из возможностей получить образование заключалась для детей поморов в обучении в стенах Соловецкого монастыря. Поморы охотно отдавали детей в «трудники», это была возможность и прокормиться, и получить полезные знания в стенах монастыря. Следует обратить внимание на важную роль Соловецкого монастыря как крупного образовательного центра на протяжении длительного периода. Любопытно то, что монахи обучали так называемых «трудников», т. е. подростков, отдаваемых в монастырь для работы и учения, не только грамоте, но и многим ремёслам. В. П. Столяров отметил: «В трёхклассном училище они осваивали основы грамоты, арифметики, истории, Закона Божия, обучались пению. Параллельно в особых трудовых школах дети осваивали основы ремёсел, выбирая специальность по желанию и способностям. Существовали косторезная, иконописная, сетная и прядильная, каменотесная, слесарная, малярная, бондарная, переплетная, портная, чеботарная школы».²⁵

Программа монастырской школы, а в особенности обучение ремёслам, игравшим немаловажную роль в поморском быту, были привлекательны для местного населения. Отданный в школу подросток получал здесь необходимые трудовые навыки. Следует также отметить, что к обучению в монастыре допускались все желающие. Важным представляется и то, что обучение в монастырских школах было бесплатным. Сочетание получения книжных знаний, высоко ценившихся в поморской среде, с приобретением профессиональных навыков давало возможность подростку занять достойное положение.

Особенностью развития образования в Кемском уезде было широкое участие Дирекции народных училищ и духовного ведомства в создании школьной сети (здесь отсутствовала земская школа). Следует признать, что кроме православной церкви до середины XIX века существенную роль в распространении грамотности продолжали играть старообрядцы, крупнейший центр которых, Даниловская (Выголексинская) пустынь, находился вблизи. И среди самих поморов старообрядчество было достаточно широко представлено. Т. А. Бернштам указала: «...прибегая к старообрядчеству, поморы выражали в этой приверженности оппозицию по отношению к официальной церкви и государству, их вмешательству в свободную и независимую в духовном отношении жизнь поморского населения. Кроме того, устав старообрядцев импонировал традиции патриархальной «большой семьи» и в то же время удовлетворял их потребность в грамотности».²⁶ Здесь уместно также напомнить о том, что и старообрядцы в своих школах существенное внимание уделяли обучению ремёслам.

Таким образом, мы видим, что традиции домашнего воспитания и обучения грамоте с одной стороны и близость образовательных центров (Архангельск, Соловки, Выголексинская пустынь) с другой способствовали более широкому распространению грамотности среди поморов. Вместе с тем народная педагогика включает в себя не только и не столько обучение грамотности, но с самого раннего периода развития ребенка служит для приобщения его к традиционным ценностям. Традиции книжной премудрости в поморских семьях, связанные в то же время и с необходимостью приобретения знаний о морской навигации, без которых немислима жизнь помора, совмещались в поморской семье и с традициями устного народного творчества, передачей из поколения в поколение сказок, песен, преданий, былин (называемых на Русском Севере «старинами»), обычаев и обрядов, связанных с народным календарем. В работе В. М. Кларина и В. М. Петрова отмечается: «Народная педагогическая мудрость получила отражение в пословицах, сказках, песнях, праздниках и знаменательных днях народно-православного календаря».²⁷ В полной мере это относится и к поморской народной педагогике. Устное слово, народная мудрость, предание, песня, с раннего детства сопутствующие ребенку в поморской семье, помогали юному помору обрести жизненные ориентиры, усвоить ценности, наиболее чтимые в поморской среде. Роль фольклора в воспитании молодого поколения, в приобщении его к традициям велика и ее трудно переоценить. Как отметила О. П. Илюха: «Созданные народом идеальные фольклорные образы дают представление о тех ценностных свойствах личности, на формирование которых и было направлено воспитание в крестьянской семье».²⁸ Из детей, приученных с детства к любви к народному слову, вырастали подлинники его мастера, такие как Борис Шергин, Степан Писахов, Матвей Коргуев и другие. Все их творчество пронизано любовью к родному слову, к родной поморской стороне. Б. Шергин так писал о поморском детстве: «А в нашей стране – вода начало и вода конец. Воды рождают и воды погребают. Море поит и кормит... А с морем кто свестен? Не по земле ходим, но по глубине морской. И обща судьба всем. Ростит себе отец с матерью сына – при жизни на потеху, при старости на замену, а сверстные принимаем его в совет и дружбу, живем с ним дума в думу. А придет пора, и он в море путь себе замыслит велик».²⁹ Море, бескрайняя водная гладь, море – поморское поле, главный кормилец, оно – источник жизни и, в бурю, смертельно опасный

²⁴ Некрылов А. Ф., Головин В. В. Указ. соч. С. 9.

²⁵ Столяров, В. П. Соловецкий монастырь как образовательная система / В. П. Столяров // Психологические науки и образование. – 1997. – № 1. – С. 100.

²⁶ Бернштам, Т. А. Поморы: формирование группы... С. 169.

²⁷ Кларин, В. М. Идеалы и пути воспитания в творениях русских религиозных философов 19–20 вв. / В. М. Кларин, В. М. Петров. – М., 1996. – С. 24.

²⁸ Илюха, О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века / Илюха О. П. – СПб., 2007. – С. 71.

²⁹ Шергин, Б. В. Указ. соч. С. 19.

противник. Спасение от гибели на водах – одна из главных тем народного творчества, основная тема подвигов, почитаемых на Севере святых. В многочисленных поговорках – благодарение морю – жизни подателю («Море – богаче земли», «Море наше поле – даст Бог рыбу – даст Бог и хлеб», «Не с поля ждем, а с моря» и др.). Г. Н. Волков отмечает: «Народная педагогика, народное воспитание, народная мудрость, традиционная педагогическая культура составляют мощный пласт человеческой деятельности, знаний и культуры».³⁰ В традиционной народной педагогике большая роль отводилась игре. Игра была одной из форм приобщения ребенка к взрослой жизни. В игре проигрывались те роли, которые предстояло сыграть ребенку во взрослой жизни. В свою очередь и сами игрушки, используемые при игре, служили воспитательным целям. Т. А. Соловьева отметила: «Игрушки менялись по мере того, как подрастал ребенок. Их было немного (мячи, кубари, волчки, дудки, свистульки, куклы-панки, тележки, игровой инструментарий). Малое количество игрушек должно было стимулировать развитие воображения. В опыте поморских воспитателей существовал большой набор приемов, которые развивали у ребенка умение обыгрывать предмет. Каждая игрушка являлась импульсом к действию, требовала живого участия. Чисто созерцательных игрушек не было. Игрушка никогда не была завершена до такой степени, чтобы с ней нечего было делать».³¹ Игра, игрушка преследовали важные воспитательные цели: развитие воображения ребенка, готовя его к нестандартным ситуациям во взрослой жизни, полной опасностей и тревог, к жизни, достаточно ритуализированной и регламентированной особенностями годового цикла работ, давали представление об окружающей природе и природных материалах, традиционно используемых для изготовления самых необходимых в быту предметов. Т. Е. Карпова отметила: «...кукла, как и другие игрушки, пластичный и многогранный инструмент народной педагогики, позволяющий с первых дней ввести ребенка в осязательное соприкосновение с природой при помощи натуральных материалов (дерева, глины, соломы, ткани). Она художественно объясняет простую мудрость мироустройства, вводит в ежегодно повторяющийся календарный цикл и в важнейшие фазы человеческой жизни, издавна связанные с обрядом».³² Роль игрушки в воспитании ребенка, в становлении его как личности, включенной в жизнь социума значительна. Аспекты воздействия игрушки на ребенка разнообразны. И. М. Митюгина выделяет четыре основных аспекта: этический, эстетический, социальный и аспект воздействия на все основные уровни ощущений.³³ Куклы и другие игрушки, игры готовили детей ко взрослой роли: девочку – хозяйки, матери, жены, мальчика – хозяина, отца, мужа, заступника. Девочки рано начинали помогать матери по хозяйству, участвовать в полевых работах, нянчить младших. Мальчики – в раннем возрасте также помогали матери, а подростками, вместе со старшими выходили на промысел «зуйками». Раннее приобщение к труду помогало ребенку в дальнейшей многотрудной жизни в суровых природных условиях. Крестьянская и, в частности, поморская семья через труд, через постепенное, в соответствии с возрастом включение детей в трудовой процесс семьи и общины в целом достигала важного результата – укрепления межпоколенческой связи: «Передача навыков от поколения к поколению, обуславливалась широким участием детей в жизни взрослых».³⁴ Решая все более усложняющиеся задачи, ребенок сначала через игру и игрушку, затем через простые домашние поручения и наконец через посильное участие во взрослом труде приобщался к трудовому процессу, к участию в жизни семьи, артели. О. Д. Квашнина отметила: «Очень важно научить детей преодолевать трудности. Те или иные жизненные ситуации требуют не только послушания, но и активности и трудолюбия, без чего невозможно говорить о достоинствах и чести человека».³⁵

Выделив основные черты поморской семьи, основные идеи, заложенные в поморской народной педагогике, определим главную цель воспитания в поморской семье, которая заключается в конечной реализации социально-биологических функций – воспитать будущую жену, хозяйку, мать, женщину; хозяина, отца, защитника, кормильца, главу семьи. Все эти качества необходимы для сохранения крепкой семьи как главной ценности и главного результата процесса воспитания. Г. Н. Волков по этому поводу, характеризуя народную педагогику как феномен, пишет: «... в народной педагогике известен предельно высокий уровень сложности содержания, целей и процесса воспитания: дети постигают очень серьезные нравственные идеи».³⁶ Все, заложенное воспитанием в семье, на раннем этапе развития ребенка, сохраняется в нем на долгие годы, помогает его социализации в обществе. А. А. Пономарева отметила: «То, что ребенок в детские годы приобретает в семье, он сохраняет в течение всей последующей жизни. Важность семьи как института воспитания обусловлена тем, что в ней ребенок находится в течение значительной части своей жизни, и по длительности воздействия на личность

³⁰ Волков, Г. Н. Вечность воспитания / Г. Н. Волков // Народное образование. – 1994. – № 4. – С. 68.

³¹ Соловьева, Т. А. Указ. соч. С. 121.

³² Карпова, Т. А. Воспитательное значение куклы в традиционной культуре Архангельской области / Т. А. Карпова // Народная культура Русского Севера. Живая традиция. – Архангельск, 1998. – С. 126.

³³ Митюгина, И. М. Формирование этнического сознания ребенка младшего школьного возраста посредством народной игрушки / И. М. Митюгина // Толерантность – искусство жить вместе. – Петрозаводск, 2008. – С. 83.

³⁴ Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Ф. Арьес. – Екатеринбург, 1999. – С. 307.

³⁵ Квашнина, О. Д. Семейное воспитание в России (развитие идей от Древней Руси до начала XX века) / О. Д. Квашнина // Семья в России. – 1994. – № 2. – С. 70.

³⁶ Волков, Г. Н. Вечность... С. 69.

ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей».³⁷ Таким образом, следует сделать основной вывод, что семейное воспитание составляло ядро поморской педагогической системы. Именно семья готовила будущего помора к исполнению сложных социальных ролей, которые предстояло ему сыграть во взрослом обществе, чаще всего именно в семье начиналось (а нередко и заканчивалось) приобщение к грамоте и к основным духовным ценностям. Традиционное у поморов уважение к грамотности и книге способствовали тому, что поморы среди различных групп населения России были одной из самых грамотных. Охарактеризовав в этой работе главные идеи поморской народной педагогики, убеждаемся в том, что эти идеи имеют непреходящее значение. Таким образом, изучение народных традиций Поморья, семейной поморской педагогики, использование самого ценного, что накоплено народной педагогической традицией, позволяют сделать вывод, что эта традиция, адаптированная к суровым условиям жизни на Русском Севере в основе своей гуманистична, а, освоив ее ценности, мы приобщаемся и к общечеловеческим ценностям. Исследователи национальных традиций в области педагогики обращают внимание на общую черту, характерную для народных традиций разных народов, проживающих в различных регионах России, ее гуманистичность. Р. И. Шаяхматова отметила: «Истоки педагогической концепции гуманизма, нравственности лежат в народных воспитательных обычаях, традициях».³⁸ Эту же черту народной педагогики подметил и Г. Б. Корнетов: «В русской народной педагогике со всей определенностью был осознан главный принцип гуманистической педагогики – залог успешного воспитания во взаимной любви».³⁹ В самой традиции заложен значительный воспитательный потенциал. В современных условиях для нас становится важным обращение к историческому опыту, в том числе к опыту семейного воспитания. Поморская традиция предполагает: уважение к семейным ценностям, признание права за другими иметь свои представления о жизни (в частности о воспитании), формирование уважительного отношения к старшим, к женщине, к труду, к учености, в конечном счете – воспитание отца как защитника и опоры семьи и матери как хозяйки, берегини, равноправного участника воспитательного процесса в семье.

Литература

1. **Арьес, Ф.** Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Ф. Арьес. – Екатеринбург, 1999.
2. **Бернштам, Т. А.** Поморы: формирование группы и система хозяйства / Т. А. Бернштам. – Л. : Наука, 1978.
3. **Бернштам, Т. А.** Русская народная культура / Т. А. Бернштам // Поморы в XIX – начале XX века. – Л. : Наука, 1983.
4. **Бондырева, С. К.** Традиции. Стабильность и преемственность в жизни общества / С. К. Бондырева, С. В. Колесов. – М. ; Воронеж, 2004.
5. **Буторина, Т. С.** Ломоносовский период в истории русской педагогической мысли XVIII в. / Т. С. Буторина. – М. ; Архангельск, 2005.
6. **Буторина, Т. С.** Педагогическая регионология. Научная школа / Т. С. Буторина. – Архангельск, 2006.
7. **Буторина, Т. С.** Своеобразие народной педагогики поморцев / Т. С. Буторина // Советская педагогика. – 1989. – № 10. – С. 111–116.
8. **Волков, Г. Н.** Вечность воспитания / Г. Н. Волков // Народное образование. – 1994. – № 4. – С. 68–71.
9. **Волков, Г. Н.** Неотъемлемая часть народной культуры / Г. Н. Волков // Советская педагогика. – 1989. – № 7. – С. 98–103.
10. **Гемп, К. А.** Сказ о Беломорье / К. А. Гемп. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983.
11. **Горб, Д. А.** Трудовое воспитание у прибалтийско-финских народов Северо-Запада СССР / Д. А. Горб, М. Л. Засецкая // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. – Ч. 1. – Л., 1991. – С. 6–17.
12. **Громыко, М. М.** Мир русской деревни / М. М. Громыко. – М., 1991.
13. **Дранишников, В. В.** Очерки истории народного образования Кольского края / В. В. Дранишников, В. П. Манухин, Е. Ф. Дудакова. – Мурманск, 2000.
14. **Илюха, О. П.** Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века / О. П. Илюха. – СПб., 2007.

³⁷ Пономарева, А. А. Становление системы гендерного женского образования в России в период с конца XVII до начала XX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / А. А. Пономарева. – Екатеринбург, 2006. – С. 35.

³⁸ Шаяхматова, Р. И. Религиозно-культурологический традиции как средство воспитания младших школьников: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Р. И. Шаяхматова. – Казань, 2003. – М.РГБ. – 2003. – (Электронный ресурс). – 206 с.

³⁹ Корнетов, Г. Б. Гуманистическое образование: традиции и перспективы / Г. Б. Корнетов. – М., 1993. – С. 76.

15. **Илюха, О. П.** Школа и просвещение в Беломорской Карелии во второй половине XIX – начале XX в. / О. П. Илюха. – Петрозаводск, 2002.
16. **Кавашкина, О. Д.** Семейное воспитание в России (развитие идей от Древней Руси до начала XX века) / О. Д. Кавашкина // Семья в России. – 1994. – № 2. – С. 69–80.
17. **Квашнина, Л. Н.** Образование и религиозно-нравственное воспитание на Архангельском Севере в XVIII–XIX вв. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Л. Н. Квашнина. – Петрозаводск, 1999.
18. **Кларин, В. М.** Идеалы и пути воспитания в творениях русских религиозных философов 19–20 вв. / В. М. Кларин, В. М. Петров. – М., 1996.
19. **Корнетов, Г. Б.** Гуманистическое образование: традиции и перспективы / Г. Б. Корнетов. – М., 1993.
20. **Кузнецов, Д. Н.** Экспозиционное пространство и пространство культуры: проблемы моделирования / Д. Н. Кузнецов // Краеведение и музей. – Петрозаводск, 1996. – С. 75–83.
21. **Митина, Г. А.** Социокультурные парадигмы образовательной деятельности в общественно политической мысли России конца XIX – начала XX веков / Г. А. Митина. – Ульяновск, 2004. – 263 с.
22. **Митюгина, И. М.** Формирование этнического самосознания ребенка младшего школьного возраста посредством народной игрушки / И. М. Митюгина // Толерантность – искусство жить вместе. – Петрозаводск, 2008. – С. 80–84.
23. **Насонова, Г. В.** Ребенок и русская традиционная культура / Г. В. Насонова // Народная культура Русского Севера. Живая традиция. – Архангельск, 1998. – С. 63–65.
24. **Некрылов, А. Ф.** Роль отца в традиционной народной педагогике / А. Ф. Некрылов, В. В. Головин // Мир детства и традиционная культура. – М., 1995. – С. 7–26.
25. **Пономарева, А. А.** Становление системы гендерного женского образования с конца XVII до начала XX века : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / А. А. Пономарева. – Екатеринбург, 2006.
26. **Соловьева, Т. А.** Поморская народная педагогика о развитии воображения ребенка / Т. А. Соловьева // Народная культура Русского Севера. Живая традиция. – Архангельск, 1998. – С. 121–122.
27. **Столяров, В. П.** Соловецкий монастырь как образовательная система / В. П. Столяров // Психологическая наука и образование. – 1997. – № 1. – С. 99–102.
28. **Федоров, В. А.** Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX в.) / В. А. Федоров // Вестник Московского государственного университета. Серия «История». – 1994. – № 4. – С. 3–22.
29. **Шаяхмятова, Р. И.** Религиозно-культурологический традиции как средство воспитания младших школьников : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Р. И. Шаяхмятова. – Казань, 2003. – М.РГБ. – 2003 (Электронный ресурс). – 206 с.
30. **Шергин, Б. В.** Повести и рассказы / Б. В. Шергин. – Л. : Лениздат, 1984.

*О. И. Кулагин,
Петрозаводский государственный университет*

Польская политическая ссылка в Олонецкой губернии в 1860–1870-х гг.

Проблема сосуществования различных этносов в рамках единого государства всегда являлась и является для России максимально важной и актуальной. Очевидно, что именно с появлением такого полиэтнического образования, как Российская империя, национальный фактор в контексте определенного противопоставления «имперского центра» и «окраинных колоний» стал играть определяющую роль во внутренней политике государства.

После разделов Речи Посполитой и эпохи наполеоновских войн поляки составили часть населения трех европейских монархий. С конца XVIII века польский вопрос превратился в одну из наиболее сложных проблем европейской политики в целом и российской внутренней политики в частности. Польские земли в рамках российской государственности занимали особое место. Внутренняя политика империи во многом определялась отношением к населению бывшей Речи Посполитой. Польские восстания начала 1830-х и 1860-х годов стали вехами в национальной политике правительства. Подавление массовых выступлений вызвало к жизни особое явление в политической, социальной и культурной жизни российской провинции – польскую политическую ссылку.

Исследование политической ссылки необходимо для реконструкции провинциальной истории и прошлого государства в целом. Во многих регионах, ранее являвшихся местами ссылки, таких как Сибирь, Урал, Повол-

жье, политические ссылки составляют одну из важнейших частей исторического наследия. Без учета данной этносоциальной группы невозможна историческая память. Политические ссылки представляли собой отдельный элемент в структуре населения российской провинции. Являясь носителями особого индивидуального и коллективного сознания, они оказывали немалое влияние на менталитет той социальной среды, частью которой становились в ссылке. Подавление восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском и западных губерниях вызвало приток большого количества ссыльных в различные регионы империи. Но этот процесс имел и другую сторону: он способствовал взаимному развитию разных культур. Объектом настоящего исследования является польская политическая ссылка 1860–1880-х годов. Под польской политической ссылкой понимается принудительное удаление государственной властью России официально признанных общественно опасными жителей Царства Польского и Западного края в отдаленные местности и на окраины государства для пожизненного или временного там пребывания.

Олонецкая губерния также стала местом политической ссылки для участников польского восстания 1863–1864 гг. и им сочувствующих. Исследование архивных документов позволяет сделать ряд выводов о механизме функционирования, структуре и эволюции общих характеристик ссылки на протяжении 1860–1870-х гг. в контексте развития российского государства и общества.

Судя по документам, в основной своей массе польские ссылки попадали в Олонецкую губернию в 1864 году. Чаще всего местом ссылки становились Петрозаводск, Олонец, Пудож, Повенец, Каргаполь, Вытегра, Лодейное Поле. Основной контингент ссылаемых был весьма разнообразен. Ими могли оказаться ксендзы (церковные служители), дворяне, мещане, бывшие офицеры польской армии. К примеру, исходя из данных краткой ведомости Олонецкого уездного исправника о лицах, состоящих под надзором полиции по политическим делам, в январе 1866 года в Олонце находилось 64 польских политических ссыльных. Среди них числилось: 46 из дворянского сословия, 2 ксендза, 6 бывших чиновников и 10 относились к прочим социальным группам. Среди них – 25 дети.¹ В тот же период времени в г. Пудоже находилось под надзором полиции 36 поляков. Из них: 3 ксендза, 14 дворян, 6 бывших чиновников, 3 мещанина, 2 лишенных прав состояний, 1 отставной корнет, 1 бывший студент, 3 относились к другим категориям.²

География того, откуда родом были политические ссылки также весьма разнообразна: Люблинская, Виленская. Гродненская. Киевская, Волынская, Подольская, Витебская, Могилевская, Минская губернии.

Отчеты и рапорты уездных исправников на имя Олонецкого губернатора раскрывают перед нами иной раз весьма мрачную картину жизни польских политических ссыльных в Олонецкой губернии. Главной проблемой для сосланных было их бедственное, а подчас и полунищенское положение в незнакомом краю. В случае, если сосланный не мог себя содержать в ссылке за свой счет, чаще всего с доходов имения, казной назначалось денежное содержание: 15 копеек в сутки на проживание и 1 рубль 50 копеек в месяц для оплаты снимаемого жилья. Такой объем содержания при существовавших тогда в Олонецкой губернии ценах фактически принуждал сосланных к постоянным просьбам на имя олонецкого губернатора о дополнительном денежном вспомоществовании. Не всегда, впрочем, эти прошения удовлетворялись в силу отсутствия соответствующих законов и наличия подчас соответствующих инструкций от вышестоящих учреждений, буквы которых неуклонно держались чиновники Олонецкой губернии. К примеру, в ответ на коллективное прошение состоящих под надзором полиции в г. Каргаполе поляков об увеличении им содержания по примеру других губерний в связи с ростом цен на продовольственные товары в феврале 1866 г., олонецкий губернатор ответил отказом, ссылаясь на то, что еще в 1865 г. Министр Внутренних Дел подобные ходатайства отклонил и, в свою очередь, губернатор, мотивируя свое решение, нашел «...вовсе неудобным входить вновь с представлением по сему предмету...».³

Бедственность положения ссыльных отягощалась еще и тем, что для них по различным причинам фактически отсутствовала возможность собственным трудом или службой поправить свое материальное положение. Причиной могла быть невозможность работать в силу болезней, развитие которых лишь провоцировалось влиянием сурового северного климата непривычных к нему жителей южных областей. Ярким свидетельством такого положения вещей является судьба дворянина Ковенской губернии Киприана Пушко, сосланного в Олонецкую губернию в июле 1863 году, который долгое время страдал размягчением спинного мозга, частичным параличом нижних конечностей и в конце концов умер в пудожской земской больнице в августе 1868 года.⁴

Также непросто складывалась, к примеру, и судьба сосланной под надзор полиции в г. Повенец дворянки Доминики Кондрацкой 25 лет от роду, прибывшей из Подольской губернии в июне 1866 г. Уже в самом первом своем прошении на имя Олонецкого губернатора от 13 июня 1866 г. она просит оставить ее на жительство в г. Петрозаводске, так как именно здесь она «...могла бы своими трудами снискивать себе пропитание и содержание по званию своему...».⁵ Эта просьба была отклонена. В другом прошении на имя губернатора от 1 марта 1868 г. Кондрацкая указывает на то, что под влиянием местного климата ее здоровье окончательно было расшатано и ей неоднократно приходилось обращаться к помощи доктора. Один раз над ней даже был

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 1. Оп. 10. Д. 19/6. Л. 3–5.

² НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 19/6. Л. 6–7.

³ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 19/6. Л. 17–18.

⁴ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 16/6. Л. 75.

⁵ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 18/18. Л. 18.

проведен обряд соборования, что говорит о том, что в результате своих часто повторяющихся припадков она была близка к смерти.⁶ Положение женщины стало еще более тяжелым с рождением ребенка. Прошение ее к губернатору от 3 июля 1869 г. о выделении помимо 6 рублей казенного вспомоществования дополнительных денежных средств для содержания семимесячной дочки было отклонено по причине того, что ребенок был рожден вне брака. Любопытно, что Кондрацкая в своих прошениях постоянно указывает на то, что она сама и ее ребенок являются православного вероисповедания, но это обстоятельство никоим образом не облегчило судьбу несчастной. 1 августа 1869 г. девочка, нареченная Еленой, умерла. Последнее прошение на имя губернатора было написано Кондрацкой 22 сентября 1871 г. В нем она пыталась последний раз доказать властям неосознанность того проступка, который повлек за собой наказание и ссылку. Указывая также на свою тяжелую болезнь, которая фактически поставила женщину на край могилы, Кондрацкая просит губернатора о последней милости – высочайшем ходатайстве о возвращении на родину в Подольскую губернию для попечения среди родных, но и в этом ей было отказано. Через месяц, 25 октября 1871 г., она умирает в Петрозаводской земской больнице от легочной и горловой чахотки.

Сложность в нахождении работы также была связана с трудностями в контакте с местным населением. К примеру, из прошения на имя олонекского губернатора от дворянина Ковенской губернии Владислава Загорского следует, что найти какую-либо службу в г. Каргаполе не представлялось возможным в силу «недоверчивости здешних жителей».⁷ Примерно такая же картина наблюдалась и в г. Пудожье. В частности, в рапорте пудожского исправника от 5 февраля 1865 г. есть информация о польском ссыльном Йозефе Гнетке, который ни к каким работам, которые могли бы его пропитать, не способен, «...да и самих работ в г. Пудожье не имеется, потому что местные жители исполняют сами таковые...».⁸ А из рапорта повенецкого уездного исправника, в частности, следует, что польский политический ссыльный дворянин Марцелий Голецкий, оказавшись в крайне бедственном положении вследствие отсутствия пособия от правительства, вынужден был прибегать к помощи других высланных в Повенец поляков.⁹

При этом характерно, что даже попав в незнакомую для себя этносоциальную среду и будучи поставленными в весьма сложные материальные условия, некоторые польские ссыльные по разному относились к возможности своим трудом улучшить свое положение. К примеру, из рапорта каргапольского уездного исправника губернатору от 10 августа 1864 г. следует, что двое поляков – Август Фубель и Кароль Фрейнд, прибыв на место ссылки и познакомившись с местным обществом, никакой трудовой деятельностью не занимались. Мотивация у обоих была к этому совершенно разная. Если А. Фубель периодически перебивался случайными подработками, говоря о своей любви к труду и желании взяться за любую работу, то К. Фрейнд, как следует из рапорта исправника, считал для себя работу ниже своего дворянского происхождения.¹⁰ Характерна реакция на такое поведение ссыльного губернатора Арсеньева, который указал исправнику объявить К. Фрейнду, что так как в ссылке тот находится в г. Каргаполе в статусе мещанина, то должен найти приличное своему мещанскому званию занятие. В случае отказа следовало обещание перевести его этапным порядком в г. Повенец.¹¹

Такое положение отягощалось также жестким правительственным контролем, а также некоторыми ограничениями в переписке и общении с родными и друзьями. Несмотря на цензуру, которую проходила вся переписка политических ссыльных, в письмах иногда проскальзывает недовольство действиями властей. Из рапорта Вытегорского уездного исправника на имя Олонекского губернатора от 5 марта 1866 г. следует, что в одном письме некоего поляка Зенковича, адресованного его матери, помимо прочего есть рассуждения, критикующие действия оренбургских властей, а также подробное изложение тех причин, которые привели к высылке его из Оренбурга в Вытегру. Любопытно, что несмотря на то, что Зенкович был уведомлен властями о причинах того, почему письма, содержащие такие рассуждения, не могут быть отосланы адресату, он настойчиво продолжал в переписке со своими родными приводить подробно причины своей высылки в Олонекскую губернию. Характерно, что такое поведение политического ссыльного с точки зрения властей в лице губернатора доказывало «...с одной стороны желание поставить непременно на своем, а – с другой явное неуважение и ослушание требованию начальства...».¹²

Такого же рода настроения были отмечены, к примеру, цензурой в письме поляка Вецкого, написанное им жене, которое, как было отмечено в отчете повенецкого уездного исправника: «...изобилуя по обыкновению большой бессмысленностью, – заключает в себе между прочим порицание действий правительства в схватывании виновных и невиновных – причисляя себя к числу последних...».¹³ Интересно, что в своем отчете губернатору повенецкий уездный исправник, характеризуя поведение Вецкого, аттестует его как человека ограни-

⁶ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 18/18. Л. 35.

⁷ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 16/6. Л. 25.

⁸ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 17/2. Л. 87.

⁹ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 18/22. Л. 24.

¹⁰ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 17/2. Л. 55.

¹¹ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 17/2. Л. 56.

¹² НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 19/3. Л. 68.

¹³ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 18/28. Л. 142.

ченного ума и малограмотного, подчеркивая, что давать особого значения его выражениям не стоит, так как написаны они были скорее по глупости и ожесточению к мероприятиям русского правительства. При этом, однако, в качестве примечания прилагается также информация о том, что родной брат Вецкого сослан в Семипалатинскую область, и характерный комментарий: «...два яблока с одного дерева далеко друг от друга не отко-¹⁴тятся...».

Судя по документам, недовольство своим положением проявлялось у ссыльных поляков не только на уровне критики действий властей в переписке со своими родными и близкими. Некоторые переходили и к активным действиям. Так, из рапорта каргапольского уездного исправника на имя губернатора от 3 марта 1871 г. следует, что во время обыска в квартире ссыльного польского дворянина Людвиг Влаховича была обнаружено несколько писем, которые указывали на его знакомство с неким князем Еникеевичем, лишенным всех особых прав, находившимся на жительстве в Каргаполе и бежавшим оттуда в Харьков, где и был за-¹⁵держан.

Переписка политических ссыльных также зачастую отражает непростые взаимоотношения среди самих поляков, волей судеб оказавшихся в Олонецкой губернии. В частности, в указании олонечского губернатора пудожскому уездному исправнику отмечено, что в письме некоего поляка Оржельского, написанное сосланному в г. Олонец поляку Гонсовскому, среди прочего отмечено непростительное глумление и скандальная голо-словная клевета над женою поляка Слезьера, который недавно к тому времени женился на русской. В итоге губернатором было указано не только возвратить письмо Оржельскому, но и внушить тому, что корреспонденция подобного содержания, при известности ему, что письма подвергаются правительственной цензуре, не может быть допущена впредь.

Особенно настороженно уездная администрация и полиция относились к польскому духовенству, сосланному в Олонецкую губернию. Особая политическая роль польского духовенства объяснялась его традиционной социальной активностью, а также более высокими, чем у польской шляхты, образовательным уровнем и политическим кругозором. Такое особое отношение местных властей к польским священнослужителям видно из весьма точной фразы, приведенной в письме ксендза Казимира Порафинского брату по поводу возможности возвращения из ссылки в г. Повенец на родину: «...Наше возвращение зависит от известных религиозно-политических планов, которыми определена продолжительность нашего здесь пребывания...».¹⁶ На-стороженное отношение и пристальное внимание властей именно к польскому католическому духовенству проявлялось в достаточно жесткой реакции на любые нарушения установленных полицейским надзором пра-вил. Так, из донесения олонечского исправника губернатору следует, что наряду с прибывшим в начале августа 1868 г. из Санкт-Петербурга в Олонец для официально разрешенного властями отправления церковных обря-дов католиком, состоящим под надзором полиции, иеромонахом доминиканского ордена Рамуальдом Довгал-ло, церковной исповедью и приобщением местных католиков занимался и ссыльный ксендз Константин Вонсовский. По личному распоряжению губернатора ксендз был переведен из Олонца в Повенец и пробыл там до своего перевода в Екатеринославскую губернию.¹⁷

Особая роль польского духовенства проявлялась и в особом отношении к нему самих ссыльных поляков. К примеру, из донесения, поступившего на имя олонечского губернатора 4 марта 1866 г., следует, что на кануне отъезда политического ссыльного ксендза Виктора Мосцицкого из г. Олонца в г. Пудож, производимого по распоряжению властей, все сосланные в Олонец поляки устроили ему прощальный вечер. Кроме того, и само прощание на следующий день было чрезвычайно драматично: «...плакали все, многие голосили...».¹⁸ Любопытно, что информация была получена автором донесения из письма, отосланного из Олонца в Царство Польское. Характерно в данном случае достаточно жесткая реакция губернатора в ответ на полученные сведе-ния в отношении олонечского уездного начальства. В своем письме губернатор пожелал узнать, на кого оло-нецкий исправник, который, как следует из письма, польским языком не владел, возложил одну из своих важ-нейших обязанностей – просмотр польской корреспонденции. В Петрозаводске также интересовались, каким образом местная уездная администрация могла допустить торжественные проводы ксендза Мосцицкого, «...походившие на непростительную демонстрацию...».¹⁹

Подводя некоторые итоги, стоит отметить, что польская политическая ссылка в Олонецкой губернии стала ярким отражением вынужденного сосуществования двух разных культур, ментальностей, религиозных тради-ций. Изучение данного исторического опыта является важным для понимания процесса взаимопроникновения данных социокультурных пластов в национальной политике российского государства.

¹⁴ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 18/28. Л. 142.

¹⁵ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 18/26. Л. 39.

¹⁶ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 17/1. Л. 155.

¹⁷ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 17/2. Л. 175, 185.

¹⁸ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 19/6. Л. 27.

¹⁹ НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 19/6. Л. 28.

Украинская культура в Карелии

Носителями украинской культуры в Карелии были и остаются как этнические украинцы, так и представители других народов, с любовью относящиеся к Украине и её культуре, родившиеся и (или) определённое время проживавшие на этнической украинской территории.

Переселения с просторов современной Украины в край голубых озёр, как часто называют Карелию, имеют давнюю историю. После крещения Руси монахи Киево-Печерской Лавры несли сюда свет Евангелия. В дальнейшем выходцы из Украины приходили служить Богу на Валаам и в другие монастыри Карелии. Среди служителей Русской Православной церкви всегда было много украинцев. И сейчас наместником кафедрального собора во имя святого благоверного князя Александра Невского является благочинный Центрального округа Петрозаводской и Карельской епархии протоиерей Иоанн Тереняк. Его брат настоятель Смоленского собора протоиерей Михаил возглавляет Олонецкий благочинный округ. Также имеющий украинские корни протоиерей Андрей Бондаренко из Сортавалы – настоятель Никольского храма и благочинный Приладожского округа. В северном микрорайоне Петрозаводска Соломенном несёт свою службу настоятеля Сретенской церкви бывший офицер-пограничник протоиерей Леонид Леонтьук. Есть в Карелии и другие православные иереи, дьяконы, монахи и воцерковлённые миряне украинского происхождения. Христианство – основа традиционной высокой нравственности украинцев.

*Хор «Украинская песня» в г. Луцке (Украина)
на Международном фестивале «Берегиня».
6 июня 1998 г.*

Переселения людей происходили во времена монгольского нашествия на Русь. Тогда, спасаясь от гибели и рабства, уроженцы Киевского и других южных княжеств покидали свои разорённые селения и бежали на север – в суровые и недоступные для кочевников леса. Здесь на протяжении столетий восточные славяне жили в согласии с финскими племенами. Символично, что основной массив былин киевского цикла (например, про святого богатыря Илью Муромца), изустно передавая из поколения в поколение, бережно донесли до нас сказители Пудожья, Заонежья и других мест Европейского Севера России. В наше время лингвофольклористикой, палеославистикой занимается потомок Елизаветы Васильевны Гоголь-Быковой (сестры Н. В. Гоголя) профессор Лидия Владимировна Савельева, окончившая в 1954 году с золотой медалью Полтавскую среднюю школу имени Владимира Галактионовича Короленко. Украинский язык хо-

рошо знает и сын Л. В. Савельевой доктор филологических наук Евгений Замирович Тарланов; самая первая написанная им книга – «Альбом Е. В. Гоголь-Быковой» (М.: Наука, 1987).

Когда Украина была крепостнически закабалена российской империей (особенно при Петре I и Екатерине II), основными местами притяжения украинцев, где они (как и иные подданные гигантской полиэтнической державы) могли проявить себя, стали Москва и новая столица – Санкт-Петербург. Родом с Полтавщины был сотрудник Гавриила Романовича Державина по его деятельности в Олонецкой губернии Адриан Моисеевич Грибовский (1766–1833). Начитанность и некоторая литературная известность (он успел напечатать несколько переводов) восемнадцатилетнего воспитанника Московского университета привлекли внимание великого поэта. А. М. Грибовский стал секретарём первого олонцкого гражданского губернатора и исполняющим обязанности казначея; с 19 июля по 13 сентября 1785 года с Г. Р. Державиным объехал Олонецкую губернию, посетив водопад Кивач, Кемь и многие другие места края; вместе с другим секретарём вёл «Поденную записку» (путевой дневник).

Олонецкая губерния, принимая ссыльных, играла роль «подстоличной Сибири». Среди сосланных сюда в XIX веке украинцев в первую очередь следует назвать членов Кирилло-Мефодиевского братства: одного из основателей и лидеров умеренного крыла Василия Михайловича Белозерского (1825–1899) и поэта Георгия Львовича Андрузского (1827 – после 1864). В. М. Белозерский уже в 1847 году был сослан в Петрозаводск. Студента Г. Л. Андрузского тогда отчислили из Казанского университета, а в начале 1848 года также сослали под надзор полиции в Петрозаводск. В марте 1850 года олонцкий губернатор распорядился обыскать квартиру Г. Л. Андрузского и отапортовал начальнику III отделения: «Андрузский, как упорный малоросс, остался при тех же нелепых и преступных мыслях, которые обнаруживал... В... тетрадях... заключаются попытки составить малороссийский новый алфавит и словарь, собрать малороссийские поговорки и пословицы, перевести Евангелие на малороссийский язык, наконец, часть дневника – песни и стихотворения Шевченки и других...».¹

¹ Петрозаводск: 300 лет истории : док. и материалы. В трёх кн. Кн. 2. 1893–1903 / науч. ред.: О. П. Илюха, Н. А. Кораблёв, Д. З. Генделев. – Петрозаводск : Карелия, 2001. – С. 186–187.

За эти «преступления» полуслепому Г. Л. Андрузского сослали на Соловки. Лишь в 1856 году было разрешено уехать с Севера: Г. Л. Андрузскому – на Полтавщину, В. М. Белозерскому – в Санкт-Петербург.

Украинского революционного демократа Петра Васильевича Завадского (1838 – после 1867), одного из организаторов Харьковско-Киевского тайного общества (1856), бывшего студента Харьковского университета, в 1860 году сослали под наблюдение полиции в Олонецкую губернию. Переведённый в 1862 году из Каргополя в Петрозаводск, П. В. Завадский служил в Олонецком губернском правлении. В доме губернатора Юлия Константиновича Арсеньева на литературных вечерах читал стихи Тараса Григорьевича Шевченко (другой губернатор, другое время). В конце 1866 года П. В. Завадского освободили от дальнейшей ссылки, и в начале 1867 года он с семьёй уехал к отцу-священнику на Полтавщину.

В 1862 году, вскоре после написания текста национального гимна «Ще не вмерла України», оказался в ссылке в Архангельской губернии известный этнограф и географ Павел Платонович Чубинский (1839–1884). В 1865 году ему удалось совершить свою первую поездку по Северу – в Карелию. Результатом поездки стало написание научного очерка о карелах. Также в 1860-е годы отбывал ссылку в Архангельской губернии известный этнограф и фольклорист с Харьковщины Пётр Саввич Ефименко (1835–1908). В 1862 году он выяснил, что последний кошевой атаман Войска Запорожского Низового Петрик Калниш (Пётр Калнишевский, 1691–1803) провёл последние 27 лет своей долгой жизни в жутких условиях и полной изоляции на Соловках. Уроженка Кольского уезда Александра Яковлевна Ефименко (Ставропольская, 1848–1918), ставшая в 1870 году женой П. С. Ефименко, вместе с ним исследовала народную культуру Севера, в том числе Кемского уезда. Переехав в конце 1870-х годов на родину мужа, стала активно поддерживать развитие украинской культуры, основательно изучать историю Украины. В 1910 году А. Я. Ефименко стала первой в российской империи женщиной-доктором истории *honoris causa* (степень присвоена Харьковским университетом) и профессором Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов.

Уже в XIX веке украинцы обогащали культурную жизнь провинции, каковой являлся даже центр Олонецкой губернии. Возможно, украинцем был австрийский подданный Николай Флорианович Вишневский, который летом 1868 года устроил в Петрозаводске гуляния и развлечения. В июле 1897 года в Петрозаводске (тогда в городе, по данным первой Всероссийской переписи населения, проживало всего лишь 4 украинца и 4 украинки) с большим успехом прошли спектакли артистов (украинцев и русских) под руководством Ф. Ф. Савло-Старецкого (Старицкого?). Особенно понравилась зрителям «Наталка Полтавка» Ивана Петровича Котляревского (Горпину играла Лярская, а Наталку – Остапенко). Кстати, с постановки именно «Наталки Полтавки» в 1819 году начинался профессиональный украинский театр.

В советские годы число украинцев в Карелии несравнимо выросло. Но в сталинский период миграции в значительной мере были принудительными. Насильственным переселениям подлежали репрессированные «буржуазные украинские националисты», семья «куркулей» и другие «враги народа».

Харьковчанин из рода запорожского казака Сергей Иванович Руденко (1885–1969) внёс огромный вклад в изучение истории и культуры башкир, народов Алтая и других частей Российской империи. В 1909 году обстоятельные статьи тогда ещё студента географической группы Санкт-Петербургского университета о башкирах, вогулах, грузинах, камчадалах и карелах вошли в многотомный «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона. Арестованный по надуманному обвинению в 1930 году, С. И. Руденко оказался на лесозаготовках в Карелии. С началом строительства Беломорско-Балтийского канала (ББК) пригодились полученные им в университете знания по топографии и гидрологии. В 1934 году С. И. Руденко был досрочно освобождён, но, несмотря на это, остался работать в системе НКВД Беломорстроя по вольному найму. Возможно, это был с его стороны продуманный шаг, обеспечивающий определённую безопасность, поскольку в те годы уже поднималась повторная волна политических репрессий. В 1945 году С. И. Руденко защитил диссертацию «Испарение с водной поверхности и потери на испарение с больших водохранилищ», за что ему была присуждена учёная степень доктора технических наук, и снова занялся любимым делом – поехал на Чукотку изучать историю и культуру эскимосов.

Создатель украинского национального театра «Березиль» Александр Степанович Янович (известный как Лесь Курбас, 1887–1937) и писатель Андрей Дмитриевич Бабюк (известный как Мирослав Ирчан, 1897–1937), будучи заключёнными, трудились в лагерном пункте Полга, 29-й квартал на территории современного Сегежского района. Им поручили подготовить концерт самодеятельности, перевели с общих работ в лесные сторожа, а затем в центральный театр ББК в Медвежьегорск, где Л. Курбас успел поставить две или три пьесы.² Но потом были Соловки и расстрел в урочище Сандармох Медвежьегорского района. Там безжалостно уничтожены тысячи жертв политических репрессий, в том числе выдающиеся личности, сыгравшие заметную роль в культурной, хозяйственной и политической жизни Украины и всей советской империи.

Замалчивание на протяжении десятилетий имени и творчества Леся Курбаса наложило тень забвения и на актёров, которые работали с ним. Одной из талантливейших актрис, на протяжении 1922–35 годов успешно игравшей в театре Л. Курбаса «Березиль», была Ольга Андреевна Даценко (в афишах – Леся Даценко, 1903–1993) с Полтавщины. В 1952–61 годах она в составе труппы второго передвижного Русского драматического театра Карело-Финской ССР (Карельской АССР), который базировался в городе Сортавала, объездила почти

² Дмитрієв, Ю. Высланные украинцы на территории Карелии / Ю. Дмитрієв // Українці Європейської Півночі : Матеріали науково-практичної конференції у Петрозаводську, урочищу Сандармох та на Соловках (3–7 вересня 2003 року). – Петрозаводськ, 2004. – С. 12–17.

всю республику. Завершила свой земной путь Леся Даченко в Петрозаводске, где любовь к украинской культуре сохраняет её дочь, геолог Марьяна Борисовна Раевская (Дробинская), активно участвующая в культурной жизни украинцев Карелии.

Многие украинцы и выходцы из Украины продолжали творить и во время Второй мировой войны. Вечером 4 марта 1940 года на озере Суоярви, спасая под ураганным огнём своего раненого друга – поэта Николая Карповича Турочкина (Отраду), на 25-м году жизни погиб смертью героя украинский поэт с Херсонщины Арон Иосифович Копштейн. До войны он успел напечатать шесть сборников стихов: пять на украинском языке и один в переводе на русский язык. Писал стихи и в минуты затишья между боями на карельской земле.³ Уроженец города Прилуки Зиновий Ефимович Львович (1910–1965) в 1940 году приехал в Карелию, в годы войны с нацистской Германией и её союзниками был художником армейской газеты «Во славу Родины». С 1949 года работал в Петрозаводске в книжном издательстве, в 1952–54 годах создал цикл офортов «Старый и новый Петрозаводск». Лучшие графические листы представляют его пейзажные циклы «На Онеге», «Горные разработки в Карелии», «Наше Поморье».

В послевоенные годы большинство этнических украинцев и (или) выходцев с Украины приезжало в Карелию в поисках работы, по распределению и семейным обстоятельствам. Некоторые украинцы, например народная певица Раиса Ивановна Василенко (1938–2003) с Житомирщины, оказались в Карелии после черныбыльской катастрофы. Проживший много лет в Украине врач-анестезиолог Петрозаводской городской больницы скорой помощи Николай Васильевич Рубцов (1941–2008) писал стихи на русском и украинском языках. Его жена Нинель Петровна Рубцова, будучи директором петрозаводского Дома мод, в 1993 году собственноручно сшила первый в Карелии «блакитно-жовтий» флаг.

Трудно переоценить вклад украинцев в развитие Карелии. Они легко адаптируются к различным условиям быта и деятельности в многонациональных коллективах. Украинцам присущи интерес к выполняемому делу, самостоятельность, деловитость, обстоятельность, расчётливость, напористость, трудолюбие, аккуратность, исполнительность, добросовестность, старательность, умение показать себя и свою работу. В Карелии высокую культуру труда показали многие украинцы: Николай Павлович Черненко, Николай Николаевич Федотов, Вячеслав Александрович Мовчан и др. на постах глав министерств и ведомств; Николай Никифорович Бигун, Владимир Александрович Карпенко, Александр Александрович Шаталин и др. в качестве руководителей муниципальных образований; Иван Антонович Кищенко (1877–1942), Борис Афанасьевич Барбалюк, Николай Петрович Ващук, Иван Фёдорович Задесенец (1913–1987), Александр Михайлович Дзюбенко (1929–1999), Александр Александрович Сопельник, Иван Иванович Ткачук и др. директора леспромхозов, совхозов и т. д. и т. п.

Украинцы сочетают любовь к природе и культуру. Так, потомственный лесовод Тарас Иванович Кищенко (1906–1971) хорошо писал акварелью, играл на многих музыкальных инструментах, чудесно читал стихи и прозу, на новогодних праздниках был Дедом Морозом.⁴ У украинцев хорошо развито чувство юмора. Много сделал добра людям работающий и щедрый украинец-фермер из села Деревянного под Петрозаводском Александр Георгиевич Вишталюк (1941–2003). Он самозабвенно читал стихи и пел. Уважаемый в Карелии и на своей исторической родине Украине руководитель «Карелпотребсоюза» Владимир Илларионович Лиминчук гостеприимно принимал и детей из Медвежьегорска, и украинцев из разных стран мира.

Для украинцев Карелии важно, что они живут вблизи Санкт-Петербурга – культурной столицы России. В Ленинграде и во времена «застоя» отмечали Шевченковские дни в Академии художеств (именно там, в начале 1980-х годов мне посчастливилось впервые услышать кобзаря из Украины). Но и петрозаводские украинцы ещё во времена «хрущёвской оттепели», чтобы поговорить на родном языке, стали собираться у Бориса Ивановича Сербы (1921–2008), который вдохновенно читал на память произведения из «Кобзаря». Этот человек, как и яркая народная певица Тамара Петровна Собинова (1933–99), и известная в республике тележурналистка Светлана Андреевна Пушкина, – дети тех, кто спасался в Карелии от голодоморов 1932–33 и 1947 годов. Влюблённые в украинскую песню встречались у одного из руководителей Онежского тракторного завода Анатолия Степановича Горового (1938–2008), у геолога Аллы Ивановны Световой (Кривенко) и др.

В конце 1960-х годов стала складываться в столице Карелии группа играющих на духовых инструментах музыкантов из Подолья и Волыни. Тому есть несколько причин. Во-первых, Винница и Ровно имеют хорошие музыкальные училища, но получить высшее образование музыкантам, играющим на духовых инструментах, возможности там не было. Во-вторых, молодых музыкантов привлекала всемирно известная консерватория Ленинграда (Санкт-Петербурга), а рядом с ним в Петрозаводске был организован её филиал с перспективой преобразования в самостоятельное учебное заведение (так в конце концов и случилось). Правительство считало, что карельскому краю недостаёт профессионального музыкального образования. Когда же приехали первые студенты-украинцы (среди них был талантливый гобоист Виталий Петрович Фартушный), заработал субъективный фактор – первые «потянули» за собой земляков. Постепенно из студентов В. П. Фартушный организовал духовой оркестр, который получил название «Геликон».

³ Пахомова, М. Ф. Карелия в творчестве советских писателей / М. Ф. Пахомова. – Петрозаводск : Карелия, 1974. – 272 с.

⁴ Раевська, М. Українці – вчені Карельського Наукового Центру РАН / М. Раевська // Українці Європейської Півночі : Матеріали науково-практичної конференції у Петрозаводську, урочищу Сандармох та на Соловках (3–7 вересня 2003 року). — Петрозаводськ, 2004. – С. 33–37.

В формировавшейся Петрозаводской консерватории школу пианистов создал киевлянин Краснослав Фелицианович Зубравский (1924–1993). В 1971–73 годах симфонический оркестр радио и телевидения Карелии возглавлял Фёдор Иванович Глушенко. В последующем он был главным дирижёром Государственного симфонического оркестра Украины и получил звание народного артиста Украины. Роман Фёдорович Зелинский окончил Львовскую консерваторию. Его первое музыкальное произведение – «Сад божественных песен» (1975) на стихи Г. С. Сковороды.⁵ Петрозаводским украинцам с конца 2002 года посчастливилось слушать произведения Р. Ф. Зелинского в исполнении Виктора Сергеевича Каликина – лучшего баса Карелии. Леонид Аркадьевич Балабайченко был главным дирижёром Музыкального театра в Петрозаводске. Теперь он – главный дирижёр Театра оперетты в Железногорске (под Красноярском), где создаёт уникальные оркестровки и аранжировки украинских народных песен. Сын Л. А. Балабайченко Аркадий работал в Петрозаводске на радиостанции «Европа Плюс», а сейчас известен как московский ди-джей Джем.

Насколько украинцы Карелии сохраняют элементы своей народной культуры? В последнее время заметно стремление к возрождению народной одежды как способу проявления этнической самоидентификации. Украинские костюмы, сшитые по традиционным образцам, используются украинцами Карелии во время концертов. Основу мужского и женского народного костюма составляет длинная рубаха («сорочка»). Манишку, полики, рукава, подол рубахи украшает вышитый орнамент. В старину преобладали линейно-геометрические узоры, которые постепенно заменялись цветочно-растительными. Праздничной одеждой украинцев повсюду является плахта, скроенная из двух длинных полотнищ яркой клетчатой шерстяной ткани, сшитых между собой до половины. Перегнутые поперёк, они укрепляются на талии поясом; спереди щель между полотнищами закрывает запаска, исполняющая роль передника. Богато орнаментированные тканые геометрические узоры из розеток, ромбов, звёзд, стилизованных цветов украшает вышивка из цветного гаруса и шёлковых нитей. Поверх рубахи надевают типично украинскую безрукавную удлинённую и приталенную «кертсетку». Яркое дополнение к женскому костюму – съёмные украшения: браслеты, серьги, кольца, шейные и нагрудные ожерелья из драгоценных камней, сплавов, стекла и особенно бусы («намисто») или подвески с монетами – «монисто», «дукачі». Платки разнообразны по цвету, фактуре, способу повязывания. Мужчины заправляют сорочки в широкие типично украинские шаровары, каждая калоша которых кроится из двух полотнищ холста, соединённых прямоугольными и ромбовидными вставками, образующими широкую «мотню». Носят традиционно высокую барашковую шапку («кучмұ»), шляпу из войлока и соломы («бриль»). Наиболее распространённой традиционной обувью мужчин и женщин являются кожаные сапоги («чоботи»), туфли или ботинки («черевики»). Украинцы Карелии бережно хранят «вишиванки» и тому подобные ценности материальной культуры, украшают рушниками иконы, дорогие сердцу портреты.⁶

Одним из самых устойчивых элементов культуры украинцев Карелии остаётся национальная кухня. Хлеб у них символизирует хлебосольство, гостеприимство, благополучие, крошки хлеба бережно собирают. Из дрожжевого и пресного теста украинцы и в Карелии выпекают пироги с начинкой и лепёшки (коржи, пампушки с чесноком и др.), блины и оладьи. Большой любовью пользуются кушанья из теста, сваренного в кипящей воде: галушки, вареники с творогом, картошкой, вишней, лапша («локшина»). Популярен типично украинский борщ из свёклы, капусты, с добавлением других овощей и круп, заправленный салом или растительным маслом. Летом готовят борщ из свежей зелени, а также супы из капусты, картофеля, круп. В повседневном рационе употребляют свежее, топленое и кислое молоко, творог («сир»). Украинцы предпочитают говядине свинину и баранину. Готовят колбасы, «сальтисон», голубцы, холодец. Пьют компот из сушёных фруктов и ягод – «узвар», готовят домашние настойки и наливки. Часто вместо чая заваривают мяту, липу, зверобой, шиповник, смородину, другие местные растения. Излюбленный напиток – квас из ржаных сухарей. Многие компоненты традиционной кухни украинцев были заимствованы и использованы другими народами, живущими с ними по соседству. Один из петрозаводских украинцев – Валентин Алексеевич Сватовой создал фирму «От Валентина»; его торты – настоящие произведения искусства.

Когда появилась возможность, украинцы стали создавать свои общественные организации. В годы «перестройки» в Костомукше – самом молодом городе Карелии – возникло первое на территории республики объединение украинцев под названием «Курінь», которое творчески горело на протяжении 1989–93 годов. К сожалению, когда инициативная Аза Григорьевна Лозовская заинтересовалась другими общественными организациями, активность местных украинцев стала гаснуть.

Украинцы глубоко чтут героическое прошлое своего народа. Широко известна их приверженность к законности и порядку. В принципиальных ситуациях они смело идут на конфликты со своими недоброжелателями. Продолжая традиции казачества, украинцы защищают жизнь и здоровье людей. Поэтому так много украинцев среди медиков и военных. В начале 1992 года по личному приглашению Президента Украины на I Всемирном форуме украинцев в Киеве побывал морской офицер петрозаводчанин Владимир Владимирович Гудыма, которого «вычислили» как активного подписчика на украинскую периодику.

⁵ Композиторы и музыковеды Карелии : справочник / авт.-сост. О. А. Бочкарёва ; М-во культуры КАССР ; Союз композиторов КАССР. – 2-е изд., доп. – Петрозаводск : Карелия, 1987. – 136 с.

⁶ Горленко, В. Ф. Украинцы / Горленко В.Ф. // Народы и религии мира : энциклопедия. – М. : Большая российская энциклопедия, 2000.

В 1992 году В. П. Фартушный стал собирать инициативную группу украинцев Петрозаводска для создания Общества, которому первоначально хотел дать имя Леси Украинки. В первую очередь приглашал знакомых. Поэтому в первое Правление Общества украинской культуры в Республике Карелия, созданного на учредительном собрании в зале консерватории 7 марта 1993 года, вошли профессиональные музыканты Валерий Александрович Дзюбук и Василий Дмитриевич Дисяк, любительница пения Елена Георгиевна Шалтаева. Первым Председателем Общества выбрали В. П. Фартушного. Его заместителями были автор этих строк и спортсмен с крупнейшего предприятия столицы Карелии – «Петрозаводскмаша» Владимир Иванович Реминяко, а секретарём стала журналистка Ольга Ивановна Сидловская. Кстати, председателем учредительного собрания была заведующая кафедрой истории музыки Петрозаводской консерватории Тамара Всеволодовна Краснопольская. Этапы развития Общества, которое сейчас называется Карельская республиканская общественная организация «Общество украинской культуры „Калина“», довольно подробно освещены в книге, посвященной 15-летию организации.⁷ Ниже отметим лишь некоторые культурные аспекты деятельности, поскольку изначальная цель Общества – объединение украинской диаспоры, создание условий для развития украинской культуры, украинского языка, пропаганда украинской культуры.

Вначале были частые тематические встречи членов Общества. С 3 октября 1993 года центром встреч стала воскресная школа для детей «Рідне слово» (учителя – Екатерина Сидоровна Павленко и Мария Ивановна Гайдай), а с октября 1994 года – хор (созданный и бессменно руководимый заслуженным работником культуры России, заслуженной артисткой Карелии Кларой Николаевной Стасюк), первоначально получивший название Славянский. С самого начала в концертах Общества принимали участие и любители, и высокопрофессиональные артисты. Так, из выдающихся певцов можно назвать Викторину Алексеевну Гладченко с мужем Василием Петровичем Ширкиным, Владимира Александровича и Людмилу Александровну Недвижай. В 1995 году занятия в школе «Рідне слово» по объективным причинам прекратились, и в 1996 году наступил некоторый спад в деятельности Общества.

В начале 1997 года В. П. Фартушный получил звание заслуженного артиста Украины, а в октябре того же года Общество было преобразовано в Национально-культурную автономию (НКА) украинцев РК во главе с Председателем В. П. Фартушным. Вместе со мной заместителем Председателя стала Лариса Григорьевна Скрипникова (Бовкун), которая уже проявила себя как староста хора «Українська пісня». Л. Г. Скрипникова заметно усилила внешние связи Организации. На высоком уровне проходили музыкально-литературные вечера. Так, в 1998 году на концерте, посвященном 200-летию «Энеиды» Ивана Котляревского, выдержки из произведения читал Олег Александрович Белонучкин. Благодаря Анатолию Алексеевичу Гордиенко прошла серия передач об украинцах Карелии на республиканском телевидении. В 1997–99 годах работа шла активно, но обещанного Законом РФ о НКА финансирования так и не было, и в 2000 году в деятельности Организации вновь наступил определённый спад.

После организационных преобразований 2001 года НКА превратилась в Карельскую республиканскую общественную организацию «Общество украинской культуры „Калина“», а во главе которой стала Л. Г. Скрипникова. Её заместителями почти до конца 2008 года были мы с Олегом Владимировичем Мисилиюком, ранее работавшим на руководящих должностях в энергетике Карелии. С 2001 года Шевченковские чтения, которые проводятся ежегодно, разрослись до Дней украинской культуры; активизировалась работа с подрастающим поколением. В 2003 году Л. Г. Скрипникова второй в России удостоилась высокой награды Украины – Ордена Святой Княгини Ольги III степени. В сентябре 2003 года Общество первым среди украинских организаций за пределами Москвы провело научное мероприятие – Международную конференцию памяти П. Калнишевского «Украинцы Европейского Севера».

Л. Г. Скрипникова собиралась в 2004 году сделать передышку. Но встал вопрос о строительстве в урочище Сандармох Медвежьегогорского района мемориала расстрелянным в 1937–38 годах жертвам репрессий. Теперь Л. Г. Скрипникова главным делом своей жизни считает организацию работ по сооружению в 2004 году памятника «Убиєнним синам України» – каменного казацкого креста.⁸ В 2004–07 годах Общество имело сравнительно хорошее финансирование своих мероприятий, в том числе для издания печатной продукции, например об украинцах на Соловках.⁹

Культурная деятельность представлена разнообразно. Так, в январе 2005 года провели региональный семинар-конкурс для детей «Слово рідне, мово рідна...» (режисёр – Светлана Корниенко). В ноябре 2005 года организовали I фестиваль украинской культуры в Костомукше, в результате местные украинцы в 2006 году создали НКА во главе с Николаем Никифоровичем Бигуном. Желавшие обучались в «Калине» украинскому языку. Много раз наши дети отдыхали во всемирно известном лагере «Артек», а в январе 2007 года ездили на экскурсию в Киев. В апреле 2007 года провели I Конгресс украинцев Карелии. В сентябре 2007 года состоялся межнациональный семейный семинар «А у нас принято так...» с участием семей вьетнамцев, китайцев,

⁷ Моя Карелия, моя Украина : к 15-летию Карельской республиканской общественной организации «Общество украинской культуры «Калина» / [авт. проекта Андрей Литвин ; авт. сост. Л. Г. Скрипникова]. – Петрозаводск : Скандинавия, 2008. – 104 с.

⁸ «Убиєнним сынам України. Сандармох» / Карел. Респ. Обществ. Орг. «О-во укр. культуры «Калина» ; [сост. Скрипникова Л. Г.]. – Изд. 2-е, доп. и испр. – Петрозаводск : Скандинавия, 2006. – 152 с.

⁹ Наші Соловки. – Петрозаводськ : Скандинавия, 2006. — 15 с.

таджиков, узбеков и др. В ноябре 2007 года при поддержке православных верующих на базе кооперативного техникума успешно провели Республиканский детский семинар «Святитель Николай и дети». Мировой кризис 2008 года, к сожалению, привёл к резкому снижению финансирования мероприятий «Калины», хотя празднование 15-летия Общества и презентации книги «Моя Карелия, моя Украина» прошли на высоком уровне. Л. Г. Скрипникова удостоилась Ордена Святой Княгини Ольги II степени, став первой в России обладательницей двух степеней этого ордена Украины.

Каждый год «Калина» отмечает главные православные праздники, организует многочисленные вечера, концерты, встречи, выставки, кинопросмотры, презентации, участвует в праздновании Дня славянской письменности и культуры, Дня города Петрозаводска и Дня Республики Карелия, в футбольных соревнованиях. Организация сотрудничает с большинством национально-культурных обществ РК, со многими проводит совместные мероприятия. Активную связь «Калины» с Национальной библиотекой РК поддерживает Галина Владимировна Опрышко. Среди активистов общества всегда были заметны учителя: Е. С. Павленко, Галина Петровна Прудывус, Бронислава Ивановна Ковальская, Григорий Симонович Петрук и др. Кстати, в кабинете Г. П. Прудывус, тогда – завуча петрозаводской школы № 38, ещё в 1993 году стали собирать единственную в Карелии украинскую библиотеку. Затем библиотекой «Калины», уже в комнате № 5 Центра национальных культур Министерства культуры РК, занимались Галина Петровна Горová и др.

В концертах, организуемых «Калиной», принимали участие многие высокопрофессиональные артисты Украины. В разные годы в Карелии выступали бандуристы Виталий Мороз, Евгения Гаевская, трио сестер Соломии, Ольги и Олеси Сокальских, мужской ансамбль «Козацькі забави» и др. В августе 2007 года приезжал Председатель Украинской Всемирной Координационной Рады поэт Дмитро Павлычко (самая известная песня на его стихи – «Два кольори»).

Следует отметить, что среди украинцев Карелии много замечательных художников. Охотно участвует в выставках Общества украинской культуры «Калина» Владимир Михайлович Иваненко. Союзом художников Карелии успешно руководила Алла Игнатьевна Власенко. Олег Владимирович Чумак из Ровенщины в 1973 году окончил Украинский полиграфический институт им. Н. Фёдорова в Львове и переехал в Карелию. О. В. Чумак – автор современного герба города Петрозаводска, эмблемы НКА украинцев РК (1997–2001), многочисленных иллюстраций к эпосу «Калевала», других произведений изобразительного искусства.¹⁰ Сын О. В. Чумака Максим также стал художником. Эстетическим воспитанием детей успешно занималась Роза Трофимовна Литвин.

*Выступление детского коллектива
«Украинские ласточки». 26 марта 2005 г.*

Учёные-этнологи отмечают, что из всех славянских народов украинцы наиболее музыкальны.¹¹ Украинцы – народ древней поэтической культуры, многообразной по жанровой структуре и музыкальной выразительности. Миграционные процессы частично обогатили фольклорный фонд. Вместе с тем, по-прежнему востребована даже древняя обрядовая поэзия украинцев («веснянки», «купальські» и другие песни). Песенному искусству уроженцев Галичины, Буковины и Закарпатья свойственны «колодийкові» формы и ритмы, а песни основной части украинцев отличаются мелодичностью, широкой напевностью, развитым многоголосием. В народном пении существует традиция распределения исполнителей на запевал (одного или двух), певцов, исполняющих хоровую партию, и певца, который «выводить», ведёт подголосок. Исполняются песни открытым горловым звуком. Наиболее популярна среди украинцев лирическая песня о любви и семейной жизни. Поют и песни, созданные на основе литературных текстов (например, на стихи Т. Г. Шевченко). Проникновенен украинский романс (например, «Сонце низенько»). Хранители всей этой поэзии – старшее поколение, самодеятельные («аматорські») и профессиональные коллективы и солисты.

Как уже было сказано, в октябре 1994 года высокопрофессиональный хореограф К. Н. Стасюк, по приглашению В. П. Фартушного, стала создавать при Центре национальных культур Украинский хор. Украинские песни она полюбила благодаря мужу и главному солисту хора – Алексею Ивановичу Стасюку. Уже в ноябре 1995 года хор стал дипломантом I Всероссийского конкурса им. Александра Кошица в Москве. С 1997 года название хора – «Українська пісня». В июне 1998 года хор стал дипломантом Международного фестиваля «Берегиня» в Луцке (Украина). С 1999 года хор носит звание народного. Хор, его отдельные группы и исполнители блестяще выступали в Петрозаводске и других поселениях Карелии, Львовщины, Финляндии, в Санкт-Петербурге, стали лауреатами II (2000), III (2002) и IV (2006) Всероссийских конкурсов им. А. Кошица

¹⁰ Художники Карелии : справочник / сост. З. Г. Юсупова. – Петрозаводск : Карелия, 1987. – 303 с.

¹¹ Садохин, А. П. Этнология / А. П. Садохин, Т. Г. Грушевицкая. – М. : Издательский центр «Академия» ; Высшая школа, 2000. – 304 с.

в Москве. Своих успехов хор добивался под аккомпанемент высокопрофессиональных баянистов-концертмейстеров Константина Токарева, Юрия Вострухина, Игоря Лавренчука, Дмитрия Степанова. Замечательно владел художественным свистом Анатолий Семёнович Храпак (1930–2006). Первыми помощниками К. Н. Стасюк были старосты хора: Лидия Николаевна Шаповалова, Л. Г. Скрипникова, Ольга Петровна Алексеева, солисты Татьяна Алексеевна Сибелева и Орест Александрович Пятибрат.

Известны особенности народной хореографии украинцев (присядки, прыжки, «ковзунки» и др.). Так, «дрібнішки» исполняются мелкими («дрібними») шагами, притопами. Искромётны танцы гопак и «козачок». В женских танцах подчёркиваются грациозность, целомудренность, привлекательность, в мужских – ловкость, смекалка исполнителей. Т. А. Сибелева приложила много усилий, чтобы привить танцевальную культуру «отпочковавшейся» от хора «Українська пісня» женской вокальной группе «Веселка» («Радуга») и детскому коллективу «Українські ластівки» («Украинские ласточки»). Детский ансамбль был создан в начале 2002 года, а в 2006 году стал лауреатом IV Всероссийского конкурса им. А. Кошица в Москве. С детьми успешно занималась Валентина Станиславовна Соболевская, которая к тому же поёт и играет на бандуре – самом известном среди народных музыкальных инструментов украинцев.

В городе Медвежьегорске в 1988 году создала и 20 лет успешно руководила образцовым детским фольклорным коллективом «Земелюша» Наталья Ивановна Шепелева. Будучи украинкой, она обучала воспитанников своей родной культуре. В 2004 году «Земелюшка» успешно выступила на I Фестивале детских творческих коллективов украинской диаспоры в Киеве и Каневе.

И о самом главном для сохранения самобытности народа – о сбережении родного языка. Наиболее известная и устойчивая особенность украинской речи – фриктивное произношение г (гай, говорити) и лишь в немногих словах, заимствованных или звукоподражательных, употребление взрывного г (агрус, гелготати). Чистую «мову», к сожалению, слышишь не часто. Определённое сходство украинского и русского языков у многих носителей суржика создаёт иллюзию свободного владения обоими языками. Поэтому реальная численность граждан Республики Карелия, знающих украинский язык, гораздо меньше показателей опросов, в том числе и переписей населения. Вместе с тем, даже переписи показывают, что именно у украинцев наименьший (из шести основных этнических групп населения Карелии) удельный вес называющих родным языком язык своей национальности. И показатель этот от переписи к переписи быстро снижается: в 1989 году – 38,4 %, в 1994 году – 23,0 %, в 2002 году – 14,5 %. 27,0 % украинцев Карелии начала XXI века, для которых украинский язык не родной, считали, что они владеют им. ³/₅ украинцев РК знают только русский язык. Распределение украинцев с родным украинским языком по населённым пунктам Карелии в 2002 году представлено в таблице.

Рейтинг городов и посёлков городского типа Республики Карелия по численности украинцев с родным украинским языком по данным переписи населения 2002 года

рей- тинг	населённые пункты: города (г.), посёлки городского типа (пгт), сельские	численность украин- цев с родным укра- инским языком, чел.	% от укро- язычных РК	% от украин- цев насел. пункта	Общая численность украинцев в населён- ном пункте, чел.
1	г. Петрозаводск	974	34,9	15,6	6242
	остальные города и пгт РК	1081	38,7	13,8	7843
2	г. Костомукша	269	9,6	16,9	1595
3	г. Сегежа	112	4,0	12,8	872
4	г. Кондопога	92	3,3	17,0	540
5	г. Медвежьегорск	62	2,2	16,0	387
6	г. Питкяранта	59	2,1	15,4	384
7	г. Кемь	58	2,1	15,0	387
8	пгт Пиндуши	51	1,8	22,9	223
9	г. Лахденпохья	50	1,8	12,7	394
10	пгт Калевала	43	1,5	29,9	144
11	пгт Лоухи	37	1,3	20,0	185
12	г. Беломорск	34	1,2	12,2	279
13	пгт Пряжа	32	1,1	22,2	144
14	г. Олонец	32	1,1	20,4	157
15	пгт Надвоицы	28	1,0	7,3	381
16	г. Пудож	26	0,9	18,8	138
17	пгт Вяртсиля	24	0,9	15,0	160
18	г. Сортавала	22	0,8	3,8	582
19	пгт Муезерский	22	0,8	14,9	148
20	г. Суоярви	8	0,3	1,9	414
21	пгт Хелюля	8	0,3	10,0	80
22	пгт Повенец	7	0,3	12,7	55
23	пгт Чупа	3	0,1	3,1	96
24	пгт Пяозерский	0	0,0	0,0	98
	сельские населённые пункты	740	26,5	14,3	5163

Практически все украинцы Карелии на работе, в учебных заведениях и дошкольных учреждениях общаются лишь на русском языке, а 99 % даже дома говорят только по-русски. Семья победителя Всероссийского конкурса среди школьников и студентов на чтение стихов Т. Г. Шевченко Владика Голомбиевского – приятное исключение. Особенно трудно в Карелии сохранить нерусскую самобытность в этно-смешанных семьях. А ведь здесь 90–95 % украинцев и украинок образуют именно такие семьи. Преобладающая часть всех межэтнических браков заключается украинцами с русскими. По данным микропереписи населения 1994 года, только 16 % детей считались украинцами в семьях типа «украинец–русская» и всего лишь 6 % – в семьях типа «русский–украинка». На самом деле, в передаче культурных традиций более значительна роль матери (отец, как правило, меньше бывает дома, поэтому ему сложнее привить ребёнку свои этнические навыки), и у настоящих матерей-украинок даже в этно-смешанных семьях дети овладевают украинским языком как родным. Так, Т. А. Сибелева воспитывает настоящими украинками своих дочерей Риту Сибелеву и Аню Бойко. Анна Михайловна Пазий сумела привить любовь к украинской культуре своему сыну Евгению Евгеньевичу Самойлову, который вместе с матерью пел в хоре «Українська пісня», а теперь стал регентом одного из монастырских хоров в Подмоскovie. Кстати, в церковной музыке украинцев, как одноголосной (ирмологионы), так и в особенности многоголосной (партесное пение), прослеживается высокое художественное мастерство. В кафедральном соборе Петрозаводска церковный хор славит Рождество Христово, исполняя украинские «колядки» и «щедівки».

На Пасху Христову (Паску, Великдень) украинцы освящают в церкви «паску» (кулич), крашеные яйца и другие продукты. На Троицу («зелені свята») украшают комнаты зелёными ветвями, травами и цветами. Раньше у большинства украинцев православие уживалось со сложным комплексом остатков верований в русалок, летающих на метле ведьм, упырей, вурдалаков и прочую нечисть, что нашло отражение в фольклоре, литературных произведениях, например, этнического украинца Н. В. Гоголя, 200-летие со дня рождения которого отмечается в 2009 году.

Украинская культура в Карелии продолжает жить, несмотря ни на какие финансовые кризисы.

*И. Р. Такала,
Петрозаводский государственный университет*

Особенности языковой политики советской власти в национальных районах Карелии в 1920–30-е гг. (на примере Ребольского края)

В 1920 г., когда была основана Карельская трудовая коммуна, титульная нация – карелы – еще составляла там большинство населения. Уже три года спустя, при образовании автономной социалистической республики, они оказались в меньшинстве. Впоследствии удельный вес национального контингента в крае постоянно снижался и многие исследователи считают, что из всех национальных республик Советского Союза именно в Карелии процессы русификации оказались едва ли не самыми сильными.

В данном докладе хотелось бы обратиться к начальным этапам существования карельской автономии и охарактеризовать основные особенности языковой политики советской власти в республике.

История карельского языкового планирования представляет собой очень пеструю картину: за короткий срок менее чем в 20 лет был испробован целый ряд разных вариантов для решения языковых проблем карел. Такая непоследовательность была обусловлена не только диалектной и территориальной разобщенностью карельского языка, но и во многом политическими, в частности, внешнеполитическими причинами. Сегодня хотелось бы сосредоточиться на внутривнутриполитических факторах, оказавших влияние на языковую политику карельских властей в 1920–30 гг. и проиллюстрировать результаты этой политики на примере Ребольского края.

Языковая политика советской власти в Карелии в 1920–30 гг.

До революции традиционным для карел языком образования и культуры был русский, хотя, как известно, предпринимались попытки создания алфавита и издания брошюр на карельском языке. В приграничных волостях Повенецкого уезда Олонецкой губернии и Беломорской Карелии отходнические промыслы и коробейничество способствовали распространению финской грамоты и финского языка.

С начала 20-х годов в Советской Карелии наряду с русским, начинает активно использоваться финский язык, что было связано с приходом к власти немногочисленной группы финских эмигрантов-коммунистов, 15 лет возглавлявших республику. В Финляндии карельские диалекты традиционно рассматривались как часть финского языка, и такое представление нашло поддержку и среди руководства Карелии. Впрочем, осуществление финским руководством национальной политики в Карелии не слишком отличалось от генеральной линии партии. Решение языкового вопроса и придание официального государственного статуса двум языкам – русскому и финскому, шли в русле решений ЦК РКП(б), Оргбюро которого еще в марте 1922 г. предписало руководству КТК ввести в учреждениях и школах коммуны наравне с русским языком финский.

Вначале финский язык применялся преимущественно среди финнов и северных карел, говорящих на собственнo-карельском наречии. Культурным языком подавляющего большинства ливвиков и людиков, карел южной части республики, оставался русский. С середины 1920-х гг. начинается активное расширение функций и сферы влияния финского языка, что было связано с политикой «коренизации», проводившейся по всем национальным окраинам Советского Союза. Согласно принципам этой политики, принятым на XII партийном съезде в 1923 г., важнейшей задачей партии стало преодоление фактического неравенства народов. Под равенством понимались не только экономическая развитость, но и управление национальных территорий коренными силами. Титульные народы каждой «национальной» территории должны были быть пропорционально представлены в аппаратах партии и государства, языком управления и преподавания должен был стать «национальный язык» и т. д. Десяткам малых народов начинают создавать свой литературный язык.

В Карелии политика «коренизации» называлась «карелизацией», но подразумевала введение финского языка (прежде всего в сфере народного образования) и выдвижение на руководящие посты как карел, так и финнов. В русле концепции о едином «карело-финском языке», в соответствии с которой карельским диалектам отводилась функция устного применения, а литературный финский язык должен был стать письменной формой выражения карельской речи, большинство школ национальных районов КАССР с середины 20-х гг. переводилось на финский язык. В результате к 1929/30 учебному году лишь половина всех школ республики работала на русском языке (Из 448 школ первой ступени 198 (44 %) «обслуживали», как писали тогда, «русскую народность»; 250 школ «обслуживали карело-финскую и чудскую народности», причем на русском языке из них работало только 59 (23,6 %), остальные 191 (76,4 %) – на финском). В Кестеньгском, Ухтинском, Кемирецком, Ругозерском, Ребольском и Видлицком районах не было ни одной русскоязычной школы.

Впрочем, непременным условием «карелизации» выступало и использование местных диалектов. В соответствии с постановлением ЦИК АКССР «О национальной политике в Карелии» 1924 г. карельские диалекты следовало употреблять в устной форме деятельности органов советской власти, в школах и судах карельских местностей республики. Без этого трудно было бы обойтись – с населением надо было разговаривать на понятном ему языке. Во второй половине 1920-х гг. более чем в 50 % первых классов начальных карельских школ обучение начиналось на местном разговорном языке вне зависимости от основного учебного языка.

И в целом, введение финского языка в 1920-х гг. не было чем-то самодовлеющим, стоящим отдельно от остальных аспектов жизнедеятельности республики. Финские эмигранты добивались создания таких условий, при которых, по словам председателя ЦИК республики А. Нуортева, литературный финский язык явился бы «естественным продолжением карельских диалектов». Объективно это могло способствовать складыванию уникальных предпосылок для консолидации карельских диалектов, устраняя рамки, ограничивавшие функции карельского языка тесным миром бытового общения. И, что немаловажно, предотвращалось безудержное проникновение в лексику карельского языка русских заимствований. Однако при этом абсолютно отрицался иной, противный движению к финскому языку, способ решения языкового вопроса в национальных районах республики.

В начале 1930 гг. в прессе вспыхнула т. н. «языковая война» между финскими эмигрантами и сторонниками карельского литературного языка, во многом провоцируемая Москвой. Дело в том, что создание в 1930 г. карельской письменности для тверских карел поставило под сомнение правомерность употребления финского языка в Советской Карелии. Наиболее активным и влиятельным борцом за право карел на родной язык стал тогда профессор Д. В. Бубрих. Видный ученик Н. Марра и знаток финно-угорских народов, Д. В. Бубрих добивался последовательного соблюдения победоносных принципов марровской науки, согласно которым языки были явлением надстройки и, следовательно, отражали классовую сущность того общества, продуктом которого являлись. В свете новой лингвистической ортодоксии буржуазный финский язык никак не мог быть национальным языком пролетарской Карелии. Бубрих резко разграничивал финский и карельский языки и даже обвинил сторонников финского языка в том, что они поддерживают «фашистских» финских теоретиков, писавших об общем финно-угорском праязыке и тем самым обосновывают «великофинские» претензии по воссоединению всех финно-угорских соплеменников. Противостояние усугубило постановление Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР от 25 апреля 1931 г., обязывавшее руководство Карелии приступить к созданию карельского литературного языка и переводу на него всей культурной работы.

И все же, требование введения карельской письменности было отклонено. Осенью 1931 г. Карельский обком ВКП(б) принял постановление об «обслуживании национальных районов на финском языке и выделении таковых в особую группу районов, с вытекающими отсюда специальными мероприятиями». Продолжение употребления финского языка мотивировалось влиянием последнего на разговорную речь карел, в особенности на севере республики, значительными диалектными различиями карельского языка и результатами проведенного в 20-е годы референдума, в котором большинство якобы выступило в поддержку финского языка. Смелость карельского руководства объяснялась тем, что в его поддержку выступило Политбюро ЦК ВКП(б), отменившее в июне 1931 г. решение Совета Национальностей. Позднее нецелесообразность перехода на карельский язык признал также Президиум ВЦИК СССР. При этом из центра следовали инструкции о необходимости «усилить темп карелизации партийного, государственного, профсоюзного и кооперативного аппарата, школ и культурных учреждений».

Провоцируя ускорение «коренизации» в республике, московское руководство фактически проводило в жизнь политический принцип «разделяй и властвуй». В результате в начале 1930-х гг. происходит серьезная трансформация политики «карелизации», которая привела к методам силового решения языкового вопроса,

когда введение финского языка становится самоцелью. Усиление финнизации наряду с экономическими трудностями и переменами в политической жизни обостряли напряженность между властью и населением, что дало возможность Москве уже в 1933 г. начать критику национальной политики руководства Карелии.

Тем не менее, трехлетняя форсированная финнизация не смогла затуманить основных достижений в деле национально-культурного развития края. В 1920 г. грамотность среди карельского населения едва достигала 24 % (от всего населения). К 1933 г. уровень грамотности карел возрос до 46 %, почти половина из них (48 %) владела финской грамотой или русской и финской одновременно. Постепенно складывались предпосылки для изучения и развития карельских диалектов, расширялись их общественные функции. Объективно политика красных финнов, в том числе и их усилия по экономическому подъему национальных районов, способствовала консолидации карел автономной республики в целостную этническую общность.

После XVI съезда ВКП(б) (1930 г.) по всей стране постепенно разворачивается борьба с «национал-уклонизмом» и местным национализмом, которая велась по единой схеме и являлась неотъемлемой частью общего механизма тотального террора. В 1933 г. «местный национализм, прикрывающий буржуазно-националистическую контрреволюцию и смыкающийся с интервентами» был объявлен «главной опасностью в карельской парторганизации». Широкое толкование «местного национализма» позволяло обвинить финских эмигрантов во всех мыслимых и немыслимых проблемах, с которыми столкнулась республика в годы «великого перелома». Решение полностью ликвидировать «финскую» линию развития карельской национальности во второй половине 1930-х диктовалось и соображениями межгосударственного порядка. Готовясь к войне, власти пытались всюду ликвидировать ненадежные (и даже гипотетически ненадежные) элементы, что происходило, в том числе, и по национальному признаку.

В 1935 г. финское руководство Карелии было смещено и в республике разворачивается антифинская кампания. Соответственно кардинально меняется курс национальной и языковой политики. Наряду с проведением усиленной кампании за освоение русского языка, в 1936 г. начинается разработка единого карельского литературного языка. Инициаторами выступили лингвистические учреждения, в первую очередь Институт языка и мышления им. Марра, финно-угорскую секцию которого возглавлял Д. В. Бубрих. Летом 1937 г. в новой конституции республики карельский был провозглашен третьим государственным языком наравне с русским и финским.

В атмосфере террора, жертвой которого в первую очередь стали финские эмигранты, единый карельский литературный язык должен был принять на себя функции, которые ранее выполнял финский. В сентябре 1937 г. ЦК ВКП(б) принимает решение о переводе преподавания в КАССР с финского на карельский язык, а письменности с латинской на русскую основу. Однако в результате ликвидации обучения на финском языке в карельских школах возник хаос. У многих учителей знание карельского языка было явно недостаточным, в тоже время в каждой третьей начальной школе в национальных районах не было учителей, владеющих русским языком. Учебники на финском языке изъяти из употребления, но не были получены новые – на русском. В наиболее сложном положении оказались классы, работавшие на карельском языке – для них вовсе не существовало учебников.

Новый литературный язык создавался «ударными темпами», однако политическая ситуация развивалась еще быстрее. Охота на «буржуазных националистов», продолжавшаяся в Карелии уже несколько лет, стала приобретать новые формы. Вытеснив со сцены финнов, террор по национальному признаку в 1938 г. повернулся к новой жертве, карелам. Правила литературного языка и их создатели были объявлены виновниками хаоса, возникшего в результате ликвидации финского языка и ускоренного введения карельской письменности.

Тем не менее, осенью 1939 г. началось введение карельского языка в неполных средних и средних школах. Значительное внимание уделялось изданию переводной общественно-политической и детской литературы. При этом, однако, авторитет карельской письменности подрывался почти полным отсутствием оригинальных материалов, низким качеством переводов и эффектом «смешанного языка», возникшим в результате обильного заимствования русских элементов и моделей.

Наконец, весной 1940 г. последовал новый поворот. Вторым государственным языком созданной после Зимней войны Карело-Финской ССР был опять провозглашен финский. К следующей осени употребление карельского литературного языка было прекращено. В пользу введения финского языка были выдвинуты аргументы языковой и культурной общности финнов и карел, использовавшиеся уничтоженным лишь несколько лет назад прежним руководством республики.

Таким образом, говорить о самостоятельности карельских властей в принятии решений по языковому вопросу можно лишь применительно к отдельным, очень непродолжительным, периодам.

Языковая политика в Ребольском крае

Своеобразие Ребольского края заключалось в том, что из-за отдаленного положения и отсутствия дорог, связи с Финляндией издавна были там гораздо теснее и важнее, нежели связи с далекими и труднодоступными торговыми и административными центрами Восточной Карелии. Практически вся торговля Ребол шла через финскую Лиексу, находившуюся примерно в 70 км; большим подспорьем для местных крестьян были отход-

нические промыслы в Финляндии, прежде всего корабельничество. В 19 веке связи с соседними финскими приходами дополнились лесозаготовками, которые активно разворачиваются во второй половине столетия, давая работу жителям по обе стороны границы. Экономические контакты еще больше оживились в начале 20 в., во время постройки Мурманской железной дороги, и затем в 1918–1920 гг., когда Реболы оказались под властью Финляндии.

Население края было этнически однородным, состояло почти исключительно из карел, говорящих на собственнo-карельском диалекте, поэтому языкового барьера при общении с соседями по сути не существовало. И в целом, тесное экономическое взаимодействие с Финляндией не могло не отразиться на укладе жизни, быте, духовной культуре ребольских карел. Российское влияние в этих краях было значительно слабее. Единственным каналом распространения русского языка была школа, однако из-за бедности населения, нехватки учителей, языкового барьера работа школ долгое время оставалась малоэффективной. В Реболах первая школа была открыта в 1845 г. (с 1867 в земском подчинении). Долгое время она оставалась единственной в волости и охватывала очень небольшое количество детей школьного возраста – от 6 до 9 % (см. табл. 1). «Не сочувственное отношение населения к русской школе», как писалось в годовых учительских отчетах, было вызвано тем, что местные крестьяне не видели необходимости отрывать детей от хозяйства и учить их русской грамоте. Те, кто занимался корабельничеством или другими отходническими промыслами, предпочитали осваивать грамоту финскую – она была нужнее.

Число школ начинает расти в начале 20 в.: в 1905 г. их было в Ребольской волости 6, а перед войной – 9. Тем не менее, уровень грамотности среди ребольцев оставался самым низким в Повенецком уезде, хотя, судя по числу грамотных в возрастной группе от 8 до 14 лет, примерно половина детей этого возраста посещало школу (см. табл. 2). Полученные в школе навыки русской разговорной речи быстро забывались, не находя практического применения, и число людей, более или менее прилично владевших русским языком, оставалось крайне незначительным.

Советский период в истории Ребольского края начался после окончания гражданской войны, в 1922 г., хотя первые попытки по установлению советской власти в этих местах были предприняты большевиками еще осенью 1917 г. Для населения волости новая жизнь начиналась с голода, разрухи и безработицы, а новая власть сразу же столкнулась с языковой проблемой.

Правительство Э. Гюллинга, как известно, присылало устанавливать советскую власть в национальные карельские районы финских политэмигрантов, полагая, что им легче будет найти общий язык с населением, практически не говорившим по-русски. Однако в большинстве своем это были простые рабочие с революционным энтузиазмом, но минимальным образованием и полным непониманием особенностей местного крестьянского быта, что, по сути, вызывало дополнительные проблемы при общении с населением. В политсводках ОГПУ первой половины 20-х гг. фиксировались высказывания, свидетельствующие о наличии антифинских настроений, но, по сути, противоречия между красными финнами и местными жителями являлись конфликтом населения с советской властью.

Главной задачей советских и партийных руководителей волости стала агитационная работа среди населения, относившегося к новой власти враждебно. Основными центрами культурно-просветительской работы являлись клубы и избы-читальни. В Реболах изба-читальня была открыта 1 мая 1925 г., под нее отдали квартиру, отобранную у волостного священника Александра Сидонского. Там была небольшая библиотека, работали кружок рукоделия и драмкружок. Агитационная деятельность велась на финском языке, поскольку по-русски большинство населения не понимало, но охватывала она лишь очень узкий круг людей. И в целом партия большевиков, представленная военными и финнами-эмигрантами, в глазах населения выглядела чем-то инородным, чужим и долгое время эффект от ее деятельности был не велик. В 1926 г., на десятый год существования советской власти в России, проверяющим из уезда пришлось признать работу Ребольской парторганизации неудовлетворительной: с населением практически никто не работал, женские и молодежные организации, формально существовавшие, бездействовали, антирелигиозная пропаганда не велась, по ликвидации безграмотности волость находилась на последнем месте.

С трудом шла работа и по школьному строительству: из-за нехватки преподавателей, учебных материалов, разрухи, голода и эпидемий многие школы были закрыты. В 1924 г. в Ребольской волости примерно 50 % детей нигде не учились. Большинство учителей были финнами и обучение в 4 из 6 школ края шло на финском языке, что также, как и низкий уровень подготовки приезжих педагогов, вызывало недовольство некоторых родителей. Органами безопасности фиксировались, например, такие высказывания: вводя в школах финский язык, «карел хотят превратить в финнов, чтобы финны здесь хозяйничали». Правда, в отличие от других национальных районов, где противодействие введению в школах финского языка принимало порой достаточно острые формы, в Реболах такого рода протесты были единичны и не носили массового характера.

Единственно, что серьезно волновало население и могло стать важным аргументом в пользу советской власти – это усилия руководителей волости и уезда по налаживанию хозяйственной жизни ребольцев. И действительно, постепенно жизнь менялась. В значительной степени перемены в крае были обусловлены так называемой «пограничной политикой» правительства Э. Гюллинга, в сфере действия которой находились все населенные карелами административные районы в полосе от Мурманской железной дороги до советско-финляндской границы. Население этих районов наделялось целым рядом экономических льгот и результатом этой политики должны были стать «общее национально-государственное развитие Советской Карелии, быстрый подъем экономики и культуры, растущее воодушевление народа и укрепление веры в советскую власть».

Существенное улучшение экономического положения вело к снижению напряженности и применительно ко второй половине 1920-х гг. можно говорить о вполне мирном и благополучном развитии Ребольского края. Постепенно люди привыкали к новой жизни и к новым порядкам.

В большей степени, чем власти, проводниками новых идей были средства массовой информации и школы. В 1927 г. в Реболах появился первый радиоприемник, в 1929 г. крестьяне на свои средства приобрели еще четыре. Радио, также как газеты и журналы на русском и финском языках, поступающие в библиотеку при избе-читальне, связали отдаленный край с миром. Число читателей библиотеки постоянно росло, в конце 20-х гг. оно в среднем составляло ежегодно до 100 человек. Читали ребольцы в основном по-фински (82 % выдаваемых книг), и это вполне объяснимо. В результате политики «карелизации» к 1927/28 учебному году уже все 10 существовавших в районе школ работали на финском языке (см. табл. 3). Обучение детей грамоте на языке, понятном местному населению, уже не вызывало протестов и приносило ощутимые результаты: средняя грамотность населения Ребольского края превышала республиканские показатели. По переписи 1926 г. в сельских местностях Карелии процент грамотных в возрасте от 9 до 49 лет составлял 65,5 %, среди женщин 49,2 %. У ребольцев этот показатель был значительно выше – 71,3 % и 57,2 % соответственно (см. табл. 4).

Мирная жизнь длилась недолго. Происходившие в стране и республике перемены требовали, как мы видели, и искоренения финского языка из всех сфер жизни. В Ребольском крае, где 10 лет детей учили только по-фински, это было сделать трудно. Тем более, что те, кто должен был работать с населением (учителя, библиотекари, заведующие избами-читальнями и красными уголками) в большинстве своем сами по-русски не разговаривали. Проведенная в 1936 г. проверка выявила, что из 16 учителей Ребольского района лишь пятеро могли работать на русском языке (4 – в Ребольской неполной средней школе и 1 – в д. Колвас-озеро). В начальных школах д. Лужма, Лендеры, Кимоваара, Конец-остров учителя не владели русским языком (см. табл. 5). Созданная впервые в 1935 г. при Ребольской школе русская группа собрала всего 5 учащихся, преподавание русского языка шло формально и не давало никаких результатов. Разговорным языком детей вне школы и в школе был финский.

Что касается самих учеников, то некоторые из них, прежде всего старшекласники, отказывались говорить по-русски, заявляя учителям: «Нам русский язык не нужен, читайте и занимайтесь для себя». Дело доходило до бойкота и коллективных отказов от занятий. В результате неуспеваемость в старших классах по русскому языку достигала 60 %, ученики 5 класса Ребольской школы в диктанте из 40 слов делали по 30–40 ошибок.

Вообще положение школ района было плачевным. Многие школьные здания требовали ремонта, на который не было денег, не хватало мебели, не говоря уж о необходимом школьном инвентаре. Учителя порой жили в невыносимых условиях, дети в интернатах содержались в грязи и голодали. В 1936 году 75 % школьников района были поражены чесоткой. Нередки были случаи воровства, попрошайничества, хулиганства. Фиксируя все эти безобразия, власти, тем не менее, прежде всего обращали внимание на политический облик учеников и учителей, часто обвиняя последних во всех недостатках. Например, при обследовании Лендерской начальной школы осенью 1937 г. выяснилось, что хозяйство школы запущено, ремонта давно не проводилось, все занятия шли в одном помещении, где была работающая печь, в две смены и только по 3 урока в день из-за отсутствия ламп. В столовой интерната ночевали учитель и уборщица, тут же в столовой находилась и кухня; везде был беспорядок, грязь, не хватало стульев, столов и др. инвентаря... Однако акцент в докладной записке по результатам проверки был сделан совсем на другом. По мнению проверяющих, зав. школой Даниева и 16-летний учитель Константинов «по настоящему не взялись за ликвидацию последствий вредительства буржуазных националистов. Детей не приучают к карельским названиям и навыкам карельской разговорной литературной речи. До сих пор в школе повсеместно употребляются финские слова вихко, тунтти, опеттая, коулу и т. д. ... Ученики не знают вождя партии и правительства, героев сталинской эпохи. На уроке русского языка в 3 классе учитель показывает портрет Сталина, неуверенно поднимается несколько рук. Один отвечает: «Это секретарь НКВД». Показывает портрет Ворошилова, ответ – Буденный».

Зигзаги в языковой и национальной политике хорошо прослеживаются на примере районных газет. 6 января 1935 г. вышел в свет первый номер газеты «Rukajärven kommunisti», совместное издание Ругозерского и Ребольского РК ВКП(б) и райисполкомов. До февраля 1936 г. газета печаталась исключительно по-фински, затем в ней появляются заголовки и статьи на русском языке. Летом 1937 г. издание было переименовано в «Kommunisti/Коммунист» и с № 51 оно становится полностью русскоязычным, иногда с небольшими материалами и на карельском языке (кириллица).

16 мая 1938 г. ребольцы получили собственную газету – вышел первый номер «Реболян колхозника», который сначала пытались печатать на карельском языке, но уже с 4 номера начинается переход на русский и к осени газета становится почти полностью русскоязычной. Последняя метаморфоза произошла в 1940 г. – с ноября в газете появляются статьи на финском языке, а с 5 декабря она стала называться «Repolan kolhoosilainen», хотя основная масса материалов все равно шла по-русски. Последний (309) номер газеты вышел 6 июля 1941 г. (см. табл. 6). Местных материалов во всех этих изданиях было мало, в основном это были перепечатки из центральной и республиканской прессы, тон публикаций менялся в зависимости от ситуации в стране.

В конечном итоге, как известно, языковая проблема была решена насильственными выселками, репрессиями, принудительными миграциями. Доля репрессированных в 1937–38 гг. в Ребольском районе составила около 5 % населения края и почти в два раза превысила средний республиканский показатель. Не удивительно, что численность населения района не увеличивалась, а сокращалась в конце 30-х гг. (1.01.1937 – 2712 чел.,

1.01.1938 – 2370). К 1939 г. она немного возросла – до 2405 чел., но на 55 % это были дети до 18 лет и глубокие старики; почти половина жителей (46 %) была сосредоточена теперь в районном центре. Существенно изменился и национальный состав – треть населения района (и половину населения с. Реболы) составляли русские. Доля карельского населения в крае, превышавшая в 1926 г. 93 %, уменьшилась к 1939 до 64,6 % (см. табл. 7).

Основные источники и литература

Неопубликованные источники

Ulkoasiainministeriön arkisto (UM), Helsinki

11.A Itä-Karjalan vapauserkimykset Vienjään vallankumouksen jälkeen

11.G.I Itä-Karjala. EK:n raportteja 1923–1932

Архив Управления ФСБ по Республике Карелия (Архив УФСБ по РК), Петрозаводск

Фонд КРО (фонд контрразведки)

Фонд СДП (фонд секретного делопроизводства)

Национальный архив Республики Карелия (НА РК), Петрозаводск

Фонд П-3 Областной комитет КПСС

Фонд П-11 Паданский уездный комитет ВКП(б)

Фонд П-31 Ребольский районный комитет КПСС

Фонд Р-202 Паданский УИК

Фонд Р-620 Ребольский РИК

Фонд Р-659 Статуправление КАССР

Фонд Р-689 ЦИК КАССР

Фонд Р-690 СНК КАССР

Опубликованные источники

Бубрих Д. В. Карелы и карельский язык. М., 1932.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том 1. Северный район. Ленинградско-Карельский район. М., 1928.

Ежегодник 1929 г. Выпуск IV. Петрозаводск, 1931.

Краткая записка о развитии и состоянии грамотности в Повенецком уезде за двадцатисемилетний период времени с 1867 по 1893 г. Петрозаводск, 1896.

Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940 гг. Петрозаводск, 1997.

Перепись населения АССР 1933 г. Вып. 1. Петрозаводск, 1934; Вып. III. Петрозаводск, 1935.

Список населенных мест (по материалам переписи населения 1933 г.). Петрозаводск, 1935.

Список населенных мест Карельской АССР (по материалам Переписи 1926 года). Петрозаводск, 1928.

Список населенных мест Олонецкой губернии: По сведениям за 1905 г. Петрозаводск, 1907.

Учет грамотности и образования населения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1910.

Исследования

Алпатов В. М. Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования. 1993. № 4. С. 271–288.

Анттикоски Э. Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е гг. // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 207–222.

Левкоев А. А. Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Петрозаводск, 1992 (препринт доклада).

Такала И. Р. Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 150–175.

Такала И. Р. Сложные судьбы Приграничья: Реболы и ребольцы в первые годы советской власти // Россия и Финляндия в 18–20 вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 206–210.

Такала И. Р. Особенности национальной охоты: ребольские карелы на рубеже двух эпох (1890-е–1920-е гг.) // Карелия и Финляндия на пороге нового тысячелетия. Тезисы докладов международного симпозиума историков. Петрозаводск, 1999. С. 24–30.

Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Издательство «Журнал Нева», 2002.

Takala I. Repola 1922–1939 // Aunuksen Repola. Jyväskylä, 2001. S. 229–251.

Timo Vihavainen & Irina Takala (toim.). Yhtä suurta perhettä. Bolshevikkien kansallisuuspolitiikka Luoteis-Venäjällä 1920–1950-luvuilla. Helsinki, 2000.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Число учащихся в Ребольской земской школе во второй половине 19 в.

год	мальчики	девочки	всего
1867	14	1	15
1872	–	–	–
1877	–	–	–
1882	23	6	29
1887	19	2	21
1892	20	2	22

Таблица 2

Грамотность населения Ребольской волости в 1909 г. (в %)

	всего грамотных			грамотные в возрасте старше 8 лет		
	муж.	жен.	итого	муж.	жен.	итого
Олонецкая губерния	45,05	13,47	28,87	56,68	16,86	36,25
Повенецкий уезд	47,48	17,46	32,33	60,40	22,12	41,15
Ребольская волость	35,67	14,13	24,79	46,03	17,96	31,91

Таблица 3

Школы Ребольского района в 1920–30-е гг.

	школы		в них:	
	всего	из них работающие на финском языке	учителей	учеников
1924/25	6	4	7	106
1927/28	10	10	11	291
1929/30	12	12	13	251
1935/36	6	6	16	336
1938/39	6	-	нет данных	380

Таблица 4

Грамотность населения Ребольской волости в 1926 г. (в %)

	всего грамотных			грамотные в возрасте старше 8 лет		
	муж.	жен.	итого	муж.	жен.	итого
КАССР	61,1	37,5	49,0	78,61	47,07	62,31
Сельская местность	56,8	31,1	43,5	73,75	39,07	55,62
Ребольская волость	60,04	36,73	48,21	75,65	45,27	60,31

Таблица 5
Список работников просвещения Ребольского района 1936 г.

Фамилия	Должность	Место работы	Националь- ность	Каким языком владеет	Примечания и знание русского
Грицкевич А.	Библиотекарь	Реболы	Карелка	Карельский	Слабо финский, с трудом русский
Гордеев В.	Избач	Колвасозеро	Карел	Финский	Русским не владеет
Тарасов П.	Избач	Лужма	Карел	Финский	Русским не владеет
Пянттоев Е.	Избач	Кимоваары	Карел	Финский	Слабо
Дааниев М.	Избач	Лендеры	Карел	Финский	На русском работает с трудом
Солдаткин	Красный уголок	Емельяновка	Карел	Финский	Русским не владеет
Захаров Д.	Библиотекарь	Лендеры	Карел	Финский	Русским не владеет
Кобоева М.	Библиотекарь	Концеостров	Карел	Финский	Русским не владеет
Трифанов Ф.	Избач	Концеостров	Карел	Финский	Русским не владеет
Викман В.	Избач	Пеннингский ЛЗП	Финн	Финский	Слабо русский разговорный
Чуккоев Ф.	Учитель	Реболы	Карел	Финский	Может на русском
Лаакконен О.	Учитель	Реболы	Финн	Финский	На русском работать не может
Риккиля А.	Учитель	Реболы	Финн	Финский	Русским не владеет
Федоров Ф.	Учитель	Реболы	Русский	Русский	Работает на русском
Таску Ив.	Учитель	Реболы	Финн	Финский	Может на русском
Кари К.	Учитель	Реболы	Финн	Финский	Русским не владеет
Ахтонен А.	Учитель	Реболы	Карелка	Финский	Русским не владеет
Тимофеев М.	Учитель	Реболы	Карел	Финский	На русском работать не может
Лехтинен Е.	Учитель	Реболы	Карел	Русский	Работает на русском
Романов В.	Учитель	Колвасозеро	Карел	Финский	Может на русском
Лазарев П.	Учитель	Лужма	Карел	Финский	Русским не владеет
Артемяев Ив.	Учитель	Лендеры	Карел	Финский	Русским не владеет
Лорви И.	Учитель	Кимоваары	Финн	Финский	Русским не владеет
Лорви Л.	Учитель	Кимоваары	Финн	Финский	Русским не владеет
Киуру Д.	Учитель	Концеостров	Карел	Финский	Русским не владеет
Романова В.	Учитель	Концеостров	Карелка	Финский	Русским не владеет

Таблица 6
Ребольские газеты второй половины 1930-х гг.

Год, №	Название	Язык
1935, №1 – 1936, № 9	Rukajärven kommunisti	финский
1936, № 10	Rukajärven kommunisti	финский и русский
1937, № 31 – 1937, № 50	Kommunisti	русский и финский
1937, № 51	Kommunisti	русский
1937, № 60	Коммунист / Коммуниста	русский + редкие материалы на карельском
1938, №1	Реболян колхозникка	русский и карельский
1940, №1	Реболян колхозникка	русский + редкие материалы на карельском, а с осени – на финском
1940, № 71 – 1941, № 51	Repolan kolhoosilainen	русский + редкие материалы на финском

Таблица 7
**Национальный состав населения Ребольского края
по данным переписей 1926, 1933, 1939 гг. (наличное население)**

	1926		1933		1939	
	абсолютная численность	%	абсолютная численность	%	абсолютная численность	%
Всего населения	2148	100	2524	100	2405	100
<i>в том числе</i>						
карелы	2004	93,3	2204	87,3	1554	64,6

русские	44	2,1	213	8,5	715	29,7
финны	63	2,9	94	3,7	14	0,6
прочие	37	1,7	13	0,5	122	5,1

Село Реболы:

	1926		1933		1939	
	абсолютная численность	%	абсолютная численность	%	абсолютная численность	%
Всего населения	177	100	279	100	1107	100
<i>в том числе</i>						
карелы	137	77,4	165	59,1	454	41,0
русские	10	5,6	81	29,1	552	49,9
финны	16	9,0	23	8,2	9	0,8
прочие	14	8,0	10	3,6	92	8,3

*С. П. Морозова,
Петрозаводский государственный университет*

К вопросу о совершенствовании работы школ Петрозаводска в период хрущёвской реформы образования

Существовавшая в СССР к концу 1950-х гг. система народного образования формировалась в течение нескольких десятилетий.

Закон 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» обосновал перспективу перестройки системы образования. Социальный и научно-технический прогресс определял направление работы общеобразовательной школы, требуя усиления принципа политехнизма, повышения качества обучения, совершенствования подготовки молодого поколения к трудовой деятельности, выбору профессии, массового привлечения молодёжи к общественно-полезному труду. Это была попытка комплексно решить проблему образования с учётом новых задач, стоящих перед обществом, а также обеспечить промышленность необходимыми квалифицированными кадрами.

В соответствии с Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» в Карелии повсеместно вводили обязательное восьмилетнее образование для всех детей от 7 до 15–16 лет. Семилетние школы предполагали преобразовывать в восьмилетние начиная с 1959/60 учебного года, завершить этот процесс предусматривали к 1962/63 гг. В качестве основного типа средней школы, дающей полное среднее образование, стали средние общеобразовательные, трудовые, политехнические школы с производственным обучением. Восьмилетняя школа одновременно с изучением основ наук давала трудовое воспитание и обучение начиная с младших классов, готовила учащихся к общественно-полезной деятельности и к производительному труду. Средняя школа с производственным обучением, в отличие от десятилетки, обеспечивала окончившим восьмилетнюю школу полное среднее образование и профессиональную подготовку для работы, в какой либо отрасли народного хозяйства. В 1959/60 учебном году I–V классы всех школ всеобща переводили на работу по новым учебным планам и проектам новых программ. По переходящему учебному плану и ранее существовавшим учебным программам работали VI–X классы. Перестройка учебно-воспитательного процесса предполагала изменение как содержания, методов так и организации новых форм обучения и воспитания. В учебные планы наряду с трудовым обучением включались предметы политехнического характера, производственное обучение и производительный труд учащихся. В средних общеобразовательных трудовых, политехнических школах с производственным обучением на производительный труд и производственное обучение выделяли 1/3 учебного времени, а 2/3 учебного времени оставалось на изучение общеобразовательных дисциплин. Добавление XI класса позволяло сохранить время на изучение основ наук, так как добавленный год практически уходил на трудовое обучение и производительный труд.

В Петрозаводске в начале 1959/60 учебного года работало 37 школ всеобща, из них 10 школ начальных, 10 семилетних, 1 восьмилетняя, 16 школ средних.¹ Из общего количества средних школ пять являлись одиннадцатилетними с производственным обучением – школы №№ 1, 8, 9, 24 и 30. В течение нескольких лет шёл процесс реорганизации школ из семилетних в восьмилетние и из средних в средние трудовые политехнические школы с производственным обучением. В результате реорганизации в конце 1963/64 учебного года в городе было 33 школы. Из них 1 – начальная, 21 – восьмилетняя, и 9 школ средних, а также 2 – вспомогательные школы. В числе средних школ восемь имели классы с производственным обучением.² Для этих школ были опреде-

¹ НА РК. Ф. 700. Оп. 20. Д. 31/252. Л. 273.

² НА РК. Ф. 581. Оп. 5. Д. 43/783. Л. 16.

лены профили обучения и специальности. Учащиеся обучались 35-ти различным специальностям: токарь, слесарь, фрезеровщик, полиграфист, станочник. Для девочек в 1961/62 году были открыты новые специальности: медицинская сестра для детского учреждения, пионервожатая, стенографист-делопроизводитель. При организации производственной практики учащихся школ г. Петрозаводска ставили две основные задачи: соединить изучение основ наук (физики, химии, математики, черчения) с учебно-производительным трудом, а также ознакомить учащихся с основными процессами производства путём организации их практической работы в двух-трёх цехах предприятия. В соответствии с этим проведены были следующие мероприятия: семь школ города №№ 1, 4, 7, 9, 22, 24 и 30 в 1957/58 учебном году начали работать по новому учебному плану. Учащиеся девятых классов этих школ изучали курс «основы производства» на базе конкретных промышленных предприятий. Так, учащиеся средней школы № 4 и № 9 изучали производство на Онежском тракторном заводе, а средних школ № 24 и № 22 – на базе Домостроительного комбината; ученики средней школы № 7 – на базе Соломенского лесозавода, учащиеся школы № 1 – на базе автопарка и молокозавода. На общее ознакомление с предприятием и экскурсии затрачивали от 30 до 40 учебных часов, после чего учащиеся включались в производственную практику.³ Для руководства производственной практикой привлекался инженерно-технический персонал предприятий. В ходе практики учащиеся средней школы № 7 на Соломенском лесозаводе работали в лаборатории по определению влажности древесины, в электромонтажном, пилюставочном цехах и в цехе стружки. Ученики средней школы № 22 в стенах Домостроительного комбината изучали деревообрабатывающие станки. Учащиеся школы-интерната № 1 изучали строительное дело на базе Стройуправления, и сами построили каменное здание школьной теплицы.

В 40-й средней трудовой политехнической школе было введено производственное обучение в IX–XI классах. С 1959/60 учебного года учащиеся девятых классов в течение трёх лет работали с коллективом деревообрабатывающего цеха домостроительного комбината. Классный руководитель Л. С. Журавлева так описывала рабочие проблемы: с началом работы возникало много трудностей: не успевали готовить домашнее задание, быстро уставали, жаловались на головную боль. В результате несколько снизилась успеваемость. Приходилось проводить беседы о трудовой дисциплине, так как работа учащимся быстро надоедала, и они с нетерпением ждали её окончания. А потом привыкли.⁴ В 1960/61 учебном году все ученики имели 4-й разряд станочника по деревообработке. В работе с коллективом классный руководитель использовала различные формы работы: проводил диспуты, встречи с передовиками производства, проводила совместные вечера с участием учащихся и рабочих, на родительских собраниях обсуждала вопросы производственного обучения, заключения договоров на социалистическое соревнование с одной из бригад комбината. В средней школе № 8, также работающей по программе 11-летней трудовой политехнической школы с производственным обучением, девочек обучали специальности швея-мотористка, трикотажница, а мальчиков – по деревообработке и металлообработке. Практика проходила на базе трикотажной фабрики и завода «п/я № 14». Всего в производственных классах было 120 человек, из них 51 человек получил производственный разряд. Каждый ученик должен был отработать по 2 часа еженедельно или на обустройстве школьного двора, или участвовать в сборе макулатуры и металлолома, а также помогать в воспитании младших школьников в группах продлённого дня. За год было собрано 113 тонн металлолома. Велась кружковая работа старшеклассников по рисованию в 5-х классах и по черчению в 7-х. В целом в школе работало 27 кружков и секций, ими было охвачено 495 человек.⁵

Практика реального осуществления поставленных перед школой задач по политехническому и производственному обучению оказалась трудноразрешимой. В школах не хватало станочного оборудования, а предприятия не имели возможности одновременно выделить необходимое количество станочного оборудования для работы всех учащихся.

Так, учащиеся 4-й средней школы в количестве 33 человек в 1957/58 учебном году во время практики на Онежском тракторном заводе были прикреплены дублёрами к производственным рабочим, так как выделить такое количество рабочих мест одновременно завод не мог. В конце практики ученикам был выделен станок для сдачи проб на разряд. Однако из 33 учеников сдали на разряд только 7 человек. Работа учащихся 9-й средней школы проходила в две смены, и 21 ученик этой школы получил квалификационный разряд, в фонд школы учащиеся заработали 1095 рублей.

Низкий уровень производственного обучения объяснялся отсутствием на предприятиях учебных цехов. На мебельной фабрике, авторемонтном заводе, Беломорско-Онежском пароходстве к началу 1961/62 учебного года не была налажена и подготовлена производственная база для практического обучения. Как следствие – отсев из классов с производственным обучением. В школе № 24 почти 50 % учащихся, окончивших девятый класс с производственным обучением, не хотели продолжать учёбу в десятом классе.⁶ Наметиалась тенденция среди учащихся десятых классов, получив производственный разряд, покидать школу до завершения полного

³ Иванова, Е. С. Итоги учебно-производственной практики учащихся 9-х классов школ г. Петрозаводска / Е. С. Иванова // Растить умелых, инициативных : из опыта воспитательной работы. – Петрозаводск, 1962. – С. 74.

⁴ Журавлёва, Л. С. Воспитательная работа в классе с производственным обучением / Л. С. Журавлёва // Растить умелых, инициативных : из опыта воспитательной работы. – Петрозаводск, 1962. – С. 23.

⁵ Мартикайнен, В. В. Участие старшеклассников в воспитании младших / В. В. Мартикайнен // Растить умелых, инициативных : из опыта воспитательной работы. – Петрозаводск, 1962. – С. 30.

⁶ НА РК. Ф. 630. Оп. 3. Д. 41/517. Л. 27.

курса обучения. Весной 1962 года школы города №№ 1, 8, 9, 30, 40 выпустили из одиннадцатых классов 150 учащихся, которые вместе с аттестатом получили квалификационное удостоверение по избранной специальности. Из 41 выпускника школы № 9 работали на Онежском тракторном заводе 17 человек.

В целом по республике в организации производственного обучения большинство предприятий не в состоянии были определить, сколько человек ежегодно они смогут устроить на работу по специальности, получаемой учащимися в 11-летней школе. Так, предприятия ЦБДК Ляскеля, Целлюлозный завод «Питкяранта», Медвежьегорский ЦРММ не испытывали потребности в рабочей силе, хотя на их базе и были созданы 11-летние школы. По окончании 1959/60 учебного года Госплан и Совнархоз не имели данных о потребности в рабочей силе по различным специальностям, что затрудняло определение профилей для подготовки кадров массовой квалификации в 11-летней школе. Ряд школ, проработав один год в данной ситуации, оказывались перед необходимостью менять профиль обучения. Подобные перемены не способствовали ни созданию учебно-материальной базы, ни комплектованию кадров.

Предприятия города, шефствующие над школами, оказывали им существенную помощь в укреплении учебно-материальной базы. В течение нескольких лет Онежский тракторный завод являлся шефом средней школы № 4, средней школы рабочей молодёжи № 3, Святозерского детского дома и Святозерской семилетней школы Пряжинского района. Для школы рабочей молодёжи № 3 завод предоставил оборудование, помещение в административном здании, что дало возможность организовать занятия в две смены. Для Святозерской семилетней школы построили здание школьного интерната на 50 мест. Для средней школы № 4 завод построил новое школьное здание, в котором не хватало помещения для мастерских. За счёт внутренних ресурсов завод построил на школьном дворе новое кирпичное здание для мастерских и полностью их оборудовал для занятий по столярному, токарному и слесарному делу.

Много нерешённых вопросов было не только по организации производственного обучения, обеспечения рабочих мест, но и по содержанию учебно-воспитательной работы. Школы работали по проекту Программы воспитательной работы. Классные руководители в соответствии с новыми задачами искали эффективные методы воспитательной работы. В целях практической и психологической подготовки школьников к труду организовывали встречи с членами бригад коммунистического труда, соревнования с коллективами подшефных предприятий.

В школах вводили самообслуживание. Учащиеся участвовали в уборке классов, ремонте мебели и школьных зданий, сажали и выращивали деревья и цветы и ухаживали за живыми уголками, дежурили в школьных буфетах и столовых. Самообслуживание в школах сочетали с уроками домоводства и занятиями в школьных мастерских, на учебно-опытных участках. Активно вводившаяся в то время кабинетная система предполагала оснащение их наглядными пособиями, которые также изготавливали учителя совместно с учениками. В 1961/62 году в городских школах имелось 22 кабинета физики, 15 химии, 15 биологии, 6 машиноведения, 3 кабинета электротехники и 18 прочих (домоводства, кулинарии) учебных кабинетов. Из общего количества семилетних, восьмилетних и средних школ 24 имели мастерские по металлу и дереву, 1 школа только по дереву и 4 школы не имели никаких мастерских.⁷ Особое внимание уделяли эстетическому и физическому воспитанию учащихся. Во многих школах создавали картинные галереи из репродукций картин известных художников. Всё более широкое развитие приобретал туризм. Ученики 22 средней школы города под руководством учителя географии Жирновой Н. М. совершили поход по Карельскому перешейку. В 26-й восьмилетней школе города было введено самообслуживание. За два года школьники выкопали в лесу и посадили на опытном участке 100 кустов, собрали 34 тонны металлолома, 7 тонн макулатуры, очистили 10 га леса для строительства. Учащиеся активно участвовали в посадке леса в Шуйско-Виданском леспромхозе и произвели посадку на участке 28 га. По итогам 1959 года при школах было создано 3 подсобных хозяйства, 7 мастерских, 11 кабинетов, 9 живых уголков, 8 теплиц, 250 парников, 4 спортзала и спортплощадки.⁸ Таким образом, производительный, полезный труд стал одним из направлений учебной и воспитательной работы.

Главная задача заключалась в организации всеобуча и обеспечении качества знаний учащихся по общеобразовательным дисциплинам. Ни один район республики не справлялся с задачей полного охвата детей всеобучем, и в течение учебного года допускался отсев учащихся из учебных заведений. В 1960/61 учебном году на повторное обучение в городе было оставлено 834 ученика, к концу 1961/62 учебного года по городу не обучалось 27 детей школьного возраста, количество второгодников по всем школам города составило 1393 ученика из 24168 обучающихся. Успешно решали задачу всеобуча отдельные школы Петрозаводска – №№ 2, 4, 24, 9. С этой целью в городе в 1959/60 году было создано 22 группы продлённого дня. В целом успеваемость учеников, посещающих группы продлённого дня, была выше, чем общая успеваемость по городу. В группах продлённого дня за год успеваемость составляла 94,8 %, а общая по городу – 91,8 %. В школах №№ 6, 8, 22, 24, 30 в группах продлённого дня ученики имели полную успеваемость.

Важнейшим условием выполнения всеобуча являлось оказание материальной помощи нуждающимся, организация горячего питания. До 70 % контингента получали питание в школьных столовых города. Решением Исполкома Горсовета от 18 марта 1960 года «О выделении средств по школам на бесплатное молоко для малообеспеченных учащихся I–IV классов» в 1960 году было выделено из средств бюджета на год 80 тысяч руб-

⁷ НА РК. Ф. 581. Оп. 5. Д. 33/573. Л. 61.

⁸ НА РК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 766. Л. 49.

лей.⁹ В 1961/62 учебном году в 33 школах города было организовано горячее питание и установлено свыше 130 единиц различного холодильного и технологического оборудования.

Для оказания материальной помощи малообеспеченным детям в школах города был создан в 1959/60 году фонд всеобуча в сумме более 265 тысяч рублей, который школы пополняли: учащиеся давали платные концерты, из фондов подшефных предприятий выделялись средства школам, а также фонд всеобуча пополнялся за счёт средств, полученных от сбора металлолома, макулатуры.

Школы потратили на материальную помощь учащимся в 1959/60 году из фонда всеобуча 148,7 тысяч рублей.¹⁰

Одной из главных задач являлась организация работы учителей без второгодников. Большую роль в распространении педагогического опыта и мастерства сыграли школы передового педагогического опыта. В 1960/61 году в городе работало 14 городских школ передового опыта и при них 82 группы передового опыта. В городских школах передового педагогического опыта училось 170 учителей, и 240 учителей – в группах передового опыта в своих школах. Мастера педагогического труда передавали свой опыт молодым учителям. Руководителями школ передового педагогического мастерства являлись Шарапова Е. А., Кондратьева К. М., Самсонова З. М., Севандер М. О., Журавлёва М. А., Фрадков И. С., Ганжиков А. Ф., Розанова О. Г., Виноградова К. М. Они обучали новым методикам, а также давали практические рекомендации по новым учебным программам. В Петрозаводске по итогам 1959/60 учебного года 75 учителей начальных классов закончили учебный год с полной успеваемостью. Учителя-предметники: 10 математиков, 10 литераторов, 15 биологов, 7 физиков и 7 историков – также отработали без второгодников. Успеваемость в школах города повышалась незначительно: в 1957/58 учебном году она составляла 88,4 %, в 1958/59 учебном году – 88,8 %, в 1959/60 учебном году – 91,8 %, 1960/61 учебный год – 92,6 %.¹¹

Задачу повышения общеобразовательной подготовки всего населения до уровня восьмилетней школы, а также ликвидации малограмотности без отрыва от производства решали школы рабочей и сельской молодёжи. Вечерние (сменные) средние общеобразовательные школы рабочей молодёжи наряду с полным средним образованием обеспечивали повышение производственной квалификации молодых рабочих или получение ими второй специальности. В 1961/62 учебном году в городе работало 13 школ рабочей молодёжи включая железнодорожную школу, в которых без отрыва от производства обучалось 2581 человек.

Ежегодно план охвата обучением работающей молодёжи увеличивался, так как на предприятиях около 18 тысяч рабочих не имели среднего образования. Однако отсев из школ рабочей молодёжи в течение года был высок и за год составил 22,8 %, а успеваемость оставалась низкой – 82,4 %. В развитии школ рабочей молодёжи оставалось несколько проблем. Одна из них была связана с организацией двухсменной работы этих школ, этого требовал рабочий график предприятий, иначе было невозможно совмещать учёбу с работой. Школы рабочей молодёжи, не имеющие самостоятельных зданий, вынуждены были организовывать учебный процесс в третью смену в помещениях дневных школ. В таком режиме работала школа рабочей молодёжи № 2. Из-за недостатка классных помещений занятия нередко проводились в коридорах. В ШРМ № 1 не выдерживались санитарные нормы, в зимнее время в классах была низкая температура, как следствие – большой отсев учащихся. В городе восемь школ рабочей молодёжи являлись сменными. Вечерняя (сменная) школа № 5 являлась одной из успешно развивающихся. В соответствии с идеей быстрого построения коммунизма педагогический коллектив этой школы внедрял в планы воспитательной работы различные мероприятия с целью распространения среди учащихся коммунистического отношения к труду. Совместно с коллективами предприятий, где работали ученики этой школы, педагогический коллектив пытался выполнить задачу воспитания передовиков производства и увеличения рядов бригад коммунистического труда. Перестройка учебно-воспитательной работы с целью приближения теории к практике заключалась в повышении производственной квалификации молодых рабочих, учащихся ШРМ. В ШРМ № 9 группа столяров-станочников, работающая на базе Петрозаводского домостроительного комбината, изучала технологию деревообработки по программе техникума. Также создавали факультативные курсы, которые давали вторую специальность. В ШРМ № 5 с целью приобретения второй специальности был создан факультативный курс автодела.

Недостатками учебного процесса оставались: слабое знание учителями политехнического цикла производства и недостаточное привлечение производственного материала в преподавании. Для повышения квалификации создавали политехнические комиссии и политехническую учёбу учителей во всех средних школах с производственным обучением. Организовывались экскурсии на предприятия, знакомство учителей с производством. Преподавателями производственного обучения часто выступали инженерно-технические работники предприятий, которые слабо знали программы и не владели методикой обучения. Руководители школ, загруженные организационными проблемами и решением задач производственного обучения, значительно меньше времени уделяли внутришкольному контролю преподавания общеобразовательных предметов. Практическая часть программ по математике, физике зачастую полностью не выполнялись, не проводились производственные экскурсии на предприятия, не велись факультативные кружки, что являлось обязательным требованием новых программ.

⁹ НА РК. Ф. 581. Оп. 5. Д. 25/394. Л. 9.

¹⁰ НА РК. Ф. 581. Оп. 5. Д. 25/394. Л. 9.

¹¹ НА РК. Ф. 581. Оп. 5. Д. 32/551. Л. 3.

Перестройка учебно-воспитательного процесса проходила в условиях возрастающего контингента учащихся, строительство школ отставало от темпов роста контингента. Ежегодно вводилось в строй 2 школьных здания, что не давало возможности существенно снизить коэффициент сменности занятий в школах города. Некоторые школы, не имея достаточной материальной базы, с трудом справлялись с обеспечением учебно-воспитательного процесса, тем не менее материальная база школ, прежде всего по их оснащению мастерскими, кабинетами значительно окрепла. Безусловно, позитивным моментом был переход к всеобщему восьмилетнему образованию, повышающий уровень образования молодежи и расширяющий образовательные и воспитательные возможности школы.

*Н. Н. Мамонтова,
Карельский научный центр Российской академии наук*

Село Виданы в свете топонимии

История и современное состояние старинного села Виданы уже были объектом данного рассмотрения.¹

Напомним, что оно расположено по обоим берегам реки Шуя в 25 км от ее впадения в Онежское озеро.²

Впервые поселение упомянуто в Писцовых книгах Обонежской пятины 1496 и 1563 годов.³ «Погост Никольский на Шую реце у Онега озера... В Никольском же погосте в Шую царя великого князя волостка Лукинская Федорова на **Видени**. Дер. на **Видени** Куземка Алексеев, Лучка Васильев, Аврамко Васильев, Ондрейко Васильев, 2 обжы с третью, сеют в поле ржи 3 коробки с четвертою, сена косят 15 коп. Дер. на **Видени** ж: Тимошка Васильев, брат его Терешка, Яшко Андреев, обжа без трети, сеют в поле ржи коробью, сена косят 10 коп.». И далее: «Поч. на **Видоне**...», «Волостка Микитинская // Грузова на **Видане**». «Дер. под Порогом у Бесовца Пахомовская...», «Дер. на **Видени** Нестеровская же Павликовская Филистова». «Дер. на **Ведени** же Мелешковская...». «Дер. на **Видене** ж Онтиповская» и т. д.

Особенностью села является то, что оно было первым карельским поселением в низовьях Шуи, а также и то, что жителями его издавна были карелы-людики. Оно изначально являлось пограничным между русскими, с одной стороны, и карелами-ливвиками – с другой. Этого нельзя не учитывать при изучении истории, языка и культуры жителей Видан, как и того обстоятельства, что село находилось в непосредственной близости от места обитания древней веси – предков современных вепсов. Не исключены также следы пребывания на данной территории еще более древних обитателей края – саамов. Естественно, что сильное влияние карелы-людики, в первую очередь жители Видан, испытывали со стороны русского населения, особенно после возникновения в 1703 году в непосредственной близости г. Петрозаводска, с этнически смешанным населением, но с преобладанием русского. Жители Видан испытали сильное влияние русского языка в хозяйственной, культурно-бытовой и других сферах жизни. Служба в армии, работа в городе мужчин-карелов, национально-смешанные браки, обучение детей в школе только на русском языке издавна способствовали двуязычию жителей Видан, а со временем привели к сужению роли и места своего родного карельского языка. Он, являясь бесписьменным, исключался из официальной сферы и школьного образования и употреблялся в основном на семейно-бытовом уровне. Такое положение карельского языка вызывало у молодого поколения карел-людики отношение к нему как непрестижному, неперспективному. Именно этими обстоятельствами объясняется то, что на сегодня в с. Виданы практически не осталось карелов, свободно владеющих своим родным языком. Все это прямо или косвенно находит свое отражение в топонимии села Виданы, в его географических названиях, которые были собраны нами непосредственно от коренных жителей в 80-х годах прошлого века. Привлечены также более ранние записи, сделанные известным финским ученым Вильё Ниссиля,⁴ и другие источники (писцовые книги, акты, грамоты, карты, списки населенных мест XIX и XX веков и т. д.). Всего рассматривается более 200 названий мест в окрестностях села Виданы (его частей, пахотных и сенокосных угодий, лесных урочищ, водных и других объектов).

Части современного села Виданы – это бывшие деревушки, каждая со своим названием, в основном, определяющим их местоположение: *Alaiž[agd' (e)* ('нижний конец') – Нижние Виданы, *Ūläiž[agd' (e)* ('верхний конец') – Верхние Виданы, *Ūliči* (буквально 'через (реку), напротив') – Зарека (или Антушевская), *Viäčurde* – Вячурга.

В названиях мест, используемых жителями Видан на протяжении не одного столетия, содержится разнообразная информация. Довольно часто топонимы информируют о местоположении того или иного объекта непосредственно или косвенно (относительно неких других объектов): *Taga[d'ogi* ('задняя река'), *Taga[peldot* ('задние поля'), *Taga[suo* ('заднее болото'), *Ūlähäine[selgi* ('верхняя сельга'), *Keskiine* (позни 'средние, нахо-

¹ Село Виданы: история и современность // Краеведческие чтения : материалы II науч. конф. (16 мая 2008 г.). Петрозаводск, 2009. С. 54–57.

² Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1904. Т. XL. С. 27.

³ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 120.

⁴ Viljo Nissilä. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki, 1961.

дящиеся в середине'), *Zavočskii|dorog* ('заводская дорога', ведущая к Кончезерскому заводу), *Korben|agd'e* ('конец (край) чащи'), *Mägi|peldoine* ('небольшое поле на горе'), *Niemen|peldot* ('поля на мысу'), *Ahven|lambin|očče* ('урочище перед Окуневой ламбушкой' – Ahvenlambi + očče 'лоб, передняя часть чего-либо'), *Külmän|ojan|mägi* ('гора при ручье Külmänoja'), *Riih|peldo* ('ригачное поле', 'поле у ригачи') и т. д.

Названия сообщают нам и о том, каким был на данной территории растительный и животный мир в период их возникновения, например: *Lepp|oja*, *Leppo* – ручей (lepp, leppe 'липа'), *Homžom* и *Pedäikkö* – два урочища, названия которых переводятся одинаково 'сосняк (сосновый бор)'. При этом имеются в виду два вида сосны: *hong(e)* 'очень хорошая, высокого качества, смолистая сосна (так называемая корабельная)' и *pedäi* 'сосна, уступающая первой по качеству (с меньшим содержанием смолы)'. Кстати упомянуть и о сосне *mändy* (менее качественной, чем эти две). Напомним аналогичные названия трех карельских деревень: Гомсельга, Педасельга и Мядусельга (в переводе все они – 'сосновые сельги').

О растительности говорят нам и такие виданские названия, как: *Huab|lahti*, *Huab|niemi* (соответственно 'осиновый залив', 'осиновый мыс, полуостров'); урочище *Kadaikko* (буквально 'можжевельник', 'место с зарослями можжевельника'); *Lehtes|niemi* (в переводе 'лиственный мыс', т. е. заросший лиственными породами деревьев < *lehtes* 'листь'); *Korteh|orgo* ('урочище с зарослями хвоща'), *Kortehorgon|niitüt* (покосы в этом урочище). В данную группу названий входит и топоним *Korbeh* (< *korbi* 'глухой лес, чаща'). Кстати заметим, что название села *Виданы* относится к этой же группе «растительных» и происходит от словосочетания *viidoi al* – буквальный перевод 'под ельником' (< *viidoi* 'еловый лес'). Для сравнения: на острове Кижы есть часовенка из деревни Подбельники, а на реке Шуя имеется порог под довольно образным названием *Viidoi|niške* (< *niške* 'затылок, шея; задняя часть чего-либо', в данном случае – ельника).

Сами за себя говорят названия, образованные от лексем, обозначающих тех или иных птиц, животных, как диких, так и домашних: *D'oučen|suo* ('лебединое/лебяжье болото' < *d'ouče* 'лебедь'), *Kukoin|mägi* ('петушиная или петуховая гора' < *kukoi* 'петух'), *Kondii|koski* ('медвежий порог' на р. Шые), *Kond'oi* ('медвежий ручей' < *kondii* 'медведь' + *oja* 'ручей'), *Sagarvoizet* ('выдринские' – покосы < *sagarvo* 'выдра', *sagarvoine* – деминутив 'выдрочка'), *Hiiren|oja* ('мышинный ручей'). При этом нельзя не отметить того обстоятельства, что эта группа названий не столь однозначна, какая-то часть из них может восходить к древним личным именам или прозвищам проживавших здесь карелов, подобно русским: Лебедев, Медведев, Выдрин и т. д.

В названиях целого ряда объектов содержится их характеристика. К этим «говорящим самим за себя» топонимам относятся такие, как: *Korged|mägi* ('высокая гора'), *Pitke|mägi* ('длинная (долгая) гора'), *Pitke|halmiž* ('длинная подсека'), *Ližm|oja* ('грязный, илистый ручей'), *Liet|oja*, *Liet|oja* ('песчаный ручей', т. е. с песчаным дном), *Ruozm|oja*, *Ruozme|suo* ('ржавый ручей' и 'ржавое болото'), *Savi|mägi* ('глиняная гора', где брали глину для хозяйственных нужд: кладки печей и т. д.), *Külmel|oja* ('холодный ручей; родник'), *Gomižii|mägi* 'звучащая (грохочущая) гора': «когда по ней идешь, гулкий звук раздается, как будто по колоколу идешь»), *Hüpin|mägi* – второе название горы *Pesku|mägi* ('песчаная гора'), употребляемое детьми, прыгающими с этой песчаной горы вниз (кто дальше?), *Reduine* – покосы ('грязные, захлащенные'), *Koveran|niemi* ('кривой, изогнутый, мыс'), *Kal'ioine* – урочище (< *kal'l*, *kal'l'ivo* 'скала'), *Mugla|soja* ('пенящийся (пенистый) ручей' < *muglas* 'щелок', когда белье кипятили в воде с золой вместо мыла).

Достаточно большая группа названий образована от имен, прозвищ, фамилий местных жителей, чаще всего собственников поименованных объектов, или каким-либо другим образом имеющих к ним отношение (случаи, происхождения и т. д.): *Iudan|pol'anke* ('Иванова полянка'), *Kalinan|niitüt* ('покосы Калининых'), *Karpan|oja* ('Карпов ручей'), *Savinan|polosat* ('Савиновские полосы' – земельный участок), *Loginan|mel'i'ičče* ('Логиновская мельница'), *Hilipän|haude* ('Филиппова яма', где жгли уголь), *Markelan|suo* ('Маркеловское болото', ср. название деревни Маркелица в 25 км от Видан), *Nastoin|d'ogi*, *Nastoin|uito* ('Настасьины речка и узкий, длинный, сырой покос между возвышенностями'), *Pol'akovan|boru* 'Поляковский бор, бор Полякова') и многие другие подобные названия. Все они свидетельствуют о том, что карелы, живущие здесь издавна, были православными, получившими при своем крещении в 1147 году православные христианские имена и весьма своеобразно усвоившими их. Конечно, наряду с этими именами употреблялись и прозвища. К сожалению, их не удалось в свое время зафиксировать, но они несомненно были, ср. например, топоним *Čurkan|puuste* 'пустошь (поле) Чуркиных' (от русского «чурка»).

Следует заметить, что мотивация названий далеко не всегда очевидна. В большинстве случаев она давно утрачена, тем более, что людей, хорошо знающих прежнюю топонимию, фактически уже не осталось. Нынешние жители Видан почти не знают, как назывались те или иные объекты, да и сами эти объекты претерпевали определенные изменения под воздействием различных жизненных обстоятельств. Так, например, множество мелких земельных участков – каждый со своим названием – были объединены вначале в колхозные, а затем – совхозные поля, которым зачастую присваивались новые названия: Первое поле, Второе поле и т. д. Мало кто может сейчас сказать, где находится луда *Ruočin|luodo* ('шведская луда') и почему она так называется (< *ruočči* 'швед; шведы'). Не сохранилось никаких легенд, сведений, связанных с этим и многими другими подобными названиями.

Если говорить об исторических пластах в топонимии Видан, то можно отметить следующее: наиболее древний пласт их, вероятно, те самые топонимы, которые не поддаются расшифровке с точки зрения известных нам языков. Среди них, возможно, название реки и поселка Чална – *Čaunan(Čalnan)|d'ogi*, *-pos'olke*, озера

и поселка Падозеро – *Puad'd'ärvi*, реки и поселка Вилга – *Vilge, Vilgan'd'ogi, -pos'olke* и целый ряд других неясных топонимов. Большинство же названий вокруг Видан – карельские (людиковские) по происхождению. Имеются среди них и русские, усвоенные в разное время и переработанные карелами по нормам своего языка: *Petro(v)skoi* – Петрозаводск, *Zavočskii|dorong* – Заводская дорога (дорога к Кончезерскому заводу), *Stopätijkvartal* – 105 квартал. Особенно много русских заимствований из области земледелия: *Obod* ‘земли и межа вокруг них’,⁵ *Pol'anke* ‘полянка’, *Puuste* ‘пустошь’, а также другие: *Gorotke* ‘военный городок’, *L'ežnofke* ‘лежневка (дорога в лесу)’ и т. д. Иногда они употребляются не только наряду, но и даже вместо исконных своих, например, *Boru* (ср. кар. *kangas* ‘бор’), *Bolotan|silde* (вм. *Suo|silde*) и т. д.

Как уже было сказано выше, к ним относится и большая группа названий мест, образованных от русских имен, прозвищ, фамилий, заимствованных карелами в разные исторические периоды.

Что касается структуры рассмотренных карельских топонимов, то основным источником их образования является в большинстве своем апеллятивная лексика, при этом часть нарицательных слов, прежде всего географические термины, просто переходят в разряд собственных: *Kadaikko* (‘можжевельник (его заросли)'), *Kangas* (‘бор’), *Korbi* (‘чаща’), *Luhte* (‘лужа’) и т. д. Наряду с ними активно употребляются сложные названия мест, в которых местные географические термины выступают в роли как основной части топонимов, так и его определений: *Ahven|lambi* и *Lambin|suo*, *Huab|niemi* и *Niemen|suo*, *Pit'ke|mägi* и *Mägi|peldo* и т. д.

Другой источник, не менее значительный, – имена собственные, среди которых важное место занимают как сами топонимы, так и антропонимы: личные имена, фамилии, прозвища людей – основателей, владельцев именуемых объектов или имеющих к ним какое-либо иное отношение (различного рода происшествия, случаи и т. д.): *Alaižagd'an|peldot*, *Besoučan|koski*, *Čalnan|d'ogi*, *Ližmojan|peldot*, *Niižd'ärven|dorong*, *Noroselgän|lambi* и т. д.; *Agd'an Vas'an|niitüt*, *Dekun|mägi*, *Hilipan|haudat*, *Mačīn|kivi*, *Morozan|mel'l'ičče*, *Nastoin|d'ogi* и т. д.

Подводя итог представленному материалу, можно отметить, что топонимия является важным источником сведений о жизни и быте коренного населения Карелии в прошлом: кто, когда и как заселял эту территорию на протяжении нескольких столетий, каковы были здесь природно-климатические условия, растительный и животный мир, как жили, чем занимались, во что верили наши предки. Именно поэтому необходимо собирать и сохранять прежние да и нынешние названия мест той или иной территории Карелии.

Приложение

Список топонимов

Abrosimanniitüt – пк	Čuralahti – ур., дер. Чуралахта
Agd'an Vas'ann'iitüt – пк	Čurkanpuuste – з/у
Ahvenlambi – оз.	Čeudžanoja – руч.
Ahvenlambinčuppu – ур.	Čeudžansuu – ур. (устье р. Чевжи)
Ahvenlambinočče – ур.	D'akunniitüt – пк
Akimankaivates – пк	Danilovanniitüt – пк
Akimanniitüt – пк	Dekunkujo – пр
Akimanpeldot – пл	Dekunmägi – г.
Akimanpuustat – з/у	Dekunkasekset – ур.
Alahaine Besoučankoski – пр	D'essu – ур. (близ д. Эссойла)
Alahaine Besouče – дер.	D'oktehaudat – ур.
Alahaineuito – з/у	Farkenočče – ур.
Alahišto – ур.	Fokanniitüt – пк
Alahištonpeldot – пл	Fokankujo – пр.
Alaižagd'anpeldot – пл	Fokankujonsuu – ур.
Alaižagde – дер.	Fomangrišanniitüt – пк
Alaviidan – дер. Нижние Виданы	Gomižiimägi – г.
Alaviidanankohte – з/у	Gorotkantaga – ур.
Anninniitüt – пк	Gorotke – городок
Besoučankoski – пр	Hadaroi руч., ур.
Besoučanniitüt – пк	Hadaroinmägi – г.
Besouče – н. п. Бесовец	Hal'därvi – оз. и дер. Галлозеро
Bolotansilde – мост	Harakoušin – ур.
Boru – бор	Harakoušinanniitüt – пк
Čalne (Čaune) – пос. Чална	Hard'azoja – руч.
Čalnan d'ogi (Čaunand'ogi) – р. Чална	Hard'azojanniitüt – пк
Čalnansuu – устье р. Чалны	Hebokoskenniitüt – пк
Časounankohte – часть дер.	Hebokoskenpolänkat – пл
Čuiniemi – п-ов, дер. Чуйнаволоок	Hebokoski – пр

⁵ Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. С. 531.

Hiirenoja – руч.
 Hilipänhaudat – ур.
 Homžom – ур.
 Huabakovantiešuari – ур.
 Huablahte – зл
 Huabniemi – п-ов
 Humbar'niemi – п-ов
 Hüpinmägi – г.
 Ivdanniittü – пк
 Ivdanpol'ankat – пл
 Ivdansuaret – з/у
 Ivšoinniittüt – пк
 Kadaikko – ур.
 Kalinanniittüt – пк
 Kal'l'oine – ур.
 Kangas – л/у
 Karango – ур.
 Kard'aine – дер. Карельская
 Karpanoja – руч.
 Kego – пл
 Kendärvi – оз., дер. Кончезеро
 Keskiine – ур.
 Kivihalmeh – пл
 Kivisilde – ур.
 Kivizapol'ke – пл
 Kivoja – руч., ур.
 Kondiikoski – пр.
 Kond'oi – руч.
 Korbenagd'(e) – з/у
 Korbi – ур.
 Korgeimägi – г.
 Korteorgo – ур., бол.
 Koski – пр., дер. Порожек
 Kover(an)niemi – п-ов
 Kuko(i)nmägi – г.
 Kuldemägi – г.
 Kumbohot – пк
 Külänkohte – з/у
 Kül'mänoja – руч.
 Kül'mänojančuppu – ур.
 Lagedadniittüt – пк
 Lambintaga – ур.
 Lambinsuo – бл
 Laudkangas – л/у
 Lavoivongu – ур.
 Lehkivi – ур.
 Lehtesheine – пк
 Ležn'ovke – дорога
 Lietoja – руч., ур.
 Lietomägi – г. Peskumägi
 Ligočču – ур., г.
 Lipčag – дер. Липчага
 Ližmoi – руч., ур.
 Ližmojanpeldot – пл
 Loginsnmel'l'ičče – мельница
 Lopatkinanniittüt – пк
 Luhte – ур.
 Mačinkivi – ур.
 Mahoj – ур.
 Markačovanpol'anke – пк
 Markelankylä – дер. Маркелица
 Markelansuo – бл
 Matrosanniittüt – пк

Matrosantollit – пр в р. Шье
 Meččepeldo – пл
 Mikulkinanniittüt – пк
 Morozaanmel'l'ičkoski – пр
 Morozaanmel'l'ičče – мельница
 Muglasoja – руч.
 Muglassuo – бл
 Mul'l'akkomägi – г.
 Mundärvi – оз., дер. Мунозеро
 Mäginikoski – пр, ур.
 Mägilpeldo – пл
 Nastoind'ogi – р.
 Nastoinnito – р.
 Niemenniittüt – пк
 Niemensuo – бл
 Niiždärvendorog – др
 Niiždärvenrosstan' – ур.
 Niiždärvensuo – бл
 Nimärvi – оз. Нимозеро
 N'olgomdärvi – оз., дер. Нелгомозеро
 Noroselge – г.
 Noroselgänlambi – оз.
 Oleksejanniittüt – пк
 Orbonmägeniittüt – пк
 Orbonmägi – г.
 Padozorkanniittüt – пк
 Pavšinsuar(i) – о-в
 Pedäisuo – бл
 Peldoinaluste – з/у
 Peskumägi – г.
 Pienipeldoine – пл
 Pitkehalmiš – з/у
 Pitkemägi – г.
 Pitkepedäikko – ур.
 Pitkesuo – бл
 Plotin – ур.
 Poštanalnurmēt – пк
 Poštanalustanniittüt – пк
 Poštanaluste – ур.
 Poštandorog – ур.
 Poštankulä – д. Половина
 Poštanmägi – г.
 Pošte – см. Poštankulä
 Pustoš(i)peldo – пл
 Reborgonniittüt – пк
 Reduižet – пл
 Rihipeldo – пл
 Ristaine см. Ruskeiristaine
 Robohorgo – ур.
 Ruizpeldo – пл
 Ruočinluodo – ур.
 Ruoksu – пк
 Ruozmeoja см. Ruozmoja
 Ruozmoja – руч.
 Ruskeiristaine – ур.
 Sagarvo – ур., пр. в р. Шье
 Sagarvoižendorog – ур.
 Sagarvoižet – пк, пл
 Savikangas – ур., л/у
 Savikuar(e) – з/у, пк
 Savimägi – г.
 Savinan Mišanpolänke – пл
 Savinan Mišaveikanpol'anke – пл

Savinanpolosat – з/у
 Selgindorog – др
 Selgindorog Ülähäine – др
 Selgindorog Alahaine – др
 Selginrostan' – ур.
 Selgäcut см. Selgät
 Selgät – ур.
 Silan Pešanniitüt – пк
 Sisonpalates – л/у
 Sissoinpalates см. Sisonpalates
 Siämärvi – оз. и н. п. Сямозеро
 Soivaine – ур. Сойважи
 Soivažinkoski – пр
 Soivoja – руч.
 Soivaži см. Soivaine
 Sordo – з/у
 Stop'atij – л/у 105
 Str'apčianniitüt – пк
 Suar'(i) – л/у, часть д. Красный Бор
 Suarus – ур.
 Suarukset – пк
 Suuretkivet – ур.
 Suuriobod – з/у

Sūdäinselgi – л/у
 Sūdäinselginnurmet – пк
 Šohinmägi – г.
 Šuoju – р., н. п. Шуя
 Šährit – ур.
 Tagad'ogi – р. Задняя
 Tagapeldo – пл
 Teršunniitüt – пк
 Tolmassuo – бл
 Tolmožoja – руч.
 Zaverpeldo – пл
 Zavočskijdorog – др
 Zin'kenniitüt – пк
 Zin'kenpeldot – пл
 Zin'kenpertiine – ур.
 Üliči – дер. Антушевская
 Üliinepeldo – пл
 Ülägde – дер. Кузьминки
 Ülägdäankohte – ур.
 Ülähäine Selgindorog – др
 Ülähäine Selginpeldo – пл
 Ülähäineuito – з/у

Список сокращений

бл – болото
 г. – гора
 дер. – деревня
 зл – залив
 з/у – земельный участок
 кл – колодец
 н. п. – населенный пункт
 о-в – остров в реке, озере
 оз. – озеро
 пк – покос
 пл – полуостров в реке, озере
 пр – порог (в реке)
 р. – река
 руч. – ручей
 с. – село
 ур. – урочище

Раздел 2

Историческая секция

*А. А. Терешкин,
Карельский государственный краеведческий музей*

Скульптурные изображения Петра I в бронзе: из фондов Карельского государственного краеведческого музея

В фондах Карельского государственного краеведческого музея имеется не так уж и много (как хотелось бы) предметов, связанных с петровским периодом истории России. Среди них особое место занимают скульптурные изображения самого императора Петра Великого. В эту коллекцию входят копия посмертной маски, чугунные бюсты Петра I, отлитые на Александровском заводе (один из них можно увидеть в зале Благородного собрания на Круглой площади), но кроме этого существуют также изображения, относящиеся к коллекции предметов бронзолитейного производства.

Интерес к художественной бронзе не только столичных, но и состоятельных жителей губернских городов XIX века привел к расцвету бронзолитейного производства главным образом в Петербурге и Москве. Среди имен наиболее крупных фабрикантов (одновременно и владельцев магазинов) Петербурга можно встретить фамилии бронзовщиков Ф. Шопена, Н. Штанге, К. Верфеля, К. Берто, А. Морана, А. Соколова и многих других. Самым известным среди московских фабрикантов был Ф. К. Вишневецкий, фабрика которого продержалась до 1910-х годов.

Иохим К. Бронзовая скульптура Петра I.

Опекушин А. Бронзовая скульптура Петра I.

Надо сказать, что русская кабинетная бронза второй половины XIX в. – это сравнительно короткий период в истории отечественного искусства с начала 1840-х до конца 1880 годов. Отцом-основателем этого направления считается барон Петр Карлович Клодт (1805–1867). У него учился кавалерийский офицер Николай Либери́х, у которого в свою очередь учился Евгений Лансере.

Многие из бронзолитейщиков привлекали к работе на своих предприятиях довольно известных скульпторов-профессионалов.

Так, например, петербургский бронзовщик и владелец заведения «бронзовых, серебряных и золотых изделий» А. Н. Соколов, отливший в 1860-х годах первую скульптуру Е. А. Лансере на популярную тогда в искусстве тему «Тройка», привлекал к своему производству и других замечательных мастеров, таких как скульптор-анималист Н. И. Либери́х или известный скульптор, автор памятника А. С. Пушкину в Москве А. М. Опекушин. На бронзовых изделиях Соколова почти всегда стоят фабричные марки и подписи автора-скульптора.

В фондах музея хранится бронзовая скульптура Петра I, на которой имеются надписи: «Лепил А. Опекушин» и «Собственность А. Н. Соколова».

Александр Михайлович Опекушин (1838–1923) родился в семье крепостного крестьянина Ярославской губернии, который сам был и лепщиком, и скульптором-самоучкой. При содействии отца и друзей ему удалось поступить на работу в скульптурную мастерскую академика Иенсена в Петербурге. За работу над памятником Екатерине II на площади перед Александринским театром в Петербурге Опекушину было присвоено звание классного художника первой степени в 1870 году, а в 1872 г. он получает диплом академика скульптуры. В процессе создания памятника, знакомясь с историческими документами и литературой, скульптор проникся большим интересом к истории своего народа. Изучая русскую историю, Опекушин заинтересовался и деятельностью, и самой личностью Петра I. Ему захотелось передать в камне или бронзе образ преобразователя России. Опекушин сделал несколько вариантов статуи Петра. Он изображал его то в полный рост, с вытянутой вперед правой рукой, как бы указывающей путь России, то сидящим над картой побережья Балтийского моря, обдумывающего строительство будущей столицы – Санкт-Петербурга. Именно второй вариант, фотография которого опубликована в книжке Н. Беляева и И. Шмидта «Опекушин», и представлен в фонде музея. Данный предмет является старым (довоенным) поступлением и никаких сведений о его появлении в музее пока не обнаружено.

Сведения же о бронзолитейщиках, кроме разве что о Феликсе Шопена и Георга Шмидта, практически отсутствуют.

В фондах музея, например, имеется еще одно весьма интересное бронзовое изображение Петра I. Император представлен стоящим у круглого столика, изображенного в виде колонны с квадратным основанием. Стол накрыт покрывалом с бахромой, на котором расположена подушечка с кистями и раскрытая книга. На императоре – мундир с широким поясом и мантия, прикрывающая правое плечо и крупными складками спадающая на спину и застегнутая на левом плече. Пальцы правой руки придерживают листы раскрытой книги. В левой руке – румпель (рычаг для поворота руля). На голове – лавровый венок. Скульптура полна аллегорий: лавровый венок и мантия символизируют императорское начало, колонна – символ Петра – основателя Санкт-Петербурга, раскрытая книга – образ законодателя, румпель – символ кораблестроителя. Композиция установлена на четырехугольном основании, у которого на передней плоскости из накладных букв сделана надпись «ПЕТРЪ I», на задней стенке – «ЮХИМ С-Петербург».

Скульптура была приобретена у петрозаводчанина Анатолия Николаевича Полина, проживавшего по адресу: ул. Гористая д. 19. Она была куплена братом сдатчика, начальником станции «Сортировочная» (г. Свердловск), в комиссионном магазине Свердловска в 1937 г.

В XIX в. в Санкт-Петербурге наиболее известными были два Иохима – известный каретник и домовладелец Иоганн Иохим, в доме которого жил Н. В. Гоголь и чей дом вывел в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевский как дом, в котором жил Родион Раскольников, а также Ф. Иохим – изобретатель фотоаппарата под названием «Аппарат Иохима» и владелец фотосалона, автор книги по обучению фотоделу.

По моему мнению, в данном случае речь идет о третьем Иохиме – прусском подданном Карле Ивановиче Иохиме (1805–1859), вольноприходящем ученике и однокурснике Тараса Шевченко по классу Карла Брюллова в Академии живописи. В 1842 г. он был награжден серебряной медалью и получил звание неклассного художника исторической живописи. В дальнейшем Карл Иванович увлекся скульптурой, медным литьем, опытами с гальванопластикой, в чем весьма преуспел. Сам известный медальер Федор Толстой нередко обращался к нему за советами. И Тарас Шевченко, увлекшись скульптурой, стесняясь напрямую обращаться к Иохиму, в письме к своему другу С. Гулак-Артемовичу просит его обратиться к «Карлу Ивановичу за помощью».

Фигура Карла Иохима очень увлекла меня и я продолжу собирать сведения об этом замечательном мастере.

Источники

1. Беляев Н., Шмидт Н. Опекушин. Л., 1954.
2. Из бронзы и металла. М., 1965.
3. Терешкин, А. А. Читая клейма: предметы камерной бронзовой скульптуры второй половины XIX в. // Вестник КГКМ. Петрозаводск, 2006. С. 152–158.

Секреты парусника Петра Великого (о яхте «The Transport Royal» на Русском Севере)

В период «Великого Посольства» (1697–1698 гг.) Запад приоткрыл глаза на иной стиль жизни пытливому царю Петру I. В Европе русский государь осматривает достопримечательности, посещает мануфактуры, «военные и торговые суда... ездит к корабельным мастерам».¹ Завершив курс «голландской судостроительной школы», Петр решает продолжить «учебу по архитектуре фрегатов» в Англии, «дабы корабельному строению и флотским обращениям обучиться... основательнее».² Тогда же монарх получит в дар от английского правителя загадочный парусник «The Transport Royal».³ Судьба легендарной яхты любопытным образом в дальнейшем переплетется с малоизвестной историей Русского Севера и Карелии.⁴

Поездка на острова молодого монарха состоялась по приглашению Вильгельма III Оранского, короля Англии, и штатгальтера Голландии.⁵ Хотя об изящном корабле «The Transport Royal», возведенном в 1695 г. по чертежам лорда Кармартена (Peregrine Osborne, Marguis of Carmarthen), царь впервые услышал в ноябре 1697 года, в Амстердаме.⁶

Мечта «заполучить» быстроходное судно заставила Петра послать с «закрытой» миссией в Лондон доверенного человека, майора Преображенского полка Адама Вейде.⁷ Обмолвимся, именно А. А. Вейде в 1714 году, уже в чине генерала, стал одним из героев сражения при Гангуте. В исследовании мы будем опираться на архивные «выписки» исторических документов, опубликованных С. И. Елагиным.⁸ К сожалению, исследователи петровской эпохи на протяжении полутора столетий игнорировали архивные списки, расширяющие представления о российско-английских отношениях на переломе XVII и XVIII столетий.

Царский «Наказ об отправлении к английскому королю Вильгельму III» от 28 ноября 1697 года предписывал «сметливому» разведчику: «Ехати... из Амстердама в английскую землю... приватным обычаем».⁹ Посланник наделялся чрезвычайными полномочиями и обладал «соответствующим листом», с обязательством вручить депешу лично адмиралу П. Кармартену, проектировщику яхты «The Transport Royal», которая готовилась в подарок русской делегации.¹⁰ Вейде поручалось расспросить о будущем капитане корабля, выяснить, когда судно будет послано в Голландию, предписывалось поздравить Кармартена от имени великого и полномочного посла, генерал-адмирала Ф. Я. Лефорта. Молодого царя волновала не только техническая сторона дела, относящаяся к яхте «и буде мочно того корабля посмотреть, а осмотра записать». Его занимал также юридический аспект предстоящей передачи Московскому государству лучшего судна Англии.¹¹ В «Наказе» царь требует выяснить, «с кем именем и от королевского лица, или от парламента он учинен и по какому предложению или ведомости, о том о всем проведая записать имянно».¹² Дополнительно А. Вейде имел на руках письма за подписью Лефорта и «Проезжую грамоту», датированные 28 ноября 1697 года.¹³ Прибыв в Лондон, агент «по приватным поручениям» поразился не только яхтой, но также масштабом и технологичностью судового дела, уровнем корабельного искусства. В РГАДА сохранилось несколько депеш майора царю из Лондона, в т. ч. письмо от 10 декабря 1697 г.¹⁴ Особый интерес представляет корреспонденция, похожая на донесение «промышленного шпионажа» от 14 декабря: «В том же месте, где фрегат... делают и иных многих кораблей и всяких судов... во всем чище и статнее голландцев... да смотрел... цейхауз, доношу что другого такого нарядного и богатого во всех немецких краях не видывал, пушек и всякого воинского ружья всегда здесь опричь расходов

¹ Ключевский В. О. О русской истории. М., 1993. С. 425.

² Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 253; Шмурло Е. Сборник документов относящихся к истории царствования Императора Петра Великого. Т. 1. 1693–1700. Юрьев. 1903. С. 683.

³ РГАДА. Ф. 35. 1967. Оп. 1. Д. 265. ЛЛ. 1–24; Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005. С. 319.

⁴ Данков М. Ю. Тайны Золотой яхты // Север. 2006. № 7/8. С. 42–54.

⁵ Ryan W. F. Peter the Great's English Yacht // SGEEN. 1979. № 7. S. 12–13.

⁶ Елагин С. И. История Русского флота. Период Азовский. Приложения. Ч. 11. Прил. X. Сведения о яхте, подаренной Петру I английским королем Вильгельмом III в 1697 году. пп. 1–8. СПб., 1864. С. 476.

⁷ Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I... 2005. С. 18.

⁸ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 189–479; Елагин С. И. Материалы для истории Русского флота. Ч. 1. СПб., 1865. С. 614–686.

⁹ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 478.

¹⁰ Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. Oxford. Vol. 1V. 1857. S. 290.

¹¹ Данков М. Ю. Тайны Золотой яхты... 2006. С. 43.

¹² Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 478.

¹³ РГАДА. Ф. 35. 1697 1698. Оп. 1. Д. 266. ЛЛ. 12–22; см. также Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I. 2005. С. 320.

¹⁴ РГАДА. Ф. 9. 1697. Отд. 11. Кн. 53. ЛЛ. 90–91.

на 100 000 в запас готово, также и иных добрых вещей...». ¹⁵ Также достойна внимания резолюция майора Преображенского полка, окончательно убедившая царя совершить тур: «...доношу кратко, что город Лондон достоин смотреть». ¹⁶ Долгое время исследователи придерживались ошибочной версии, что Петр с соратниками отбыл из Голландии «в англицкую землю» на королевской яхте «Transport Royal». ¹⁷ Однако эти представления вызваны недоразумением. Действительно, 11 или 12 декабря 1697 года планировалось отправить в Амстердам «корабль и яхту для Царского Величества». Миссия Вейде в том числе заключалась в организации царского рейса. Но предприятие «на том не состоялось». Основной причиной срыва, «якобы» явилась «ведомость», что «устья голландские замерзли». ¹⁸ Между тем более существенным поводом, блокировавшим выход королевской яхты за русским государем, стоит назвать ремонтные работы на паруснике. Корабль «The Transport Royal» находился «в отделке», и как 4 декабря 1697 года сообщал Вейде: «еще неделив 3 не может готов быть». ¹⁹

В начале января 1698 года король Вилгельм послал на континент эскадру в составе двух английских военных кораблей «Йорк» и «Ромни», с тремя судами сопровождения, под командованием вице-адмирала сэра Дэвида Митчелла. ²⁰

Свита царя, «валентеров 16 человек», состояла из служащих посольства, а также друзей «по марсовым потехам», в том числе казначея А. Меншикова, полковника Я. Брюса, доктора П. Постникова, переводчика П. Шафирова, лекарей И. Термонта и И. Левкина, поваров Я. Пенюгина и О. Зюзина. ²¹ Великие послы Ф. Я. Лефорт, П. Б. Возницын, и Ф. А. Головин остались в Голландии. Лишь весной, по требованию царя, Федор Головин, «толстый комиссар», как его звала курфюрстина София-Шарлотта, со священником И. Поборским и подьячим И. Чернцовым прибыл в Англию. ²² Деша Лефорта на «ломаном русском языке» сообщает: «Товарис мое Феодер Алексеевич кочет мене пакидать и у Англеска земли быть по указе твоя». ²³ На наш взгляд интерес царя к яхте «The Transport Royal» связан с напыщенной реляцией от ноября 1697 г. лорда П. Кармартена послу Ф. Лефорту. ²⁴

Отметим, Кармартен являлся не только финансистом и конструктором яхты, он одновременно принадлежал знаменитому роду Демби и являлся сыном герцога Лидского. ²⁵ В отписке 9 ноября 1697 г. «искусный мастер морского дела» убеждал: «Не сомневаюсь, что сей корабль, хотя малый вручен будет Вашему Царскому Величеству в своем довольном совершенстве». ²⁶ Лихой адмирал навязывает преимущества яхты: «...мое намерение в строении сего корабля не токмо было пригожество и удобность, но и дабы и спешно ходом и сильнее был, нежели иные корабли, которые того величиною превосходят». ²⁷ Без ложной скромности маркиз хвастался: «Сей корабль, кроме образца тела корабельного, разнствует... от иных кораблей, которые прежде сего строены... для того желаю, дабы к Вам в... совершенности вручен был, как назначено». ²⁸

Прекрасно осознавая важность «капитанства», маркиз убеждал Петра: кроме В. Рипли, оказавшегося в опале правительства «чрез несправедливые обличения отставлен был», в Англии подобрать капитана невозможно. ²⁹ Даже «якобы» воровство корабельных запасов и зверства над экипажем, которые «ненависть объявили» не помешали ему дать характеристику: «один есть, который сему художеству моего изобретения совершенно научился и образ делания и управления парусов знает». ³⁰ Конструктор доказывал: когда на «The Transport Royal» адмиралтейство определило другого капитана (возможно Swiftsure – М. Д.), также искусного «в морских делах», – всем стало ясно, «сей корабль не толь добро стал ходить». ³¹ К тому же лоббирование мореходца и одновременная апелляция к русскому царю и английскому королю подвергала самого Кармартена опасности. Интригуя, он «ставил на кон» свое благополучие: «король мой... сей указ дал, чтоб никакой на-

¹⁵ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 479.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Валишевский К. Петр Великий. Воронеж. 1993. С. 86.

¹⁸ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 478

¹⁹ Там же. С. 479.

²⁰ Масси Р. К. Петр Великий. Т. 1. Смоленск, 1996. С. 326.

²¹ Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 2. М., 1940–1941. С. 293; Бакланова Н. А. Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (Его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства) // Петр Великий. Сб. статей под ред. А. И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 45.

²² Бакланова Н. А. Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. 1947. С. 31, 45.

²³ Валишевский К. Петр Великий... 1993. С. 61–62.

²⁴ РГАДА. Ф. 35. 1697. Оп. 1. Д. 265. ЛЛ. 6–9; Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 476.

²⁵ Morgan B. Osborn, second duke of Leeds // Oxford Dictionary of National Biography. In Association with the British Academy. From the earliest time to the year 2000. Vol. 42. Oxford. 2004. S. 18–19.

²⁶ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 477.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht // Admiral lord Carmarthen and the Russian todacco monopoly /// The Mariner's Mirror. Vol. 69. No. 1. February 1983. S. 67. (Автор выражает благодарность за адаптированный перевод статьи Д. Когану); Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 477.

³¹ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 477.

чальник на том корабле поставлен не был, кроме того, кому Вы изволите приказать».³² В результате, Кармартен пустил в ход последний аргумент: раз он «изобретатель сего корабля», то имеет право свидетельствовать – «...никто иной неугоден» и «властности сего корабля больше не знает».³³ До сих пор тема «продвижения» капитана Рипли, а не своего детища, вызывает смутное недоумение.

Во многих отношениях Перегрин Кармартен у русских дипломатов вызывал живой интерес, а порой даже трепет. Это вскоре подтвердилось при заключении сделки на льготную торговлю «Виргинским» табаком в России.³⁴ Через Кармартена, своего рода «агента влияния» и его яхту, была предпринята попытка «экономически захватить» рынок «травы никоцианы» в России.³⁵ Английские предприниматели объединились в компанию «The Tobacco Adventure to Russia».³⁶

Представляется, что «The Transport Royal» перешел в руки Петра не бескорыстно, а в обмен на жалованную грамоту, дающую право Кармартену с малой пошлиною торговать американским табаком в Московии.³⁷ Потребовался месяц для уточнения условий торга между «великими послами» и «английским адмиралом». «Сей договор состоялся» лишь 16 апреля 1698 года. Тогда же созданный текст документа «4-го марта того ж года», скрепленный «печатьми российских послов» дипломатами был уничтожен.³⁸ Сделка имеет приоритетное значение для оценки взаимоотношений двух государств на переломе столетий. И, пожалуй, несправедливо вслед за В. Ключевским считать оборотистых иностранных негодян «отбросами мира».³⁹

Находясь в «денежном цейтноте», царь возжелал пополнить опустевшую казну русского посольства. Ситуация вынудила заключить с Кармартеном контракт на 28 000 английских фунтов стерлингов.⁴⁰ Лондон обязывался в течение 7 лет ввозить для продажи в Россию 10 000 бочек табака, по 500 фунтов ежегодно, с пошлиной в 4 копейки с фунта.⁴¹ Контракт гарантировал аванс в счет будущих платежей, в сумме 12 000 фунтов стерлингов.⁴² «Предоплата» в погашение пошлин, с учетом обменного курса английского фунта, равнялась 28 800 рублей.⁴³

Царь и окружение радовались сделке, о чем свидетельствует реляция Ф. Лефорта из Голландии: «По указу твою грамоту не отпирали, докамест 3 кубка великие выпили, а после читали и 3 раза еще пили... Воистину, по моему дело доброе».⁴⁴ Что касается морального аспекта сделки, она, безусловно, осуждалась Православной церковью. Еще в 1634 году царь Михаил Федорович под угрозой смерти запретил табак, как «богопротивное зелье». Государь не только нарушил традиционные устои консервативной державы, но, вернувшись в Москву, издал указ «...чтобы патриарх в табашные дела не мешался. Он при мне блюстителъ только веры, а не таможенный надзиратель».⁴⁵ Таким образом, еще не появившись в водах Северной Двины, яхта «The Transport Royal» оказалась политической «заложницей», оказывающей влияние не только на судостроительную культуру Московии, но и на ментальность российского общества.

Осенью 1697 года, Лефорт, через канцелярию выездного посольства, получил документ, свидетельствующий о профессиональной пригодности английского лорда-корабеля. Делеша «некоего» П. Шаслупа, чиновника английского короля и одного из служащих Кармартена, датируемая 9 ноября, содержит начальную характеристику адмирала и капитана Рипли.⁴⁶ Вызывает восхищение хвалебный отзыв о конструкторе «The Transport Royal». Реляция сообщает: «Он милорд маркиз фон – Кармартен есть токмо единая особа из всей Европы, который совершенство в знании строения кораблей имеет».⁴⁷ Там же утверждалось о неумном стремлении Кармартена изучать корабельное дело, в котором «король почасту ему сам удивлялся». Сообщалось о победе «на бою Лагогском», где маркиз как флотоводец сжег 9 французских кораблей и захватил оставшейся караван судов.

Что касается яхты «The Transport Royal», то впервые записка сообщала: «та фрегата есть собственной его (Кармартена – М. Д.) работы».⁴⁸ Тем не менее, прибыв в Англию, Петр не сразу увидел обещанный корабль. Сначала он познакомился с проектировщиком судна, который удивил царя молодым возрастом и обширными

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Масси Р. К. Петр Великий... 1996. С. 343.

³⁵ Полное Собрание Законов Российской империи с 1649 года. Т. IV. 1700–1712. СПб. 1830. С. 56.

³⁶ Price J. The tobacco adventure to Russia // Transactions of the American Philosophical society. Philadelphia. 1961. S. 27, 46.

³⁷ Там же. S. 27.

³⁸ РГАДА. Ф. 35. 1698. Оп. 4. Д. 10. ЛЛ. 1–9.

³⁹ Ключевский В. О. О русской истории... 1993. С. 426.

⁴⁰ Масси Р. К. Петр Великий... 1996. С. 343.

⁴¹ РГАДА. Ф. 35. 1697 1698. Оп. 1. Д. 266. ЛЛ. 1–49; РГАДА. Ф. 35. 1697 1698 Оп. 4. Д. 10. Л. 1–9.

⁴² Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. М., 1996. С. 151.

⁴³ Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Первое Европейское путешествие царя Петра. Аналитическая библиография за три столетия 1697–2006. СПб., 2008. С. 88.

⁴⁴ Масси Р. К. Петр Великий... 1996. С. 343.

⁴⁵ Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра... 1993. С. 260.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 35. 1697. Оп. 1. Д. 25. ЛЛ. 1–3.

⁴⁷ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 476.

⁴⁸ Там же.

техническими познаниями. П. Кармартен напоминал Ф. Лефорта и всегда соглашался составить государю «бразную компанию». Их часто, вместе с Меншиковым, встречали в таверне на улице Грэйт Тауэр, позже переименованную в честь русского монарха в «King's Road Street». ⁴⁹ Согласимся, англичанин сделал много, чтобы Петр почувствовал себя в Лондоне комфортно. Помимо любви к брэнди, Петра сблизил с маркизом высокий интеллект англичанина, и то, что тот был «прекрасный моряк и талантливый конструктор». ⁵⁰

Через месяц после прибытия царь, «чтобы довершить свои познания в кораблестроении и из простого плотника стать ученым мастером», переехал на королевскую верфь в Детфорте, в небольшой городок на правом берегу Темзы. ⁵¹

Что касается самой яхты, то в литературе и ныне допускаются обидные неточности, в т. ч. распространяются небылицы о мифической английской судостроительной компании «Transport Royal». ⁵² Отечественные материалы вообще не сохранили сведения о судне, за исключением сноски А. Вейде о «длине яхты в 75 футов», что в пересчете составляет 22 м 86 см. ⁵³

Чтобы восполнить пробел, воспользуемся не переведенной на русский язык информацией о технических характеристиках корабля, содержащихся в английских архивах. Яхта VI ранга «The Transport Royal», отстроенная к осени 1695 года в доке Чатама (Chatham) судостроителем Р. Ли (Robert Lee), относилась к классу ранних шхун (schooner). ⁵⁴ Хотя термин шхуна появился много позже, в 1713 году. ⁵⁵ Книга учета лондонского адмиралтейства предлагает следующие «розмерения» парусника: длина по пушечной палубе 90 футов, длина горизонтального киля 75 футов, ширина корпуса 23 фута 6 дюймов, осадка судна 9 футов 9 дюймов, водоизмещение составляло 220 тонн. Экипаж 18 пушечного корабля состоял из 100 человек, а суммарная стоимость судна обошлась владельцу в 2 675 фунтов стерлингов. ⁵⁶

Что касается артиллерийского парка яхты, современник государя Нартов утверждал: «Прекрасная яхта новая, о двадцати четырех пушках вооруженная». ⁵⁷ В свою очередь «маеор» А. Вейде настаивал: «Да будет на том фрегате 20 медных пушек». ⁵⁸ Оказывается, при спуске на воду Адмиралтейство считало на яхте 18 орудий, при 12 пушечных портах, по шесть с борта. К 1698 году число стволов выросло до 20, из них смонтировали 12 шестифунтовых пушек с калибром 95 мм и 8 трехфунтовых фальконетов, имеющих калибр 76 мм. ⁵⁹ Между тем, «дальнейшие изменения, которые царь может требовать», заставили Кармартена в 1697–1698 гг. существенно видоизменить облик корабля. ⁵⁹ Безусловный технический интерес представляют сведения Адмиралтейского архива, опубликованные Публичной библиотекой Лондона (Public Record Office), которые ввел в научный оборот современный английский исследователь В. Райан. ⁶⁰ Для усовершенствования яхты Кармартен, с подачи короля, 21 декабря 1697 года отбуксировал парусник в док Дептфорда. Тогда же на борту срезали резьбу и вновь окрасили корпус. Согласно инструкциям Адмиралтейства, отправленным в палату Военно-морского флота 4 ноября и 2 марта 1697–1698 гг., судостроители значительно переделали мачты, изменили площадь парусов и рангоут. Однако не известно, был ли установлен фальшкиль для улучшения ходовых качеств и извлечена грот-мачта для перемещения фок и степс мачты, о чем мечтал любитель корабельных экспериментов П. Кармартен. ⁶¹

Отметим с определенностью: в момент похода на Русский Север по «скандинавскому кольцу» яхта имела две традиционные грот и фок мачты «с гафелем» и была вооружена 20 орудиями. ⁶² В этом смысле ценно замечание корабельного мастера И. Синявина, который в корреспонденции «к государю с Сяського устья» сообщал 18 апреля 1703 г.: «...один корабль снастим безаном, а другой хотим сделать с гафелем как было на Транспорт для того, что корабли широки да коротки...». ⁶³

Таким образом, «The Transport Royal» являлся фактически гафельной шхуной с небольшой гальонной частью и кормой типа «пинки». Судно обладало особой формой корпуса с вдавленной внутрь днищевой частью,

⁴⁹ Масси Р. К. Петр Великий... 1996. С. 336; Валишевский К. Петр Великий. 1993. С. 88.

⁵⁰ Масси Р. К. Петр Великий... 1996. С. 335.

⁵¹ Ключевский В. О. О русской истории... 1993. С. 425; Андреев А. И. Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий. Сб. статей под ред. А. И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 69.

⁵² Андерсон М. С. Петр Великий. Ростов-на-Дону; М., 1997. С. 68–69.

⁵³ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 479; Елагин С. И. Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого 1702–1725. СПб., 1867. С. 36; Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 190.

⁵⁴ Anderson R. C. An Early Schooner // The Mariner's Mirror. Vol. 9. No. 3. 1923. С. 243.

⁵⁵ Гузевич Д. Ю, Гузевич И. Д. Первое Европейское путешествие царя Петра... 2008. С. 86.

⁵⁶ Ryan W.F. Peter The Great's English Yacht... 1983. S. 67.

⁵⁷ Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра... 1993. С. 254.

⁵⁸ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 479.

⁵⁹ Гузевич Д. Ю, Гузевич И. Д. Первое Европейское путешествие царя Петра... 2008. С. 86.

⁶⁰ Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht... 1983. S. 74.

⁶¹ Там же. С. 65–87.

⁶² Там же. С. 66, 74.

⁶³ РГАВФМ Ф. 315. Оп. 1. Д. 41.

⁶⁴ Елагин С. И. Материалы для истории Русского флота... 1865. С. 20.

увеличивающей нижнюю площадь корабля при крене, а значит и боковое сопротивление при дрейфе.⁶⁴ Ныне тиражируемое изображение «The Transport Royal» известно по рукописи первой четверти XIX века Н. А. Бестужева, посвященной «истории русского флота... с древнейших времен до 1714 года», опубликованной лишь в середине XX столетия.⁶⁵ Хотя очевидно – сам рисунок заимствован из труда С. Н. Елагина.⁶⁶

Наконец 11 марта 1698 г., как сообщает вахтенный журнал, хранящийся в фондах Национального Морского музея в Лондоне, «принц Александр (А. Д. Меншиков) прибыл на борт с... Рипли... чтобы отстранить капитана Морриса, разоружить команду и передать командование кораблем капитану Рипли». ⁶⁷ Итак, после обещаний и мытарств, царю наконец-то преподнесли королевский дар – яхту «The Transport Royal», которая будоражила государево воображение.⁶⁸ Корабль отличался не только убранством и внутренней поистине царской отделкой, но также – что было для государя более значимо – великолепными морскими ходовыми качествами и совершенной конструкцией.⁶⁹ Петр сразу же встал к штурвалу и вывел судно на Темзу. В дальнейшем государь регулярно совершал подобные походы на полюбившемся корабле.

6 мая 1698 года царь решает покинуть пределы гостеприимного королевства.⁷⁰ Посетив Тауэр и Лондонский монетный двор, государь навсегда прощается с королем Англии. Ранней весной 1702 года, когда задумывалось перемещение войск к Нотебургу по «Осударевой дороге», к тайнам которой причастна яхта, король Вильгельм, не удержавшись в седле, падает с лошади, ломает ключицу и вскоре умирает.

Тем временем «The Transport Royal», с остановками, стал совершать «эволюции». Сначала Петр приказал бросить якорь в Вулidge, где часто бывал в лаборатории Арсенала, наблюдал приготовление артиллерийских снарядов и «отведывал метания бомб». ⁷¹ Затем судно «под прикрытием нескольких военных кораблей» в сумерки достигает Грэйсайда и вновь встает на якорь. «Transport» сопровождался флагманским кораблем «York» и судном «Greenwich», а также яхтами «Fubbs», «Henrietta» и «Catherine». ⁷² Наконец утром, под прикрытием судна «Peregrine», теперь уже царский корабль направляется через Дуврский пролив на континент. Сохранилось поразительное впечатление Петра I о пребывании в «туманном Альбионе», которое многого стоит: «Если бы я не был царем, то желал бы быть адмиралом великобританским». ⁷³

Таким образом, «в мае месяце, Петр Первый, прибыл из Англии паки в Голландию». ⁷⁴ О некоторых сюжетах перехода яхты, сохранились замечания английского инженера Дж. Перри (John Perry), которого завербовал царь, чтобы соединить каналом через Волгу и Дон Каспийское и Черное моря. По его воспоминаниям, «построенный наподобие фрегата... 24 пушечный... королевский транспорт (The Royal Transport) являлся одним из самых красивых и лучших судов Англии». Ведь яхта специально предназначалась «для морских переездов короля в военное время». ⁷⁵ Любопытно: Петр за четыре дня до отъезда «заклучил» с английским мастером «условие», по которому строителю «приказано... сопровождать Е. В. на яхте до Гельверфлюса (Helverflue), а оттуда до Амстердама». ⁷⁶

С осени 1697 г. до весны 1698 г. царь завербовал и отправил в Московию около 900 человек «всевозможных мастеров, от вице-адмирала до корабельного повара». ⁷⁷ Для транспортировки людей и грузов использовалась целая флотилия «зафрахтованных кораблей», в том числе судно «The Transport Royal». Любопытно: для безопасного похода в Северных морях на «The Transport Royal», по наказу государя, определили штурмана с оплатой в 40 фунтов стерлингов, а саму яхту прикрывал входящий в эскорт военный 24 пушечный корабль «Flamborough». ⁷⁸

Тем временем два судна с наемными специалистами, в том числе Перри и «шкутным мастером Выбе Геренсом», прославившем вскоре Олонецкую верфь, и «корабельным мастером Яном Деном» в июне 1698 года пришвартовались у пристани Нарвы. ⁷⁹ Однако основным пунктом приема европейцев стал порт на Северной Двине. В «Донесении» государю архангельского воеводы М. Лыкова сообщается, что иноземцы с вице адми-

⁶⁴ Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht... 1983. S. 70, 72.

⁶⁵ Бестужев Н. А. Опыт истории Российского флота. Ред. С. Б. Окунь. Л., 1961. С. 78.

⁶⁶ Елагин С. И. Список судов Балтийского флота... 1867. С. 75.

⁶⁷ Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht... 1983. S. 74.

⁶⁸ Масси Р. К. Петр Великий... 1996. С. 345.

⁶⁹ Раздолгин А. А., Фатеев М. А. На румбах морской славы. Л., 1988. С. 38.

⁷⁰ Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht... 1983. S. 76.

⁷¹ Ключевский В. О. О русской истории... 1993. С. 425.

⁷² Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht... 1983. S. 75.

⁷³ Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра... 1993. С. 255; Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. Сочинение капитана Джона Перри. Перевод с английского княжны О. М. Дондуковой-Корсаковой. Перелечатка Лондон. 1716 г. М., 1871. С. 105.

⁷⁴ Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра... 1993. С. 255.

⁷⁵ Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе... 1871. С. 108.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Ключевский В. О. О русской истории... 1993. С. 426.

⁷⁸ Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht... 1983. S. 76.

⁷⁹ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 200, 205.

ралом К. Крюйсом «на трех кораблях... в нынешнем 206 году (1698 г. – М. Д.)... з голландской земли из Амстердама... пришли с моря двинским березовским устьем к Архангельскому городу августа в 3 числе».⁸⁰

Другой документ – «Роспись начальным людям и матросам, которые присланы из Амстердама...» – указывает на более ранний арктический караван, который 3 июня 1698 года в составе четырех судов пришел в Архангельск.⁸¹ Среди добровольцев на этих кораблях прибыли Питер фон Памбурх и Ян Валронт, неординарные капитаны вскоре легендарных фрегатов «Сошествия Святого Духа» и «Скорый гонец», построенных «на Соломбоне», по подобию английской яхты «The Transport Royal».⁸² Согласно очередному свидетельству «Отписки с Двины... воеводы Лыкова к окольному Протасьеву», на «английском корабле... июня 18 дня 1698 года» прибыли «иноземец лекарь Болдвин Андризон, да корабельный мастер Осип Най».⁸²

Однако попытаемся ответить на вопрос, когда царская яхта «The Transport Royal» пришвартовалась к портовой стенке Архангельска. Кто в реальности был первым капитаном корабля? Какие персоны на борту парусника прибыли в Россию? Согласно архивным свидетельствам, полюбившийся царю корабль уже 9 июня 1698 года, несмотря на то, что рейс был «отмечен очень смешанной погодой, включая бури и туман», вошел в воды Северной Двины.⁸³ О появлении парусника свидетельствует архивное дело «О приеме Ф. Тиммерманом в Архангельске подаренной Петру I Английским королем Вильгельмом III яхты 1698».⁸⁴

Документ сообщает о командировке к Белому морю голландского баллистика Ф. Тиммермана: «а у города велено ему принять судно, которое прислано будет из за моря». И далее – «...июня в 9 день пришел с моря к Архангельскому городу из английской земли его В. Г. корабль». Текст «Отписки» содержит имена: «...а на том корабле капитан Вильям Рипли, поручик Ян Косен, служилых и начальных людей разного чина иноземцев 110 человек».⁸⁵ Укажем еще один документ, хранящийся в РГАДА – «Дело о выезде в Россию из Англии яхты “Королевский транспорт” с капитаном Вильямом Гупле».⁸⁶ Рукопись датирована 10 июня 1698 г. и соответствует времени прихода парусника в Архангельск. Заметим: традиция русских канцелярий позволяла писарям вольно отмечать фамилии иноземцев (Рипли-Гупле), что приводило к их искажению.

Так или иначе, но судьба капитана В. Рипли на новой родине трагически оборвалась ровно через год. Патрик Гордон в депеше государю от 28 июня 1699 г. заявил: «...июня в 24 день (Рипли – М. Д.) с утра пешком пошел с двора и без вести пропал».⁸⁷ Генерал опасался самоубийства Рипли, «потому что он долгое время был меланхоличен и часто желал смерти».⁸⁸ Действительно, через неделю тело моряка «июля в 1 день... нашли в реке Яузе между городком и лебяжьим двором в платье и в сапогах, только кажется в затылке и на правой руке будто ударен».⁸⁹ О деталях убийства, грабежа и похорон капитана яхты узнаем из следующих писем П. Гордона: «июля в 7-е в землю его зарыли».⁹⁰ Так бездарно, истинно «в русском стиле», оборвалась жизнь «зело дивного человека», первого капитана царского корабля «The Transport Royal», имеющего предпосылки стать одним из лучших моряков России начала XVIII столетия.

И все-таки сведения документов находятся в диссонансе с «Росписью иноземцев, прибывших из Англии в Архангельск на Государевой яхте».⁹¹ Речь идет о своеобразной «судовой роли», дающей иное представление о команде корабля. Документ вносит сумятицу в вопрос о командовании «The Transport Royal» на переходе в Россию. Неоднозначный текст «Росписи» позволял предположить: капитаном английской яхты мог быть Я. Бекман (John Becham), вскоре себя прекрасно зарекомендовавший в Азове и Воронеже, о чем ему было «несрамно объявить всему свету».⁹² «Роспись» сообщает, что на «государевой яхте» среди иноземцев находится английский капитан Ян Бекман. Английский исследователь А. Cross подтверждает этот факт.⁹³ Между тем согласимся, речь идет лишь о присутствии капитана Бекмана на борту яхты в качестве пассажира. Недоразумение позволило современному историку петровской эпохи Ю. Н. Беспятым, вслед за Ф. Ф. Веселаго, однозначно утверждать, что Я. Бекман весной 1698 г. прибыл в Архангельск в чине капитана 20-пушечной яхты «The Transport Royal».⁹⁴ Исходя из «Росписи иноземцев...», помимо Бекмана в команде находились англичане – по-

⁸⁰ Там же. С. 198.

⁸¹ Там же. С. 201.

⁸² Данков М. Ю. Загадочный капитан Я. Валронт и Русский Север//Защитники Отечества. Архангельск, 2003 [1]. С. 15, 17.

⁸² Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht... 1983. S. 76.

⁸³ Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht... 1983. S. 76.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 210. 1698. Оп. 17. Д. 166. ЛЛ. 1–111.

⁸⁵ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 479.

⁸⁶ РГАДА Ф. 150. 1698. Оп. 1. Д. 72. ЛЛ. 1–18.

⁸⁷ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 479.

⁸⁸ Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht... 1983. S. 76.

⁸⁹ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858. С. 495–496.

⁹⁰ Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht... 1983. S. 76; Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 480.

⁹¹ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 205.

⁹² Полное собрание писем Императора Петра I го к разным лицам с ответами на оные. Ч. 2. СПб. 1829. С. 11.

⁹³ Cross A. G. By the banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in eighteenth-century Russia. Cambridge, New York, 1997. С. 474.

⁹⁴ Беспятых Ю. Н. Россия в начале XVIII века. Сочинение Ч. Уитвора. М. ; Л., 1988. С. 193; Веселаго Ф. Ф. Общий морской список. Ч. 1. От основания флота до кончины Петра Великого. СПб., 1885. С. 38.

ручик и три квартирмейстера с «жалованьем по 2 руб. 23 алт. 2 денги», один «столяр англичанин жалованье 2 рубли», а также «матросов: англичан 62, грек 1, жалованья по 2 рубли 16 алтын 4 денги».⁹⁵

На переходе к Архангельску яхтой, безусловно, управлял капитан В. Рипли, за которого «столько копий» в Лондоне сломал лорд П. Кармартен. Одновременно укажем мнение Д. Гузевича: «Бекман был не первым капитаном Royal Transport, а вторым».⁹⁶ Таким образом, хотя «флота капитан» Я. Бекман, готовый за государя «последнюю каплю крови пролить и источить», находился на борту и очевидно входил в команду, считать его капитаном яхты – историческое заблуждение.⁹⁷

«The Transport Royal» доставил на Северную Двину мощную интернациональную когорту специалистов, уже получивших в Европе фавор. Среди иностранцев находился крупный математик, профессор Марисчалского колледжа в Абердине (Marischal College, Aberdeen) Г. Фарварсон (Henry Farguharson).⁹⁸ Вместе с коллегами С. Гвином и Р. Грэйс он являлся выпускником Christ-Church Hospital Оксфордского университета.⁹⁹ Незначительный инцидент, случившийся перед «поездом», не способен испортить впечатления от взаимоотношений ученого с государем. Г. Фарварсон пошел на скандал, чтобы получить от купца А. Стейлса «поручную» – своеобразный страховой полис на время плавания. Это обычная практика, в случае если «корабль разобьет или потонет, или какое бешастие случится, чтоб ему те деньги... взять можно».¹⁰⁰ Позднее А. Нартов, указывал Фергусон, «первый учредил математическую, навигационную и астрономическую школу» в Москве, а с 1715 года – Морскую Академию в Петербурге.¹⁰¹ За исключительные познания в математической науке А. Курбатов и Л. Магницкий считали профессора «славным».¹⁰² Мы же отметим факт, что А. Фарварсон и С. Гвин, скорее всего, учитывая опыт строительства «Осударевой дороги», разработали к 1705 году проект строительства пути между Петербургом и Москвой. Было предложено обустройство почтовых станций, или ямов, «на расстоянии 4 или 5 миль одна от другой».¹⁰³ Трасса, «стоившая громадных издержек», была завершена в 1718 году, и «путешественники выиграли расстояния более 30-ти миль».¹⁰⁴

На борту «The Transport Royal» находились художники, офицеры, мастера корабельного дела, морские специалисты, в том числе майор Леонгард ван дер Спам, который в мае 1698 года получил гонорар, почти 200 ефимков «за чертежи английских кораблей и за разные издержки».¹⁰⁵ Есть основания полагать, что среди «контрактников» с «The Transport Royal» в Россию прибыл известный голландский гравер, «искусный живописец и резчик» Адриан Шхонебек, принятый в службу по прошению от 30 декабря 1697 году.¹⁰⁶ Кстати, в августе 1702 года родоначальник школы «русского офорта» преодолел с царем «Осудареву дорогу».¹⁰⁷

В целом же, состав прибывших иностранцев позволяет рассматривать появление «лондонской» яхты на Русском Севере как феноменальный пример «культурологического мышления» российского правительства на рубеже XVII–XVIII вв. Однако в Московии корабль ожидала целая серия новых испытаний на прочность.

Трудно обвинять царя Петра в крайностях, но согласимся: решения этого времени порой принимались импульсивно. К подобным акциям относится фантастический проект по «переброске» корабля «The Transport Royal», по системе рек и озер, с Северной Двины сначала в Ярославль, а затем далее на юг, для включения в состав Азовского флота.¹⁰⁸ С этой идеей в мае 1698 года в Архангельск прибывает из Москвы инженер Франц Тиммерман. Ему вменяется «то судно взять водяным путем до Вологды, а с Вологды спроводить до Волги реки и поставить под Ярославлем в пристойном месте».¹⁰⁹ Парадокс заключается в том, что «сквозной» водной артерии не существовало, а обустройство Волго-Донского канала только планировалось. Между тем задание обязывало Тиммермана организовать перевод «The Transport Royal» в Черное море. В нашем распоряжении находятся эксклюзивные письма к царю двинского воеводы Н. К. Стрешнева, датируемые первой половиной мая 1698 года. Из анализа реляций следует неожиданный вывод: проект транспортировки корабля был предложен до появления «The Transport Royal» в Архангельске. В первой корреспонденции боярин Стрешнев сообщает «...подарил тебя судном английский король изрядным... как то судно придет на Вологду и то б судно перетащить в озеро Кубенское и реками... в Волгу».¹¹⁰

⁹⁵ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 205–206.

⁹⁶ Гузевич Д. Ю, Гузевич И. Д. Первое Европейское путешествие царя Петра... 2008. С. 431.

⁹⁷ Полное собрание писем Императора Петра I... 1829. С. 11.

⁹⁸ Письма и Бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб. 1887. С. 723–724; Пекарский П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 22; Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht... 1983. S. 80.

⁹⁹ Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе... 1871. С. 108; Андреев А. И. Петр I в Англии... 1947. С. 72, 89.

¹⁰⁰ Письма и Бумаги императора... 1887. С. 723–724; Богословский М. М. Петр I... 1940–1941. С. 393–394.

¹⁰¹ Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра... 1993. С. 254.

¹⁰² Андреев А. И. Петр I в Англии... 1947. С. 73.

¹⁰³ Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 248.

¹⁰⁴ Вебер Х. Ф. Записки о Петре Великом и его преобразованиях // Русский Архив. Вып. 7. 1872. С. 1348.

¹⁰⁵ Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе... 1871. С. 108; Андреев А. И. Петр I в Англии... 1947. С. 89.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф.150. 1697. Оп.1. Д.74. ЛЛ. 1–13.

¹⁰⁷ Данков М. Ю. Адриан Шхонебек и «Осударева дорога» // Север. 2003. № 5/6. С. 161.

¹⁰⁸ Раздолгин А. А., Фатеев М. А. На румбах морской славы... 1988. С. 38.

¹⁰⁹ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 479.

¹¹⁰ Там же. С. 480.

Вскоре, 6 мая, в день «ухода» яхты из Лондона, воевода сообщает царю из Москвы о планируемой операции как о решенном деле. Следует: «судно английское... перепроводить чрез Кубенское озеро в Волгу, и... до Вологды спровадить в целости а с Вологды... вадить в Волгу, а какими местами... чертеж послан...».¹¹¹ Подготовка акции по «амбаркадированию» яхты состоялась в рекордные сроки, свойственные петровской эпохе. За месяц были улажены вопросы, связанные с «провождением» военного парусника вглубь континентальной державы. Исходя из письма Стрешнева от 15 июля 1698 года к государю, следует: «судно английское от города отпущено и Франц Тиммерман на нем, да на том же судне иноземцев 26 человек». Далее двинского воеводе заботит «а почему им давать денег и о том ко мне не писано от Вашей милости...».¹¹² Скорее всего из-за спешности проекта, но более «за мелководьем рек предложение это не осуществилось».¹¹³

Американский историк Р. К. Масси считает, что осадка «The Transport Royal» достигала 8 футов (2 м 43 см – М. Д.), поэтому корабль «не дошел даже до Волги».¹¹⁴ Стоит заметить, глубина устья Невы также не превышала в то время восьми футов, что приводило к необходимости перетаскивать корабли в Кронштадт «посредством канатных приспособлений», так как в снаряжении суда не могли подниматься по реке.¹¹⁵

В тексте упоминаемой «Отписки к Государю...» от 9 августа 1698 года, составленной Ф. Тиммерманом «о препровождении им из Архангельска до Холмогор присланной из Англии яхты...», вносится ясность в причины провала проекта. Оказывается, из-за мелководья судно по Сев. Двине не смогло достичь даже Холмогор. Тем не менее, желая исполнить указ и одновременно боясь навлечь «государев гнев», организаторы использовали замечательную методику. При проводке яхты поморы совмещали «дедовский» опыт с западноевропейской традицией. Тиммерман «со товарищи» применил оригинальный «понтонный метод» «...попытали ладить... снасти разные на барки строить, чем приподнять... В. Г. яхту и приподняли ее в 2 накона, слишком полторы английской ступени».¹¹⁶ В таком экзотическом виде 21 июля 1698 г. корабль, окруженный сложной конструкцией «барок», отправился вверх по реке. Едва достигнув Спасского монастыря, в 7 верстах от Холмогор, парусник сел на мель. Доверенное лицо царя оправдывается: «...и тут на песках всего воды на четырех ногах без двух пальцев, а яхту всего порозжу ходу надобно семь ступеней три пальца и никакими силами невозможно в том месте проводить».¹¹⁷ Тогда же Тиммерман распорядился «поставить яхту на Холмогорскую городовую сторону», напротив реки Курьи. Отметим, в Курейской волости у Холмогор, но ранее, в 1556 г., зимовало другое знаменитое английское судно – пинасса «Серчерифт» арктической экспедиции Стивена Барроу.¹¹⁸ В этой связи поражает ремарка из письма английского кораблестроителя Дж. Дена (Dean J. A) от 8 марта 1698/99 г. П. Кармартену. Российским историкам текст депеши, отправленной из Москвы, неизвестен: «...я показывал... (Петру I – М. Д.) модель машины для перетаскивания яхты “Рояль Транспорт” на Волгу и уменьшения осадки на 17 дюймов; он был доволен».¹¹⁹ Оказывается, еще в Лондоне государь консультировался о возможной транспортировке яхты «The Transport Royal» из Белого в Черное море.

Тем временем Тиммерман предложил Петру законсервировать корабль и ожидать осеннего половодья, либо «со всяким бережением до внешней воды». Пытаясь не огорчать царя, «распорядитель» стремится его успокоить: «а жители здешние сказывают, что в то время воды велики бывают и вверх ту яхту проводить можно завозом и парусом».¹²⁰

«Отписка» позволяет сделать еще одно наблюдение: «А здесь на яхте остались капитан Вилим Рипли, да с ним разных чинов 29 человек».¹²¹ Тем самым подтверждается факт: Рипли действительно являлся капитаном яхты «The Transport Royal». В свою очередь, положение элитных иноземцев, оказавшихся в плену речного мелководья, было не столь комичным, сколько печальным. Во всяком случае, Тиммерман настойчиво требует выдать экипажу хоть какое-то жалованье: «...чем кормиться им... впредь не знаю... а об жалованьи месячном без твоего В. Г. указа ничего не дадут, а им в осень и в зиму шубы и платье надобны».¹²²

Вскоре многострадальный парусник перешел под управление датчанина И. Э. Избранта, комиссара Приказа адмиралтейских дел, исполняющего обязанности экипажмейстера Соломбальской судостроительной верфи. И тут же возник очередной виток напряженности. Скандал инспирировал «нечистый на руку» ближний стольник и Двинский воевода Василий Ржевский. Во всяком случае, его перу принадлежит «Двинский росписной список» от 2 февраля 1702, который сообщает о «заморском корабле... в Курейской волости, который прислан из Англицкой земли». Документ причудливым образом вылился в донос: «...в прошлом 206 году (с 1 сентября

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Елагин С. И. Список судов Балтийского флота... 1867. С. 36; Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов... 1872. С. 190.

¹¹⁴ Масси Р. К. Петр Великий... 1996. С. 349.

¹¹⁵ Валишевский К. Петр Великий... 1993. С. 364.

¹¹⁶ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 481.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ [Томас Соутэм и Джон Спарк] 1556 г. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л.; М., 1937. С. 128.

¹¹⁹ Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht... 1983. S. 86.

¹²⁰ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 481.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

1697 г. по 1 сентября 1698 г. — М. Д.)... с того корабля пушки, машты, трансы и парусы, и всякие карабельные снасти обкрали иноземец инженер Фряс Тиммерман».¹²³ Сейчас трудно представить, что в действительности произошло. Однако не инженер Ф. Тиммерман, а воевода В. Ржевский, которого адмирал Ф. А. Головин называл «сумазбродный дурак», летом 1702 года, получил от государя нагоняй и серьезное взыскание.¹²⁴

В этой ситуации иноземец Е. Избрант принял у приказчика М. Барса «тот карабель той в реке Курье» с мелким ружьем: мушкетами, мушкетонами, пистолетами и копьями, а также с иными мелкими припасами. Одновременно «для досмотру» яхты «The Transport Royal» была выставлена стража из двух человек.¹²⁵ Позже, по царской грамоте Указом приказа Адмиралтейских дел тому же В. Ржевскому от 19 марта 1702 г. поручалось «торговому человеку немецкой слободы» Избранту «строить корабли», с предписанием «да что у Города корабль Транспорт... со всякими припасы отдать ему жь, Элизарью».¹²⁶ Однако «раскрутка» странных событий, связанных с пребыванием удивительной яхты на Русском Севере, лишь начиналась. Пришвартованное у стенки Соломбальской верфи судно весной 1702 года, очевидно, сыграло роль живого макета в момент строительства, фрегатов «Сочествия Святого Духа» и «Скорый гонец».¹²⁷

Отечественная историография на протяжении столетий связывает суда, а также яхту «The Transport Royal», с беспрецедентным в 1702 г. походом войск Петра и «легендарным» волоком фрегатов по землям Карелии, названным «Осударевой дорогой». Между тем, летописные сведения о транспортировке «по сухой настилке» кораблей не подтверждаются ни одним прямым архивным источником, за исключением «Челобитной поморов», недавно обнаруженной историком П. Кротовым, но недостаточно точно датированной.¹²⁸ Тем не менее, многие современные исследователи продолжают находиться под завораживающим впечатлением фольклорных известий.¹²⁹

Считается, что малые фрегаты возводились «у города Архангельска английскими мастерами в 1702 году».¹³⁰ Также существуют известия, что корабли «сработаны» под началом И. Скворцова и Г. Меншикова.¹³¹ Но предпочтительнее мнение историка П. Кротова: «фрегаты строились под руководством... рядовых... Преображенского полка И. Немцова, Ф. П. Пальчикова и Л. А. Верещагина...».¹³² Добавим, что в строительстве участвовали также англичанин Я. Валлонт и голландец П. Памбурх — капитаны малых фрегатов.¹³³ 24 мая 1702 г. царь спускает суда на воду, о чем лаконично сообщает Ф. М. Апраксину.¹³⁴ Начинается подготовка «тайного похода» русской армии к стратегической линии Ладога—Нева—Балтика. Государь пребывает во власти задуманного тайного перевода пяти батальонов лейбгвардии от Белого моря, к Повенецкому рядку и далее водой, к шведскому Нотебургу на Ладоге.

«В четверток», 5 августа 1702 г., эскадра К. Крюйса в составе 10 кораблей с войсками отбывает к Соловецкому архипелагу, а далее к Вардегорскому мысу — месту старта «Осударевой дороги».¹³⁵ Очевидец выхода кораблей в Белое море, дьяк Посольского приказа М. Родостамов, сообщал 8 августа 1702 года: «Я, последний служитель, проводил... изрядный караван... на самое морское устье... и по вечеру... пошли паки в шлюпках на корабли, друг друга упреждающа, в путь свой, радуясь».¹³⁶

Во флотилию входило четыре отечественных и шесть иностранных купеческих судов. Это флагманская яхта «The Transport Royal», малые фрегаты «Сочествия Святого Духа» и «Скорый гонец», только что спущен-

¹²³ Тревожные годы Архангельска. 1700–1721. Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск. 1993. С. 178.

¹²⁴ Письма и Бумаги императора Петра Великого. Т. 2. СПб. 1889. С. 553.

¹²⁵ Тревожные годы Архангельска. 1700–1721. Документы по истории... 1993. С. 178.

¹²⁶ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. 1863. С. 28.

¹²⁷ Кротков А. С. Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 г. СПб., 1896. С. 108.

¹²⁸ Данков М. Ю. Таинственный архив мегапроекта XVIII века (Малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги 1702 года») // Петровское время в лицах — 2007. СПб., 2007. С. 78–89; РГАДА. Ф.1201, оп.2. д. 1704. Л. 43–43 об.; Кротов П. А. Новые материалы об Осударевой дороге 1702 г. (Пролог основания Санкт-Петербурга) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007. С. 288–303.

¹²⁹ Беспятах Ю. Н. Третье «пришествие» Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке. СПб. 1997. С. 45–48; Брызгалов В. В. Какие корабли перетаскивали по «Осударевой дороге» в 1702 году // Защитники Отечества. Архангельск, 2003. С. 10–14; Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 195, 203, 209; Кротов П. А. Осударева дорога 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 209–212; Кротов П. А. Новые материалы об Осударевой дороге 1702 г. (Пролог основания Санкт-Петербурга) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007. С. 288–301; Ларионов А. Л. Малые фрегаты «Св. Дух» и «Курьер» (К истории Осударевой дороги 1702 г.) // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 221–227.

¹³⁰ РГАВФМ. Ф. 578. Оп. 1. Д. 10. № 134. Л. 28.

¹³¹ Елагин С. И. Утверждение России на Балтийском побережье // Морской сборник. 1866. № 1. С. 123.

¹³² Кротов П. А. Осударева дорога... 1999. С. 187–188.

¹³³ Данков М. Ю. Загадочный капитан Я. Валлонт... 2003 [1]. С. 18.

¹³⁴ Письма и Бумаги императора... 1889. С. 65.

¹³⁵ Новиков Н. И. О высочайших пришествиях Великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича. М., 1783. С. 98; Досифей. Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833-год. М., 1833. С. 86.

¹³⁶ Елагин С. И. Утверждение России на Балтийском побережье... 1866. С. 123.

ные на воду, а также яхта «Святой Петр».¹³⁷ Царь с двенадцатилетним Алексеем Петровичем и «ближними», среди которых выделялся гофмейстер А. Меншиков, расположился на «The Transport Royal». Заметим: на любимом корабле царь не бывал с лондонских времен. По сообщению участника экспедиции голландского резидента Фан-дер-Гульста, путь до Соловецкого монастыря был «под парусами... посреди множества подводных камней... трудный и опасный».¹³⁸

«The Transport Royal», стоявший «на приколе» в Соломбале, очевидно, прекрасно себя показал в морском рейсе. Царь с благоговением относился к судну Кармартена, он прекрасно знал ходовые качества, запас прочности, конструктивное совершенство и простоту управления парусника, возведенного на Темзе. Скорее всего, в беломорском переходе государь сам стоял у штурвала «абсолютного» корабля. До 16 августа 1702 года Петр с сыном каждый вечер из монастырской обители архимандрита Фирса возвращался ночевать на любимую яхту к Заяцкому острову.

Через сутки государева яхта во главе флотилии прибыла к о. Рислуда, у Пономаревой горы. Суда бросили «якорь» на рейде Вардегорского мыса, напротив «Нюхоцкого Соловецкого усолья».¹³⁹ После драматического ночного десанта гвардии и разгрузки трюмов с «зельем... пушечными припасами», провиантом и снаряжением, войска Петра встали на легендарный волок. Яхта «The Transport Royal», на которую перебрался Крюйс, и остальные корабли отправились в Архангельск. Через неделю суда достигли Северной Двины. Вице-адмирал К. Крюйс докладывал Ф. Головину, преодолевающему карельский путь: «Царского Величества поверенная мне флота Слава Богу в 26 день сего месяца сюда в целости уцеленна пришла... и стоит ныне от Двинки в 5 верстах за погоду противною».¹⁴⁰ Также любопытна депеша Родостамова от 30 августа 1702 г.: «...корабли Транспорт («The Transport Royal» – М. Д.) и прочие («Сошествия Св. Духа», «Скорый гонец», «Св. Петр» – М. Д.) благополучным ветром пришли» и встали на якорную стоянку, «где обычно». И далее: «Транспорт с прочими у Саломболы, а торговые английские и голландские в своих караванах, при радостной пушечной стрельбе во всяком здравии».¹⁴¹

Однако в первой половине XIX столетия распространяется ложный взгляд об участии «The Transport Royal» в волоке по трассе «Осударевой дороги».¹⁴² Автором гипотезы выступил Олонецкий архиепископ Игнатий: «Петр повелел взять с собою две яхты», одну отбитую у шведов в 1701 году, «а другую... которую подарил царю Английский король в бытность Петра в Лондоне».¹⁴³ Другая ошибочная версия историка А. Кроткова, появилась в конце XIX в. Гипотеза связана с заблуждением о перемещении по маршруту двух малых фрегатов. До сих пор это, пожалуй, самая яркая мистификация петровского времени, дошедшая до наших дней.¹⁴⁴

Одновременно возбуждает историческое сознание загадочная атмосфера вокруг дальнейшей судьбы «The Transport Royal». В том числе это касается непонятого эпизода отправки зимой 1702–1703 гг. в санях в разобранном виде из Архангельска в Воронеж, какой-то неизвестной английской яхты. Когда «The Transport Royal» после десанта у «Нюхоцкого усолья» возвращался в Архангельск, а адмирал Головин преодолевал «Осудареву дорогу», дьяк Родостамов 21 августа 1702 г. ему сообщил: «...из за моря привезена Государева яхта». Дьяка интересовало будущее парусника: «также Государеву яхту здесь воеводе, или Елизарию Избранту отдать?».¹⁴⁵ К сожалению, любопытный эпизод находится вне поля зрения современных исследователей. Какое же иностранное «государево» судно упоминает щепетильный служитель?

Отметим еще один документ от 20 января 1703 г. австрийского дипломата А. О. Плейера в Вену. «Донесение» сообщает: «На днях в Архангельске английская яхта, какие приходили этим летом из Амстердама, была разобрана и установлена на сани, которые в начале Великого поста в Воронеж, куда направляется и сам царь, будет отведена и в том месте снова собрана».¹⁴⁷ Сведения о таинственной английской яхте, которая зимой 1703 года была демонтирована, упакована в специальные «возки» и волоком отправлена из Архангельска в Воронеж, будоражит воображение. Можно предложить версию, что этим судном могла стать английская яхта «Св. Екатерина», перевезенная в разобранном виде в Петербург и спущенная в Неву в мае 1706 года.¹⁴⁸ Между тем,

¹³⁷ Беспярых Ю. Н. Третье «пришествие» Петра I... 1997. С. 42; Брызгалов В. В., Попов Г. П. «Государева» яхта // Соломбальская верфь 1693–1862. Архангельск, 1993. С. 9.

¹³⁸ Елагин С. И. Утверждение России на Балтийском побережье... 1866. С. 123.

¹³⁹ «Летописец Соловецкий» // ОРК НБРК. № 45614 р (Отдел редкой книги Национальной библиотеки Республики Карелия). Л. 27 об.; Данков М. Ю. Карт-бланш царя на Карельский поход 1702 года // Петровское время в лицах – 2005. СПб., 2005. С. 117.

¹⁴⁰ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 254.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Данков М. Ю. Яхта «Transport Royal» на Северной Двине // Двинская земля. Выпуск 3. Вельск, 2004. С. 93.

¹⁴³ Игнатий. Воспоминание о Высочайших пришествиях Великого государя Петра Первого, коими осчастливлен край, составляющий ныне Олонецкую губернию. Петрозаводск, 1841. С. 8; Двукратное посещение государем Петром Великим Соловецкого монастыря 1872. СПб. С. 15.

¹⁴⁴ Кротков А. С. Взятие шведской крепости Нотебург... 1896. С. 144.

¹⁴⁵ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 254.

¹⁴⁷ Устрялов Н. Г. История царствования... Т. 4. Ч. 2. Прил. (№ 21, 19 перевод с немецкого яз. Т. А. Ягнова 1996 г.) 1863. С. 598–599.

¹⁴⁸ Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов... 1872. С. 190.

загадки транспортировки судов в разобранном виде, из одного конца страны в другой удваиваются, если принять во внимание практическую нецелесообразность решений.

Интересен и более ранний, от 20 декабря 1702 г., отчет дипломата Леопольду I о секретной операции по доставке на кораблях русских войск «к шведским берегам». Речь идет о походе к Вардегорскому мысу, в котором участвовала яхта «The Transport Royal». Венский резидент отмечал: царь «...неожиданно повелел на корабли торгового флота погрузить войска и отплыл из Архангельска по Белому морю к шведским берегам, там, где Лапландия, и в том месте приказал войска выгрузить на землю». Плейер продолжал: государь «...отправил снова корабли назад в Архангельск, откуда он организовал тайный рейс, как в 1696 году, когда он из Москвы из замершего леса... построенные галеры и галиоты по суше все 100 миль отклоняющейся зимней дорогой в Воронеж, а оттуда в Азов и Черное море отвел».¹⁴⁹ Абзац документа «О путешествии царя с Белого моря», как и фрагмент «Донесения» на русском языке, публикуется впервые.¹⁵⁰ Очевидно, австрийский эмиссар сравнивает волок 1702 года с двумя загадочными транспортировками 1696 года.¹⁵¹ Сначала из Архангельска через Вологду была отправлена в село Преображенское двухмачтовая 16-баночная 32-весельная голландская галера, известная специалистам под именем «Лефортова».¹⁵²

Имеет ли судно какое-либо отношение к так называемой английской «кипарисной» яхте, появившейся в 1698 г. в Архангельске, сказать не возможно.¹⁵³ Весной 1696 г. по снегу были транспортированы из Преображенского в Воронеж крупные детали судов, изготовленных по образцу перемещенной галеры.¹⁵⁴ Таким образом, отзывы о волоке кораблей по «Осударевой дороге», получившие патристическую окраску, образовались позже, не без влияния перетаскивания какой-то английской «государевой» яхты в феврале 1703 г.

Тем временем упомянем «Отписку» в Посольский приказ архангельского воеводы П. А. Голицына от 1708 г. Запись гласит: «...для проводыванья оных неприятелей и отпору на взморье» Двины, находятся три корабля «Транспорт», «Меркуьюс» и «шнява, званная „Святой Дух“».¹⁵⁵ Документ предписывает боевым судам «...быть при Двинских устьях, и ныне они стоят в урочище на Яме». Вне сомнения, источник упоминает легендарные «The Transport Royal», «Сошествия Святого Духа» и «Курьер». Таким образом, появился дополнительный аргумент: «Транспорт» и малые фрегаты на протяжении первого десятилетия XVIII столетия не перемещались в бассейн Балтийского моря, т. к. входили в состав Беломорской флотилии.¹⁵⁶ Через два года английский посланник при русском дворе Ч. Уитворт, заметил: «В Архангельске царский транспорт находится в очень хорошем состоянии» («The Royal Transport lies in very good»)¹⁵⁷.

Еще более запутывает вопрос о корабле корреспонденция того же Уитвора, относящаяся к весне 1712 года, адресованная английскому статс-секретарю С. Джону. Дипломат сообщает: «Царь спрашивал меня, получил ли я ответ касательно прохода королевского фрегата сюда из Архангельска под британским флагом». Понимая, что идут военные действия между Россией и Шведским королевством, Уитворт уточняет: «вряд ли это несет какое-то значение для Швеции», ведь «речь идет о потешной яхте, подаренной царю покойным Вильгельмом».¹⁵⁸

В очередной раз подвергнуть яхту «The Transport Royal» решительному эксперименту царь Петр решил осенью 1715 года. Тогда в Архангельск пришло предписание отправить судно в составе каравана по маршруту «Полярной кругосветки». Легендарному паруснику предстояло повторить в обратную сторону рейс 1698 года, преодолеть тысячу морских миль, обогнуть м. Нордкап, пройти вдоль Скандинавского полуострова и встать на рейд Адмиралтейства в Петербурге.

Россия к этому времени в июле 1714 г. одержала блестящую викторию над шведами у мыса Гангут и превратилась в морскую державу, однако полностью контролировать Балтику не могла. В июне–июле 1715 г. на Севере завершилось строительство серии 52-пушечных линейных кораблей. Суда получили имена архангелов «Михаил», «Гавриил» (к-н Крамер), а также «Уриил» (к-н Синявин), «Салафаил» (к-н Беринг), «Варахаил» (к-н Бенс), и «Ягудиил» (к-н Ден).¹⁵⁹ При спуске судов на Северной Двине, снаряжении и переходе в августе 1715 г. через бар команды испытали затруднения, вызванные поспешностью царского наказа. Яхта «The Transport Royal» под началом англичанина Хутчиссона (Hutchisson) при подготовке к сложному переходу, была отремонтирована и «вооружена на ново».¹⁶⁰ Доклад вице-губернатора Е. П. Лодыженского царю от 2 сентября 1715

¹⁴⁹ Устрялов Н. Г. История царствования... (Перевод Т. А. Ягнова). 1863. С. 589.

¹⁵⁰ Данков М. Ю. Иноземцы и «Осударева дорога» // Немцы и Русский Север. М., 2000. С. 37.

¹⁵¹ Ларионов А. Л. Русский галерный флот // Судостроение. 1972. № 6. С. 74.

¹⁵² Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 85, 87–88.

¹⁵³ Гузевич Д. Ю, Гузевич И. Д. Первое Европейское путешествие царя Петра... 2008. С. 429.

¹⁵⁴ Раздолгин А. А., Фатеев М. А. На румбах морской славы... 1988. С. 31.

¹⁵⁵ РГАДА Ф. 160. 1708. Оп. 1. Д. 9. Л. 43 об.; см. также Кротов П. А. Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 80.

¹⁵⁶ Данков М. Ю. Архангельские фрегаты 1702 г. // Выборг и морская археология. Археологические изыскания вып. 45. СПб., 1997. С. 80.

¹⁵⁷ Беспахты Ю. Н. Россия в начале XVIII века. Сочинение Ч. Уитвора. М., Л., 1988. С. 94.

¹⁵⁸ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 61. СПб., 1888. С. 164.

¹⁵⁹ [Дж. Ден]. История российского флота в царствование Петра Великого. Перевел с неизданной английской рукописи граф Е. Путятин. СПб., 1897. С. 36; Дыгало В. А. Откуда и что на флоте пошло. М., 1993. С. 101.

¹⁶⁰ [Дж. Ден]. История российского флота... 1897. С. 32.

г. свидетельствовал, что судно пребывает «с полным комплектом корабельных служителей и с мундиром и со всякими припасы и с провиантом».¹⁶¹

Недавно выявлены «отписки» капитанов архангельской флотилии Петру и его сподвижникам, которые отправлены с бортов кораблей. Современное истолкование реляций позволяет представить «беспощадную» картину северной экспедиции. Общий руководитель похода, И. Синявин, 12 августа 1715 года сообщал царю: «Корабли и Транспорт с людьми и провиантом отправлены и прошедшего июля 29-го дня от Соломбальской верфи отошли и сего августа 9-го дня вышли за баки».¹⁶² Из-за многодневного шторма, флотилия стояла на якорях, дожидаясь «способного ветра», а суда «догружали остальным провиантом и другими припасами». Понимая, какое значение Петр придает любимой яхте, Синявин в своих корреспонденциях последовательно выделяет информацию о «транспорте». В цитируемом письме «командор» услужливо уточняет ситуацию с «The Transport Royal» и задает вопрос: «быть до указу... в Ревель оному... Транспорту... или в С. Петербург прямо отправить?». Наконец, 24 августа Синявин рапортует: «...получа способный ветер пошли с четырьмя кораблями и Транспортom в назначенный нам... путь».¹⁶³

Между тем, вскоре «проявились» серьезные неполадки в конструкции судов. С борта корабля «Уриил» Синявин 29 августа сообщает государю: «24-го числа пошли было с кораблями и Транспортom в путь, но несчастием корабль Ягудиил потек... оный взять... было опасно и отправили к Соломбальской верфи; а мы при помощи Божьей с тремя кораблями и Транспортom пошли».¹⁶⁴ О последующих драматических обстоятельствах похода эскадры в Белом и Баренцевом морях, уже 2 октября 1715 года, с борта «Салафаила» обстоятельно докладывал князю В. Л. Долгорукому, русскому послу в Дании, бесстрашный капитан Витус Беринг. В скором будущем руководитель экспедиций на Камчатке сообщал: «...за великою погодою и за дождем на море... с командором г. Синявиным в разлучении стали, и по прошествии 4-х дней виделись с кораблем капитан поручика Бенса... именуемым Архангел Варахаил, также за великою погодою с оным капитаном поручиком разлучились же».¹⁶⁵

Поразительно, но Беринг оказался последним очевидцем, наблюдавшим в проливе недалеко от Ост-Зее (Балтийского моря) царскую яхту на плаву. Капитан оставил важную информацию о еще дееспособном паруснике «The Transport Royal»: «...я... близ Зунда... видел Транспорт, который отправлен же был от города Архангельского и за противности великого ветра с тем Транспортom разлучились же».¹⁶⁶ История невольно соединила в трагический клубок «комендора» и легендарный царский корабль.

Потери похода оказались грандиозными. Беринг в норвежском порту «Лангезунд» (Haugesund – ? М. Д.) 27 сентября 1715 г. подсчитал утраты на «Салафаиле»: из 446 человек «половина больных, также и умерших 43 человека».¹⁶⁷ Другое судно «Гавриил», под командованием Крамера, прибыло в Ревель в конце сентября 1715 г., но в пути потеряло грот-стенгю. Нота скорби присутствуют в донесении Бенса, капитана корабля «Варахаил», который 14 октября докладывал В. Долгорукому: «...прибыл я... в Норвегию, в местечко «Флекер» (Flekkefiord – ? М. Д.) 9-го октября». Однако, «далее невозможно идти, потому что людей много умерло и много больных, а корабль надо килевать, потому что в носу очень течет».¹⁶⁸ Таким образом, «Ягудиил» потеряв «около половины своей команды», вмерз в лед в 25 милях от Тронхейма, суда «Уриил» и «Салафаил» встали на зимовку в Копенгагене, а «Варахаил» – в норвежском Флекерне. Иная участь ждала царский парусник «The Transport Royal». Любимая яхта государя, возведенная в Гринвиче, разбилась у шведских берегов.¹⁶⁹ Обстоятельства катастрофы «The Transport Royal», к сожалению, исследователям не известны. Крушение судна Кармартена, является одной из последних загадок «неординарного корабля» Российского флота. Исходя из письма В. Беринга, яхта в начале октября 1715 г. попала в шторм и вскоре затонула у шведского острова Марстранд, недалеко от современного города Гетеборг.¹⁷⁰

Шведская военная администрация взяла «под караул» команду судна в составе 20 моряков во главе с капитаном Хутчиссоном и разместила в Марстранской цитадели (Marstrand Castle).¹⁷¹ Все моряки с «The Transport Royal», в том числе раненые и тяжело больные, оказались не в самых лучших условиях подземелья и вскоре погибли в тюремном замке.¹⁷²

До сих пор специалисты спорят о координатной точке гибели удивительного корабля. С 1998 года в Швеции реализуется крупный научный «Проект Марстранд», связанный с проведением поисковых археологических работ в этой части морской акватории. Ученые изучают остатки затонувших кораблей и культурный слой

¹⁶¹ Елагин С. И. Материалы для истории... 1865. С. 677.

¹⁶² Там же. С. 662.

¹⁶³ Там же. С. 670.

¹⁶⁴ Там же. С. 674.

¹⁶⁵ Там же. С. 684.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же. С. 686.

¹⁶⁹ Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht... 1983. S. 77.

¹⁷⁰ Масси Р. К. Петр Великий... 1996. С. 349.

¹⁷¹ Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht... 1983. S. 77.

¹⁷² [Дж. Ден]. История российского флота... 1897. С. 36.

в районе о. Марстранд.¹⁷³ Здесь, у западного побережья Швеции, обнаружены многочисленные объекты, включая остовы средневековых судов. Имея выгодное географическое положение, Марстранд с XIV столетия играл важную роль в военных конфликтах и международной торговле. В рамках проекта проведены подводные археологические исследования фрегата «Фредрикус», построенного в доке Карлскруны в 1698 году. Шведский парусник по существу является ровесником английской яхты. В этом смысле сохраняется надежда зафиксировать место катастрофы корабля «The Transport Royal». Исследования сохраняют возможность поднять на поверхность отдельные фрагменты корпуса, вооружения и оснастки судна, а также другие предметы русской морской материальной культуры. Следует упомянуть и о другом, российском проекте, разрабатываемом в современном Петербурге, который представляет несомненный интерес. Он связан с воссозданием в натуральную величину новодельной яхты «The Transport Royal».¹⁷⁴

В то же время, как ни парадоксально, тайны корабля Петра Великого не обрываются шведской катастрофой. Известный французский путешественник XVIII столетия Обри Де Ла Мотре в своем труде «Путешествия по Европе, Азии и части Африки» сделал фантастическое утверждение. Он настаивал, что в 20-х гг. восемнадцатого столетия видел в Петербурге: «...судно, подаренное королем Вильгельмом царю, когда тот был в Англии».¹⁷⁵ Безусловно, к литературной реплике следует относиться с осторожностью. Исследователь не мог на Неве видеть «The Transport Royal», «раскатанный по бревнышкам» у Марстранда. Скорее всего, путешественник говорит об упоминаемой нами английской яхте «Св. Екатерина».¹⁷⁶ А может о загадочной лондонской яхте, которую на «Великий пост» в 1703 г. переволокли из Архангельска в Воронеж? Во всяком случае, судно «Св. Екатерина», названное в честь Екатерины Скавронской, супруги Петра I, вскоре действительно превратилась в царский корабль. В своем «Дневнике» за 1723 г. голштинiec, Ф. В. фон Берхгольц, упоминает: «император переменял корабль, который обыкновенно употреблял во флоте... и вместо «Ингерманландии» выбрал себе «Екатерину».¹⁷⁷ Думается, что в начале 20-х годов Де Ла Мотре мог наблюдать и другое судно – золоченую яхту «Декроне», подарок короля Пруссии.¹⁷⁸ Вспомним, А. Вейде назвал парусник Кармартена «мало не весь вызолоченным».¹⁷⁹ Однако вал мистического интереса удваивается после знакомства на этот раз с последним «роковым источником» – записками камер-юнкера Фридриха Вильгельма фон Берхгольца о событиях первой половины июля 1723 года. Человек редкостной пунктуальности усиливает головоломку, связанную с кораблем «The Transport Royal». Оказывается, находясь в свите герцога Карла Фридриха, будущего супруга Анны Петровны, дочери Петра I, он не только видел царское судно, которое вроде бы было разбито у Марстранда, но не раз бывал на его борту. Первое посещение таинственного корабля состоялось 1 июля 1723 года, когда: «фрегат... «Transport Royal» был приведен в Кронслот» из Санкт-Петербурга. Затем еще раз 10 июля он оказался на борту этого корабля, подошедшего к «увеселительному дворцу «Катериненталь». Камер-юнкер сообщает «о прекрасном вызолоченном фрегате «Transport Royal», который «прежде еще никогда не присоединялся к флоту». Что не пассаж голштинца, то новая загадка. Затем, «когда все начали восхвалять... быстрый ход и красоту» судна, капитан П. Бенс, командир корабля «Варахаил», который в одной эскадре с Хутчиссоном на «The Transport Royal» шел в 1715 году из Архангельска, произнес по-голландски, что он «ничего себе так не желает, как... соизволения императора на командование этим фрегатом». Имелся в виду предстоящий рейс, в котором герцог «как король, будет отправляться на нем в Швецию».¹⁸⁰ Так о каком корабле все-таки идет речь? Впрямь исторический фантом или, может быть, феникс?

Свидетельство француза лишь добавляет тумана в запутанный, трехвековой давности сюжет.¹⁸¹

Завершая исследование о практически не известном эпизоде в истории России начала XVIII столетия, признаемся: парусник «The Transport Royal» сыграл грандиозную роль не только в отечественном кораблестроении. Сюжеты, связанные с созданием корабля, табачная монополия, судьба двух капитанов, фантастичность транзитного волока в Азов, карельские тайны «Осударевой дороги», Марстрандская катастрофа и, наконец, свидетельство Мотре поражают недосказанностью и подталкивают к более широкой интерпретации дерзкого прорыва петровской России в европейский мир.

¹⁷³ Olsen A. The Marstrand project // Изучение памятников морской археологии. Вып. 4. СПб., 2000. С. 176–182.

¹⁷⁴ <http://www.shtandart.ru>.

¹⁷⁵ Беспярых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях... 1991. С. 223.

¹⁷⁶ Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов... 1872. С. 190.

¹⁷⁷ [Берхгольц]. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. СПб., 1993. С. 204–205.

¹⁷⁸ Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов... 1872. С. 190; Беспярых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях... 1991. С. 247.

¹⁷⁹ Елагин С. И. История Русского флота... 1864. С. 479.

¹⁸⁰ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вальгельма Берхгольца. 1721–1725 год. Ч. 3–5 // Юность державы. М., 2000. С. 99, 107–108.

¹⁸¹

Николай Петрович Ушаков – директор Олонецких училищ (1807–1813 гг.)

Николай Петрович Ушаков родился в Новгородской губернии в дворянской семье. После окончания (1876 г.) Петербургского Сухопутного шляхетского Кадетского корпуса продолжил службу в Балтийском гребном флоте, получил звание поручика. Он был участником русско-шведской войны (1788–1790 гг.). За одержанные победы над шведским флотом представлен к награде и пожалован клинком. 29 июня 1790 г. «взят был гребным шведским флотом в плен», а после освобождения в ноябре этого же года поступил на службу к графу И. П. Салтыкову «по порученной от него должности». В апреле 1794 г. по болезни был уволен в звании секунд-майора. С 1799 по 1803 гг. жил в Новгороде, где был назначен прокурором в Новгородском верхнем земском суде, затем служил в Ассигнационном банке первым конторским помощником. Получил чин надворного советника. В 1803 г. переехал в Олонецкую губернию к родителям жены Анны, проживающих в г. Петрозаводске.⁴⁰ В должности директора народных училищ Олонецкой губернии Николай Петрович Ушаков был с 20 января 1807 г. по 31 июля 1813 г. и одновременно – учителем французского языка в гимназии.

Одной из главных задач деятельности директора Олонецких училищ являлось точное исполнение законов и руководящих указаний вышестоящего начальства. Судя по архивным данным, Н. П. Ушаков был хорошо знаком с законодательными документами и старался их в точности выполнять. В своих донесениях вышестоящему начальству, сообщая о проведенных мероприятиях в своем ведомстве, он постоянно ссылался на те или иные статьи «Устава учебных заведений». Так, например, по поводу назначения молодых специалистов в 1808 г. на должности и составления учебного расписания в Олонецкой гимназии он отмечал: «как можно подходил я ближе к уставу учебных заведений».⁴¹

Значительное внимание директора уделялось открытию в г. Петрозаводске и уездных городах Олонецкой губернии новых училищ, что способствовало увеличению количества учащихся. Петрозаводское главное народное училище в 1811 г. было преобразовано в губернскую гимназию, а малые народные училища в уездных городах Олонце, Каргополе и Вытегре реформированы в уездные училища, появились городские приходские школы. Таким образом, если в 1803 г. в Олонецкой губернии насчитывалось только 4 училища, где обучалось 173 учащихся (167 мальчиков и 6 девочек), то в 1815 г. – 9 школ с 307 учащимися в них. Вместе с новыми учебными заведениями открывались и училищные библиотеки. В сельской местности продолжили свою работу приходские училища, открытые в 1805–1806 гг. директором А. Е. Крыловым.

Необходимо отметить, что по итогам ревизии учебных заведений Олонецкой губернии в 1811 г. П. Д. Лодия, деятельность директора народных училищ Н. П. Ушакова была высоко оценена. 31 марта 1812 г. по представлению министра народного просвещения А. К. Разумовского император пожаловал Н. П. Ушакова за «рачительный надзор за учебными заведениями», ему вверенными, «и долговременное служение» орденом Св. Владимира IV степени.⁴²

Постоянной заботой директора Олонецких училищ была губернская гимназия. В 1808 гг. были выделены денежные средства на ремонт поврежденного пожаром здания гимназии, которое при активном участии Н. П. Ушакова отремонтировали в течение лета 1809 г. В училищном доме поместили три школы одновременно: гимназию, уездное и приходское училища. Здесь же располагались училищные библиотеки, которые ежегодно пополнялись книгами и учебными пособиями. Много времени уделялось пополнению материальной базы всех школ губернии, а именно: формирование фонда училищных библиотек, приобретение учебных пособий и организация минерального и физического кабинетов в гимназии. Среди архивных документов сохранились письма Николая Петровича в адрес ректора Императорского университета и попечителя Санкт-Петербургского учебного округа с просьбами о присылке в учебные заведения подведомственной губернии приборов для физического кабинета гимназий, географических карт Российского государства и Европы, учебных таблиц для проведения уроков по методике взаимного обучения.

Н. П. Ушаков ежегодно ревизировал подведомственные училища на территории всей губернии, по окончании которых составлял подробные отчеты о состоянии дел по училищному ведомству. Данные таких отчетов показывают значительное сокращение количества сельских школ. Если в 1806 г. в четырех уездах Олонецкого края было открыто 20 приходских училищ, то к 1815 г. работало только четыре (три в Петрозаводском и одно в Вытегорском уездах). Остальные 16 школ закрылись. И хотя директор училищ в ведомостях о состоянии училищ за 1807–1813 гг. указывал на наличие 20 приходских училищ, отмечая при этом, что «учения в них нет за неимением учеников».⁴³ Деятельность директора Олонецкой дирекции училищ в этом вопросе сводилась

⁴⁰ Биография восстановлена по формулярным спискам чиновников Олонецкой губернии. Центральный государственный исторический архив (далее ЦГИА), ф. 139: Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа, оп. 1, д. 243, 444.

⁴¹ ЦГИА. СПб., ф. 139, оп. 1, д. 328, л. 18.

⁴² Российский государственный исторический архив (далее РГИА), ф. 733: Департамент народного просвещения, оп. 20, д. 125, л. 1.

⁴³ ЦГИА. СПб., ф. 139, оп. 1, д. 439, л. 7.

только к констатации фактов закрытия училищ на селе. В докладных записках за эти годы Н. П. Ушакова на имя попечителя учебного округа нет данных о встречах с приходскими священниками и местными жителями, о беседах с крестьянами о пользе просвещения, что явно прослеживалось в донесениях его предшественника А. Е. Крылова за 1804–1806 гг. Основной причиной закрытия сельских приходских училищ явилось отсутствие какого-либо финансирования со стороны государства и общества. Возможно, Николай Петрович считал деятельность по устройству сельских училищ при полном отсутствии государственного финансирования – бесперспективной и поэтому не особенно занимался решением проблемы сохранения сельских училищ в подведомственной губернии. По этой же причине им не предпринимались попытки по открытию уездных или приходских училищ в уездных городах Лодейном Поле, Пудоже и Повенце, где не существовало ни одной государственной школы, т. к. «градские общества «за неимением городских доходов и по недостаточному состоянию граждан отказались от выделения средств на содержание училищ».⁴⁴

Непосредственной обязанностью директора было наблюдение за работой учителей гимназии. В 1808 г. Н. П. Ушаков в донесении о прибытии на работу в Олонецкую гимназию выпускников Санкт-Петербургского Педагогического института,⁴⁵ где подробно сообщил об условиях быта молодых специалистов, их учебной нагрузке и т. п. В архиве сохранились представления директора о награждениях, документы по определению гражданских чинов и многочисленные ходатайства в Санкт-Петербургский учебный округ о материальной помощи вдовам учителей гимназии и уездных училищ. Так, в 1811 г. по прошению директора училищ Н. П. Ушакова были определены в чин титулярного советника учителя Олонецкой гимназии И. Ф. Яконовский, П. С. Соболев и Н. О. Куняев⁴⁶ и утвержден учитель Шильдского приходского училища в Вытегорском уезде Олонецкой губернии.⁴⁷

Олонецкая губерния рассматривалась училищным начальством не только как место службы выпускников университета, но и как место для исправления нерадивых студентов и учителей. В декабре 1811 г. студенты Педагогического института Александр Розанов и Петр Беликов были наказаны за «предосудительные проступки» отсылкой в Петрозаводск «на исправление». Их проступок состоял в том, что вместо посещения Щукиного двора, куда они отпросились за покупками, студенты побывали у своего друга – офицера Семеновского полка, «откуда возвращались пьяные и попались навстречу неизвестному ремесленнику-немцу», который провожал даму.⁴⁸ По словам немца, А. Розанов и П. Беликов сорвали с дамы платок, после чего он и закричал «Караул!» На крик подоспел дежуривший караул. А. Розанов смог убежать, а П. Беликов был препровожден к квартальному надзирателю.

О неблагоприятном поступке А. Розанова и П. Беликова стало известно не только в университете, но и попечителю Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварову, и министру народного просвещения А. К. Разумовскому. В своем донесении на имя А. К. Разумовского именно С. С. Уваров предложил наказать студентов за «худой» поступок «временным удалением из Института в Олонецкую губернию на исправление с предложением тамошнему директору, чтоб строжайше наблюдал за ними».⁴⁹ Если А. Розанов и П. Беликов исправятся, то, по мнению попечителя, можно было их привлечь к преподаванию в нижних классах гимназии, если нет, то наказание будет ужесточено. С предложением С. С. Уварова согласились. В мае 1812 г. А. Розанов и П. Беликов были отправлены в Олонецкую губернию «на исправление». Сохранились ежемесячные донесения директора народных училищ Олонецкой губернии Н. П. Ушакова о благонравном поведении студентов, ведомости прихода и расхода их годового содержания (по 200 рублей на каждого). Для полного контроля над провинившимися, директор поместил их в здании гимназии, где сам проживал и «почел необходимо нужным содержать их и обеспечить столом» в своем доме.⁵⁰ В течение 1812–1813 учебного года А. Розанова и П. Беликова привлекали к преподаванию в Петрозаводском приходском училище и нижних классах Олонецкой гимназии, но только на время отсутствия постоянных учителей. Своеобразная ссылка студентов продолжилась до мая 1813 г. После окончания срока наказания С. С. Уваров поинтересовался мнением директора училищ Н. П. Ушакова о возможности определения этих студентов на учительские должности. На что Н. П. Ушаков ответил, что это возможно только после окончания ими Института, т. к. «знаний к преподаванию в уездных училищах у них пока недостаточно».⁵¹

Во время службы в училищном ведомстве Н. П. Ушаков был уже человеком немолодым. Длительная служба на флоте наложила отпечаток на его характер. Достаточно сложные взаимоотношения сложились у директора училищ с Олонецким губернатором В. Ф. Мертенсом. Серьезное обострение отношений между ними произошло в 1809 г. во время ремонта здания гимназии. В самый разгар строительных работ губернатор уехал из г. Петрозаводска по делам службы и отсутствовал в течение трех месяцев. Директор училищ, заинтересованный в скорейшем окончании ремонта, в отсутствие губернского начальства, некоторые вопросы решал самостоятельно. Так, по личному распоряжению Николая Петровича без ведома губернатора на территории

⁴⁴ Там же, д. 133, л. 5об.

⁴⁵ Там же, д. 328.

⁴⁶ ЦГИА. СПб, ф. 139, оп. 1, д. 520, л. 1.

⁴⁷ Там же, д. 682, л. 14.

⁴⁸ Там же, д. 739, л. 1.

⁴⁹ Там же, л. 4 об.

⁵⁰ Там же, л. 17.

⁵¹ Там же, л. 23.

гимназии был снесен ветхий сарай, принадлежавший одному из городских жителей. Данный факт не остался незамеченным. По возвращению В. Ф. Мертенса директор училищ был вызван в губернское правление, где ему было указано на самоуправство. Кроме того, губернатор сообщил о самовольных действиях директора училищ в Петербург попечителю учебного округа Н. Н. Новосильцеву. В своем письме он отметил: «я умалчиваю о неприемлемых выражениях Ушакова в сношениях, но не могу попустить небрежного отношения к начальнику губернии».⁵² В архиве сохранилась анонимная жалоба (1809 г.) на Николая Петровича, отмечалось, что директор народных училищ Олонецкой губернии «не соблюдает должностного уважения к губернатору, как начальнику губернии»,⁵³ а именно не обращает внимания на предписания губернского начальства. «Сделайте, Ваше Превосходительство, директору строгий выговор с подтверждением, чтобы впредь уважительнее поступал в отношении своих начальников», – писал неизвестный автор письма Н. Н. Новосильцеву. О действиях директора Олонецких училищ стало известно министру народного просвещения П. В. Завадовскому, который объявил Н. П. Ушакову «строгий выговор с подтверждением, чтобы впредь уважительнее поступал в отношениях своих с начальником губернии».⁵⁴

Событие, которое поставило точку на карьере Н. П. Ушакова, и увольнение его с должности произошло в марте 1813 г. Директор народных училищ Олонецкой губернии повздорил с почтмейстером П. Свечинским. Николай Петрович отправлял посылку в Новгород свои родственникам, причем пытался это сделать за счет средств дирекции. Почтмейстер отказался не только отправлять посылку, но и упаковывать ее. Со слов директора училищ П. Свечинский нанес ему «несносную обиду своею надо мной дерзостью».⁵⁵ На почтамте между Н. П. Ушаковым и почтмейстером произошла словесная перепалка, окончившая обоюдными угрозами. Данный факт разбирали вышестоящими инстанциями и со стороны училищного начальства (попечителем учебного округа и министром народного просвещения), и руководства Санкт-Петербургского почтамта, к которому относилось почтовое отделение в г. Петрозаводске. Выяснив все обстоятельства произошедшего, было принято решение об увольнении Н. П. Ушакова с должности. В июне 1813 г. директор Олонецких училищ был приглашен в Санкт-Петербург, лично к Н. Н. Новосильцеву, где ему было сделано внушение о его незаконных действиях и объявлено решение министра народного просвещения А. К. Разумовского «об увольнении от настоящей должности для определения впредь к другим делам».⁵⁶

Подводя итоги деятельности Николая Петровича Ушакова на посту директора училищ Олонецкой губернии важно отметить, что он внес значительный вклад в дело просвещения по развитию учебных заведений г. Петрозаводске и уездных городах Олонецкого края. Деятельность Н. П. Ушакова была отмечена исследователем истории учебных реформ в Санкт-Петербургском учебном округе, членом министерства народного просвещения А. С. Вороновым, который указывал на особенную деятельность директора училищ Олонецкой губернии, поступившего на службу не из учителей.⁵⁷

Список использованных источников и литературы

1. Российский государственный исторический архив, ф. 733: Департамент народного просвещения, оп. 20, д. 44, 125.
2. Центральный государственный исторический архив, ф. 139: Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа, оп. 1, д. 133, 243, 328, 436, 439, 444, 520, 682, 739, 952, 1005.
3. Национальный архив республики Карелия, ф. 27: Олонецкий губернский статистический комитет, оп. 2, д. 4/53.

1. Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1775 по 1828 гг. СПб., 1849.

*Е. Э. Штыченко,
Петрозаводский государственный университет*

К вопросу обучения и воспитания в Петрозаводске на рубеже XIX–XX вв.

Обучение и воспитание в Петрозаводске рубежа XIX–XX вв. определялись, прежде всего, тем, как было поставлено образование в России указанного периода, но имело и местные, конкретно-исторические, особенности.

⁵² РГИА, ф. 733, оп. 1, д. 44, л. 66.

⁵³ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 436, л. 1.

⁵⁴ РГИА, ф. 733, оп. 1, д. 44, л. 67.

⁵⁵ ЦГИА. СПб, ф. 139, оп. 1, д. 952, л. 1.

⁵⁶ Там же, д. 1005, л. 6.

⁵⁷ Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1775 по 1828 гг. СПб., 1849. С. 106.

Целью данной статьи является краткий обзор, рядом ярких примеров иллюстрирующий, чему, как и зачем учились в нашем городе те поколения, которым выпало стать участниками событий, сломавших не только старую образовательную систему, но и другие институты дореволюционного российского общества.

В исследуемый период в Петрозаводске действовали учебные заведения, в которых могли обучаться дети, подростки и молодые люди мужского и женского пола, на платной и бесплатной основе. При этом в деле образования, как и во всех сферах современной русской жизни, очень велики были роль и влияние православной церкви. Так, элементарными и необходимыми признавались не только навыки письма и чтения, но и усвоение религиозных норм – «закона Божьего». Нужно отметить, что среди учебных заведений Петрозаводска по уровню преподавания и вкладу в подготовку местной интеллигенции выдавалась Олонецкая духовная семинария,¹ где наряду с «богословскими науками» преподавались «словесные», исторические, «философские», математические науки, а также древние и современные языки.²

К 1914 г. в Петрозаводске действовало 29 учебных заведений, в них обучалось 2123 ученика и 1726 учениц.³ В том числе: губернская мужская гимназия, Епархиальное женское училище, духовное мужское училище, Мариинская женская гимназия, духовная православная семинария и учительская семинария. По статистическим данным видно, что учащихся мужского пола было больше и преобладали учебные заведения с раздельным обучением (исключением можно назвать фельдшерско-акушерскую школу). Учащиеся в г. Петрозаводске приобретали также практические навыки, такие как переплётное дело, иконопись, шитьё, корзиноплетение. Очевидно, ручной труд оказывал и воспитательное влияние.

Характерной внешней чертой организации обучения были строгие, даже мелочные требования к виду учащихся. Так, гимназисткам разрешалось причёсывать волосы в две косы вместо одной в качестве «меры гигиеничной».⁴ Контролировалось и внешкольное поведение. К примеру, ученикам средних учебных заведений запрещалось «дожидаться у театральных касс ночью и днём во время занятий».⁵ Обязанность следить за исполнением всех этих правил, одобренных министерством народного просвещения, возлагалась на преподавательский персонал.

Вопрос нравственного воспитания и обучения взрослых в Петрозаводске указанного периода хотелось бы затронуть на примере воскресных школ и народных чтений – как влиявших на сознание широких слоёв населения.

Так, «Олонецкие губернские ведомости» (далее – ОГВ) за 1912 год сообщают об открытии новой школы для взрослых на Голиковке, в помещении Никольской церковноприходской школы:

«С 21 октября начались занятия во вновь открываемой воскресной школе... <...> Занятия в первой группе (совершенно неграмотные) будут состоять в обучении грамоте – письму и чтению, а также закону Божьему. В старшей группе [второй из двух – прим. авт.] будут проходить предметы, имеющие свою задачу подновить и восполнить познания грамотных. В школу принимаются взрослые обоего пола как грамотные, так и неграмотные. Обучение бесплатное, также бесплатно будут выдаваться и книги, и учебные пособия. Занятия будут происходить по воскресным и, с согласия самих учащихся, праздничным дням...».⁶

Затрагивая вопрос воспитательно-пропагандистской деятельности, необходимо упомянуть Александровское Братство. Оно было организовано в 1892 г.; устав его гласил, что Братство должно «насколько можно заботиться духовными мерами предохранять всех православных от разных суеверий и заблуждений – особенно же молодых людей – и учащихся в заведениях и не учащихся – от искушений и соблазнов со стороны раскольников, разномыслящих и вольнодумцев, от явных и скрытых покушений и обольщений со стороны неверующих, разномыслящих и иноверцев, окружающих нас...».⁷ (Показательно, что в совет данного религиозного общества входил и директор Олонецкой губернской мужской гимназии.) С 24 сентября 1900 года Братство устраивало в Петрозаводске по воскресным и праздничным дням религиозно-нравственные чтения в т. н. Назариевском доме, где толковались священные книги, исполнялись преимущественно церковные песнопения, но также звучали произведения светской литературы и «чтения из отечественной истории» и хранились предметы олонецкой старины.⁸

¹ Пашков А. М. Олонецкая духовная семинария и её вклад в формирование интеллигенции Карелии // Новое в изучении истории Карелии. – Петрозаводск, 1994. – С. 41.

² Кондратьев В. Г. «Научение знанию книжному»: духовное образование в Олонецкой губернии // Краеведческие чтения: материалы I научной конференции (16 февраля 2007 г.). – Петрозаводск, 2008. – С. 30, 31. См. также: Бацер М. И. Олонецкая епархия в конце XIX – начале XX века: жизнь духовенства (окончание) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Август, 2008. № 2 (93). С. 36–37.

³ НА РК. Ф. 27. Оп. 6. Д. 3/24. Л. 59 об.–60.

⁴ ОГВ. 1914. № 159. 19 августа.

⁵ ОГВ. 1909. № 86. 25 августа.

⁶ ОГВ. 1912. 25 октября.

⁷ Бацер М. И. Олонецкая епархия в конце XIX – начале XX века: жизнь духовенства (окончание) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Август, 2008. № 2 (93). С. 37.

⁸ Бацер М. И. Олонецкая епархия в конце XIX – начале XX века: жизнь духовенства // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Июнь, 2008. № 1 (91). С. 46–47.

Официально поддерживаемая просветительная деятельность велась с позиций христианской культуры (при кризисе религиозности в русском обществе рубежа веков). С 1909 г. в городе действовало «Петрозаводское общество распространения образования», которое ставило своей целью «распространение образования в г. Петрозаводске и его уезде, а также во всей Олонецкой губернии...». Силами этого просветительского общества устраивались публичные лекции из различных областей знаний, при этом обсуждались проблемы нравственности и такие «наболевшие вопросы», как «воспитание, вообще темы из области педагогики, школы».⁹ Например, в программе публичной лекции «Что такое преступник» поднимались такие вопросы, как «учение о добре и зле» и понятие о нравственности у различных народов в различные эпохи, «сравнительные телесные исследования преступников и не преступников», причины преступности, в т. ч. общественные, наследственные, экономические. Аудиторию, очевидно, привлекали «модные» и сенсационные темы («таинственные явления с естественно-психологической точки зрения», новейшие географические открытия, экзотические религии). Между тем, лекторы стремились развить в слушателях патриотизм и любовь к родному краю: в программу чтений включались лекции «Витязи древней Руси», «Из истории Олонецкого края», и т. п.¹⁰ При этом публике приводились поучительные примеры из Отечественной истории и русской литературы. Посещение этих публичных лекций было платным, однако, цена билета варьировалась в зависимости от ряда, а учащимся делались скидки.

Итак, мы видим, что обучение и воспитание в воскресных школах Петрозаводска находилось в поле православной культуры. Однако и светские публичные лекции не были свободны от романтической риторики о «мягкой душе русского народа» и вложенной в неё «божественной нравственности».¹¹

Дела с женским образованием в Петрозаводске обстояли довольно неплохо. Губернский город, особенно с началом XX в., предоставлял возможность получить начальное, среднее и специальное образование в тех рамках, какими оно было дозволено образовательной политикой империи в целом. Знания, которые женщины могли применять не только в домашней, но и в профессиональной деятельности, как правило, ограничивались образовательной, медицинской сферой и сферой бытового обслуживания. При этом велась подготовка, прежде всего, учительниц начальных классов, акушерок, младшего медицинского персонала.

Так, продолжало готовить учительниц для сельских церковно-приходских школ Епархиальное женское училище. В 1897 году при Петрозаводской Мариинской женской гимназии был открыт педагогический класс.¹² В 1907 году состоялся первый выпуск Петрозаводских женских учительских курсов: «В настоящем учебном году был первый выпуск учениц Петрозаводских женских учительских курсов. Окончило всех учениц 19 человек. В настоящем году состоится приём вновь на учительские курсы. <...>. Желающих уже сейчас более 40 человек. Есть желающие из других губерний (например, Архангельской)».¹³ Курсы оказались весьма востребованными и получили дополнительные ассигнования из казны,¹⁴ а 1 сентября 1915 г. на их базе была образована женская учительская семинария.¹⁵

В 1909-1910 учебном году фельдшерская школа Олонецкого губернского земства с прибавлением акушерского класса стала фельдшерско-акушерской. Из доклада Олонецкой губернской земской управы: «На днях получено разрешение на ходатайство губернского земства о прибавлении к школе акушерского класса и преобразовании её в фельдшерско-акушерскую, так что является возможность в скором времени иметь своих фельдшериц-акушерок. <...> Надо надеяться, что ищущая приложения своих сил наша женская молодежь теперь, когда явилась возможность получить фельдшерское образование у себя дома, будет поступать в фельдшерскую школу в более значительном числе».¹⁶

Специфической чертой подготовки учителей в олонекском губернском центре можно считать обучение карельскому языку и истории русского раскола. Так, в Олонецкой духовной семинарии в 1902 году наряду с философией, иконописью и дидактикой читался курс «Обличительное богословие и история и обличение русского раскола».¹⁷

По предложению олонекского губернатора Протасьева от 4 декабря 1907 г. было введено преподавание карельского языка в учебных заведениях, готовящих учителей: «Совещание представителей учебных ведомств и председателей уездных земских управ под моим председательством 16 сего декабря при обсуждении вопроса о мерах борьбы с панфинской пропагандой пришло к заключению о необходимости преподавания карельского языка в учительской семинарии, духовной семинарии и епархиальном женском училище, как заведениях, откуда выходят учителя и учительницы начальных школ».¹⁸

⁹ ОГВ. 1909. № 91. 10 сентября.

¹⁰ ОГВ. 1909. № 91. 10 сентября.

¹¹ Там же.

¹² ОГВ. 1897. 27 августа.

¹³ ОГВ. 1907. 8 августа.

¹⁴ НА РК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 109/1531. Л. 439-441.

¹⁵ Петрозаводск: 300 лет истории : документы и материалы. Кн. 3: 1903–2003. – Петрозаводск, 2003. – С. 531.

¹⁶ ОГВ. 1909. № 91. 10 сентября. См. также: НА РК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 109/1531. Л. 68-69.

¹⁷ Бачер М. И. Олонецкая епархия в конце XIX – начале XX века: жизнь духовенства (окончание) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Август, 2008. № 2 (93). С. 36-37.

¹⁸ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102/2. Л. 75.

Курс карельского языка был введён в программу Петрозаводской учительской семинарии, а в 1909 г. Синод установил повышенные оклады для священников, знающих карельский язык. Для детей карел, обучающихся в духовной семинарии, была установлена повышенная стипендия.¹⁹

Итак, в Петрозаводске рубежа XIX–XX вв. действовали учебные заведения, в которых обучение велось на достаточно высоком уровне. Преобладал традиционный дидактический подход (несколько механический перенос обширного свода знаний, учитель формирует сознание и личность ученика; при этом регламентируется даже внешний вид и внешкольное поведение учащегося). «Нравственное воспитание» велось под контролем государства и православной церкви. Часть выпускников учебных заведений Петрозаводска, как центра губернии, где проживали «инородцы» и «раскольники», приобретала знание карельского языка и сведения о староверческой культуре (дабы способствовать распространению православия). В подготовке учителей земских школ, «церковных» учителей была выражена тема «служения».²⁰ Учащимся часто напоминалось не только о пользе знаний как таковых, но и о том, как важно приносить пользу ближнему. Красноречивым примером будет отрывок из речи отца Крюкова, произнесённой им после молебна в фельдшерской школе губернского земства 5 сентября 1909 года:

«Всякое знание имеет цену и значение, знания же, усвояемые вами, имеют особую цену и значение... вы имеете быть полезными не только себе, но и окружающим, на что надеются, чего ожидают от вас с нетерпением общество и учреждения, вас содержащие, вам воспособляющие... <...> дорожите, господа, школьным временем, ... будьте внимательны и усердны, к начальству и преподавателям доверчивы и послушны, между собою – мирны и согласны...».²¹

Список источников и литературы

1. НА РК. Ф. 1 (Канцелярия Олонецкого губернатора). Оп. 1. Д. 102/2. Л. 75.
2. НА РК. Ф. 22 (Олонецкое губернское по земским и городским делам присутствие). Оп. 1. Д. 109/1531. Л. 439-441.
3. НА РК. Ф. 27 (Олонецкий губернский статистический комитет). Оп. 6. Д. 3/24. Л. 59 об.–60.
4. Олонецкие губернские ведомости (далее ОГВ). 1897. 27 августа.
5. ОГВ. 1902. № 84. 20 июля.
6. ОГВ. 1907. 8 августа.
7. ОГВ. 1909. № 84. 20 августа.
8. ОГВ. 1909. № 86. 25 августа.
9. ОГВ. 1909. № 91. 10 сентября.
10. ОГВ. 1912. 25 октября.
11. ОГВ. 1914. № 159. 19 августа.
12. Петрозаводск: 300 лет истории : документы и материалы. В 3 кн. Кн. 3: 1903–2003 / науч. ред.: Н. А. Кораблёв, С. Н. Филимончик, Д. З. Генделев. – Петрозаводск: Карелия, 2003. – 576 с.

1. Бацер М. И. Олонецкая епархия в конце XIX – начале XX века: жизнь духовенства // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Июнь, 2008. № 1 (91). С. 43-51.
2. Бацер М. И. Олонецкая епархия в конце XIX – начале XX века: жизнь духовенства (окончание) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Август, 2008. № 2 (93). С. 36-41.
3. История Карелии с древнейших времен до наших дней / Афанасьева А. И., Бутвило А. И., Вавулинская Л. И. и др. ; под общ. ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова ; ИЯЛИ КарНЦ РАН. – Петрозаводск, 2001. – 943 с.
4. Кондратьев В. Г. «Научение знанию книжному»: духовное образование в Олонецкой губернии // Краеведческие чтения: материалы I научной конференции (16 февраля 2007 г.). – Петрозаводск, 2008. – С. 28-35.
5. Пашков А. М. Олонецкая духовная семинария и её вклад в формирование интеллигенции Карелии // Новое в изучении истории Карелии. – Петрозаводск, 1994. – С. 38-55.

Приложение 1

Количество учебных заведений и численность учащихся в Петрозаводске в 1914 г.

Губернская мужская гимназия, 353 ученика.
Мариинская женская гимназия, 396 учениц.
Духовная православная семинария, 261 ученик.
Учительская семинария, 151 ученик.

¹⁹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. – Петрозаводск, 2001. – С. 309.

²⁰ См., напр.: ОГВ. 1902. № 84. 20 июля; ОГВ. 1909. № 84. 20 августа.

²¹ ОГВ. 1909. № 91, 10 сентября.

Низшее техническое училище судовых машинистов, 87 учеников.
 Духовное мужское училище, 196 учеников.
 Епархиальное женское училище, 366 учениц.
 Фельдшерско-акушерская школа, 55 учеников и 19 учениц.
 Высшее начальное училище, 146 учеников.
 Три приходских училища, мужских и женских – 368 учеников и 324 ученицы.
 Образцовое училище при учительской семинарии, 84 ученика и 21 ученица.
 Образцовое училище при духовной семинарии, 20 учеников.
 Образцовое при епархиальном женском училище – 20 учеников и 37 учениц.
 Шесть церковноприходских школ двухклассных и одноклассных, мужских и женских – 230 учеников и 370 учениц.
 Школа при Николаевском детском приюте – 47 учениц.
 Школа при приюте мальчиков – 15 учеников.
 Евангелическо-лютеранская школа – 15 учеников и 9 учениц.
 Петрозаводская земская школа корзиноплетения – 9 учеников.
 Две низшие школы – 97 учеников и 116 учениц.
 Две воскресные школы – 16 учеников и 21 ученица.
 Всего 29 учебных заведений, 2123 учащихся мужского пола и 1726 женского.
 (НА РК. Ф. 27. Оп. 6. Д. 3/24. Л. 59 об.–60)

Приложение 2

Из сообщения в ОГВ об открытии «Петрозаводского общества распространения образования»

«10 сего сентября в четверг – день начала деятельности *Петрозаводского общества распространения образования*, нового просветительского учреждения, единственную цель которого составляет распространение образования в г. Петрозаводске и его уезде, а также во всей Олонецкой губернии...

На первых порах деятельность общества будет выражаться в устраивании публичных лекций из различных областей знаний.

Лекции распределили между собой лекторы в следующем порядке:

10 сентября. К. А. Белиловский. «Что такое преступник».

23 сентября. Н. С. Шайжин. «О пережитках фетишизма».

7 октября. Г. А. Сергеев. «Природа – книга».

23 октября. В. А. Мельников. «Таинственные явления с естественно-психологической точки зрения»

<...>

18 ноября. М. П. Смирнов. «Современные религиозные течения».

2 декабря. Н. С. Чередеев. «Витязи древней Руси».

<...>

29 янв. Димитрий Васильевич Островский. «Из истории Олонецкого края».

12 февр. А. В. Витальский. «Из русской литературы».

26 февраля. Д. В. Сидоров. «Из педагогики».

12 марта. Г. К. Борисов. «Из географии».

26 марта Н. К. Чуков. «Свободное «воспитание»».

9 апреля. А. И. Введенский. «Влияние школы на здоровье учащихся»

<...>

Из приведённого выше перечня лекций видно, что они затрагивают вопросы и темы из различных областей, интересующих пытливым ум всех образованных людей, как вопросы вечные.

В самом деле, разве современная русская литература со своими Горькими, Арцыбашевыми [sic!], Соллогубами, Белыми, Андреевыми и т. п. не представляет живого интереса, а география, особенно полярного севера и юга, после Нансена, Пири, после открытия северного полюса, после Шеклетона и др. не представляет много нового? А сколько мучительных вопросов возникает, когда касаешься современных религиозных течений. Не менее болезненным вопросом является воспитание, вообще темы из области педагогики, школы. Небезынтересно также познакомиться с современным положением учения о преступнике, особенно для нас, для русского народа, являющегося из всех народов тем народом, который дал преступнику единственно правдивое название: «несчастный», название вполне согласное с вложенной в мягкую душу нашего народа божественной нравственностью».

(ОГВ. 1909. № 91. 10 сентября.)

Внешкольное поведение учащихся

«Министерством народного просвещения одобрены правила о внешкольном поведении учащихся в средних учебных заведениях. Правилами устанавливается обязательное ношение формы и предоставляется начальникам учебных заведений право назначать крайний срок пребывания учащихся на улицах, а также устанавливать те улицы, на которых учащиеся не могут находиться поздно вечером. Запрещается посещение собраний суда, городских дум, дворянских и земских заседаний, оперетки, фарса, клубов, танцклассов и т. п. учреждений. Запрещается дожидаться у театральных касс ночью и во время занятий. Кроме того учащимся будет воспрещаться участие в качестве исполнителей и распорядителей в спектаклях и концертах, устраиваемых вне стен своего учебного заведения, а также распространение входных билетов. Учащиеся не имеют права, без особого на то каждый раз разрешения, участвовать в чествованиях, носящих общественный и публичный характер, а также посещать публичные лекции хотя бы и научного содержания.

Обязанность следить за выполнением этих правил возлагается на преподавательский персонал».
(ОГВ, 1909, № 86, 25 августа.)

*К. А. Дианова,
Петрозаводский государственный университет*

Краеведческие общества Петрозаводска и Архангельска в начале XX века: границы сотрудничества

Революция 1905–1907 гг. всколыхнула общественное движение и стала мощным импульсом к созданию различных объединений и организаций, в том числе и научно-исследовательского характера. Это движение затронуло и Европейский Север, где стали появляться краеведческие общества, первым из которых стало Архангельское общество изучения Русского Севера (АОИРС).

Одним из главных инициаторов создания в Архангельске краеведческого общества стал тогдашний вице-губернатор – Александр Федорович Шидловский. Благодаря его деятельности в декабре 1908 года было основано АОИРС, ставшее образцом и своего рода ориентиром для других краеведческих организаций данного региона. Главной задачей этого Общества было привлечение внимания Правительства страны к нуждам Европейского Севера путём демонстрации особенностей и преимуществ данного края, а также изыскание возможных путей к развитию и процветанию региона в целом. Все это предполагалось делать главным образом при помощи изучения края и публикации основных результатов данной исследовательской деятельности на страницах печатного органа Общества – журнала «Известия АОИРС».

Как уже было сказано, одним из главных вдохновителей деятельности АОИРС, а также его первым председателем был А. Ф. Шидловский. Однако в 1911 г. он был переведен из Архангельска на пост вице-губернатора Олонецкой губернии и потому не мог уже принимать активное участие в деятельности АОИРС. Однако прибыв на место нового назначения, А. Ф. Шидловский продолжил свою краеведческую деятельность и изучение Европейского Севера. Это стало одной из причин того, что в Петрозаводске Шидловский предложил местным представителям интеллигенции создать подобное краеведческое Общество. И уже летом 1912 г. на страницах «Известий АОИРС» появилась заметка о том, что «в Петрозаводске по инициативе Олонецкого вице-губернатора А. Ф. Шидловского открывается еще одно общество для изучения Севера – Общество изучения Олонецкой губернии (ОИОГ)». Там же говорилось, что в настоящее время уже утвержден устав ОИОГ. Цель данного общества заключалась в том, чтобы «изучать край в историческом, географическом отношении, привлекать правительственное и общественное внимание к нуждам и особенностям губернии, а также содействовать проведению в жизнь необходимых в крае улучшений».¹

Примечательно, что возникшие вслед за Архангельским обществом изучения Русского Севера (АОИРС), Олонецкое краеведческое общество (ОИОГ) и Вологодское общество изучения Северного края (ВОИСК) полностью взяли за образец устав АОИРС, преемниками которого они себя считали. Как отметил один из краеведов того времени В. Трапезников, уставы Вологодского и Олонецкого обществ представляли собой «точный сколок с устава Архангельского общества, за исключением самого названия».²

Официальное открытие ОИОГ состоялось 18 апреля 1913 года. На торжественном собрании, посвященном данному событию, от лица всех членов только что созданной организации выступил В. В. Ушаков, который обратился со словами благодарности к А. Ф. Шидловскому, активно содействовавшему созданию Общества и направлявшему всю организационную деятельность. В частности, он подчеркнул, что А. Ф. Шидловский был

¹ Известия АОИРС. – 1912. – № 16. – С. 759.

² Трапезников В. Вологодское общество изучения Северного края и его музеи как очаги родоноведения : доклад, читанный 22 ноября 1915 г. в заседании ВОИСК. – Вологда, 1916. – С. 5.

«душой нашего дела, его инициатором; вряд ли без вашего руководства мы бы могли к сегодняшнему дню выполнить то, что уже сделано. С первых дней вашего прибытия в Олонецкую губернию вы начали работать для создания нашего Общества и, повторяю, благодаря только вам мы могли сегодня встать на путь достижения намеченных вами важнейших целей».³

В честь открытия ОИОГ в Петрозаводск пришли поздравления от различных научно-исследовательских объединений и организаций, и в первую очередь – от АОИРС, которое желало новому Обществу «развития и процветания на пользу родного Севера».⁴

В первых шагах своей деятельности ОИОГ полностью следовало примеру АОИРС В Олонецком обществе в начале его деятельности, как пример для подражания был взят не только Устав архангельского Общества, но и издание собственного журнала с аналогичным названием «Известия», в котором публиковались основные результаты исследовательской деятельности членов Общества изучения Олонецкой губернии.

Одновременно шло накопление материалов для создания библиотеки и музея Общества. При обсуждении актуальных проблем Северного края ОИОГ также старалось использовать опыт АОИРС, тем более что в начале XX века на Европейском Севере существовали общие для всех губерний нерешенные социально-экономические вопросы. В частности, на четвертом общем собрании членов ОИОГ обсуждался доклад А. А. Бернацкого «Хлеба насущного» (по вопросу о ведении полевого хозяйства в Олонецкой губернии). В ходе его обсуждения А. Ф. Шидловский заметил, что «тот же вопрос еще четыре года тому назад был поднят в АОИРС». Действительно, в первом номере «Известий» этого общества, вышедшем в 1909 г., была помещена статья «Скороспелость северных хлебов и наши о них знания».⁵ А. Ф. Шидловский предложил использовать тот опыт и наработки по данному вопросу, которые уже имелись у АОИРС.

Сотрудничество и общие направления деятельности северных краеведческих обществ были отмечены и по достоинству оценены столичными учеными. В 1913 году в журнале «Библиографические Известия», издаваемом Московским Библиографическим обществом, была помещена статья известного библиографа А. В. Мезиера – «Общества изучения края в роли библиографов». В ней автор рассматривал преемственность деятельности Вологодского и Олонецкого краеведческих обществ, возникших по образцу Архангельского общества изучения Русского Севера.⁶ Особо подчеркивался тот факт, что АОИРС и ОИОГ имеют больше схожих черт, что было связано в первую очередь с тем, что оба общества формируют свою деятельность вокруг периодического издания – журнала «Известия».

Именно благодаря «Известиям» и было налажено сотрудничество между ОИОГ и АОИРС. Прежде всего, оно выражалось в регулярном обмене изданиями между библиотеками Обществ, публикацией на страницах «Известий» наиболее значимых явлений в жизни данных организаций и т. д. В частности, в 1913 году на страницах «Известий АОИРС» был произведен анализ наиболее значимых статей, опубликованных в «Известиях ОИОГ».⁷

Преемственность в деятельности северных обществ нашла отражение и в итоговой отчетности краеведов. Так, в отчетах Олонецкое общество указывало все основные направления своей деятельности, которые полностью совпадали с деятельностью АОИРС: издание журнала и обмен периодикой с другими научными организациями и объединениями, комплектование коллекции музея и библиотеки Общества, фенологические наблюдения, издательская деятельность, составление библиографического указателя литературы о Европейском Севере.⁸

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война существенно повлияла на деятельность обоих Обществ, поставив даже под вопрос – в связи с отсутствием финансирования – их существование. Была несколько свернута исследовательская деятельность, значительно сократилось издание журналов, уменьшилось число членов Обществ. На данном этапе речь шла не о сотрудничестве краеведческих организаций, а о том, чтобы поддерживать само существование Обществ и не допустить их закрытия.

В связи с усилением общенационального системного кризиса, отчасти предопределенного участием России в мировой войне, постепенно стали поступать предложения о консолидации сил краеведов Европейского Севера России – путем объединения обществ в одну организацию. В частности, в январе 1916 г. в Ярославле состоялся съезд краеведческих организаций, главной темой которого был «вопрос об объединении научной деятельности обществ». Делегатами съезда, среди которых были и представители Вологды, были разработаны основные принципы предполагаемого объединения обществ, изучающих один регион. В частности, планировалось сохранить некоторую автономию краеведческих организаций, но в то же время – объединить усилия с целью «содействия осуществлению их интересов и задач». Для достижения данной цели предполагалось в 1917 г. созвать в Вологде съезд краеведческих организаций, на котором произошло бы их объединение, и был бы разработан план совместной деятельности.⁹ В Вологде на съезде краеведческих организаций в первую очередь должны были присутствовать делегаты из АОИРС и ОИОГ, представители Архангельска и Петроза-

³ Известия ОИОГ. – 1913. – № 1. – С. 71.

⁴ Там же. – С. 68.

⁵ Известия ОИОГ. – 1913. – № 2–3. – С. 166.

⁶ Известия ОИОГ. – 1914. – № 8. – С. 149–150.

⁷ Унин Л. Общество изучения Олонецкой губернии // Известия ОИОГ. – 1913. – № 20. – С. 917–921.

⁸ Известия ОИОГ. – 1914. – № 8. – С. 149–171.

⁹ Известия АОИРС. – 1916. – № 3. – С. 124–125.

водска. Однако этим планам не суждено было воплотиться. Позднее, в ходе гражданской войны, вновь поднимался вопрос об объединении деятельности петрозаводских и архангельских краеведов, но в связи со сложившейся политической ситуацией на Русском Севере эти планы опять оказались несбыточными.

Революция 1917 года в еще более существенной степени повлияла на Общества. Здесь судьбы АОИРС и ОИОГ существенно отличались. Если Олонецкое Общество заняло после революционных событий февраля 1917 г. выжидательную позицию, а после октябрьского переворота старалось не идти на конфликт с Советской властью, то архангельские краеведы восприняли события февраля 1917 г. с радостью и большими надеждами, а октябрь 1917 года – крайне враждебно. Дальнейшее развитие событий также по-разному повлияло на судьбы этих краеведческих обществ. ОИОГ прекратило свое существование весной 1918 года, но поскольку его члены не высказывали открытого недовольства против нового режима, то все они продолжили свою деятельность в различных советских и хозяйственных органах Олонецкой губернии и высказывались о воссоздании закрытого Общества изучения Олонецкой губернии. При переходе к нэпу они выступили с инициативой по созданию в 1923 году «Общества изучения Карелии».

В Архангельске члены АОИРС развернули открытую антисоветскую деятельность и сумели избежать арестов в 1918 г. лишь благодаря началу интервенции. В годы гражданской войны АОИРС продолжило свою деятельность, однако характер работы заметно политизировался. Последние месяцы существования АОИРС, вплоть до конца 1919 г., требуют специального изучения. После изгнания белых и интервентов и восстановления Советской власти в Архангельске многие члены Общества были репрессированы, а само общество было ликвидировано как самостоятельная организация, так как расценивалось большевиками как контрреволюционное объединение. АОИРС вошло в состав Архгубсовнархоза в качестве научно-справочного отдела.¹⁰

В советской историографии традиционно бытовала идея о том, что подобные краеведческие организации были оплотом «буржуазного дворянства», что само по себе исключало возможность внесения ими существенного вклада в развитие науки и региона в целом. Современная историография оценивает деятельность дореволюционных обществ совершенно иначе. Так, например, М. А. Орешина считает, что «именно общества изучения Северного края, социализируя пространство региона, конструировали его. Регион вступал в культурный контакт и преобразовывался культурными источниками – АОИРС, ВОИСК и ОИОГ».¹¹

Деятельность краеведческих обществ Архангельской и Олонецкой губерний Европейского Севера способствовала комплексному изучению данного региона. Их создание произошло по инициативе одного и того же человека – вице-губернатора А. Ф. Шидловского, который был знатоком Русского Севера. Необходимо отметить вклад АОИРС и ОИОГ в формировании научной библиографии по Европейскому Северу и издание журналов «Известия АОИРС» и «Известия ОИОГ», которые и сейчас являются ценными краеведческими источниками. Архангельское общество изучения Русского Севера было образовано раньше всех других северных краеведческих обществ, поэтому Общество изучения Олонецкой губернии полностью старалось следовать в своей работе примеру АОИРС. Сотрудничество краеведческих обществ Архангельска и Петрозаводска проявилось в основных направлениях деятельности по изучению северного края.

Исследования краеведов способствовали накоплению знаний по истории, культуре и этнографии края, о водных путях, природных ресурсах и полезных ископаемых, климате, рельефе, флоре и фауне. Все эти наработки стали основой для дальнейшего комплексного изучения Европейского Севера России и послужили примером для последующих поколений краеведов.

*А. Н. Хлущин,
студент историко-педагогического факультета
Карельской государственной педагогической академии*

Медицинские кадры Автономной Карельской Советской Социалистической Республики. 1929–1937 гг.

В 1920–1930-е гг. основу врачебных кадров Карелии представляли бывшие земские врачи, в числе которых хирург М. Д. Иссерсон, окулист И. А. Шехман, высококвалифицированный специалист лабораторного дела И. А. Шиф, терапевт и инфекционист С. Б. Хазен, акушер-гинеколог М. Ф. Леви, основатель стоматологии республики С. П. Прокофьев, санитарные врачи М. Н. Заводовский и В. Т. Ярошевич, психиатр А. М. Мойзе и терапевты Н. Ф. Кириков и Е. Ф. Луговской. Многие из этих врачей преподавали в фельдшерско-акушерской школе.

В 1920-е гг. в республику стали прибывать молодые врачи, выпускники Ленинградских медицинских вузов, направленные на учебу из Карелии. Именно близость Карелии к северной столице обусловила роль Ленинграда как фабрики врачебного персонала для медицины республики. Основная масса будущих карельских

¹⁰ Куратов А. А. Архангельское общество изучения Русского Севера // Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее: Материалы докладов международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня учреждения АОИРС (1908 г.). Архангельск, 1999. С. 198.

¹¹ Орешина М. А. Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона. – М., 2003. – С. 105.

врачей обучалась в Ленинградском медицинском институте, при наличии среднего специального образования – в Ленинградском институте усовершенствования врачей. Среди прибывших врачей были В. А. Баранов, А. И. Беляев, Л. И. Венустова (Гуткина), А. А. Гуткин, М. А. Лучкина, М. Н. Машезерская, П. В. Студитов, В. Д. Тихомиров, Н. Н. Тихомиров, Л. Т. Шунгская (Иудина) и другие.¹ Многие из них впоследствии достойно заменили своих старших коллег.

В 1929 г. в республике на ниве здравоохранения трудилось 109 врачей,² а годом позже в 1930 г. их число достигло 177 человек.³ Значительное увеличение числа врачей произошло благодаря усилиям Народного комиссариата здравоохранения (НКЗ), приглашавшего врачей для работы в Карелии. Рост числа врачей не был постоянным, были периоды и значительного уменьшения их количества. Дело в том, что молодым врачам, приехавшим на работу в республику, Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика (АКССР) казалась глубинкой, многих не удовлетворяли условия труда, остро стоял и жилищный вопрос. В 1931 г. врачебного персонала в целом по АКССР было 176 человек.⁴ В 1933 г. по данным отчетов НКЗ АКССР во всей сети медицинских учреждений республики трудилось 168 врачей.⁵ В 1934 г. ситуация с количественным составом врачей в республике значительно улучшается – число врачебного персонала АКССР достигло 332 человек.⁶ 1935 г. – год уменьшения численности врачебных кадров республики. В этом году республиканские медицинские учреждения обслуживало 293 врача.⁷ Годом позже наблюдается прирост врачебных кадров в республике. В 1936 г. система здравоохранения АКССР обслуживалась 364 врачами.⁸ Конец второго пятилетнего плана развития страны опять дал улучшение в ситуации с численным составом врачей Карелии. К началу третьей пятилетки в республике трудилось 446 врачей.⁹ За рассматриваемый период времени численный состав врачей в республике вырос в 4 раза со 109 до 449 человек. Это было связано с серьезной постановкой данного вопроса в НКЗ АКССР, который искал пути выхода из сложившейся ситуации, приглашая выпускников медицинских вузов и ленинградских специалистов для консультаций в республику. Уменьшение врачебного штата республики в некоторые годы было связано с большой текучестью кадров, которая имела место быть, несмотря на попытки властей улучшить бытовую и финансовую сторону жизни врачей.

Рассмотрим, каковы были изменения численного состава в период двух первых пятилеток среди отдельных врачебных специальностей. В 1929 г. в республике трудилось всего 4 хирурга, из которых 2 находились в столице, 1 в Кемии и 1 в п. г. т. (поселке городского типа).¹⁰ Через год количество врачей данной специальности возросло в 4 раза и в 1930 г. составило 12 человек. Из этого числа 7 работали в Петрозаводске, 3 в п. г. т. республики и 2 в сельской местности, в Кемии не было ни одного.¹¹ В 1932 г. хирургия республики имела уже 14 специалистов. В 1933 г. в столице республики работало 6 хирургов.¹² В 1934 г. их число в республике достигло 27 человек,¹³ а в 1935 г. количество специалистов данной специальности достигло 36 человек.¹⁴ В 1936 г. хирургическую помощь населению Карелии обеспечивали 33 специалиста. Из этого числа 9 работали в столице республики, столько же в сельской местности и, соответственно, 15 в п. г. т.¹⁵ К концу второго пятилетнего плана число врачей данной специальности на селе составило 10 человек, а в п. г. т. 17.¹⁶ Подобная ситуация была и с другими врачебными специальностями. Если в начале первого пятилетнего плана в области здравоохранения республики трудились 5 гинекологов,¹⁷ то к его окончанию их стало 8.¹⁸ В 1930-е гг. в республику приехали гинекологи А. Д. Кудашев, В. В. Татаркина, Е. Н. Преловская, П. А. Загваздин, А. Т. Ермолаева, П. А. Цаль. Акушеры-гинекологи республиканского центра постоянно оказывали специализированную помощь районам.¹⁹ К началу третьего пятилетнего плана развития страны в Карелии трудилось 19 врачей данной специальности.²⁰ Количество лор-врачей за годы двух первых пятилеток выросло с 1 в 1929 г.²¹ до 6 в 1937 г.²² Не имея ни одного невропатолога в 1929 г.,²³ республика смогла обеспечить наличие этих специалистов

¹ Гуткин К. А. Из воспоминаний врача // На фронте мирного труда. Петрозаводск, 1981. С. 298.

² НАРК, Ф. 580, Оп. 4, д. 10/120, л. 6.

³ Там же. Д. 11/126, л. 1.

⁴ Там же. Оп. 5, д. 5/35, л. 19.

⁵ Там же. Д. 5/38, л. 22.

⁶ Там же. Оп. 6, д. 1/6, л. 5.

⁷ Там же. Л. 7 об.

⁸ НАРК, Ф. 580, Оп. 6, д. 1/6, л. 24 об.

⁹ Там же. Л. 49.

¹⁰ Там же. Оп. 4, д. 10/120, л. 6.

¹¹ Там же. Д. 11/26, л. 1.

¹² Там же. Оп. 5, д. 5/38, л. 41.

¹³ Там же. Оп. 6, д. 1/6, л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 10.

¹⁵ Там же. Л. 25.

¹⁶ Там же. Л. 49.

¹⁷ Там же. Оп. 4, д. 10/120, л. 6.

¹⁸ Там же. Оп. 5, д. 5/35, л. 19.

¹⁹ Гуткин К. А. Указ. соч. С. 303.

²⁰ НАРК, Ф. 580, Оп. 6, д. 1/6, л. 49.

²¹ Там же. Оп. 4, д. 10/120, л. 6.

²² Там же. Оп. 6, д. 1/6, л. 49.

²³ Там же. Оп. 4, д. 10/120, л. 6.

за 1929–1937 гг. общим количеством 9 человек. Число окулистов в республике в рассматриваемый период времени возросло с 2-х до 7 человек, количество рентгенологов выросло с 1 до 6-ти.²⁴

Для изучения вопроса об обеспеченности республики медицинскими кадрами, необходимо выяснить соотношение медицинских кадров в городе и сельской местности. В 1929 г. в системе здравоохранения республики служило 109 врачей. Из общего числа 7 трудились в аппарате НКЗ АКССР, 42 врача работали в столице республики, 5 в Кемии, 19 в п. г. т. На всю сельскую местность республики приходилось всего 36 врачей, то есть 1/3 от общего числа, а на Петрозаводск почти 40 %.²⁵ Если взять общее число врачей республики за 100 %, то в 1930 г. на Петрозаводск приходилось чуть больше 40 % (72 человека) от общего числа врачей. На сельскую местность приходилось 36 % (64 человека) врачебного штата АКССР. В Кемии в 1930 г. работало 3 врача, 29 врачей в п. г. т. и 9 в аппарате НКЗ АКССР.²⁶ В 1934 г. ситуация несколько меняется. Из 332 человек врачебного штата республики в сельской местности работало 56 человек, то есть менее 20 %. В медицинских учреждениях Петрозаводска трудились 104 врача, то есть примерно 1/3 от общего числа. На п. г. т. республики приходилось 166 врачей – ровно половина.²⁷ В 1935 г. на ниве здравоохранения республики работали 293 врача, из которых 30 % (88 человек) в Петрозаводске, 46 % (136 человек) в п. г. т. и 24 % (69 человек) в сельской местности.²⁸ В 1936 г. отмечается небольшое увеличение врачебного штата в п. г. т. и сельской местности республики. В п. г. т. количество врачей увеличилось до 270, а в сельской местности до 94 человек.²⁹ Конец второго пятилетнего плана также обозначен ростом числа врачей, как в городах и п. г. т., так и в сельской местности АКССР. В сельской местности количество врачей стало составлять 104 человека, а в городах и п. г. т. этот показатель достиг 342 человек.³⁰ Несмотря на увеличение числа врачей в республике процентное соотношение врачей в АКССР между Петрозаводском, п. г. т. и сельской местностью на протяжении двух первых пятилеток практически не изменялось. Если в 1929 г. на сельские местности приходилось 33 % врачей, то в 1937 г. – 25 %.

Годовые отчеты НКЗ АКССР дают возможность в динамике проследить изменение количественного состава среднего медицинского персонала в республике в годы второй пятилетки. В 1932 г. в системе здравоохранения АКССР трудилось 557 человек из числа среднего медицинского персонала.³¹ В течение следующего года эта цифра незначительно возросла, и к концу 1933 г. этот показатель достиг отметки 592 человека.³² За истекший 1934 г. практически не изменился численный состав среднего медицинского персонала в республике: их стало 593 человека.³³ К середине 1930-х гг. наблюдается увеличение количества среднего медицинского персонала, что связано с деятельностью Фельдшерско-акушерской школы и появлением курсов по подготовке медперсонала для нужд здравоохранения республики. В 1935 г. число медиков средней квалификации составило 916 человек.³⁴ В 1936 г. их количество достигло уже 1036 человек.³⁵ Количество среднего медицинского персонала за годы второго пятилетнего плана выросло почти в 2 раза с 557 человек в 1932 г. до 1036 человек в 1936 г.

Данные о составе среднего медицинского персонала за последние годы рассматриваемого периода позволяют говорить о незначительном изменении в эти годы количественного состава фельдшеров в республике – 190 человек в 1935 г.,³⁶ столько же в 1936 г.³⁷ и 194 фельдшера в 1937 г.³⁸ Значительно возросло количество акушеров. За время с 1935 г. до 1937 г. их число выросло на 100 и стало составлять 211 человек. К концу второго пятилетнего плана уменьшается количество помощников санитарных врачей, дезинфекторов и оспопрививателей,³⁹ что связано с улучшением эпидемиологической ситуации в республике. Потребность в данных медицинских кадрах упала.

В рассматриваемый период времени врачебная деятельность подразумевала под собой и немалую общественную нагрузку. Как вспоминает акушер-гинеколог К. А. Гуткин, в 1920–1930-е годы врачи вели огромную общественную работу, в которую входила атеистическая пропаганда, борьба с предрассудками и знахарством, распространение биологических знаний, работа в профсоюзах и Советах. «Советское здравоохранение не представляло себе врача-необщественника».⁴⁰

²⁴ Там же. Оп. 6, д. 1/6, л. 49.

²⁵ Там же. Оп. 4, д. 10/120, л. 6.

²⁶ Там же. Д. 11/126, л. 1.

²⁷ Там же. Оп. 6, д. 1/6, л. 5.

²⁸ Там же. Л. 10.

²⁹ Там же. Л. 24 об.

³⁰ Там же. Л. 49.

³¹ НАРК, Ф. 580, Оп. 5, д. 5/35, л. 19.

³² Там же. Д. 5/38, л. 22.

³³ Там же. Оп. 6, д. 1/6, л. 5 об.

³⁴ Там же. Л. 16.

³⁵ Там же. Л. 25.

³⁶ Там же. Л. 16.

³⁷ Там же. Л. 25.

³⁸ Там же. Л. 53.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Гуткин К. А. Указ. соч. С. 301.

Деятельность каждого врача приносила в здравоохранение что-то новое. Постепенно усовершенствовались методы борьбы с болезнями, прогнозирования заболеваний, улучшалось медицинское обслуживание населения, росла сеть лечебных учреждений республики и повышалось качество оказываемой населению помощи. В этом заслуга врачей, работавших на здравоохранение АКССР. Своим трудом каждый из них вносил новые частицы, которые вместе образовывали то, что способствовало развитию медицинской науки.

Воспитание плеяды замечательных врачей для карельской медицины, совершение наисложнейших операций, постоянная забота о больных... Все эти слова относятся к замечательному хирургу Михаилу Давыдовичу Иссерсону. В послереволюционное время М. Д. Иссерсон участвовал в создании в Петрозаводске Фельдшерской школы.⁴¹ Михаил Давыдович мог проводить очень сложные хирургические вмешательства, такие как операции на костях и суставах, удачная резекция желудка, урологические вмешательства и трепанация черепа и многое другое.⁴² Долгое время он оставался единственным рентгенологом в АКССР. М. Д. Иссерсон не только сам многое знал и умел, он смог передать свой опыт и взрастить себе достойную замену – это В. А. Баранов, М. Д. Журавлев, П. В. Студитов, Д. И. Степанова, К. А. Гуткин и другие.⁴³ За большой вклад в усовершенствование методов хирургического лечения и развитие медицины республики в целом хирургическое отделение больницы с 1934 г. стало хирургической лечебницей имени М. Д. Иссерсона.⁴⁴

С деятельностью Исаака Александровича Шифа в республике связывается развитие лабораторного дела. В Карелии им была организована бактериологическая лаборатория при губернской больнице.⁴⁵ И. А. Шиф был тем человеком, который заложил фундамент бактериологического дела в республике.

Велик вклад первого высококвалифицированного офтальмолога Ильи Александровича Шехмана. Этот человек не останавливался на достигнутом и постоянно совершенствовался как специалист по глазным заболеваниям. В знак благодарности и уважения к Илье Александровичу глазной лечебнице Петрозаводска было присвоено его имя.⁴⁶

Организация самостоятельной неврологической службы в Карелии относится к 1930 г. Она тесно связана с деятельностью С. А. Вишневого. Он организовал прием неврологических больных в физиотерапевтической лечебнице. В 1930-е гг. неврологическая помощь оказывалась и в столице республики, и в Беломорске, Медвежьегорске и Кеми. Под непосредственным руководством С. А. Вишневого в 1938 г. было начато изучение лечебной грязи озера Габозера. Ее применение оказалось эффективным при заболеваниях периферической нервной системы, двигательного аппарата, воспалительных женских половых заболеваний.⁴⁷ Для потомков память о нем сохранит санаторный комплекс «Марциальные воды», строительство которого начато по инициативе С. А. Вишневого.⁴⁸

Серьезную опасность для населения республики представляли инфекционные заболевания, в частности туберкулез. С 1930 г. противотуберкулезный диспансер возглавляла Л. Т. Шунгская. Лидия Тимофеевна смогла освоить и применяла для борьбы с туберкулезом метод искусственного пневмоторакса (искусственное вдвигание в грудную клетку воздуха, который сжимает группу собранных вместе туберкулезных очагов). Л. Т. Шунгская отводила большую роль профилактике туберкулеза, что дало снижение заболеваемости в Петрозаводске. Она проделала большую работу по подготовке врачей-фтизиатров и по развитию сети противотуберкулезных учреждений в республике.⁴⁹

На ниве здравоохранения работали целые семьи. В республике периода первых пятилеток это детский врач-инфекционист А. А. Гуткин, его жена терапевт Л. И. Гуткина, его младший брат акушер-гинеколог К. А. Гуткин. Константин Андреевич – заведующий акушерско-гинекологическим отделением центральной больницы, исключительный специалист при сложнейших случаях. Как дань уважения за вклад в развитие медицины, внимательное отношение к больным открытому в 1938 г. в Петрозаводске родильному дому было присвоено имя К. А. Гуткина. По его инициативе в 1963 г. в ПетрГУ открывается кафедра акушерства и гинекологии.⁵⁰ Абрам Андреевич в начале 1930-х гг. начал заведовать детским инфекционным отделением, долгое время оставался единственным в Карелии консультантом по данной специальности. Широко применяемый им метод интубации (введение полый трубки в щель гортани) при лечении детей, больных дифтерией, позволил эффективнее бороться с данной болезнью.⁵¹ Его супруга Лидия Ивановна Гуткина была инициатором создания лаборатории в терапевтическом отделении, где А. А. Гуткин выполнил свое первое биохимическое исследование – на сахар крови.⁵²

⁴¹ Филимонова Л. Т., Молот М. Я. Лекарь с отличием: очерк о жизни и деятельности хирурга М. Д. Иссерсона. Петрозаводск, 1981. С. 14.

⁴² 200 лет Петрозаводской городской больницы. 1785–1985. Петрозаводск, 1985. С. 26.

⁴³ Филимонова Л. Т. Жизнь отданная людям. К 100-летию со дня рождения М. Д. Иссерсона // Ленинская правда. – 1974. – 28 марта. – С. 3

⁴⁴ Славный юбилей. 35-летие врачебной и общественной деятельности // Красная Карелия. – 1937. – 17 января.

⁴⁵ НАРК, Ф. 1533, Оп. 4, д. 10/221, л. 2.

⁴⁶ Филимончик С. Н. Илья Шехман // ТВР-Панорама. – 2008. – 17 декабря. – С. 8.

⁴⁷ Гуткин К. А. Указ. соч. С. 301.

⁴⁸ Левин С. Вишневский С. А. // Ленинская правда. – 1971. – 17 сентября. – С. 3.

⁴⁹ Чехов В. Г. Знатные люди КФСР. Врач Л. Т. Шунгская. Петрозаводск, 1948. С. 7.

⁵⁰ Ман-Чи В. В. Гуткин К. А. // Музей и краеведение на Европейском севере. Петрозаводск, 2001. С. 159.

⁵¹ Гуткин К. А. Указ. соч. С. 302.

⁵² 200 лет Петрозаводской городской больницы № 1. 1785–1985. Петрозаводск, 1985. С. 21.

Часть врачей по совместительству работали в Фельдшерско-акушерской школе – это И. А. Шиф, В. А. Баранов, М. Д. Журавлев и З. И. Толкачева. Кто как не люди с отличной практической подготовкой мог подготовить профессионалов.

В развитии здравоохранения Карелии большую роль сыграли ученые из Ленинграда, которые систематически приезжали в Петрозаводск для оказания помощи и консультаций. Все эти люди являлись крупными специалистами и опытными учителями для своих младших коллег.⁵³

В годы первых пятилеток число врачей выросло в 4 раза, среднего медицинского персонала почти в 2 раза. Города АКССР лучше обеспечены врачебными кадрами, чем сельские местности. Соответственно увеличивается численный состав врачей и медиков по специальностям. Увеличение числа врачей идет главным образом за счет обучения студентов из Карелии в Ленинградских медицинских вузах. Увеличение среднего медицинского персонала обеспечивала деятельность фельдшерско-акушерской школы, проведение специальных курсов в Петрозаводске и в районах республики. Но числа врачей и медиков не хватало для обеспечения нужд республики. Во врачебную практику внедрялись новые, более эффективные методы лечения.

В. Л. Волкова,
Кемская центральная районная библиотека

Маленькое звено трагической цепи. Город Кемь и Кемский район в годы политических репрессий

В годы репрессий сотни тысяч законопослушных граждан были объявлены врагами народа, расстреляны, замучены в застенках НКВД. Тысячи детей остались сиротами и главные годы своей жизни провели в жутких условиях детских домов. Миллионы родственников, объявленные «членами семьи изменника родины», десятилетиями жили в обстановке общественного презрения и страха.

В страшное для России время – 20–30-е годы XX века – в Кемии находился УСЛОН – управление Соловецких лагерей особого назначения. В поселке Попов остров (Рабочееостровск), в 12 км от Кемии, располагался пересыльный пункт Соловецкого лагеря особого назначения. Тогда само название «Кемьперпункт» ассоциировалось с местом унижения, страха и гибели.

Через распределительный пункт заключенные переправлялись на Соловки. Из архивного документа:

*«Кемский Пересыльный Пункт, действуя на основании настоящего положения, в виду некоторых особенностей своей работы, кроме общих задач, организует и ведет прием прибывающих в УСЛОН заключенных, их регистрацию, распределение по другим отделениям, по нарядам Учетно-Распределительного Отдела УСЛОН, отправку из лагеря заключенных, хозяйственное и санитарное обслуживание их во время пребывания в Пункте».*¹

Жуткое и совершенно не поддающееся описанию зрелище представляла собой приемка этапов. Так называемая «адмобработка», проводившаяся надзорсоставом и продолжавшаяся с утра и до позднего вечера, оглашалась бесшабашным матом, обзыванием заключенных «урками», «шпаной», «филонами» и криками «Здра...» – «чтобы в Соловках слышно было». Картина дополнялась «дрыном», т. е. палками, которые ходили по спинам заключенных. А для того, чтобы понять, где они находятся, заключенным прямо заявлялось, что «здесь власть не советская, а соловецкая», «прокурора здесь нет и жаловаться некому».²

В Рабочееостровске на побережье, на узкой полосе между храмом и морем сохранилась насыпь бывшей лагерьной железной дороги. По ней проходили заключенные Соловецкого лагеря. Этим путем прошли многие известные люди России, которые являлись цветом нации и гордостью Отечества: ученые, литераторы, инженеры, видные военачальники. Многие бывшие заключенные, в том числе академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, писатель Олег Васильевич Волков оставили глубокие и яркие воспоминания о пережитом. Из воспоминаний О. В. Волкова:

«Вышки, сколоченные из хлипких бревнышек. Пятачок площади, обнесенный оградой из колючей проволоки. На нем, возле примитивного дебаркадера, длинный низкий барак. Это Кемский пересыльный пункт. Зловеще знаменитый Попов остров – «КЕМЬ-ПЕР-ПУНКТ», зона на каменистом и болотистом берегу Белого моря, недалеко от захолустного деревянного городка Кемь. От нашей выгрузки в Кемии сохранилось очень резкое ощущение своей вброшенности в ворочающееся, беспорядочно понукаемое, куда-то направляемое многолюдие, тесноты, необходимости что-то выполнять под непрерывные окрики и брань. Все вокруг кишело людьми с мешками, сумками, деревянными чемоданами, толпившимися в оцеплении солдат, вооруженных винтовками с прижатыми штыками.

⁵³ Гуткин К. А. Указ. соч. С. 305.

¹ НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 3.Л. 7

² Чухин, И. И. Каналоармейцы: история строительства Беломорканала в документах, цифрах, свидетельствах участников и очевидцев. – Петрозаводск : Карелия, 1990. – С. 29.

После длившегося бесконечно ожидания у обвитых колючей проволокой ворот зоны – тут этапы принимала целая ватага лагерного начальства, писари сверяли списки с записями в формулярах, опрашивали, выясняли, – я наконец оказался в бараке, широком, низком и длинном, с двумя проходами между тремя порядками капитально сооруженных двухъярусных нар... Заключенные тут как пересчитываемые в гурте головы скота: их надо подкормить, не дать вовсе запаршиветь в дороге, чтобы было что сдать приемщику.

...Нас большими партиями выводили за зону, чтобы позабавиться зрелищем, как ошалевшая от страха, окликов и избиений толпа мечется и старается вокруг явно нелепого дела. Нас заставляли вылавливать в мелком прибрежном заливишке нанесенные течением бревна и вытаскивать их наверх по крутому склону на катиле; не только что лебедек, у нас даже веревок не было, чтобы зачаливать их. Мы артелями по десять-двенадцать вручную катили каждое бревно перед собой, оскользаясь, едва удерживаясь на скате. Не справившись, бревно упускали, и оно, то расивырывая, а то калеча нас, плюхалось обратно в воду».³

Кроме пересыльно-распределительного пункта в Кеми и Кемском районе находились несколько лагерей заключенных.

В подразделении Беломорско-Балтийского комбината НКВД СССР под номером девять работали в основном женщины. Они шили одежду для сотрудников НКВД, для заключенных. Из архивного документа:

«Характер работ – швейное производство;

На 1.04. 1938 года:

– общее количество вольнонаемных – 26

– количество з/к (заключенных) – 3356».⁴

В районе Вегеракши, восточной части города, с 1931 года находился лагерь заключенных, которые занимались сельскохозяйственными работами. Это подтверждает еще один архивный документ ранее секретной папки «Беломорско-Балтийский комбинат НКВД СССР»: характеристика на начальника сельскохозяйственного отдела Белбалт комбината НКВД т. Боброва Н. А.: «Из пяти руководимых им совхозов 4 утверждены участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и занесены в Почетную книгу ВСХВ по всем показателям, в том числе и Кемский совхоз. Экспонаты получили аттестат первой степени, а Н. А. Бобров – правительственную награду».⁵

На Вегеракше располагался лагерь, оцепленный колючей проволокой. Было осушено болото – 15 га площади, на котором потом сеяли свеклу, турнепс, выращивали капусту, картофель, лук, а в парниках и теплицах выращивали помидоры, огурцы, перец, салат и другие овощи. На Вегеракше и в Кемской Запани (Гайжево) содержались молочные стада коров, причем скот элитный. Достаточно сказать, что волы весили около тонны, а свиньи – до 500 кг. При подсобном хозяйстве была открыта лаборатория, где проводились опыты выращивания зерновых и овощных культур в условиях севера.

Вспоминает Г. И. Торопова: «Нас, школьников, водили на экскурсию на швейную фабрику. Помню, какая чистота там была, швейные машинки в три ряда. Ходили на экскурсию мы и на скотный двор. Весной за рассадой на ББК ходили. А осенью у них выставка была на стадионе, где сейчас площадь городская. Такие были огромные тыквы, дыни, мы и не видали такого никогда. Ходили, любовались».⁶

В шести километрах от города был лагерь заключенных, которые строили дорогу Кемь-Ухта, ими был построен аэродром около села Подужемье.

В поселке Кузема Кемского района находилось пятнадцатое Кемское подразделение.⁷

В архивном документе значится: характер работ «лесные договорн. и содержание инвалидов.

– общее количество вольнонаемных – 16

– Количество з \ к (заключенных) – 3370».

Начальником ОЛП Кузема был Онегин Э. И.

В августе 2007 года в редакции районной газеты «Советское Беломорье» побывал с целью сбора материалов для книги редкий гость – Ю. А. Дмитриев, член республиканской комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, ответственный секретарь серии книг «Поминальные списки Карелии».

Юрий Алексеевич рассказывает: «Был я сейчас в Куземе – в местечке Сеннуха, где находился отдельный инвалидный лагерный пункт Соловецкого лагеря. Когда из зэка выкачали все жизненные силы, когда он угасал, тогда его ссылали с острова в Кузему умирать. Среди них были люди, составляющие гордость России. Но сейчас на старом лагерном кладбище ни холмика, ни крестика не найти, так – кусок леса. Хорошо, что еще местные жители (когда-то пацанами малолетними там бегали) помнят то место. Я считаю: не должно быть безымянных могил, не должно быть забытых людей».⁸

Много времени уткло с тех пор, но страх в душе тех, кто помнит эти годы, остался. Правда, с возрастом он перешел в обыкновенную осторожность. Видимо, поэтому собеседница корреспондента районной газеты

³ Волков О. В. Погружение во тьму. Из пережитого. М.: Совет. Россия, 1992. – 432 с. – (Крестный путь России).

⁴ НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 4. Л. 40.

⁵ НАРК. Ф. 865. Оп. 35. Д. 7. Л. 15.

⁶ Воспоминания Галины Ивановны Тороповой: записаны 10 окт. 2008 г., г. Кемь.

⁷ НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 3. Л. 40.

⁸ Сердюк, А. Не должно быть забытых людей / А. Сердюк. // Совет. Беломорье. – 2007. – № 33 (24 авг.). – С. 3.

«Советское Беломорье» просила не указывать ее фамилию. Екатерине Михайловне было 13 лет, когда появился в поселке Попов-остров (Рабочеостровск) лагерь заключенных.

«... Наш дом был крайним на улице. В нем располагалась лагерная контора, поэтому о многих событиях в жизни заключенных мы, любопытные подростки, знали. Тогда поселок не был таким большим, как сейчас. Отходы лесозавода, рейки сваливали в воду. Так увеличивалась площадь острова.

Заключенные носили отходы вручную, толкали тяжелые вагонетки, груженные рейками. Это был один из видов работ, на которых они были заняты. Других гоняли по этапу на строительство дороги Кемь–Ухта.

Мы, дети, всегда с интересом и сочувствием смотрели, как открываются тяжелые ворота и заключенных выводят на работу. Смотреть на них было страшно. Плохо одетые, обутые во что попало, худые, голые, шли они под оклики надзирателей. Местное население пыталось как-то помочь им, бросить что-нибудь съестное. Но тут же следовал грубый оклик, а иногда и удар прикладом. Эти минуты заключенные использовали, чтобы кинуть нам записку, письмо, привязанные к камню. Если удавалось перехватить, то мы отправляли письма по назначению, так родственники узников получали весточку от них. Были и жалобы, в которых заключенные сообщали о том, что живут они в ужасных условиях, просили о помощи.

Одно из таких писем было адресовано М. И. Калинин. Приезжала комиссия, разбирались, вызывали в контору тех, кто подписал жалобу. А через неделю, когда комиссия уехала, с подписавшимися расправились. Привязали к лошади и на скорости провезли по пням, где-то в лесу и выбросили мертвых. От непосильной работы, холода и голода умирали они ежедневно. Мы видели, как их хоронили. Мертвых грузили в большой ящик. Щели между досками были большие, и было видно, что лежат они кто как. Затем везли их на холерное кладбище, в сторону Старой Ташкатурки, там выбрасывали в яму и зарывали. И никаких пометок, кто похоронен, откуда привезен.

Страшно было. Постоянно слышали разговоры о том, что забрали то одного, то другого. У нас в семье арестовали дядю. Пришли и за нашим отцом. Он тяжело болел, лежал без движения. Один из вошедших сказал: «Живым мы его не довезем». Оставили, пообещали, что заберут, когда выздоровеет. Отец поправился, но никто за ним не явился.

В школе у нас арестовали учителя финского языка, увели его прямо с урока. Преподавал у нас в школе пение пожилой учитель из Ленинграда, он также был заключенным, но ходил в лагерь только отмечаться. Плакал часто, не понимал, за что его называли «врагом народа».

*На Попов-острове и на Вегеракише оставляли тех, у кого был небольшой срок заключения, а многих отправляли на Соловки. Мы видели, как загоняли их босых, полуодетых, на баржу».*⁹

Заключенными проведен большой объем работы по благоустройству города. Все улицы были вымощены брусчаткой. Построена прямая дорога: город-станция Кемь. Были построены два кирпичных здания – Управления СЛОНа и резиденция начальника лагеря. На первом и втором этажах здания управления располагались магазины, была шикарная парикмахерская. Третий этаж занимал ресторан, где висели картины, где предлагались в меню устрицы, рябчики, черная икра, играл оркестр. На четвертом этаже здания располагались управленцы.

Заключенные построили Дом культуры, здание городского Совета, гостиницу. Но, пожалуй, самым уникальным сооружением являлся построенный заключенными для Кемь стадион «Динамо». Стадион был окружен прочным дощатым забором. Было множество площадок – теннисный корт, волейбольная площадка, сектор для метания дисков, молота, для прыжков в длину и высоту. Вокруг футбольного поля были оборудованы беговые дорожки. Тут же был построен большой павильон, в котором размещался ресторан, игровой зал для двух бильярдных, душевая комната, комната отдыха для спортсменов и хранилище для спортивного инвентаря. Зимой футбольное поле заливалось водой, и начинал функционировать каток. Через все поле натягивались провода с подвешенными цветными лампочками, а на крыше павильона устанавливались прожектора. Сооружалась ледяная горка, и для катания выдавались специальные доски. В выходные и праздничные дни стадион буквально был «забит» спортсменами и зрителями, поскольку шли игры в футбол, различные соревнования, танцы на площадке рядом со стадионом. Стадион и все его сооружения обслуживались большой группой заключенных.¹⁰

А. Колесникова вспоминает: *«В 30-е годы наш город был местом ссылки для многих жителей многонационального Союза. В городе было тогда очень много жителей. Многие семьи были высланы в Кемь, потому что мужья находились здесь в лагере. Жили они на квартирах у местного населения. Кемляне относились к ссыльным очень доброжелательно, принимали в свои дома, размещали и помогали им. Как правило, ссыльные были люди высокой культуры, образованные. Мне довелось многому поучиться у наших квартирантов.*

Город жил в те годы насыщенной культурной жизнью. В Доме культуры показывали немое кино, спектакли, концерты. Актеры местного театра были в основном из ссыльных – из Москвы, Ленинграда. Кроме ДК был в городе еще один клуб, он принадлежал ББК. Здесь спектакли и концерты готовили артисты из заключенных. Молодежь ходила туда на танцы, вход был свободный. Обращались жители города в ББК нередко за медицинской помощью.

О внутренней жизни лагеря мы, подростки, знали мало. О том, что где-то кого-то расстреливают, разговоры не велись. Возможно, взрослые что-то и знали, но молчали. Иногда мы слышали, что люди пропадают,

⁹ Окулова, Н. У лагерных ворот / Н. Окулова // Совет. Беломорье. – 1991. – 28 мая (№ 63). – С. 3.

¹⁰ Миронов, М. Это было недавно, это было давно... / М. Миронов // Совет. Беломорье. – 1995. – 11 окт. (№ 81). – С. 2.

но куда, как, почему не знали. Наш небольшой городок был лишь маленьким звеном в этой трагической цепи».¹¹

Многие старожилы Кеми вспоминают о тех незабываемых впечатлениях, которые получали они, бывая на спектаклях Соловецкого театра. «Часто с Соловков в Кемь со спектаклями, концертами приезжали артисты. Эти выступления мне запомнились на всю жизнь. Артисты были заключенными. Тогда я увидела первые серьезные вещи: «Дама с камелиями», «Травиата». Это год был приблизительно 1935-й, мне тогда 15–16 лет было. Особенно «Дама с камелиями» мне запомнилась» (Г. И. Торопова).¹²

С первых дней войны коллектив ББК НКВД был привлечен к выполнению правительственных заданий оборонного значения: строительство оборонных сооружений, выполнение военных заказов по заготовке и вывозке лыжных берез, изготовлению саней для воинских перевозок, печек военного образца.

В январе 1942 года лагеря были эвакуированы в Пудожский район.²⁰

В 1930–37 годы вся Кемь прислушивалась: не стучат ли каблук кнвдешников по деревянным тротуарам к их дому.

Первый удар политической репрессивной машины приняли на себя в тридцатые годы так называемые «кулаки». Тогда под молот репрессий попал отец Семенова Григория Михайловича.

«Моя семья жила в деревне Поньгома Кемского района. Семья была большая, все в семье были тружениками. Работали много, поэтому и жили неплохо. В 1930 году за отказ вступить в колхоз отца арестовали. Ему было предъявлено обвинение – «социально опасен». Отрицательное социальное прошлое по первой категории. Все хозяйство семьи было конфисковано. У нас было парусное судно, 5 карбасов, 2 лошади, 2 коровы, 5 овец, хороший дом с пристройками. Все имущество было распродано, дом также отобрали, передали колхозу.

Дали отцу 3 года лагерей, потом послали в Сибирь на поселение, там он и умер. 12 детей было у Михаила Ивановича. Мама моя носила в то время, когда его арестовали, под сердцем тринадцатого ребенка, это был я. Маму, как жену репрессированного кулака, лишили всех гражданских прав. Из лагеря отец послал письмо, в котором написал: «Возьми развод, иначе и вас всех выселят». Мама, чтобы сберечь детей, оформила развод, взяла девичью фамилию «Семенова». Пришлось нам помыкаться по чужим углам, немало лиха повидали.

В 1957 году я начал хлопотать о реабилитации, мама очень просила. Ездил в Поньгому, расспрашивал стариков, как все происходило. Люди боялись в то время лишнее слово сказать. Долго в семьях потом не говорили о том, что кто-то из родных был репрессирован. Власть держалась на страхе и насилии. У нас в деревне три стукача было. И деревенские знали, что при этих людях не дай бог сказать что-то лишнее. Как стукач пришел, так уже и замолкали все.

В 1999 году было принято решение о выплате компенсации за конфискованное имущество, но выплатили только за лошадь. Вот так и пострадала от репрессий моя семья, так и живу Семеновым, а хотелось продолжить род Миккова». (Г. М. Семенов)²¹

Выполняя решение Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах» НКВД СССР 30 июля 1937 года издал приказ № 00447 о начале «Операции по борьбе с кулачеством, уголовниками и иными антисоветскими элементами» согласно которому сотрудникам НКВД предстояло «самым беспощадным образом разгромить всю банду антисоветских элементов в СССР». Начало операции было назначено на 5 августа 1937 года – этот день принято считать началом «Большого террора».

Москва определила: в Карелии следует репрессировать 1000 человек, из них 100 – расстрелять, остальных заключить в лагеря сроком от 8 до 10 лет. На самом деле репрессировали в 14 раз больше. За время «Большого террора» в Карелии были расстреляны 12453 человека.²¹

Без преувеличения можно сказать, что 1937–1938 годы прошли кровавой косой почти по каждой семье. Не обошла эта беда и наш край.

В книге «Поминальные списки Карелии. 1937–1938 год. Уничтоженная Карелия. Ч. 2. Большой террор» – 359 фамилий арестованных Тройкой НКВД КАССР жителей города Кеми и Кемского района.

Кемский район был в тридцатые годы одним из наиболее крупных и промышленно развитых. Здесь находился мощный железнодорожный узел, морской порт, леспромхоз, сплавная контора, лесо- и шпалозаводы, воинские части, наконец, собственная тюрьма. Однако во время операции было репрессировано 311 человек, или 2,5 процента населения. При этом главный удар пришелся по Кеми (133 человека), п. Рабочеостровск (104 чел.), ст. Шуерецкая (22 человека), Авнепорогу (21 человек, а всего в деревне Авне-порог было 59 жителей).

В остальных 19 населенных пунктах арестовано по 1–5 человек. Основную часть репрессированных (50 процентов) составили русские, примерно по 25 процентов – карелы и финны.

Трудно утверждать, что такая «слабая» работа явилась следствием нравственной позиции местных чекистов, но по справедливости требуется сказать, что в районе был репрессирован по политическим мотивам пом.

¹¹ Колесникова, А. Место ссылки – город Кемь / А. Колесникова // Совет. Беломорье. – 1993. – 10 окт. – С. 3.

¹² Воспоминания Г. И. Тороповой. Записаны 10 октября 2008 г., г. Кемь.

²⁰ НАРК. Ф. 865. Оп. 35. Д. 5.

²¹ Воспоминания Семенова Григория Михайловича: записаны 27 февраля 2008 года, г. Кемь.

²¹ Лапшов, С. Помнить всегда: [беседа с исследователем темы массовых репрессий Ю. А. Дмитриевым] / С. Лапшов. // Карелия. – 2008. – 30 окт. (№ 122). – С. 25.

оперуполномоченного РО НКВД В. Десятков. Документы свидетельствуют также, что в район неоднократно командировались для следствия и проведения расстрелов работники центрального аппарата НКВД Карелии».²²

В 1992 году в окрестностях Кеми были найдены человеческие останки «с признаками насильственной смерти». Благодаря известным исследователям темы политических репрессий Ю. Дмитриеву и И. Чухину стало известно, что это останки людей, расстрелянных в 1937 году сотрудниками Кемского РО НКВД под руководством младшего лейтенанта госбезопасности Ермушина. Расстрелы проводились в обстановке строжайшей секретности. В окрестностях Кеми было расстреляно 346 человек. Кемские старожилы говорят, что окрестности Кеми обильно политы кровью.

Главным орудием репрессий Политбюро ЦК ВКП(б) определило внесудебные органы, так называемые тройки, состоявшие из начальника НКВД, секретаря республиканского (областного) комитета партии и прокурора. В последние месяцы операции с санкции ВКП(б) и по приказу НКВД СССР от 17.09.38 года на местах были созданы особые тройки для экстренного завершения и рассмотрения материалов. На заседаниях тройки не заслушивали кого-либо из репрессируемых. Кроме того, во всех протоколах местом проведения заседания тройки указан Петрозаводск, а расстрелы производились в 15 районах республики.²³

За что их осудили? Диверсанты, вредители, шпионы, изменники Родины и т. д. Особенно много шпионов. Шпиономания какая-то была в то время. Что мог «нашпионить» кузнец из сельской кузницы? Какая разведка мира будет тратить деньги на заведомо бесполезного агента? Чем могла быть полезна иностранным разведкам Артемьева Екатерина Федоровна, портниха? Тем не менее, вылавливали, приговаривали и расстреливали. Причем делалось это с молчаливого согласия народа. Можно было получить лагерный срок за шутку о Сталине; за опоздание на работу; за то, что у тебя три коровы, а у большинства твоих односельчан по одной.

С декабря 1937 года шквал арестов обрушился на коллектив паровозного депо Кемь. Одним из первых забирали ночью слесаря Антона Антоновича Пикульского, затем помощника машиниста Василия Шувалова, такая же участь ждала машинистов братьев Федора и Григория Сападо, Павла Ойнуса, Петра Бутмана, кочегаров Ивана Никольского, Григория Томашова, Феликса Брянского, Леонтия Былика. Полный срок – 10 лет отдал лесоповалу машинист-инструктор, давший путевку в жизнь многим молодым механикам, Сергей Яковлевич Налиткин. Вернувшись в Кемь с подорванным здоровьем, он вскоре ушел из жизни.

Опустошительный ураган арестов пришелся и на весь 1941 год. Словно траву, выкосили большинство работников склада топлива: Сергея Павловича Бадаева, Павла Васильевича Морозова, Андрея Савича Бондаренко, Матвея Осокина, Якова Печерина; последних двоих освободили ровно через месяц. Цех эксплуатации снова понес значительные потери кадров, ночью конвоиры увели помощника машиниста электростанции Петра Никитича Лаврышева, кочегаров Ивана Николаевича Полякова, Александра Петровича Несмачного, Григория Гавриловича Марыныча, Василия Диденко, Александра Иосифовича Кина, Михаила Антонова и список этот можно продолжить. Вот сколько работников Кемского отделения железной дороги – «врагов народа» удалось разыскать в книге приказов Кемского депо с 1937-го по 1941-й год.²⁴

Известны фамилии 96 жителей Кеми и Кемского района, расстрелянных в Сандармохе, что находится в 17 км от Медвежьегорска. А сколько еще невинно пострадавших, о судьбе которых родственники ничего не знают.

Годы репрессий остаются одной из самых кровавых страниц в истории государства и нашего маленького города. Годы страха, умалчивания сделали свое дело. Почти не осталось в живых свидетелей того времени, осталась в людях некая осторожность при разговоре об этих страшных временах.

В то же время можно отметить дикий парадокс. Странно, но факт. В Кемь ГУЛАГ постепенно приносил «цивилизацию», если, конечно, это слово здесь уместно. Через леса прокладывались дороги, там, где были болота, вырастали дома, работал театр, действовал отличный стадион.

Работали в Услаге и жили на вольном поселении инженеры, экономисты, артисты. Интеллект их был очень высок.

*«...Как правило, это были люди высокой культуры, образованные. Мне довелось многому поучиться у наших квартирантов».*²⁵ Я думаю, эти слова А. Колесниковой могли бы подтвердить многие кемляне.

Собранная информация проливает робкий лучик света на самые темные страницы истории Кеми и Кемского района. Много еще неисследованных, неизвестных современникам фактов можно найти в фондах архивов. Наши потомки должны знать правду об этом страшном периоде истории своего родного города.

Литература

1. Волков, О. В. Погружение во тьму: Из пережитого. М. : Совет. Россия, 1992. – 432 с. – (Крестный путь России).

2. Звягин, Ю. Будем помнить всех / Ю. Звягин // Совет. Беломорье. – 1997. – 31 окт. – С. 2.

²² Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Уничтоженная Карелия. Ч. 2. Большой террор. – Петрозаводск : [Б. и.], 2002. – С. 245–271.

²³ Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Уничтоженная Карелия. Ч. 2. Большой террор. – Петрозаводск : [Б. и.], 2002. – С. 27.

²⁴ Звягин, Ю. Будем помнить всех / Ю. Звягин // Совет. Беломорье. – 1997. – 31 окт. – С. 2.

²⁵ Колесникова, А. Место ссылки – город Кемь / А. Колесникова // Совет. Беломорье. – 1993. – 10 окт. – С. 3.

3. Колесникова, А. Место ссылки – город Кемь / А. Колесникова // Совет. Беломорье. – 1993. – 10 окт. – С. 3.
4. Лапшов, С. Помнить всегда : [беседа с исследователем темы массовых репрессий Ю. А. Дмитриевым] / С. Лапшов // Карелия. – 2008. – 30 окт. (№ 122). – С. 25.
5. НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 3., Л. 40.
6. НАРК. Ф. 865, Оп. 35, Д. 4. Л. 11.
7. Миронов, М. Жизнь прожить – не поле перейти / М. Миронов // Совет. Беломорье. – 1996. – 14 февр. (№ 13) – С. 2, 3.
8. Миронов, М. Это было недавно, это было давно... / М. Миронов // Совет. Беломорье. – 1995. – 11 окт. (№ 81). – С. 2.
9. Окулова, Н. У лагерных ворот / Н. Окулова // Совет. Беломорье. – 1991. – 28 мая (№ 63). – С. 3.
10. Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Уничтоженная Карелия. Ч. 2. Большой террор. – Петрозаводск : [Б. и.], 2002. – С. 245–271.
11. Сердюк, А. Не должно быть забытых людей. / А. Сердюк // Совет. Беломорье. – 2007. – № 33. (24 авг.).
12. Чухин, И. И. Каналоармейцы: история строительства Беломорканала в документах, цифрах, свидетельствах участников и очевидцев. – Петрозаводск : Карелия, 1990. – С. 29.
13. Чухин, И. И. Карелия – 37: Идеология и практика террора. – Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1999. – С. 107, 119.

Кемский пересыльно-распределительный пункт

Полуразрушенная баржа, на которой, как уверяют старожилы, переправляли заключенных на Соловки

Город Кемь. 1937 г.
Здание Управления Соловецких лагерей особого назначения

Парад физкультурников на стадионе «Динамо».
г. Кемь. 1936 г.

Исследовательская работа и творчество заключённых Соловецкого лагеря особого назначения в 1920-е годы

Сколько ни читай описаний той жизни, вопросов приходит куда больше, чем ответов. Как жили и как выжили в лагере эти люди? Кому в голову впервые пришла мысль заниматься в лагере наукой? Была ли эта наука для них просто способом не сойти с ума? Или они и на самом деле были такими учеными, что жить не могли без своего дела даже в лагере? Как могли соседствовать научные исследования с массовыми расстрелами и нечеловечески изощренными пытками? Вероятно, единственный возможный ответ на все эти вопросы дает в своих воспоминаниях бывший соловчанин, академик Д. С. Лихачев: «Жизнь на Соловках была настолько фантастической, что терялось ощущение ее реальности. Как пелось в одной из соловецких песен: «Все смешалось здесь, словно страшный сон».¹

«... Я сосредотачивался не столько на внешних условиях существования в лагерях, сколько на людях, которые там были. А они сохраняли мужество, сохраняли культуру. И находили в культуре силу и спасение...» (Д. С. Лихачёв).²

Соловецкий концлагерь был первой опытной моделью ГУЛАГа. С 1923 по 1939 годы на Соловецком архипелаге располагались места заключения: Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения — СЛОН (1923–1933), Соловецкое специальное (штрафное) отделение Беломоро-Балтийского комбината (1933–1937), Соловецкая тюрьма главного управления государственной безопасности НКВД (1937–1939).

За это время через Соловки прошли десятки тысяч узников, многие из которых скончались от непосильной работы, болезней, издевательств охраны или были умерщвлены. Тут были взрослые и дети, женщины и мужчины, уголовники и «политические», духовенство и прихожане, ученые и малограмотные, аристократы и крестьяне, военные и люди свободных профессий. Никто не знает, сколько судеб оборвалось здесь, как невозможно сосчитать, сколько душ было навсегда обожжено страшными испытаниями.

Наряду с этим в 1920-е годы Соловки еще сохраняли многие черты мягкости тюремного режима. Что помогло людям выжить в этих суровых условиях, могли ли они хоть как-то разнообразить свои тяжёлые трудовые будни, хотя бы иногда жить, а не существовать? Попробуем ответить на эти вопросы.

23 сентября 1923 г. в Преображенском соборе открылся лагерный театр. На занавесе этого театра была вышита беломорская чайка, но её изображения не сохранились. В конце 1924 г. в лагере возник еще один самодеятельный театр под названием «ХЛАМ», что отражало профессии участвовавших в его работе людей (художники, литераторы, актеры, музыканты).³ Таинственный мир сцены — в окружении ада... «Лес» Островского, «Борис Годунов» Пушкина, «На дне» Горького, «Коварство и любовь» Шиллера — это далеко не полный перечень поставленных спектаклей. Соловецкий репертуар отличался серьезностью и разнообразием. Сюда приходили после изнуряющих работ, после бесконечных допросов и избиений. «Где еще так был нужен катарсис, даваемый искусством? Здесь его духоподъемная сила проявлялась со всей наглядностью. Г. Андреев благодарно вспоминает Соловецкий театр: «Пока открыта сцена, ты ощущаешь себя полноценным, настоящим человеком».⁴

Среди так называемых отбросов общества, попавших в ХЛАМ, оказались талантливейшие люди. Назовем лишь некоторые имена. Борис Глубоковский, поэт, артист, режиссер; Макар Борин — инициатор переоборудования монастырской трапезной под театр.

Одновременно с театром открылся краеведческий музей, разместившийся в надвратной Благовещенской церкви, и биосад-питомник под руководством М. И. Некрасова, при котором состоял кружок любителей природы соловецкого отделения Архангельского общества краеведов. История его создания и судьба сотрудников, спасших для последующих поколений многие святыни соловецкой истории, содержат в себе немало героического и трагического. Удивительно, что совершенно бесправные люди, находясь в нечеловеческих условиях лагеря, не зная, что будет с ними самими завтра, думали о спасении культурного наследия для будущей России.

Вывоз с Соловков бесценных историко-художественных коллекций начался в 1918 г., а после закрытия монастыря в 1920 г. этот процесс активизировался, угрожая потерей многих шедевров культуры. Только комиссия Губпомгола в 1922 г. вывезла около 85 пудов серебра, более 9 фунтов золота, 1988 драгоценных камней, 9 митр, 11 крестов.⁵

¹ Горяшко А. Биостанция особого назначения. — Режим доступа к статье: <http://bio.1september.ru/articlef.php?ID=200501601>.

² Рыжкова И. А. Дмитрий Сергеевич Лихачев: штрихи к портрету (беседа). — Режим доступа к статье: <http://www.childlib.ru/dep-resources/Lihachev-beseda.htm>.

³ Линник Ю. В большевистском инферно // Грани. — 1993. — № 169. — С. 203.

⁴ Там же. — С. 220.

⁵ Сошина А. Музей Соловецкого общества краеведения (1925–1937) // Альманах «Соловецкое море». — 2004. — №3.

В 1922 г. архитектор П. Д. Барановский, сотрудник Отдела музеев и охраны памятников старины Главнауки Наркомпроса, выступил с предложением создать на Соловках музей древнерусской культуры, но тогда его никто не послушал. И все же позиция сотрудников Отдела музеев, прилагавших героические усилия для спасения соловецких коллекций, дала свои результаты. 29 июня 1923 г. на заседании президиума Отдела музеев было принято важное решение о придании Соловецким островам статуса заповедных. В договор, подлежащий заключению с ГПУ на использование островов, было решено включить пункт, обеспечивающий охрану архитектурных памятников и природы островов и организацию там заповедников. В условиях лагеря решение об охране особо ценных памятников могло бы остаться только на бумаге, но за их спасение взялись заключенные, среди которых было немало людей, прекрасно понимавших значение Соловецкого монастыря в истории и культуре России.

По инициативе заключенных, оформленной приказом УСЛОН от 30 июня 1924 г., создается Комиссия по изучению природы Соловков, которую возглавил А. И. Филимонов. За лето Комиссия провела несколько экскурсий по островам с целью их геологического, ботанического и зоологического обследований, а 13 марта 1925 г. на ее базе организуется Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения (Приказ по УСЛОНу № 56).⁶ В момент организации в СОАОКе было 10 действительных членов, 10 научных сотрудников и 40 сотрудников-любителей из заключенных. Формально его председателем был зам. начальника УСЛОНа Ф. И. Эйхманс. Целью общества провозглашались «подготовка научной базы для рационального использования природных богатств архипелага, сбор памятников старины, изучение и забота об их сохранности».⁷ В СОАК входили отделы: геологический, ботанический, зоолого-биологический, лесоводческий, исторический, отдел местной промышленности, гидрометеорологическая станция, биосад, имеющий в свою очередь несколько отделов. Общество проводило огромную и очень нужную работу по спасению историко-культурных и природных ценностей Соловков.

12 мая 1925 г. приказом УСЛОНа северо-восточная часть Большого Соловецкого острова площадью в 60 кв. верст была объявлена заповедником. В него вошли Глубокая губа, большой полуостров с густым лесом и болотами, на которых росло много ягеля. Было обращено серьезное внимание на возобновление лесов архипелага. Проводилась большая разъяснительная работа: читались лекции о рациональном лесопользовании монастыря с призывами продолжить эти традиции.

Часть заключенных занималась научной работой.

Большую работу по охране природы проводил биосад, ставя своей задачей сохранить от хищнического истребления ценные виды птицы и зверя. Важную роль в деле охраны и изучения природы на Соловках в 20-е гг. сыграли заведующий биосадом М. И. Некрасов, орнитолог Г. И. Поляков, гидрограф Г. И. Бострем, ботаники Ж. Х. Бруновская и В. В. Сахаров, заведующий дендропитомником В. Н. Дегтярев, заведующий метеостанцией В. И. Кривош-Неманич, гидробиолог К. П. Чуднов и другие заключенные. На деятельность соловецких краеведов обратили внимание многие научные учреждения страны, в 1926 г. 138 из них были корреспондентами Общества. Важность деятельности СОАОКа подтвердили прибывшие летом 1926 г. «из центра» профессора П. Ю. Шмидт (АН СССР), Д. Д. Руднев (Центральное бюро краеведения) и А. Ф. Бенкен (ЛГУ). Именно они поставили вопрос о преобразовании СОАОКа в самостоятельное Соловецкое общество краеведения (СОК), что и произошло в конце 1926 г. В том же году вышел первый сборник материалов СОКа, а всего их было выпущено 26. Многие работы, опубликованные в сборниках, не потеряли своей актуальности и сегодня.

Остановимся на деятельности историко-археологического отдела музея. В его основу легли коллекции, собранные заключенными во время поездок по островам в 1924 г. Главная цель музея – собрать и исчезающие памятники старины. Музей осуществлял учет и охрану зданий и сооружений, имеющих особую историческую ценность. Перед создателями музея кроме всех прочих стояли непростые нравственные проблемы. Было понятно, что лагерное начальство не разрешит создать музей истории монастыря, и потому сотрудники музея решили определить его как «антирелигиозный». Верующим людям, а таких среди инициаторов было большинство, такое решение далось, конечно же, нелегко. Но все согласились, что дело не в названии, а в спасении ценностей, и под антирелигиозной вывеской они будут целее.

Пионерами музейного дела были заключенные В. П. Никольский, Н. К. Либин, С. А. Шорыгин, Н. В. Энгельгардт, А. П. Иванов, Ю. Н. Данзас, князь Д. А. Голицын, священник Н. М. Миславский, историк А. П. Приклонский, археолог Назимов и многие другие. Первым директором музея стал А. И. Филимонов, инженер по профессии, руководителем историко-археологического отдела назначили В. П. Никольского. Работа этого отдела проводилась по следующим направлениям: 1) сбор, систематизация, инвентаризация музейных историко-археологических объектов и предметов быта и экономики островов; 2) обследование и регистрация зданий и предметов, имеющих историко-археологическую ценность и находящихся вне музея; 3) охрана памятников старины, искусства и быта; 4) научная разработка собранного материала и его популяризация.⁸

Главной задачей музейных сотрудников был сбор экспонатов. Несмотря на многочисленные вывозы и пожар 1923 г., на территории монастыря и в скитах оставалось огромное количество предметов, представляющих музейную ценность. Зимой 1925–1926 гг. сотрудники историко-археологического отдела музея провели тита-

⁶ Сошина А. Музей Соловецкого общества краеведения (1925–1937) // Альманах «Соловецкое море». – 2004. – № 3.

⁷ Там же.

⁸ Сошина А. Музей Соловецкого общества краеведения (1925–1937) // Альманах «Соловецкое море». – 2004. – № 3.

ническую работу по розыску и сбору рассеянных повсюду и порой находившихся под угрозой уничтожения старинных икон, рукописей, книг, предметов быта и т. д. Велось обследование территории монастыря, башен, подземных ходов. В церквях и часовнях оставалось много икон, например, в Преображенском соборе «они были сложены целыми поленищами, как штабеля дров».⁹ Медлить было нельзя. На иконы уже положила глаз хозяйственная часть лагеря (из них получались отличные шкатулки), а церковные облачения шли на театральные костюмы. Из завалов после пожара отобрали остатки монастырского архива в количестве около 1500 единиц, 1126 старых книг и рукописей, более 2000 икон, 280 названий библиотечных книг.¹⁰

Для музея была выделена надвратная Благовещенская церковь, и уже 16 апреля 1925 г. туда было перевезено основное собрание. В самой церкви и на хорах были выставлены предметы монастырского обихода и монашеского быта.

Под музей было также занято и утепленное прясло крепостной стены от церкви до Белой башни. Здесь разместились подотдел старого металла и дерева, старинного оружия, а также природные коллекции. Отдельно в Пряйдильной башне разместили большие чугунные пушки на лафетах XVII–XVIII вв. Интересно, что в музее была экспозиция и по современной истории, развернутая параллельно отделу старого монастырского быта. Здесь были выставлены фотографии монастыря после пожара 1923 г., фотографии повседневной жизни заключенных, их изделия, литературные произведения, программы театра, газеты и журналы — издания УСЛОНа и т. д.

Большая роль сотрудниками музея отводилась культурно-просветительской работе. Для всех желающих проводили экскурсии. Музей посещали заключенные, солдаты местного гарнизона, школьники, команды заходивших в Соловецкую гавань судов, на экскурсии специально приезжали группы из Кемь. Кроме того, велась большая и серьезная научная работа по изучению музейных коллекций и истории Соловецкого монастыря по тем документам, которые удалось спасти.

Для многих заключенных работа в музее была спасением, «стопы рукописных книг в кожаных переплетах с медными застежками отгораживали от лагерных тревог, приносили ощущение причастности большому нужному делу — где бы его ни делать».¹¹ Можно назвать таких активных работников музея, как Николай Николаевич Виноградов (1876–08.01.1938), который с 1927 года был заведующим музея, а позже стал ученым секретарем СОКа. Перечень работ и публикаций Н. Н. Виноградова выдает в нем разностороннего исследователя: археолога, историка, этнографа. В. П. Никольский много сделал для будущих исследователей иконописного собрания Соловков. Историк А. П. Приклонский изучал архивные материалы. Активное участие в создании музея принимал известный художник, участник «Мира искусства» О. И. Браз (1872–1936), некоторое время был заведующим музея, но в основном занимался памятниками, их зарисовками. Часть этих прекрасных рисунков сохранилась, находится в фондах музея Истории религий в Санкт-Петербурге.

Епископ Мануил (Лемешевский) (1884–1968) был назначен помощником библиотекаря и архивариусом в лагере, что дало ему возможность иметь доступ к рукописям. С 1926 г. епископ стал постоянным сотрудником музея и специализировался на вопросах местной археологии и старины. Также можно назвать таких сотрудников музея, как Аркадий (Остальский) (1888–29.12.1937), Алексей Николаевич Греч (1899–07.04.1938), и многие другие. Все эти талантливые люди были расстреляны на островах.

Соловецкое общество краеведения было закрыто в начале 30-х гг., и до 1937 г. музей оставался уже единственным научным учреждением на острове. В 1934 г. его сотрудниками Александром Афанасьевичем Евневичем (1881–08.12.1937) и Пантелеймоном Константиновичем Казариновым (1885–27.10.1937) были проведены завершающие обследования всех памятников островов. Последним директором музея был Иван Иванович Ванаг (1877–27.10.1937). Музей на Соловках был закрыт в 1937 г., когда СЛОН был реорганизован, и осенью прошли массовые расстрелы заключенных. В августе 1939 г. перед закрытием тюрьмы на Соловки приезжали представители музейного отдела Наркомпроса Ф. Я. Селезнев и М. Н. Кузнецов. Ими было вывезено около 700 предметов музейного значения. Среди вывезенного были мощи преп. Зосимы, Савватия и Германа, 63 иконы XVI–XVII вв., 70 рукописных книг. Потом были еще и другие вывозы. Многие из этих экспонатов сегодня занимают достойное место в центральных музеях страны.

Отделом музеев были взяты на учет как подлежащие охране некоторые памятники: Спасо-Преображенский собор (1558–1566), надвратная Благовещенская церковь (1596–1600), церковь преп. Германа (XIX в.), деревянная часовня Филипповской пустыни (XVII в.), часовня в Старой Сосновке (1627), в которой до 1923 г. сохранились слюдяные окончины, а также Воскресенская церковь (1715) и часовня преп. Елеазара (XIX в.) на о-ве Анзер и др. Все эти памятники не подлежали никаким перестройкам и переделкам. Подлежали охране и наиболее ценные предметы старины. «Не имеющие исторической и архитектурной ценности постройки со всем имуществом по договору от 22 августа 1923 г. передаются в пользование СЛОНу ввиду крайней необходимости в помещениях».¹²

Наличие среди заключенных большого количества литераторов и журналистов помогло наладить регулярный выпуск периодических изданий. Уже с 1 марта 1924 г. стал выходить ежемесячный журнал «СЛОН», переименованный в 1925 г. в «Соловецкие острова» — орган УСЛОН ОГПУ. Появляется и еженедельная газета

⁹ Сошина А. Музей Соловецкого общества краеведения (1925–1937) // Альманах «Соловецкое море». — 2004. — № 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ Волков О. Погружение во тьму. — М., 1989. — С. 7.

¹² Соловецкий монастырь. — М., 2000. — Т. 1. — С. 29–31.

«Новые Соловки», а с мая 1926 г. бюро печати УСЛОНа приступило к изданию «Материалов Соловецкого отделения Архангельского общества краеведов» (всего вышло 17 сборников). Кроме того, писались романы, повести; сочинялись стихи, поэмы, сонеты. Создавались исторические, искусствоведческие, филологические исследования. Назовем таких авторов, как Николай Анциферов (автор книг о Петербурге), Николай Виноградов (фольклорист и археолог, исследователь соловецких лабиринтов), Юлия Данзас (католическая мыслительница), Николай Ульянов (исторический романист), Валериан Муравьев (философ, поставивший перед человечеством задачу овладения временем) Соловецкий поэт Кемецкий (Свешников). Свое виденье мира, своя образная система были у Г. Русакова, Б. Евреинова, А. Панкратова, Ю. Казарновского, Н. Бернера, Б. Емельянова и других.

«Есть такое выражение, которое обычно применяют к русским святым: веселость духа. Это удивительное качество может проявляться, несмотря на страдания, вопреки им. Быть может, в нем ярче всего выражена сила жизни, ее неистребимость».¹³

Д. С. Лихачев писал: «Вспоминая всех, кого я помню по Соловкам, я должен сказать: сколько же там было талантливых и способных людей, высоким по своим нравственным принципам, тихо погибавших в неизвестности».¹⁴

«Человеческий мозг умирал последним. Когда переставали действовать руки и ноги, пальцы не застегивали пуговицы, не было сил закрыть рот, кожа темнела и обтягивала зубы и на лице ясно проступал череп с обнажающимися, смеющимися зубами, мозг продолжал работать. Люди писали дневники, философские сочинения, научные работы, искренне, “от души” мыслили, проявляли необыкновенную твердость, не уступая давлению, не поддаваясь суете и тщеславию».¹⁵

*Л. И. Вавулинская,
Карельский научный центр Российской академии наук*

Политическая работа в лагерях иностранных военнопленных в Карелии в 1945–1949 гг.

Использование принудительного труда, в том числе труда военнопленных, играло существенную роль в развитии экономики Карелии в послевоенные годы. На 1 июля 1946 г. в 4-х лагерях (№№ 120, 166, 212 и 447) насчитывалось более 22,5 тыс. военнопленных, из них по национальности в подавляющем большинстве – немцев, а также венгров, австрийцев, румын и прочих.¹ Военнопленные трудились на восстановлении столицы республики – Петрозаводска, в лесной промышленности, промышленности строительных материалов и других отраслях народного хозяйства, испытывавших острую нужду в кадрах рабочих и специалистов.

В работе с военнопленными особое значение придавалось политическим мероприятиям. Советское государство рассматривало военнопленных в соответствии с известной ленинской установкой как «бацилл коммунизма» – будущих сторонников социалистических преобразований в своих странах. Несмотря на идеологическую направленность, эта концепция предполагала гуманный характер обращения с вражескими солдатами, т. е. была ориентирована на сохранение их жизни и добровольную перемену мировоззрения.²

В соответствии с решением ЦК ВКП (б) от 26 июня 1946 г. при Государственном управлении по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) был создан политический отдел, на который было возложено руководство политической работой среди военнопленных. Одновременно политотделы создавались на республиканском и областном уровне, а также при управлениях лагерей военнопленных.

В целях развертывания политической работы среди военнопленных в лагерях были организованы клубы, библиотеки, антифашистские комнаты, радиоузлы, проводились собрания и митинги, лекции, показ советских кинофильмов, занятия кружков художественной самодеятельности. Для военнопленных издавались газеты на немецком и румынском языках, а также бюллетень для военнопленных австрийцев. Кроме того, для военнопленных немцев выписывались из советской зоны оккупации Германии экземпляры семи различных газет и журналов. В декабре 1947 г. военнопленным, владеющим русским языком, было разрешено читать периодическую печать и книги, находившиеся в общедоступном использовании населением СССР.³

Агитационно-пропагандистская работа среди военнопленных была направлена главным образом на разъяснение преимуществ советского строя перед капиталистическим, на показ политических, хозяйственных и культурных успехов СССР и роли Советского Союза в борьбе за мир.

¹³ Линник Ю. В большевистском инферно // Грани. – 1993. – № 169. – С. 223–224.

¹⁴ Там же. – С. 221.

¹⁵ Баланюк В. В. Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999). – Режим доступа к статье: <http://biblion.murman.ru/new/22bprod.html>.

¹ Архив МВД РК (АМВД РК), ф. 40, оп. 1, д. 226, л. 30.

² Кузьминых А. Л. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. Вологда, 2005. С. 82.

³ АМВД РК, ф. 19, оп. 14, д. 8, л. 1.

В докладной записке врио старшего инструктора по антифашистской работе управления лагеря военнопленных № 120 С. Д. Громова начальнику оперативного отдела лагеря о политико-воспитательной и культурно-просветительной работе среди военнопленных за август 1946 г. подчеркивалось: «Вся политико-воспитательная работа среди военнопленных в августе проходила под углом мобилизации военнопленных на выполнение внутреннего распорядка, на уплотнение трудового дня, поднятие производительности труда и качества выполняемой работы, на улучшение культурно-бытовых условий жизни военнопленных. Для выполнения стоящих задач проведены следующие мероприятия:

1. В лагерных отделениях № 1-4-8-12 выпущены стенные газеты, где были помещены статьи из газеты «Известия» в основном на международные темы, а также о внутрилагерной жизни военнопленных.

2. Проводились читки газет по баракам среди военнопленных на немецком языке, а также с получением газет на немецком языке «Нахрихтен» рассылались по всем лагерным отделениям, где также организованы газетные витрины, что дает возможность всем военнопленным быть в курсе событий.

3. В лагерных отделениях № 1-4-8-3 организованы кружки самодеятельности, которые в свободное от работы время ставят всевозможные постановки, что служит стимулом повышения производительности труда и поднятия морального духа военнопленных. За август месяц в указанных отделениях поставлены по 2-3-4 раза постановки...

5. За август месяц было вручено большое количество писем, присланных из Германии для военнопленных. Примерно в лагерном отделении № 1 было вручено военнопленным более 1000 штук писем, наряду с этим от военнопленных собраны приветственные радиogramмы, которые также служат поднятию морального духа военнопленных.

6. Большая работа проводится по разъяснению внешней политики Советского Союза на Парижской мирной конференции, в основном материалы берутся из газет «Известия» и «Нахрихтен». В результате всей проводимой работы у военнопленных заметно повысилось моральное настроение, повысилась вера в правильность проводимой политики Советского Союза. Очень часто военнопленные говорят, что [то, что] говорит Геббельс о Советском Союзе, все – неправда...».⁴

Часть военнопленных сотрудничала с советскими органами, составляя актив антифашистских групп, которые были организованы в каждом лагерном отделении. Так, в 4-м квартале 1946 г. антифашистский актив в 10 лагерных отделениях лагеря № 120 составлял 235 человек, или 2,8 % от общего числа военнопленных (8459 человек), в лагере № 166– 220 человек, из них в немецкой группе – 178 и в венгерской группе – 42 человека.⁵ Антифашистский актив помогал оперативным органам выявлять и разоблачать участников зверств и злодеяний на оккупированной советской территории, сотрудников вражеских разведывательно-диверсионных органов.

Среди военнопленных, особенно рядовых солдат, было немало тех, кто осуждал войну Германии против СССР. К примеру, в октябре 1945 г. в наркомат внутренних дел республики поступило заявление начальника Стройуправления о якобы готовящемся восстании в лагере № 120. При проверке выяснилось, что от агентуры не поступало сообщений о подготовке восстания, но военнопленные были действительно недовольны пленными – немецкими офицерами, считая их виновниками войны и инициаторами создания штрафных рот в лагере.⁶

В то же время часть военнопленных вступила в ряды антифашистского актива по причине предоставления им определенных льгот и преимуществ, а именно: руководители антифашистского актива, организаторы культурно-массовой работы и пропагандисты, назначенные из числа военнопленных, содержались расконвоированными, получали питание по полной норме, как занятые на производстве, и им ежемесячно выплачивалось по 100 руб.⁷ В связи с этим характерно такое высказывание одного из военнопленных лагеря № 120: «Я долго был антифашистом, но это лишь потому, что получал побольше питания и не использовался на работе. Я знаю, что значит антифашист, это продажные люди для русских. В новой Германии мы не будем антифашистами. Они все оттуда должны исчезнуть». Другой военнопленный, Кох Герберт, заявил: «Я был на антифашистских курсах, но то, что я там изучил и слышал – Советскому Союзу никакой пользы не будет, т. к. они хотят отравить меня их идеологией».⁸

Несомненно и то, что среди военнопленных оставалось немало приверженцев фашистской идеологии. Военнопленный Штрафельд Фриц Иоган, 1917 года рождения, заявил: «Я с удовольствием пошел бы снова на войну, лишь бы только рассчитаться с русскими за все и всех их уничтожить». Другой военнопленный высказался так: «Какую пользу принесет здесь саботаж? Только если малую организованность военнопленных. Это тоже неплохо. Много важнее другой вопрос: «Как нам сохранить веру у наших людей? Правда, я и этим не могу быть недовольным. Я бываю в каждом бараке и вижу там солдат и их настроения. Антифашиста Шнайдерата они недолюбливают. Да к тому же для тебя не секрет: я – фашист, а имею влияние на работу антифашистов через военнопленного Кунце. Я ему даю указания, что делать, а он – Шнайдерату... Будем ждать, пока вернемся домой. Тогда еще будет достаточно времени для удара. Время работает для нас, мы работаем для времени». 6 февраля 1947 г. военнопленный Саво Гензе в присутствии нескольких

⁴ АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 49–50.

⁵ Там же, ф. 17, оп. 6, д. 7, л. 7.

⁶ АМВД РК, ф. 16, оп. 2, д. 13, л. 23.

⁷ Там же, ф. 17, оп. 13, д. 4, л. 17.

⁸ Там же, оп. 7, д. 3, л. 142.

военнопленных заявил: «Коммунистическая партия – самая плохая, она только ведет хорошую пропаганду, а на практике ничего хорошего не делает. Русские хотят, чтобы все военнопленные подошли в России, потому что нас так плохо кормят. Вообще политика других государств лучше политики Советского Союза».⁹

Важную роль в политической работе с пленными играла организация переписки. Лагерные власти использовали ее как мощное средство повышения морального настроя, а, следовательно, и трудового энтузиазма военнопленных. Приказом НКВД СССР от 13 июля 1945 г. была утверждена «Инструкция о порядке переписки военнопленных немцев, австрийцев, румын и венгров с их семьями, проживающими в Германии, Австрии, Румынии и Венгрии». Для осуществления переписки вводились специальные почтовые карточки.¹⁰ Сбором писем и раздачей их военнопленным занимались бригады и командиры батальонов. Сначала допускались письма до 25 слов, а в качестве обратного адреса фигурировал почтовый ящик А-120 в Москве. Пленным разрешалось отправлять не более одной открытки в месяц. Постепенно переписка налаживалась, и количество слов не регламентировалось столь жестко.

В соответствии с Директивой НКВД СССР от 5 сентября 1945 г. о цензуре почтовых отправлений военнопленных осуществлялся цензорский просмотр входящей и исходящей корреспонденции во избежание распространения сведений, наносивших ущерб репутации СССР. Его исполняли сотрудники оперативно-чекистских отделений лагерей. Письма пленным пропускались цензурой, если в них содержалась позитивная информация о жизни в СССР. Подлежали конфискации и направлению в Оперативное управление Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ОУ ГУПВИ) НКВД СССР письма военнопленных: антисоветского и профашистского содержания; с изложением данных о месте дислокации промышленных объектов и характере выполняемой военнопленными работы; с указанием сведений о других военнопленных, содержащихся в лагерях или умерших за время пребывания в плену, а также письма, направляемые в другие страны.¹¹ Военнопленным, в свою очередь, не передавались письма их родственников, с критикой в адрес СССР, с различными советами по уклонению от работы.

Согласно плану мероприятий оперативного отдела лагеря МВД № 120 по усилению борьбы с членовредителями и симулянтами среди военнопленных (апрель 1947 г.) предусматривалось улучшить работу за цензурой всех писем, поступавших из Германии, не допуская проникновения в лагерь писем родственников, «в которых содержатся разные советы по членовредительству». Политконтролю и цензуре предлагалось своевременно реагировать на имевшиеся в письмах советы и докладывать о каждом таком случае начальнику 1-го отделения оперативного отдела лагеря немедленно.¹²

Жестко пресекались и попытки отправки военнопленными писем, минуя цензорский пункт. В директиве МВД СССР № 61 министрам внутренних дел республик, начальникам УМВД по краям и областям о мероприятиях по пресечению нелегальной переписки военнопленных от 26 марта 1947 г. указывалось на факты проникновения из-за границы писем и иностранных газет антисоветского содержания, а также направления военнопленным писем явно отрицательного характера и предписывалось пресекать факты посылки писем военнопленных через почтовые ящики Министерства связи, минуя цензорские пункты лагерей; через агентуру и другими путями выявить и изъять у военнопленных иностранные газеты, листовки и письма, полученные нелегальным путем, а также корреспонденцию, подготовленную к отправке через посредников или почтовые отделения связи, минуя цензуру лагерей.¹³

Одним из важных направлений цензурной деятельности в лагерях являлось выявление военнопленных, не имевших переписки с родственниками. Подразумевалось, что этот факт мог свидетельствовать о сокрытии ими преступных действий. К выявлению таких военнопленных были привлечены, помимо органов цензуры, агентура и члены антифашистских групп. В 1947 г. в лагере № 212 было выявлено 305 человек, не установивших связь с родственниками. Им были розданы специальные почтовые розыскные открытки, которые направлялись в бюро по розыску пропавших без вести немцев в г. Берлин. В результате значительная часть военнопленных смогла наладить переписку с родственниками. К 1 января 1948 г. в лагере оставалось 42 человека, не имевших связи с родственниками, из них по национальности 38 немцев и 4 венгра. В лагере № 447 в 1947 г. официальным и агентурным путем было выявлено 129 военнопленных, не имевших переписки с родственниками.¹⁴

Правильной организации регулярной переписки иностранных военнопленных со своими родственниками придавалось важное политическое значение, особенно в связи с подготовкой к выборам в органы местного самоуправления в советской зоне оккупации Германии в сентябре 1946 г. Поскольку подавляющее большинство немецких избирателей в это время составляли женщины, то организация переписки военнопленных с семьями должна была оказать существенное влияние на исход голосования. В связи с этим по решению директивных органов предполагалась передача по радио кратких приветствий военнопленных своим родственникам, а также

⁹ АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 326–327.

¹⁰ Кузьминых, А. Л. Лагерь ГУПВИ на берегу Белого моря // История пенитенциарной системы России в XX веке. Сборник материалов международного научного семинара. Вологда, ВИПЭ ФСИН России, 2007. С. 60.

¹¹ Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы. Под редакцией проф. М. М. Загоруйко. М., 2000. С. 221–223.

¹² АМВД РК, ф. 17, оп. 6, д. 8, л. 11.

¹³ Военнопленные в СССР... С. 301.

¹⁴ АМВД РК. Ф. 16, оп. 3. д. 18, л. 140.

публикация отдельных писем в газетах, издаваемых за границей. Начальникам управлений лагерей военнопленных предписывалось один раз в декаду направлять в ОПВИ МВД КФССР групповые и одиночные приветствия военнопленных для передачи по радио и письма для публикации в газетах.¹⁵

Военнопленные в своих приветствиях и обращениях по радио призывали родственников и знакомых голосовать за кандидатов, выдвинутых Социалистической единой партией Германии. Так, военнопленный лагеря № 120 Вилли Крюгер написал своей дочери: «Трудись для единой демократической Германии. Борись и работай за дело и цель Социалистической единой партией Германии. Только на этом пути мы можем достигнуть мирной жизни и счастливого будущего». Зако Герт написал своей жене Зако Рут: «Я больше чем счастлив. Твои письма всегда полны внутренней безопасности, что меня успокаивает и чем я горжусь. Полностью твоего мнения. Только хозяйственное и политическое единство Германии – гарантия для дальнейшего существования Германии. Работай в том же духе...».¹⁶

Письма военнопленных использовались как важный фактор стабилизации послевоенной международной обстановки. В директиве министра внутренних дел республики генерала-майора Серебрякова, направленной в сентябре 1946 г. начальнику оперативного отдела лагеря военнопленных № 120, предлагалось организовать сбор писем военнопленных, которые зарекомендовали себя положительно на антифашистской и производственной работе.¹⁷ Эти письма размещались на страницах газет, издаваемых оккупационными частями Красной армии за границей.

В своих письмах на родину многие военнопленные высказывались за расширение и укрепление демократических преобразований и положительно отзывались об условиях содержания их в плену в Советском Союзе. Так, военнопленный лагеря № 120 Херберт Лоренц писал своему другу: «Борись за единство Германии. Мы, военнопленные, принимаем большое участие в политическом развитии родины. Мы хотим возвратиться в демократическую родину». Военнопленный венгр Поор Король, рабочий по социальному происхождению, обращаясь к присутствовавшим в комнате отдыха военнопленным, заявил: «Мы никогда не забудем дружелюбного отношения советского народа к венгерскому народу и к нам, благодарим русских за хорошее содержание нас в лагере. По приезду домой мы будем выкорчевывать остатки фашистских элементов из своей демократической Венгрии. Мы знаем, что Советское правительство и советский народ желают мира и дружбы народов всех стран».¹⁸

Несмотря на различия во взглядах, военнопленные активно участвовали в политической жизни лагеря. Особенно их волновали международная обстановка и события на родине. Осуществление денежной реформы и отмена карточной системы в Советском Союзе в конце 1947 г., значительные успехи страны в восстановлении разрушенной экономики благоприятно отразились на настроении военнопленных. Они надеялись на завершение репатриации в 1948 году.

Оперативный отдел лагеря № 120 в своей информации о политических настроениях военнопленных сообщал: «В связи с предстоящей репатриацией особенно волнующим моментом среди военнопленных является будущность Германии, т. е. каков будет мирный договор между СССР и Германией. Большая часть военнопленных верит в возможность дружеских отношений между СССР и Германией и высказывается оптимистически по этому вопросу. Другая часть военнопленных, особенно молодого возраста, не верит советской власти, заявляя: «Русские уже очень много рассказывали и обещали военнопленным. Но своего слова не сдержали». Его поддерживают и другие военнопленные молодого возраста».¹⁹

Аналогичными были настроения военнопленных, содержавшихся в лагере № 447. Капитан Шмиц-Демант выразил свое мнение так: «В данное время на военнопленных сильно действует моральный фактор в отношении переживаний в лагере. Сейчас, когда известен срок отправки домой, многие военнопленные думают и говорят, что надо уберечь силы для того, чтобы пережить в плену до отправки домой. Сейчас военнопленные не особо верят русским о том, что те, которые хорошо работают военнопленные, в первую очередь поедут домой. Потому, что в прошлом году говорили тоже так, но в действительности были отправлены домой ОК (оздоровительная команда) и дистрофики».²⁰ В то же время, признавая миролюбивый характер политики Советского Союза, некоторые пленные призывали своих сограждан «работать лучше и помочь советскому народу восстановить разрушенное войной народное хозяйство».

В целом же политическая работа сыграла определенную роль в формировании позитивного отношения иностранных военнопленных к Советскому Союзу. И хотя далеко не все из них уверовали в преимущество социализма над другими общественно-политическими системами, многие военнопленные изменили свое отношение к Стране Советов в лучшую сторону.

¹⁵ Там же, ф. 17, оп. 3, д. 7, л. 47.

¹⁶ Там же, оп. 6, д. 7, л. 48 об. – 49.

¹⁷ АМВД РК, ф. 17, оп. 3, д. 7, л. 73.

¹⁸ Там же, ф. 16, оп. 3, д. 18, л. 71.

¹⁹ АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 360.

²⁰ Там же, л. 406.

Путешествие Жильбера Ромма по Олонецкой губернии в 1784 году

Одним из малоизвестных источников по истории Карелии конца XVIII века являются записки Жильбера Ромма. Откуда же появился в нашем крае француз Жильбер Ромм, ставший впоследствии активным революционным деятелем во Франции в эпоху Великой Французской революции? И что заставило его совершить столь длительное и опасное путешествие?

Ромм родился в горной Франции в Оверне в 1750 году, в бедном семействе, и рано лишился отца. Маленького роста, подслеповатый, неуклюжий, он получил хорошее образование в городке Риоме. В Париж он переехал в 1774 году, где его окружила предреволюционная философско-литературная среда. В это время еще был жив Вольтер, и господствовали энциклопедисты во главе с Д. Дидро. На престол взошел Людовик XVI. Проживая в Париже, Ромм зарабатывал на жизнь тем, что давал уроки. Он обучал трех американцев и брал по одному эку за урок. Математик Дюпон познакомил его с графом Александром Гавриловичем Головкиным и Ромм стал давать уроки точных наук его сыну. Ромм так понравился русскому дипломату, что тот ввел его в высшее парижское общество. Он стал появляться в лучших домах парижской знати. «Самое неуклюжество Ромма нравилось изнеженным аристократам...». Его называли «Овернским лошаком», и все приглашали к своему столу «ученую деревенщину».¹ У графа Головкина Ромм и познакомился с одним из первых богачей России – графом Александром Сергеевичем Строгановым, который уже долгое время жил в Париже с молодой женой Екатериной Петровной Трубецкой. Граф Строганов также пригласил Ромма для воспитания своего сына и 1 мая 1779 года вручил ему договор, состоящий из 6 пунктов. В этом договоре оговаривались условия, на которых Ромм должен был воспитывать Павла Строганова. Павел Александрович Строганов позднее стал видным государственным деятелем Александровского царствования, членом негласного комитета и сторонником либеральных преобразований. Условия были следующими: воспитание будет вестись по заранее оговоренному плану; определялись также предметы и способы образования, а также количество часов обучения; оговаривалась заработная плата Ромма и многие другие условия.²

Таким образом, Ромм познакомился с графом А. С. Строгановым и в 1779 году переехал в Россию. Представления французов о России того времени были весьма наивны. И когда друзья Ромма узнали, что он едет в Россию, то они «похоронили его в снежных пустынях». На что Ромм возразил, что он, напротив, расширит свой кругозор, узнает много нового о стране столь неизвестной. В доме Строганова ему были выделены несколько комнат с библиотекой, с физическим и минералогическим кабинетами. Воспитание Попо (именно так Павла Строганова называли в семье) началось с 7 лет, с изучения русского языка, так как ни Ромм, ни Павел ни слова не говорили по-русски. О том, что Ромм неплохо освоил русский язык, говорит тот факт, что он перевел и переслал своему другу во Францию православный катехизис, кроме того, многие строки в его путевом дневнике полностью написаны по-русски. У графа Строганова собиралось лучшее петербургское общество того времени. Допускаемый к этим обедам, Ромм держался в отдалении, не пил вина, ел только русские блюда. «От природы молчаливый и угрюмый, к тому же неуклюжий, маленького роста и невзрачный, он воодушевлялся, когда граф Строганов приглашал к себе петербургский ученый люд: Палласа, Эйлера, Фусса, Эпинуса, графа Григория Кирилловича Разумовского».³

Известно, что Ромм конфликтовал с матерью Павла Строганова, которая сразу невзлюбила косолапого француза. Но Ромм находил поддержку в лице Александра Сергеевича. Кроме того, начался конфликт между супругами Строгановыми: «брачный союз, заключенный по страсти, редко бывает долговечен».⁴ Графиня влюбилась в Ивана Николаевича Корсакова и переехала с ним в подмосковное Братцево. Тогда родители решились скрыть ссору от единственного сына и отправили его вместе с Роммом в путешествие по России.

Но была также и другая причина путешествия. Известно, что Ромм был математиком по образованию, кроме того, он был энциклопедически образован, любил познавать все на собственном опыте, поэтому и отправился в столь длительное и опасное путешествие по России. Кроме того, в своих педагогических воззрениях он был последователем и продолжателем идей Жана Жака Руссо. Ромм еще более развил и усовершенствовал эти идеи. Он был сторонником метода воспитания на практике, то есть считал, что изучать надо, непосредственно принимая участие в том или ином процессе или явлении. «Ученик не схватит всех деталей, всей совокупности операций, но я усвою их, я отдам этому все своё внимание. Впоследствии мне достаточно будет напомнить ему, что в таком-то месте отбивают пушки, в таком-то окрашивают ткани. Он поймет, о чем я буду говорить с ним, когда он будет старше».⁵ Этим и объясняются все его многочисленные поездки по Рос-

¹ Жильбер Ромм. К истории русской образованности нового времени // Русский архив. 1887, № 1. С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Пулькин М. В. Жильбер Ромм у выговских раскольников // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 148.

сии, он хотел, чтобы его воспитанник Павел Строганов был всесторонне образован и видел действительность такой, какая она есть на самом деле.

Путешествуя по нашему Северному краю, Жильбер Ромм оставил замечательные поденные записки. Данный его дневник до сих пор остался неопубликованным. Дневник Жильбера Ромма ценен еще и тем, что это взгляд просвещенного европейца на русскую действительность конца XVIII века. Этим записки Ромма отличаются от записок русских путешественников, побывавших в Карелии в это же время (Н. Я. Озерецковского, Г. Р. Державина). Жильбер отмечал то, на что не обращали внимания отечественные путешественники.

Подлинник рукописи Ромма хранится в Российском государственном архиве древних актов в Москве. Начало текста (описание Кончезера) датируется 25 июня, а заканчивается приблизительно в начале августа (даты последних дней путешествия не проставлены). При этом в рукописи отсутствует описание пути от Петербурга до Петрозаводска и от Петрозаводска до Кончезера, а также описание самого Петрозаводска и рудника на Марциальных водах. В архиве дневник известен под названием «Дневник путешествия Ромма и П. А. Строганова по России в 1784 году». Но это название приписано чьей-то рукой, а в перечне рукописей Ромма, приложенном к книге Марка де-Виссакса о Жильбере Ромме, эта рукопись названа «Путешествие к Белому морю в 1784 году».

Итак, как уже говорилось, Жильбер Ромм начинает свое описание 25 июня от Кончезера. Сразу же он обращает внимание на особенность русских крестьян: они добры, гостеприимны, ничего не берут за оказанную услугу, и вообще берут деньги из почтения только в тех случаях, если это высокопоставленное лицо, чтобы не нанести обиду. Также Ромм отметил, что русский крестьянин, как и все другие, склонен «уклоняться платежей, в этом он походит на всех остальных крестьян»,⁶ но деньги в дар принимают редко. Особое внимание он придает тому факту, что крестьянин отдается целиком и полностью чувству смирения и предопределения, а также покорности судьбе. Крестьянин даже не пытается противиться божественным предначертаниям, так как жизнь такая, какая она есть – сопровождаемая голодом и муками, не представляет собой особой ценности. К этому моменту покорности Ромм будет еще не раз возвращаться на протяжении всего путешествия. Ромм, по всей видимости, не отрицает веры в Бога, но полностью осуждает бездействие простого человека и его смирение и безответность капризам судьбы. Путешественник также четко описывает такие пороки, как жадность, стремление к наживе и безразличие к другим людям. Это отчетливо можно проследить на следующем примере: член Уложенной Комиссии при Екатерине II Стефан Вонифатьев нажил себе состояние на торговле хлебом, «которая ведется так: он привозит из плодородных областей России рожь и продает её на севере втридорога»,⁷ то есть наживаясь на чужом горе. Естественно, нельзя утверждать, что такие люди и такой произвол был только в России, те же явления были и в других странах Европы. Просто путешественник особо заостряет на этом внимание, но все же, надо признать, что произвол на местах носил массовый характер. Об этом свидетельствуют записки других путешественников, например П. И. Челищева, Г. Р. Державина.

Ромм отмечает также такой порок как пьянство. Автору с трудом удастся понять, почему русский крестьянин, едва удовлетворив свои насущные потребности, сразу же переводит зерно на водку. «Переводить на водку зерно, драгоценное в этих местах, где народ мрет с голоду за недостатком хлеба! – это с трудом можно понять».⁸ Он приходит к выводу, что это единственный для крестьянина способ забыть свои страдания, но, в то же время, продлить их еще на долгое время. Но в дневнике отмечено, что, несмотря на все это, крестьяне в Карелии являются долгожителями. Это и удивляет Жильбера Ромма, он не может понять, почему в стране с таким суровым климатом и малопродуктивной почвой люди «долговечны». Они «рождаются здесь как будто исключительно для того, чтобы изведать суровость нужды, отвратительного климата и рабства!». Причем это испытание длится больше обычного. В данном случае Ромм приводит конкретные примеры долгожительства: в пример он ставит 104-летнего старика, у которого сыну исполнилось всего лишь 20 лет! «Таким образом, можно предположить, что старик этот стал отцом, имея приблизительно 84 года отроду. Он до сих пор еще ходит без посторонней помощи, очень хорошо слышит, но видит плохо».⁹ Но на самом деле это единичные примеры. В действительности при всех ужасающих условиях жизни, которые Ромм очень хорошо описал, смертность была очень большой, а продолжительность жизни невелика.

Несмотря на все трудности путешествия, Ромм, осматривая рудники, все время детально описывает все горные породы, которые они встречают на своем пути. Большую часть описания Ромма составляют описания камней и минералов, даже если учитывать тот факт, что в данном документе опущено более половины описаний горных пород. Любопытного путешественника интересуют все горные породы без исключения, чего, к сожалению, нельзя сказать о местных властях. Местные власти, естественно, интересовались драгоценными металлами и в частности золотом. Следует заметить, что золото, добываемое в рудниках в Пергубе, не оправдывало затрат на добычу. Из ста пудов руды получалось 30 фунтов меди и один золотник золота. Естественно, это неоправданные затраты, но для правительства «достаточно было одного слова «золото» чтобы здесь приняли огромные не оправдавшие себя работы».¹⁰

⁶ Жильбер Ромм и его путешествие к Белому морю в 1784 году // Архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1, оп. 20., л. 20.

⁷ Там же, л. 25.

⁸ Там же, л. 28.

⁹ Там же, л. 29.

¹⁰ Там же, л. 33.

Особый интерес представляют описания старообрядческих селений, часовен и монастырей. В частности, описывается старообрядческая деревня Масельга на берегу Сегозера и часовня старообрядцев, находящаяся в нескольких верстах от деревни Лумбуши. Эта часовня примечательна тем, что старообрядцы собираются там по воскресеньям, а для богослужения используют книги, написанные около 145 лет назад, то есть еще при царе Михаиле Федоровиче. Священника у них нет, а богослужение ведут старейшие, которые умеют читать. Неф в этой часовне разделен на две части: одна мужская, другая – женская.¹¹ Особого упоминания заслуживает описание Даниловского старообрядческого монастыря в Суземке. Здесь Ромма и Павла Строганова принимал глава старообрядческого монастыря московский купец Андрей Борисов. При осмотре церкви и трапезной путешественник не заметил ничего особенного, кроме древности икон и картины, изображающей всевозможные человеческие пытки и муки, которые, по мнению старообрядцев, ждут грешника. Также в церкви не оказалось алтаря, так как священнослужителя не было. Далее Ромм снова возвращается к вопросу предопределения, покорности судьбе и бездействия против воли Божьей. Видя больных в лазарете, которые получают только духовное утешение и никакого облегчения физического, остается только посочувствовать, что люди, имевшие хорошие библиотеки и интересующиеся последними изобретениями и нововведениями, не знали о средствах лечения, известных на тот момент. Речь даже не идет о невозможности доставить эти средства в глухие карельские леса, просто здесь даже не предпринимали попыток этого сделать. Ромм также негодует, почему женщины, видя Андрея Борисова, кидаются ему в ноги и начинают благодарить, а тот, в свою очередь, не пытается их остановить. Он сравнил это с появлением Иисуса Христа, но с той оговоркой, что даже перед спасителем рода человеческого не нужно было бы так унижаться. В целом, путешественник понимает, что народу проще сломаться под деспотической властью, а «тело, погрязшее в нищете и сломленное усталостью и страданиями, сообщает душе робость, принижающую её».¹²

После Даниловского старообрядческого монастыря Ромм и его воспитанник направляются в Соловецкий монастырь. Здесь Жильбер Ромм счел нужным привести в пример целый преискуронт церковных услуг, за которые люди вынуждены платить деньги, например отпущение грехов, вместо того, чтобы приобрести на эти деньги хлеб.¹³ Особое негодование и вспышку гнева вызывает у путешественника тот факт, что огромное количество хлеба – около двух мешков в день, тратятся на кормление «священных птиц», то есть прожорливых чаек и голубей, которых неизвестно по какой причине почитают за святых. Можно, конечно, критиковать французского вольнодумца за неуважение к русским святыням и святости вообще, так как он не признает и почитание мощей, но надо также иметь в виду, что он видит во всем этом иррациональность. Ведь многих людей можно было спасти от голодной смерти, если бы хлеб, тратившийся на птиц, отдать крестьянам, живущим в округе.

Ромм также счел нужным показать своему воспитаннику монастырскую тюрьму и побеседовать с заключенными. Это, по мнению воспитателя, должно воспитать в человеке мужество и готовность переносить все невзгоды в жизни. Человек должен знать жизнь во всех её проявлениях, чтобы быть готовым принять любой удар судьбы.

Путешествие Жильбера Ромма и Павла Строганова заканчивается в Петрозаводске приблизительно в начале августа. Проехав по Карелии, сделав множество полезных наблюдений, научив своего воспитанника преодолевать трудности, Ж. Ромм оставил ценнейший источник по истории Карелии конца XVIII века. Особенность его состоит в том, что он кардинально отличается от записок русских путешественников, так как является своеобразным взглядом со стороны человека, обладавшего другим менталитетом. Кроме того, во Франции того времени уже начиналась революционная борьба. Поэтому данный взгляд на русскую действительность отличается особой ценностью.

Особого внимания заслуживает взгляд Ромма на религиозную ситуацию в Карелии и в России в целом. Он как никто другой хорошо видит церковные пороки, от которых страдает обычный народ. Очевидно, что церковь является институтом контроля над людьми, которым ничего не остается делать, кроме как смириться. В период путешествия по Карелии взгляды Ж. Ромма еще окончательно не сформировались, и его взгляды на религию и государственную власть четко не определены. Единственное, что можно сказать с уверенностью: он находится на стороне народа и полностью сочувствует ему. Эта тенденция сочувствия прослеживается на протяжении всего дневника. Она то и дает нам понимание исследовательского приема автора – оценить явление с точки зрения народа.

В 1786 году Ж. Ромм и его питомец – юный граф А. С. Строганов вернулись во Францию. Когда в 1789 году там началась революция, Ж. Ромм сначала не был ее сторонником, но впоследствии его взгляды эволюционировали. До революции он верил в возможности просвещенного абсолютизма, в то, что при помощи просвещенного монарха можно искоренить пережитки феодализма. В 1789 году Ромм не принимал активного участия в политической борьбе и лишь присматривался к ситуации. Затем он вместе с Павлом Строгановым стал посещать Учредительное собрание и вступил в ряды Якобинского клуба. В 1791 году Ж. Ромм избран в Законодательное собрание, а в 1792 году в Национальный конвент, где он занял место на скамьях радикальной партии монтаньяров. Он был не только активным политиком, но и ученым практиком. С его именем связан проект и введение республиканского календаря, применение светового телеграфа Шаппа. Ромм также активно

¹¹ Там же, л. 34.

¹² Там же, л. 52.

¹³ Там же, л. 66.

участвовал в антирелигиозном движении. Можно предположить, что окончательно его взгляды на религию оформились после путешествия по России и Карелии. Кроме того, следует сказать, что этот человек был очень требовательным к себе, о чем может сказать распорядок его рабочего дня: «Мой рабочий день, – писал он одному из друзей, – начинается в пять часов утра и заканчивается в 11 вечера. Так как работа мне дается нелегко, то я немного успеваю сделать за большое количество времени».¹⁴ После контрреволюционного переворота 9 термидора Ж. Ромм возглавил в 1795 году рабочее восстание 1 прериаля и был приговорен термидорианцами к смертной казни. При выходе из залы суда после объявления приговора он и пятеро его друзей покончили жизнь самоубийством, используя карманные ножи. Это был акт протеста и мужества, его личность стала легендарной. После его смерти стали ходить слухи, будто он не умер, а спасся и теперь ждет удобного момента, чтобы вернуться. Легенда оживилась в день переворота 18 брюмера 1799 года. В народе прошел слух, будто Ромм ходит по улицам Парижа в костюме национального представителя при армиях. Но данный слух был лишь результатом народной любви к Жильберу Ромму.

Список источников и литературы

Источники

1. Жильбер Ромм и его путешествие к Белому морю в 1784 году // Архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1., оп. 20., 89 л.
2. Жильбер Ромм. К истории русской образованности нового времени // Русский архив. 1887, № 1. С. 5–38.

Литература

1. Пулькин М. В. Жильбер Ромм у выговских раскольников // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 148–159.

*А. А. Паикова,
Петрозаводский государственный университет*

Миграции населения на территории Салминского и Сортавальского уездов в конце XVIII – начале XX века

Салминский и Сортавальский уезды в конце XVIII – XIX веках входили в состав Выборгской губернии, которая с 1812 года была включена в состав Великого княжества Финляндского. Поскольку территория этих уездов была заселена православными карелами и граничила с Олонецкой губернией, входившей в состав России, в Финляндии эти земли называли «Приграничная Карелия» (Raja Karjala). Между жителями «Приграничной Карелии» и карельским населением Олонецкой губернии возникали разного рода контакты и происходили миграции, как временные, так и приводившие к смене постоянного места жительства.

В XVIII веке часть земель Северного Приладожья была отдана в качестве «донационных» владений российским дворянам (придворным, офицерам и др.) или монастырям. Так, на протяжении XVIII – начала XIX века донационные владения находились в Импилахти, Салми, части Сортавальского уезда, Суоярви и Суйстамо. Сортавальский уезд, Импилахти и Суйстамо стали собственностью «короны», т. е. государства в 1797 году, Салми и Суоярви оставались зависимыми от донатариев в XIX веке.¹

Окончательно вопрос с донационными землями решился лишь после 1867 года, когда финляндский сейм решил выкупить донационные земли у их владельцев в собственность Финляндского государства с тем, чтобы передать впоследствии эту землю за небольшую плату крестьянам, которые эту землю обрабатывали. Выкупная операция длилась более 20 лет. За это время финляндская казна приобрела около одного миллиона гектаров земли и передала ее более чем пяти тысячам крестьянам. Выкуп длился долго, поскольку требовал больших средств, но результатом стало появление значительного количества мелких землевладельцев.²

Донационные крестьяне имели определенные ограничения в перемещении. Выход за пределы общины мог осуществляться только при наличии специального разрешения. Тем не менее, в отличие от русских крепостных, донационные крестьяне относительно свободно передвигались не только по местным, приладожским территориям, но и совершали поездки в Петербург. Для совершения такого путешествия необходимо было, однако, получить два разрешения. Одно – от донатария, и второе – от главного чиновника своего округа. Разрешение на отъезд обычно давалось на 1–2 года. В разрешении, или – как его тогда называли – «билете

¹⁴ Там же, л. 2.

¹ Paaskoski J. Suomen lahjoitus maat (1710–1826). Helsinki, 1997. S. 282–289.

² Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 63.

для свободного пропуска», удостоверялась личность, указывалось, куда отправляется человек, а также отмечался разрешенный срок пребывания вне территории родной общины. Разрешения эти предоставлялись не только для поездки в Петербург, но и для перемещения внутри Финляндии.³ По наблюдениям Ю. Пааскоски, гораздо большей свободой пользовались крестьяне тех донационных имений, в которых плата донатария осуществлялась в виде денежных и натуральных платежей, а не барщины.⁴ Вероятно, необходимость получения донатариями наличных денег и обуславливала их благожелательное отношение к отъезжавшим на заработки крестьянам. Таким образом, донационные крестьяне участвовали в миграциях, несмотря на свое более зависимое, чем у государственных крестьян, положение.

На протяжении XVIII–XIX веков на территории Салминского и Сердобольского уездов встречались миграционные потоки как со стороны России, так и со стороны Финляндии. Салминский и Сердобольский уезды в конце XVIII века принимали русское беглое население, по разным причинам бежавшее из центральной России на территорию Финляндии, которая в то время находилась во власти Швеции.

Перемещения русских в приграничную Карелию продолжались и в начале XIX века, часто они носили принудительный характер. Так, Аннинский завод (Аннантехдас) в общине Суоярви был основан первоначально на труде крепостных. В 1818 году на заводе работали 22 крепостных крестьянина. По замечанию Т. Хямюнена, все эти крестьяне были помещичьими крестьянами, численность которых вместе с семьями составляла 73 человека. Все они были доставлены для работы на заводе из России в деревню Каратсалми.

По примеру Аннинского завода было первоначально основано производство и в шахтах Питкяранты. Туда были доставлены крестьяне из Вологды. На протяжении действия завода русские постоянно участвовали в производственном процессе, однако, точных сведений об их численности не сохранилось.

Крупным промышленным центром в Сортавальском уезде были Рускеальские мраморные ломки, открытые в середине 1750-х годов. Первоначально планировалось, что рабочей силой на них будут безземельные жители Выборгской губернии. Впоследствии в качестве мастеров на ломки стали съезжаться в поисках заработка и квалифицированные рабочие из России.

Так, среди имен управляющих работами и мастеров, по спискам 1818 года, можно встретить чисто русские имена и фамилии, такие как Терентий Токарев (руководитель работ), Иосиф Ефремов (руководитель производства), Василий Субринский (мастер-каменотес). Так же известно, что на мраморных ломках применялся труд крепостных и солдат, пригнанных из России.⁵ Примечательно, что в разработке мраморных ломок принимали участие и беглые русские крестьяне, не только не подвергавшиеся преследованиям властей, но и нанимаемые на работу.

По документам, хранящимся в НАРК, известно, что в связи с усилением крепостного гнета в XVIII веке в России крестьяне из северных и центральных российских губерний бежали в Финляндию (в документах указывается шведская Финляндия). Северное Приладожье, таким образом, становилось перевалочным пунктом для таких миграций, причем часто перебежчики по разным причинам не прижившиеся в Шведской Финляндии, выбирали Приладожье в качестве постоянного места жительства. Так, за 1785 году только в один город Сердоболь прибыло 49 крестьян, ранее являвшихся государственными или «помещичьими», т. е. крепостными крестьянами. Впоследствии они все были записаны в мещанство города Сердоболя и работали на Рускеальской мраморной ломке. По происхождению крестьяне были архангелогородцами, жителями Новгородской губернии, Вологодского наместничества, а также Костромской провинции.⁶

Миграция имела и обратный характер. Приладожские карелы часто пересекали границу с Россией и уходили туда в поисках заработка. Уже в конце XVIII века жители Салминского и Сердобольского уездов уезжали в Петербург на заработки. В 1784 году из 174 мужчин, числившихся горожанами Сердоболя, 3 находилось на заработках в Петербурге (налоговый список учитывает все мужское население всех возрастов, число взрослых, трудоспособных мужчин был намного меньше).⁷

Своеобразным пунктом внутренних миграций в приграничной Финляндии была Сортавала. Центром ведения крупной и мелкой торговли была ярмарка, которая традиционно проходила в Сердоболе. Поскольку город располагался на северном побережье Ладожского озера, он являлся складочным местом товаров для всей верхней Карелии. Так, Ф. фон Кнорринг писал «Город этот – нечто вроде большого склада для всех карелов. 25 января здесь открывается большая ярмарка, постоянно ведется широкая торговля с Санкт-Петербургом».⁸

Городская ратуша заботилась о том, чтобы в дни ярмарки в городе царил порядок. Так, городским правлением издавались специальные постановления по регламентации городской жизни. Одно из таких постановлений, изданное в 1831 году перед началом зимней ярмарки, гласило: «На основании высочайшего постановления открывается здесь, в городе, с объявления сего ярмонка, которая имеет продолжаться 2 дня –

³ Paaskoski J. Suomen lahjoitus maat (1710–1826). Helsinki, 1997. S. 251, 282–289.

⁴ Paaskoski J. Suomen lahjoitus maat (1710–1826). Helsinki, 1997. S. 251, 282–289.

⁵ Ruskeala. Ruskealan pitajan muistokirja. Joensuu, 1966. S. 76.

⁶ НАРК.Ф. 813. Оп. 2, д. 23.

⁷ НАРК, Ф. 813, оп. 1, д. 1.

⁸ Gamla Finland eller Det fornda Wiborgska Gouvernement beskrifvet af Frans P. von Knorring, utnamid Kyrkoherde i Finstrom. 1sta Afdelningen. Abo. 1833. S. 254.

27 и 28 числа сего месяца, причем напоминаем всякому, чтобы соблюдалась тишина и благопристойность и умел каждый пользоваться правами званием его предоставленными».⁹

Своеобразной возможностью для жителей Приладожья на время уехать из родных мест была служба в ополчении. Помимо постоянно проводимых рекрутских наборов, в случае войны могли объявляться наборы в ополчение, куда могли пойти все желающие. Так, набор ополченцев был объявлен в связи с началом войны между Россией и Швецией в 1788 году. Сортавальское городское правление получило указ следующего содержания: «Для умножения войска нужно для обороны государства от нашего неприятеля короля шведского, дать людей, дозволите такое доброе дело произвести. В действие подписанного желающие, кто, откуда и в какое время людей допустить к оной службе, не только городских, разного звания пребывающих, но и тех, кто похотят в том участвовать». При этом обговаривались условия, предъявляемые к воинам: «Лишь бы только не были увечные, так и не моложе 18 лет и не старше 50, которые годные окажутся для укомплектования конной гвардии. При условии по прошествии настоящей с королем шведским войны, тотчас будут отпущены в дома их, их семейства будут освобождены от 20 рекрутских наборов».¹⁰

В конце XVIII века часто внутри Приладожья происходила мобилизация населения для совершения трудоемких, но необходимых работ. Происходили такие мобилизации и на территории Салминского и Сердобольского уездов. Так, в 1796 году «Выборгское наместническое правление указом предписало снарядить из обывателей Сердоболя 237 человек работников, отправить оных за присмотром сердобольской штатной команды во Фридрихсгам на крепостную работу».¹¹

В этом смысле интересна и просьба из сортавальского нижнего суда к сердобольскому городничему: «Дабы благоволил было к препровождению отправляемы были отсюда в Нейслотт 80 работников и наряда сердобольской воинской команды 4 человека».¹²

Отъезд населения за рубеж, «в шведскую сторону», т. е. в ту часть Финляндии, которая до 1809 года находилась под властью Швеции, был вполне реальной возможностью для карельского и русского населения, как Приладожья, так и Олонецкой губернии. Так, в 1796 году «из-за границы шведской стороны прошлого 1780 года мая 25 числа выбыл государственный крестьянин Трофим Кузьмин, отпущенный для жительства на основании данного ему губернской канцелярией Сердобольского уезда для свободного пути пропуск дан с тем, что он по прибытии в Сердоболь, явился в Выборг». Сам этот крестьянин был родом из Олонца.¹³ Известно, что отъезд за границу был усложнен в военное время, когда проводились дополнительные рекрутские наборы, поскольку бежавший мог быть рекрутом, призванным нести военную службу. Так, сортавальские городские власти писали: «Здесьшний сердобольский мещанин Адам Павлов Ниссинен в 1789 в январе месяце отлучился самовластно и без паспорта в военное время в Швецию и июля 5 числа явился в доме своем, которого за самовластную отлучку ваше высокоблагородие приказать одного мещанина Ниссина содержать впредь под караулом».¹⁴

В начале XIX века миграция финнов на русскую территорию также набирала такие обороты, что русское правительство было вынуждено ограничить данный процесс. Уже с 1809 года финны при переходе границы обязаны были предоставлять паспорт. Если же срок пребывания в России превышал три месяца, необходимо было получить соответствующий всем требованиям вид на жительство. В 1819 году была основана канцелярия Комитета по финляндским делам, в которую входило и паспортное бюро. В 1848 году возникло отдельное финляндское паспортное учреждение, находящееся в подчинении у госсекретаря канцелярии. Задача паспортного учреждения состояла прежде всего в выдаче виз, их обновлении, регистрации переходящего границу населения, а также включала в себя некоторые функции по сбору налогов. Также в ее обязанности вменялись и некоторые социальные функции, такие как юридические консультации частным лицам, а также помощь при распределении в школы и больницы.¹⁵

Одним из самых главных пунктов, куда приладожские финны и карелы отправлялись в поисках заработка, был Петербург. Первоначально они находили там лишь временные заработки, однако, многие оставались там навсегда, найдя для себя постоянное место работы. В XIX веке о Петербурге говорили как о «третьем самом крупном финском городе как в Финляндии, так и в России».

Прежде всего, финляндские подданные трудились в сфере услуг и ремесла, будучи в основном портными, сапожниками, часовщиками, выполняли они и работы по металлу. Некоторые финны занимались прибыльной профессией – были золотых дел мастерами. На заработки из Финляндии в Россию отправлялись и женщины, становясь в Петербурге поварами, горничными и домработницами. Помимо тех, кто оставался в Петербурге навсегда, было много и сезонных рабочих. Существенный доход приносил также извоз и торговые поездки из Приграничной Карелии в Петербург, которыми активно занимались жители Импилахти и Салми.

В основном, отток населения в Петербург наблюдался из Салми, Суйстамо и Импилахти. Общий отток населения из Приграничной Карелии составил в 1854–1878 годах 4008 человек.

⁹ НАРК, Ф. 820, оп. 1, д. 3.

¹⁰ НАРК Ф. 882, оп. 1, д. 23.

¹¹ НАРК. Ф. 882, оп. 1, д. 23.

¹² НАРК. Ф. 882, оп. 1, д. 23.

¹³ НАРК, Ф. 882, оп. 1, д. 23.

¹⁴ НАРК, Ф. 882, оп. 1, д. 23.

¹⁵ Hamynen T. Liikkeella leivan tahden. Helsinki, 1993. S. 83.

Помимо Петербурга, приладожские карелы отправлялись на работы в Олонецкую губернию. Жители Импилахти, Салми имели хорошие связи с Петербургом, тогда как жители Суоярви, Суйстамо и глубинных территорий Импилахти были больше ориентированы на Олонецкую губернию.

Интересно отметить, что на работы в Россию гораздо чаще уходили те, кто имел там близких родственников и хороших знакомых. Часто именно они информировали своих родственников-карел о реальном положении дел и возможностях заработка. Так, каждый третий житель Ките, получивший в 1856–1858 годах паспорт для отъезда на территорию России, имел родственника на территории России.¹⁶

Отток на работы осуществлялся в основном в годы неурожая и голода, когда население особенно остро нуждалось в дополнительных заработках. По замечанию Макса Энгмана, в тяжелые времена неурожая численность населения, уходящего в Олонецкую губернию и в Мурманский край, многократно увеличивалось. В основном, туда уходило население из сельской местности, когда почти половина переселенцев в Петербург были выходцами из городов. В начале XIX века отправляющиеся в Олонецкий уезд, проживали в основном в окрестностях города Олонца. В середине века поток миграции устремился в большей мере в окрестности Петрозаводска, а также на земли вепсов – в Шелтозеро (Суотярви). Большой популярностью также стали пользоваться работы на реке Свирь, в особенности промышленность в районе Сермаксы. В Петрозаводске финны также устраивались на работы на Александровском пушечном заводе. В середине века в Олонецкой губернии проживало 1500–2000 финнов-лютеран. Местами их проживания были Петрозаводск, Олонец, Лодейное поле, Повенец и Вытегра. Здесь финны работали в сфере металлургии (литье пушек), лесопильной и лесозаготовительной деятельности.

В 1854–1859 годах из Приграничной Карелии в Олонецкую губернию выехали на заработки 154 человека, в 1860–1869 годах – 310 человек, в 1870–1878 годах – 277 человек. В конце века этот процесс усилился. Так, в 1880 году из Приграничной Карелии в Россию выехало 450 человек. За XIX столетие в Олонецкой губернии только по официальным данным побывало около 4000 финнов. Половина из них проживала в Петрозаводске и его окрестностях. Большая часть этих финнов были финнами из Восточной Финляндии. В этом процессе активно участвовали и выходцы из Приграничной Карелии.

В 1880 году из Приграничной Карелии в Россию выехало 3233 человек, число пребывавших в России финнов составило 14 % от общей численности населения. Важно отметить, что большинство из находящихся в России были православными (86 %), причем свыше половины из них были женщинами.¹⁷

Мобильность населения и масштабы, которые принимала миграция в Россию, демонстрируют и документы по Салминскому приходу. Так, на 1909 год уехавшие в Россию на заработки составили 548 мужчин и 401 женщину, тогда как в других приходах Финляндии находились 104 мужчины и 108 женщин. Отъезд в Америку также был одним из направлений отъезда, но он был малочисленным – всего 3 мужчин и 4 женщины. Интересно проанализировать и происхождение жителей Салми. Из 7438 жителей Салми в других приходах Выборгской губернии родились 261 человек, в других губерниях Финляндии родилось 201 человек, родившиеся в России составили 184 человека. Таким образом, из 7438 салминцев 646 человек были неместного происхождения. В то же время, 1168 человек, т. е. как минимум каждый шестой житель общины находился за ее пределами, причем большинство проживали в России.¹⁸ Все это позволяет утверждать, что население Салми, не было стабильным, статичным, а изменялось под воздействием внешних причин.

В 1895 году в России проживало 2800 карелов из приграничной Карелии, причем женщины составляли 54 % от всех приезжих. В 1900 году в России проживало чуть менее 2000 приграничных карелов. Миграция в Россию продолжала сокращаться, и к 1910 году в России насчитывалось 1700 приграничных карелов. Уменьшение миграции в Россию объясняется прежде всего рентабельностью местных приладожских предприятий и разработок, при которых необходимость отъезда за границу исчезала. С началом Первой мировой войны приток вновь возобновился и составил к 1918 году свыше 2100 человек. В 1918 году из уехавших в Россию 77 % были православными, 55 % – женщинами.

Наибольший отток населения в Россию наблюдался из общин Салми, Импилахти и в меньшей степени – из общины Суйстамо. Жители Суоярвской общины еще в меньшей степени участвовали в этом процессе. Жителям Суоярви, наиболее отдаленной от границы общины, в обязательном порядке требовался паспорт для пересечения границы с Россией, тогда как жители приграничных общин (Салми, Импилахти) часто пересекали границу без паспорта. Жители Корписелька и Соанлахти также мало участвовали в этом процессе. Жителям Соанлахти, к примеру, не требовалось совершать длительные поездки на заработки в Россию, поскольку они могли трудиться на расположенных неподалеку от них промышленных предприятиях в Вяртсилье и Ляскеля.¹⁹

Многие карелы из Приграничной Карелии пересекали границу с Россией нелегально, не имея при себе паспорта. Особенно этот процесс оживлялся во время больших праздников, когда ежедневно границу пересекали сотни человек. Должностные лица, стоявшие на границе, не предъявляли жестких мер к нарушителям

¹⁶ Kauppinen P. Ita-Suomesta Venäjälle / Eraitä piirteitä vaeston liikkuvuudesta 1856–1858 // Kahden Karjalan valilla. Kahden Riikin riitamalla Joensuu .S. 93.

¹⁷ Hamynen T. Liikkeella leivan tahden. Helsinki, 1993. S. 86.

¹⁸ НАРК. Ф. 833, оп. 1, д. 10.

¹⁹ Hamynen T. Liikkeella leivan tahden. Helsinki, 1993. S. 86.

границы. Часто вместо паспорта можно было перейти границу, имея при себе лишь данное местным старостой удостоверение личности, написанное часто на обычной картонной бумаге.²⁰

В конце XIX века бурное развитие промышленности в Северном Приладожье привлекало все больше новых людей, готовых прибывать для работы не только из соседних финских губерний и из России, но и из Германии, Швеции и Прибалтики. Однако русские составляли преобладающее большинство. Искателей работы привлекали прежде всего горная и лесопильная промышленность Питкяранты (селение в общине Импилахти), добыча железа при Аннинском заводе (Аннантехдас) в Суоярви, а также промышленные предприятия в селениях Тулема и Ууксуйоки общины Салми.²¹ Кроме того, на протяжении всего изучаемого периода в Сортавальском уезде действовали Рускеальские мраморные ломки.

По косвенным свидетельствам в Импилахти, в частности на предприятиях Питкяранты, проживало большое число русских. Так, в церковные книги Ките (крупного поселения в Импилахти), русские могли попасть, если рождались, вступали в брак или умирали на этой территории. За 1880–1918 годы в церковных книгах Ките упоминаются 534 таких случая.

Известный финский исследователь Северного Приладожья Тапио Хямюнен называл Питкяранту «финским Вавилоном», поскольку в ней звучала речь на самых разных языках – финском, русском, немецком, шведском, английском, французском языках.²² «Подушный список рабочих на предприятиях Питкяранты»²³ от 1882 года, в противовес устоявшемуся мнению о полиэтничности предприятий Питкяранты, показывает, что большинство из работающих там были выходцами из местных приладожских общин и близлежащих к ним деревень – Импилахти, Сумерия, Керисюръя, Мурсула, Уомайс. Наибольшее же число работников происходило из Сортавалы и Вяртсиля. Одна семья приехала из Петербурга. Объяснение этому факту легко найти. Дело в том, что в списке рабочих указаны лишь рабочие и мастера, которые действительно набирались большей частью из местных жителей. Выходцы из Петербурга и иностранцы, скорее всего, являлись организаторами и руководителями производства и в этом списке просто не числились.

Русские прибывали в основном из Новгородской и Олонецкой губерний. Незначительная часть приезжих были родом из Новой Ладogi, Устюга и Тихвина. Некоторую часть из пришедших на заработки составляло прибывшее из Кеми и Архангельска безземельное население. Хотя Приграничная Карелия имела тесные торговые отношения с Петербургом, его жители довольно редко приезжали на заработки в Ладожскую Карелию. В Приладожье петербуржцы выступали в большей мере в качестве организаторов производства, инженеров и руководителей фирм. В качестве единичных исключений, среди приезжего населения можно было встретить выходцев из Владимирской и Рязанской губерний.²⁴

Приток населения и длительность его пребывания на новой территории зависела от рентабельности и успешности предприятий, для работы на которых и осуществлялся приток населения. Так, в расцвет деятельности Питкярантского предприятия в Импилахти за 1880–1890-е годы лютеранская община пополнилась 1100 приезжими, православная же лишь 97 членами. После закрытия Питкярантского предприятия в 1904 году, Импилахти покинуло 722 человека. Многие из тех, кто работал на Питкярантском предприятии, нашли работу на предприятиях Харлу и Вяртсиля. В конце века новый приток населения был связан со все набирающей обороты лесозаготовительной деятельностью.

За указанный период в общине Салми также наблюдался большой приток рабочей силы извне, причем среди приезжих было значительное количество православных. Прежде всего в Салми привлекала набирающая обороты лесопильная деятельность и продажа леса в Петербург, организованная братьями Хозяиновыми. Кроме того, в Котканиemi действовало акционерное общество “Паровая лесопилка Ладожской древесины”.

Таким образом, в начале XX века Салми и Импилахти были главными общинами, куда направлялось на работы приезжее население. Корписелька и Суоярви в отношении новых рабочих мест не представляли большого интереса, следовательно, и приток нового населения в эти общины был гораздо меньшим.²⁵

В связи с развитием в Приладожье промышленности приток населения на заработки осуществлялся и из Финляндии. Так, 1878–1916 годы характеризуются притоком лютеранского населения из Финляндии. За указанный период на территорию Приграничной Карелии прибыло 9306 человек и в то же время покинуло – 8266 человек. Соответственно, прирост составил 1040 человека. Приезжие главным образом пополняли лютеранские общины – 7253 (78 %) человек. Но лютеране, в основном, и покидали пределы приграничной Карелии (6011 человек, или 73 %) от общего числа уехавших. Православная активность в этом отношении была гораздо слабее. Так, за указанный период в приладожские общины прибыло лишь 2053 православных, или 22 % от всего прибывшего населения. Важно отметить, что количество прибывших ненамного компенсировало количество убывших с указанной территории. Количество убывших составило 2255 человек. Таким образом, православное население в указанный период убывало, и убыль составила 202 православных.

²⁰ Hamynen T. Liikkeella leivan tahden. Helsinki, 1993. S. 87.

²¹ Hamynen T. Liikkeella leivan tahden. Helsinki, 1993. S. 161.

²² Hamynen T. Liikkeella leivan tahden. Helsinki, 1993. S. 163.

²³ НАРК. Ф. 816, оп. 1, д. 3.

²⁴ Hamynen T. Liikkeella leivan tahden. Helsinki, 1993. S. 91.

²⁵ Hamynen T. Liikkeella leivan tahden. Helsinki, 1993. S. 81.

Место рождения переехавших на постоянное место жительства в Салминский уезд на 1920 год²⁶

Место рождения (губерния)	Лютеранская община		Православная община		Всего	
	Человек	%	Человек	%	Число	%
Уусимаа	25	0,7	3	0,1	28	0,5
Турку и Пори	38	1,1	0	0	38	0,6
Хяме	21	0,6	0	0	21	0,4
Выборг	1386	40,4	907	37,5	2293	39,2
Миккели	22	0,6	9	0,4	31	0,5
Куопио	1061	30,9	920	38,1	1981	33,9
Вааса	12	0,4	0	0	12	0,2
Оулу	35	1,0	0	0	35	0,6
Россия	36	1,1	537	22,2	573	9,8
Другие местности	3	0,1	0	0	3	0,1
Неизвестно	781	23,1	42	1,7	823	14,2
Всего	3420	100,0	2418	100,0	5838	100,0

В Сортавальском же уезде в последней четверти XIX века центром притяжения населения Приладожья стала основанная в 1880 году меценатами Германом и Елизаветой Халлонблад учительская семинария. Сразу после открытия Сортавальской учительской семинарии, осенью 1880 года, к учебе приступили студенты из Импилахти, Куркийоки, Рускеала, Тохмаярви, Укуниemi и Вяртсиля. С первых лет существования семинарии она поставила главной целью подготовку финских национальных учительских кадров.²⁷ Учащиеся семинарии набирались из местных приладожских общин, изредка из остальной Финляндии. Учеников из России не было.

В школах Сортавалы в начале XX века образование также получали дети из прилегающих селений, о чем свидетельствуют сохранившиеся списки учащихся. Так, списки учащихся подготовительной школы в Сортавале,²⁸ Сортавальского женского училища,²⁹ Сортавальского реального лицея³⁰ свидетельствуют о том, что учащиеся этих школ были не только сами сортавалцы, сколько жители соседних общин – Импилахти, Яккима, Ките, общины Сортавала, Тохмаярви, Рускеала, Куркиеки, Укуниemi и т. д.

Период с 1880 года по 1920 год характеризуется стремительным увеличением численности городского населения Сортавалы. За каждые 10 лет прирост населения составлял до 66 %. Так, если в 1880 году в городе проживало 890 человек, то уже через 10 лет к 1890 году население достигло 1336 человек. Таким образом, произошел прирост равный 66,5 %. Еще через 10 лет, в 1900 году, вновь произошло увеличение более чем наполовину. В Сортавале в 1900 году жили 2041 человек. Таким образом, прирост опять же составил 65,5 %. Еще через 10 лет прирост вновь составил 66 %. Так, в Сортавале на 1910 год числилось 3085 человек. Далее, к 1920 году население города достигает цифры в 3877 человек. Естественный прирост составил 79,5 %.³¹

Столь высокие темпы увеличения населения имеют объяснение. Дело в том, что период с 1880 по 1918 год был временем индустриализации Сортавалы. Открывающиеся предприятия давали новые рабочие места, люди из деревень и пригородных селений стремились попасть в город, который пусть не давал лучших условий жизни (трудовой день рабочих достигал 12–13 часов в сутки), но, по крайней мере, гарантировал стабильный, не зависящий от природных катаклизмов доход. Если сельский житель боялся недорода, который всегда приносил ему голод, то житель города был более уверен в своем будущем, поскольку город давал широкий спектр применения сил, давал новые возможности. К тому же молодежь, переезжающая в город, была мотивирована на более насыщенную культурную жизнь, чем та, что текла в деревне. Если еще полвека назад культурная жизнь и быт горожан были сходны с сельской местностью, то последняя четверть принесла такие новшества, как многочисленные спортивные организации, клубы по интересам, общественные организации. Городской образ жизни имел многочисленные преимущества по сравнению с сельским, в особенности для молодежи. Таким образом, жители Северного Приладожья стремились остаться жить в Сортавале, получить образование, повысить свой социальный статус.

Сортавала была еще и центром медицинского обслуживания. Жители Салминского и Сортавальского уездов до начала XX века не имели собственных больниц, а поступали на лечение в сортавальскую больницу.³²

²⁶ Hamynen T. Liikkeella leivan tahden, Helsinki, 1993. S. 82.

²⁷ Kemppinen I. Sortavalan seminarin historia. Helsinki, 1969. S. 119.

²⁸ НАРК. Ф. Ф. 856, оп. 1, д. 2.

²⁹ НАРК. Ф. 841, оп. 1, д. 8.

³⁰ НАРК. Ф. 870., оп. 1, д. 1.

³¹ Karttunen Y. Sortavalan kaupungin historia. Sortavala, 1932. S. 343.

³² Hamynen T. Liikkeella leivan tahden. Helsinki, 1993. S. 78.

Так, в 1877 году в больнице на лечении находились 22 человека из Импилахти, 1 человек из Ките, 17 человек из Салми, 3 – из Суоярви, 1 – из Корписельки, 1 – из Суоярви.³³

Большое влияние на миграцию населения оказывали приграничные семейно-брачные связи. В этой области гораздо большее внимание уделялось не личным привязанностям: в новом члене семьи видели прежде всего нового работника или работницу. Выбор жениха и невесты происходил как по любви, так и по желанию родителей. Выбор супруга или супруги был особенно затруднен в донационных владениях. Так, крестьяне, проживавшие на этих землях, считались собственностью донатария и крестьянки не могли свободно выходить замуж и покидать общину, поскольку при таком исходе донатарий лишался рабочей силы. Тем не менее, в судебных документах конца XVIII – начала XIX века не сохранилось сведений, согласно которым донатарий или смотритель за усадьбой категорически запрещали такие браки, при которых девушка должна была покинуть родную общину. Время от времени возникали ситуации, когда жених вынужден был по требованию донатария выполнить большой спектр работ, включая поденные работы, перевозки и натуральные платежи в таком объеме, который бы взимался с девушки, собирающейся покинуть донационное владение.³⁴ По мнению финского историка Ю. Пааскоски, донационные крестьяне пользовались гораздо большей свободой, нежели русские крепостные, и выбор супруга или супруги не подвергался категорическому, четкому контролю со стороны донатария.³⁵

Браки между российскими и приграничными карелами были в конце XVIII – начале XX века довольно редки, и были скорее исключениями, чем правилами. Прежде всего, церковные запреты были направлены против создания семьи, в которой супруги придерживались разного вероисповедания. Если такой брак и заключался, дети в обязательном порядке крестились в православную веру. Весь XVIII век православные священники отказывались венчать пары придерживающихся разных вероисповеданий и только после воссоединения двух Финляндий, в 1812 году, этот запрет был снят. Дети, рожденные от смешанных браков, принимали религию отца, и только незаконнорожденные заимствовали веру от матери. В целом, на протяжении всего XIX века духовенство как лютеранской, так и православной конфессий неодобрительно относилось к таким бракам. Либерализация в этом отношении произошла в 1906 году, когда Николай II издал закон о свободе совести, печати, собраний.

По мнению Т. Хямюнена, к смешанным бракам с большим одобрением относились в тех общинах, в которых лютеране составляли большинство. Так, в общинах Соанлахти и Импилахти священники никаким образом не препятствовали заключению этих браков. Впрочем, если местный священник и отказывался заключать смешанные браки, можно было совершить поездку в Петербург и венчаться там. Еще одним способом венчания таких пар была смена конфессий одного из венчающихся.

Случаи, когда один из супругов был родом из России, особенно часто были распространены в общинах Салми и Суоярви. Расцвет таких браков также можно наблюдать в период деятельности промышленности на Питкярантских заводах в Импилахти (1890–1900), когда на работу туда русские прибывали в массовом порядке. Дело в том, что нравственный климат в полиэтнических промышленных общинах был гораздо более демократичным, нежели в традиционных селениях, не затронутых индустриализацией. За период 1880–1917 годов жители Импилахти заключали браки с представителями православной конфессии в среднем два раза в год, в Салми – шесть, в Суоярви – четыре. С начала XX века у Салми и Суоярви установились устойчивые связи с Олонецкой Карелией, что не могло не отразиться на количестве заключенных браков.

Жители общины Рускеала довольно редко заключали браки с русскими. Обычно пару для себя искали в близлежащих от Рускеалы деревнях или в Сортавале.³⁶

По документам, хранящимся в НАРК, за 1903–1907 годов из 31 известного случая отъезда жителя Салми за пределы общины только в 5 случаях жители переезжали в Новгородскую губернию, 1 салминец – в Тверскую губернию. Остальные 25 человек направились в Олонецкую губернию. Большинство из убоивших составляли женщины, покинувшие родные места после замужества.³⁷

В 1910 году среди всех браков, заключенных в Салми, пятую часть составляли браки, заключенные со стороны России. Такая же ситуация наблюдается и в Суоярви, где также каждый пятый брак в 1911 и 1916 годах был браком с русским или русской.

Жители Суоярви и Салми традиционно заключали браки с девушками из Олонецкой губернии. Деревня Ките (община Импилахти) представляла собой исключение – 59 % девушек там выходили замуж за русских, которые были родом из России, но не из Олонецкой губернии.

Случались, хотя и были скорее исключением, браки между жителями Северного Приладожья и центральной России (Тверской, Витебской, Вологодской, Ярославской, Минской и Костромской губерний).

³³ НАРК, Ф. 829. оп. 1, д. 2.

³⁴ Paaskoski J. Suomen lahjoitus maat (1710–1826). Helsinki, 1997. S. 249, 282–289.

³⁵ Paaskoski J. Suomen lahjoitus maat (1710–1826). Helsinki, 1997. S. 249, 282–289.

³⁶ Ruskeala. Ruskealan pitajan muistikirja. Joensuu, 1966. S. 51.

³⁷ НАРК. Ф. 833, оп. 1, д. 36.

Число браков между жителями приграничной Карелии и России в 1880–1918 годах³⁸

Местность	Супруг или супруга из России	%	Общее количество браков
Импилахти	46	4	1229
Салми	171	8	2224
Суоярви	115	9	1312

Интересно отметить, что в случае заключения браков между приладожскими карелами и жителями России, супруги чаще всего переезжали в Олонец или какой-либо другой город России. Так, в Вешкелицах (Вескелюс) Петрозаводского уезда в 1880–1901 годах проживало 189 жителей Суоярви, большей частью переехавших из деревни Хаутаваара (60 %). Всего выходцев из Суоярви было 165 мужчин и 24 женщины. Также в Вешкелицах было множество выходцев из приграничных деревень Салмиярви, Леппяниеми, Куйкканиеми.

Олонецкая Карелия была неслучайно выбрана в качестве места выбора супруга или супруги. Эта губерния была не менее развитой в промышленном плане, и переехавшие в нее могли найти не худшие рабочие места, чем в родном Приладожье. Кроме того, люди, вступающие в брак с представителями Олонецкой Карелии или другой части России, ничего не теряли, поскольку выбирали себе в качестве супруга или супруги человека из той же социальной группы. Так, известный приладожский купец второй гильдии из Салми Михаил Федорович Хозяинов взял в жены дочь олонецкого второй гильдии купца Марию. Из приехавших в Вешкелицы (Вескелюс) суоярвских мужчин большинство были рабочими и представителями беднейшего населения. В Олонце они женились на дочерях крестьян и в будущем получали возможность стать хозяевами небольшого участка земли с домом. В метрических книгах Ките имеются сведения, что русские девушки из рабочего сословия выходили замуж за бюргеров. Таким образом, выгодная женитьба предоставляла возможности для повышения своего социального статуса.

Таблица 3

Браки приграничной Карелии и жителями Олонецкой губернии в 1880–1918 года³⁹

Социальное происхождение жениха	Суоярви		Салми		Питкяранта		Вескелюс	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Жених и невеста из одного сословия	82	71	106	62	25	54	11	6
Жених из более высокой социальной группы, чем невеста	27	24	37	22	9	20	168	89
Жених из более низкой социальной группы, чем невеста	6	5	28	16	12	26	10	5
Всего	115	100	171	100	46	100	189	100

Таким образом, население жителей Северного Приладожья, а именно Сердобольского и Салминского уездов не было статично. Россия и Приграничная Карелия были связаны между собой экономическими и брачными контактами. Салминский и Сердобольский уезд в конце XVIII – начале XIX веков был труднодоступной, отдаленной от центральной России территорией, которая рассматривалась в качестве надежного убежища для беглых крепостных крестьян. Представляла она и некоторый экономический интерес – на Рускеальские мраморные ломки, шахты Питкяранты и Аннинский завод (Аннантехдас) прибывали как русские крепостные крестьяне, так и свободные мастера и чиновники, стремящиеся заработать.

В конце XIX – начале XX века в связи с развитием промышленности и ростом лесозаготовок Салминский уезд превратился в рынок труда не только для местного финского населения, но и для жителей России. Это послужило мощным стимулом для миграции русских. Помимо этого, на протяжении XVIII – начала XX веков между приграничной Карелией и Россией существовали непрерывные торговые контакты. Северное Приладожье не могло обойтись без купленного в России хлеба, Россия же видела в приладожских купцах поставщиков пушнины и рыбы и отчасти сельскохозяйственной продукции.

Кроме того, между Россией и Приграничной Карелией с начала XIX века в связи с разрешением венчать православных и лютеран (1812 год), активно развивались брачные контакты. Таким образом, в этническом плане Приграничная Карелия, в частности Салминский и Сердобольский уезды, быстро русифицировались.

Салминский и Сортавальский уезды предоставляли также рабочие места и жителям центральной Финляндии, явление это в большей мере относится к концу XIX – началу XX веков и опять же связано с растущей индустриализацией изучаемого региона.

³⁸ Hamynen T. Liikkeella leivan tahden. Helsinki, 1993. S. 61.

³⁹ Hamynen T. Suomalaistajat venelaistajat ja rajakarjalaiset. Joensuu, 1995. S. 31.

Ландкарта Олонецкого уезда (1728 г.) как источник социально-экономической информации по истории Карелии раннего нового времени

Картографические материалы XVIII в. наряду с географическими описаниями являются ценными историческими источниками, способными передавать информацию не только о ландшафте земной поверхности, но и об уровне социально-экономического развития показанных территорий. Из-за ограниченности комплекса источников по истории раннего Нового времени старинные карты зачастую являются единственными документальными свидетельствами, позволяющими выявить количество и расположение таких значимых с социальной точки зрения объектов как населенные пункты, монастыри, заводы.

Картографические источники допетровского времени сохранились в виде отдельных экземпляров. С точки зрения историка второй половины XIX – начала XX вв. Владимира Ивановича Ламанского, к утрате чертежей в большинстве случаев приводили плохие условия хранения.¹ Наиболее ранние карты территории Карелии были созданы в петровскую эпоху. В качестве исключения может рассматриваться чертеж города Олонца, выявленный в ходе многолетней исследовательской работы профессором географического факультета МГУ Владимиром Святославовичем Кусовым.² Однако этот схематичный план, показывающий только крепостные стены и весьма приблизительно местность вокруг города Олонца, был весьма ограничен как по территориальному охвату, так и по информативности.

Отсутствие картографических произведений осложняло проведение административного и военного планирования. Правительство Петра Великого стало активно приглашать зарубежных картографов для составления карт стратегически важных территорий. Между тем началась подготовка собственных геодезических кадров, что позволило бы в будущем сделать создание карт менее зависимым от иностранцев.³ Подготовка специалистов в области геодезии требовала длительного времени, поэтому власти использовали помощь учеников навигацких классов для проведения топографических работ.⁴

Из-за конфликта со Швецией территория Олонецкого уезда приобрела стратегическое значение, ведь весьма близко от границы с грозным соседом располагались Петровские металлургические заводы, верфи и пильные мельницы. Во время завершающей стадии Великой Северной войны правительство было заинтересовано в создании точной пограничной карты, поэтому для фиксации пограничной линии 29 сентября 1718 г. в Олонецкий уезд был направлен генерал-майор Михаил Афанасьевич Матюшкин с учениками-землемерами.⁵ Результаты работы Матюшкина были обобщены на пограничной карте. Основное внимание было уделено линии границы со Шведским королевством, из населенных пунктов были показаны лишь наиболее крупные приграничные поселения.

Обучение достаточного количества геодезистов позволило начать проведение более детальных топографических изысканий. Согласно указу Сената от 9 декабря 1720 г. пятнадцать «команд» (отрядов) были направлены в провинции и уезды для проведения топографических работ. Первые поколения выпускников Навигацкой школы еще не имели достаточных познаний в области практической геодезии и не успевали выполнить съемки в указанный срок.⁶

В сложившейся ситуации правительство увеличивало количество занятых на съемках геодезистов, посылая для картографирования трудоемких районов наиболее опытных из них. Исследователь Мария Григорьевна Новлянская отмечает, что в 1721 г. преподаватель Санкт-Петербургской Морской академии Аким Федорович Клешнин был направлен для разграничения «новоучрежденной границы между государством Российским и королевством Шведским», а уже в 1723 г. императору Петру Великому была представлена составленная им пограничная карта.⁷

В 1726 г. геодезист Аким Клешнин и его ученик Алексей Жихманов, завершив картографирование территории Кесогольского уезда, приступили к созданию «Ландкарты Олонецкого уезда». В январе 1728 г. статс-секретарь Сената Иван Кирилов преподнес карту на рассмотрение малолетнего императора Петра II, а в 1730 г. Алексей Зубов гравировал её в типографии Киприанова.⁸

Ландкарта Олонецкого уезда была включена в изданный в 1734 г. атлас Всероссийской империи. В 1956 г. атлас был переиздан археографической комиссией Академии наук. Доцент географического факультета ЛГУ

¹ Ламанский В. И. Старинная русская картография // Вестник Русского географического общества, 1898. Т. 27. С. 12.

² Кусов В. С. Картографическое искусство Русского государства. М., 1989. С. 10.

³ Багров Л. История Русской картографии. М., 2005. С. 326.

⁴ Чернякова И. А. О чем мне не сказал Элиас Лённорт... К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск, 1998. С. 58.

⁵ Чернякова И. А. О чем мне не сказал Элиас Лённорт... С. 58.

⁶ Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1989. С. 38, 41.

⁷ Новлянская М. Г. И. К. Кирилов и его атлас Всероссийской империи. М. ; Л., 1958. С. 7.

⁸ Ландкарта Олонецкого уезда с показанием города Олонца, погостов, монастырей, заводов железных и медных, деревень, рек, озера Онежского и других многих и часть ладожского озера // Атлас Всероссийской империи. СПб., 1934. Л. 5.

Федор Алексеевич Шибанов составил детальное описание к каждой карте.⁹ Карта Олонецкого уезда была рассмотрена в качестве источника по истории Карелии исследователями Владимиром Пименовым и Евгением Эпштейном в 1969 г.¹⁰ Несмотря на то, что карта была введена в научный оборот, ее использование ограничивалось географической неточностью источника, которая обусловила необходимость критического анализа содержащейся на карте информации.

Для введения ранних картографических произведений в научный оборот доцент исторического факультета ПетрГУ Ирина Александровна Чернякова предложила целенаправленно выделять на старинной карте ряд информационно-тематических слоев: населенные пункты, дороги, а также объекты приграничной инфраструктуры – таможи и заставы. На следующем этапе предложенной методики предполагается перенос этих объектов со старинной карты на современную топографическую основу для сопоставления с данными письменных источников и последующего анализа.¹¹ Было решено использовать данный метод для источниковедческого анализа карты Олонецкого уезда.

Ландкарта Олонецкого уезда предоставляет нам ценнейшую информацию об административной структуре края, расположении населенных пунктов, монастырей и пустыней, заводов и водных мельниц.¹² Изучение хранящегося в РГАДА каталога Олонецкого уезда, составленного Акимом Клешнинным к этой карте, подтвердило нашу гипотезу о том, что часть населенных пунктов и рек с водяными мельницами не была отражена на карте по причине ее мелкого масштаба.

Для верификации информации о церковных объектах, нанесенных на карту, были использованы данные переписных книг Олонецкого уезда 1678 г. о количестве храмов в крае. Затем полученные данные были сопоставлены с данными о количестве нанесенных на карту волостных центров, где нередко располагались церкви. Результаты исследования показали, что за полвека количество церквей в северной части уезда оставалось практически неизменным, в то время как в южной части произошло значительное увеличение количества волостных центров, что дает основание предполагать и соразмерное увеличение количества приходов. Следует учитывать, что постройка церкви и создание иконостаса внутри нее требовали значительных вложений денежных средств, поэтому данные о расширении приходской сети могут отчасти служить доказательством роста благосостояния в крае.

Из объектов промышленной инфраструктуры на карте было показано три железоделательных, один медный завод и тридцать шесть водных мельниц. О тех местах, где мельницы располагались каскадами от трех единиц (по реке Ломолаза на озере Туломозере, на притоке реки Свирь Ивине), можно с уверенностью говорить как о центрах лесопиления, поставлявших свою продукцию Олонецкой верфи и на строительный рынок в Санкт-Петербург. По данным Каталога карты, в крае находилось 157 мельниц, однако их, а также малые речушки не удалось показать на карте из-за мелкого масштаба.

Помимо промышленных объектов довольно подробно показана дорожная сеть. Главная дорога проходила от уездного города Олонца через слободу при Петровских заводах до Бадожского завода, располагавшегося за южной границей уезда. Показанная на карте главная дорога являлась почтовым трактом, что подтверждает наличие станции для смены лошадей – «половинной подставы». Проселочные дороги образовывали развитую сеть, за исключением северной части уезда.

Важным этапом верификации картографических источников являлся перенос объектов социально-экономической инфраструктуры со старинной карты на современную топографическую основу. При отработке методики 150 из 650 населенных пунктов, нанесенных на карту Олонецкого уезда 1728 г., были локализованы и перенесены на современную топ-основу. При привязке населенных пунктов к современной системе координат нами активно использовалось ориентирование по гидронимам, урочищам, топонимам и современным названиям населенных пунктов. Во многих случаях мы наблюдаем сохранение исходных названий населенных пунктов или окружающих их гидрографических объектов (в частности, поселенческая структура северной части уезда с высокой вероятностью локализуется на современной карте). Следует отметить, то при использовании карт Генерального межевания процент локализованных объектов на современной карте может быть значительно выше за счет уточнения информации о населенных пунктах, расположенных в южных областях уезда.

Подводя итоги, необходимо отметить, что карта Олонецкого уезда является ценным историческим источником. Большое количество показанных населенных пунктов позволяет рассматривать карту как список населенных мест, обобщенный в графическую форму. В свете того, что рассматриваемое картографическое произведение явилось первым опытом картографирования всей территории Олонецкого уезда, его ценность для различных научно-исторических исследований весьма значительна. Результаты верификации этого исторического источника могут быть выражены в виде исторической карты, созданной путем перенесения объектов со старинных картографических источников на современную топографическую основу.

⁹ См. подр.: Новлянская М. Г. И. К. Кирилов и его атлас Всероссийской империи. С. 46, 47.

¹⁰ Пименов В., Эпштейн Е. Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII и XIX вв. Петрозаводск, 1969. С. 10.

¹¹ Чернякова И. А. Опыт использования технологий ГИС для создания электронной тематической карты «Северо-Западное Российское приграничье в XVIII веке» на базе старых картографических произведений. [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК, 2006. №1–2. – Режим доступа: http://illmik.onego.ru/news/New_Results/D43E4DC5-894E-402D-85AC-8D782656E280.html. – Загл. с экрана. – Яз. рус. Проверено 20.03.2009.

¹² Ландкарта Олонецкого уезда... Л. 5.

Лесопильные заводы побережья Онежского озера во второй половине XIX – начале XX века

Во второй половине XIX века в Олонецкой губернии получила большое развитие лесная промышленность. Причинами ее быстрого развития были наличие огромных запасов лесов, удобные водные пути сообщения, связывавшие Олонецкую губернию с Петербургом, развитие пароходного сообщения, усиление спроса на древесину в условиях пореформенного развития и др. Так, развитие пароходства создало благоприятные условия для вывоза лесоматериалов на российский рынок и организацию лесного экспорта через Петербург из Прионежья, ставшего в 1860-е – 1890-е годы ведущим районом лесозаготовок.

К числу крупнейших лесопромышленников в Карелии следует отнести предпринимателей Беляевых, которые, начиная с 1850 года, построили до десятка лесопильных заводов в Петербургской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерниях. Лесопромышленники Беляевы, владевшие во второй половине XIX – начале XX веков несколькими лесопильными заводами в Северной России, сыграли свою роль не только в истории лесной промышленности и предпринимательства дореволюционной России. Митрофан Петрович Беляев (1836–1903) был крупнейшим меценатом, внесшим огромный вклад в развитие русской музыки, Сергей Петрович Беляев (1847–1911) был активным политическим деятелем, членом ЦК партии октябристов.

Но все же в основе всех причуд и пристрастий представителей рода Беляевых, а также тех опасностей, которые им угрожали, было их семейное дело – руководство работой нескольких больших лесопильных заводов, находившихся в четырех губерниях севера России.

Основателем этого рода был Выборгский купец первой гильдии (с 1854 года – петербургский купец первой гильдии, с 1856 года – потомственный почетный гражданин), а затем коммерции советник Петр Авраамович Беляев (1800–1880).¹ В середине 1850-х годов он создал лесопромышленную и лесоторговую фирму «Петр Беляев с сыновьями». В 1851 году П. А. Беляев основал вододействующий лесопильный завод в деревне Уница Повенецкого уезда Олонецкой губернии. В 1879 году это был крупнейший из восьми лесопильных заводов Олонецкой губернии, там было занято 35 рабочих, которые произвели пиломатериалов на 190 тысяч рублей.² В 1890 году на Уницком заводе уже было 43 рабочих, которые произвели продукции на 114 тысяч рублей. Уже тогда при заводе имелись школа и больница.³ По данным на 1895 год, Уницкий завод действовал только 216 дней в году, в качестве двигателя использовалось одно водяное колесо, на заводе было занято 43 человека, завод произвел досок на 111344 рублей. В 1900 году там работало уже 65 взрослых рабочих и было произведено продукции на сумму около 125 млн рублей.

Петр Авраамович Беляев имел в собственности каменные дома на Коломенской улице, 34, и Николаевской улице, 15, где проживал с сыновьями Митрофаном, Григорием, Сергеем и Яковом. С 1880 года в делах фирмы участвовали сыновья П. А. Беляева. В 1884 году, после выхода из дела, фирму возглавил второй сын – Сергей Петрович. В 1893 году дело было преобразовано в товарищество на паях с капиталом 1325 млн рублей (265 именных паев по 5000 рублей). Товарищество специализировалось на производстве и продаже лесоматериалов в Российской империи и за границей, перевозка грузов осуществлялась собственными паровыми буксирами и баржами.⁴ Также в 1893 году был образован торговый дом (товарищество на вере) «Беляев А. П. и К^о». Капитал составлял 60 тысяч рублей (59 тысяч рублей – вклад полных товарищей и 1 тысяча рублей – непоименованного вкладчика). Полными товарищами являлись британские подданные Альфред Петрович Беляев и Эдмунд Томас Джеллибран. Последний состоял директором товарищества «Шлиссельбургская ситценабивная мануфактура». Фирма «Беляев А. П. и К^о» специализировалась на экспортной торговле лесом и лесоматериалами при Петербургском порте. Контора находилась первоначально на Кадетской линии, 25, а позже на 2-ой линии, 11.⁵

Другим крупнейшим лесопильным заводом на побережье Онежского озера был завод в пригороде Петрозаводска Соломенном, пущенный в июле 1908 года фирмой «А. П. Беляев и К^о». Первоначально в комплекс лесопильного завода Беляева входил амбар пильный стоимостью 21176 руб. 30 коп. и кочегарки с машинным отделением стоимостью 26710 руб. 81 коп. Альфредом Петровичем были приобретены большой котел с принадлежностями (5410 руб. 26 коп.), котел малый с принадлежностями (3765 руб. 18 коп.), паровая машина (10061 руб. 80 коп.), трансмиссия с ремнями (12932 руб. 09 коп.), две большие лесопильные рамы с принадлежностями (11456 руб. 92 коп.). Полная стоимость завода являлась 238746 руб. 51 коп.⁶ Число рабочих со-

¹ Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга: исторический источник. – СПб., 2000. С. 66.

² Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским. – СПб., 1881. С. 145.

³ Орлов П. А., Будагов С. Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. – СПб., 1894. С. 137.

⁴ Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга: исторический источник. – СПб., 2000. С. 66.

⁵ Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга: исторический источник. – СПб., 2000. С. 64.

⁶ Материалы основного обследования промышленных предприятий Олонецкой губернии за 1916 год // НАРК. Ф. 27, оп. 3, д. 59/525, л. 27+1.

ставляло 177 человек. Завод специализировался на выработке досок и брусьев. За год лесопильня производила лесоматериал на 148922 руб.⁷

В конце XIX – начале XX века в посёлке, кроме Беляевского завода, действовал завод Санкт-Петербургского купца первой гильдии Ильи Федуловича Громова. 11 мая 1873 года он подал прошение на имя Олонецкого губернатора «устроить пародействующий лесопильный завод», 16 мая начал строительство, и менее чем через год – 7 марта 1874 года – завод уже начал действовать. Сначала на предприятии работало 76, а уже к 1900 году – 110 человек, из них 6 женщин. На то время Громовский завод был одним из самых мощных в Южной Карелии. Ежегодно здесь распиливали 50–60 тысяч бревен и сплавляли по рекам Шуе и Суне. Соломенское предприятие Ильи Громова оказалось весьма прибыльным. За год здесь производилось досок на сумму 125000 рублей.⁸

Также свой след в истории лесопильной промышленности побережья Онежского озера оставил еще один купец первой гильдии Санкт-Петербурга почетный гражданин – Николай Иванович Русанов. Он начал производить лесные операции, имеющие важное значение в экономическом отношении как для казны, так и для местного населения, получающего от них выгодные заработки – с 1858 года и заготавливал лесные материалы в уездах Лодейнополюском, Вытегорском, Пудожском и Петрозаводском. В 1870 году Николай Иванович устроил первый завод, на устье реки Водлы, впадающей в озеро Онега, в Пудожском уезде, и там открыл значительный сбыт бревен из казенных дач этого уезда. Завод этот имел паровую машину в 18 сил, действующую при помощи древесного топлива – горбылей и древесных опилок, на трех рамах распиливал в год до 28500 бревен. Сбыт лесных изделий производился в Санкт-Петербург и за границу. Управляющий заводом механик и все рабочие были «природные русские».⁹

Характерной особенностью промышленного развития Карелии в пореформенный период XIX века являлся опережающий рост лесопильного производства. Это определялось целым рядом причин: наличием богатых лесных ресурсов, растущим спросом на высококачественную карельскую древесину на российском и мировом рынках, относительно низкой капиталоемкостью отрасли, наличием разветвленной естественной сети сплавных магистралей, сравнительно удобными водными путями для транспортировки пиломатериалов за границу и в Петербург. Однако при этом формирующийся индустриальный сектор экономики края приобретал черты однобокости. К началу XX века лесопиление давало 66,3 % всей стоимости промышленной продукции.¹⁰

Ю. В. Литвин,
*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской академии наук*

К вопросу о положении женщины в карельской семье (по страницам изданий конца XIX – начала XX вв.)

В настоящее время в России сформировался интерес к гендерным исследованиям, в частности к «женской истории». Среди исследователей, работающих в данном направлении, следует назвать Н. Л. Пушкареву, Г. А. Тишкина, И. И. Юкину, А. В. Белову, Л. П. Репину.¹ Выпускаются сборники, посвященные гендерным вопросам («Гендерная история: pro et contra»; «Гендерные исследования»; «Женщина в российском обществе», «Мужской сборник», энциклопедия «Мужики и бабы: мужское и женское в традиционной культуре» и т. д.). В последние годы начали появляться и региональные исследования, посвященные женщине.²

⁷ Варзар В. Е. Список фабрик и заводов Российской империи. – СПб., 1912. С. 171.

⁸ Варзар В. Е. Список фабрик и заводов Российской империи. – СПб., 1912. С. 171.

⁹ Сведения о первом паровом лесопильном заводе в Пудожском уезде, основанном 1 гильдии купцом Н. И. Русановым в 1870 году // НАРК. Ф. 27, оп. 1, д. 7/10.

¹⁰ История экономики Карелии. Кн. 1, с. 133.

¹ Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996; Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М., 1997; «А се грехи злые, смертные» (Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России X – первая половина XIX в.). М., 1999 и др.; Тишкин Г. А. Женский вопрос в России в 50–60-е годы XIX в. Л., 1984; Юкина И. И. История женщин России: женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы: материалы к библиографии. СПб, 2003; Дискурс женской прессы XIX века // Женские и гендерные исследования. Сб. научных трудов. Вып. 5. СПб., 2000 и др.; Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение 2006. № 4; Репина Л. П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6; Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. Вып. 1. М., 2001 и др.

² Горшунова О. В. Узбекская женщина: Социальный статус, семья, религия (по материалам Ферганской долины). М., 2006; Котлова Т. Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX–XX вв. 1890–1914. На материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний. Иваново, 2003; Рагимова Б. Р. Женщина в традиционном дагестанском

Женщина в дореволюционной истории Карелии, как и Олонецкой губернии в целом, пока не стала объектом специального исследования. Однако существуют работы, затрагивающие отдельные стороны жизни представительниц «слабого пола». Например, роль женщины в старообрядчестве рассматривает И. Н. Ружинская; демографических аспектов касается И. А. Чернякова; материнство в пореформенной Карелии в культурно-антропологическом ракурсе анализируют М.-Л. Keinänen, О. П. Илюха; в контексте народной культуры карельская женщина представлена в работах этнографического характера (Е. И. Клементьев, А. М. Линевский, Ю. Ю. Сурхаско, Р. Ф. Тароева, К. Heikkinen и др.). Но социальное положение женщины-крестьянки (а именно крестьянское население составляло большинство Олонецкой губернии), ее социокультурный статус остались за пределами научных изысканий.

Так как крестьянки сами обычно не писали о себе, то большое значение в реконструкции их жизни и быта оказывают записки путешественников и исследователей. Надо отметить, что, за некоторыми исключениями, эти тексты представляют «мужской» взгляд. Однако, как отметила И. И. Юкина, в то время «другого и быть не могло».³ Исследователи и путешественники обычно строили свои очерки по сходной схеме: природные условия, хозяйственная деятельность, внешность населения изучаемой области, язык, нравственность (которая обычно оценивалась верностью в браке, наличием или отсутствием внебрачных детей, уровнем преступности и употребления алкоголя).⁴

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Москве, Петрозаводске, Санкт-Петербурге, Хельсинки были изданы работы Н. Березина, А. Я. Ефименко, В. Н. Майнова, М. А. Круковского, И. В. Оленева, С. А. Приклонского, В. Н. и Н. Н. Харузиных, Н. А. Черемина (Корш), и др. В более ранний период также издавались работы историко-этнографического характера (например, Н. Я. Озерцовского, Э. Леннрота и др.). Представления о других этнически своеобразных регионах в пореформенное время дают исследования А. П. Энгельгардта, А. В. Елисеева, К. К. Случевского и др. Источниками информации могут служить заметки исследователей, публиковавшиеся в периодических изданиях – «Олонецких губернских ведомостях» (далее – ОГВ), «Вестнике Олонецкого губернского земства» (далее – ВОГЗ), «Памятных книжках Олонецкой губернии», «Олонецкой неделе», «Живой Старине» и т. д. Все эти данные, позволяют судить о положении женщины в карельской семье и сельском социуме в XIX – начале XX вв., дают общее представление о ее внутрисемейном и общественном статусе.

Положение карельской девушки мы оставим за рамками статьи. Отметим только, что в этот период шла подготовка к замужеству, а, значит, девушка стремилась повысить свой статус, сформировать благоприятное мнение о себе в деревне. Так, например, по словам И. В. Оленева, «красивая и работающая девушка всегда может рассчитывать выйти замуж в зажиточную семью».⁵

И. В. Оленев в начале XX в. писал о прочных семейных устоях карел, о дружелюбных взаимоотношениях и уважении старших: «карел редко бьет свою жену, советуется с ней во всех важных делах, часто поручая ей заведование расходами. Вообще, женщина здесь пользуется большим почетом и семейные ссоры редки».⁶ Он объясняет это тем, что карельская девушка выходит замуж по любви, а «насильственных браков почти не бывает». Впрочем, о том, добровольно ли выходила карельская девушка замуж, существовали разные точки зрения. Например, известный исследователь жизни и быта карел Н. Лесков писал, что согласие редко спрашивалось у невесты-карелки.⁷ Ю. Ю. Сурхаско также подчеркивал, что среди карел широко бытовало представление об исключительном значении родительского благословения.⁸

Полноправным членом семьи женщина становилась, только родив ребенка. Во время беременности крестьянская женщина не избавлялась от обычной работы: «...и вот беременная женщина от восхода солнца и до поздней ночи исполняет тяжелые работы, не разгибая спины, вынося зной и непогоду и питаясь черствым хлебом с луком и водой...», – пишет автор заметки в ВОГЗ.⁹ Роды нередко сопровождался разного вида осложнениями: «иные роженицы умирают от обильного кровотечения, другие от неправильных родов, третьи от заражения крови невежественными бабками, или от различных манипуляций, проделываемых домашними по совету тех же бабок: роженицу то парят в бане, встряхивают, то перетягивают, то продевают сквозь хомут в хлеве, то правят живот...».¹⁰ Н. Лесков отмечал, что на третий или четвертый день после родов мать уже считалась здоровой и должна была участвовать во всех крестьянских работах: «ребенок остается дома, а мать ухо-

обществе XIX– начала XX века: Роль и место в семейной и общественной жизни. Махачкала, 2001; Большакова А. В. Женщина в традиционной культуре вепсов: постановка проблемы // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Петрозаводск, 2008. С. 179–183 и др.

³ Юкина И. И. История женщин России: женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы: материалы к библиографии. СПб, 2003. С. 13.

⁴ Хейккинен К. Использование этнографических материалов в исследованиях карельской семьи // Väesto ja perhe Karjalassa. Население Карелии и карельская семья. Joensuu, 2003. С. 165.

⁵ Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 123.

⁶ Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 92.

⁷ Лесков Н. Карельская свадьба // Живая старина. 1894. Вып. III и IV. С. 500.

⁸ Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX– начало XX вв. Л., 1985. С. 16.

⁹ С. Мученики нужды и невежества // ВОГЗ. 1912. № 5. С. 16.

¹⁰ С. Мученики нужды и невежества // ВОГЗ. 1912. № 5. С. 17.

дит в лес на целый день, а иногда (и это очень часто) и на целую неделю».¹¹ Такое быстрое возвращение женщины к работе было широко распространено, что подтверждает исследование Ю. Ю. Сурхаско, который также писал, что отдых роженицы в лучшем случае не превышал двух недель.¹²

Как известно, на пореформенный период приходится зарождение малой нуклеарной семьи, в которой у женщины, с одной стороны, появилась относительная свобода и самостоятельность (так как она больше не находилась под властью большака и большухи); с другой – расширился круг обязанностей, часть которых в большой патриархальной семье выполняли другие родственники. Все исследователи подчеркивали трудолюбие карел – как мужчин, так и женщин: «женщина по своей силе не уступает мужчине, поэтому исполняет успешно те же работы: работает в поле, на пашне, ездит в лес, рубит дрова и т. д.».¹³ А. Ефименко подчеркивала, что женщина работает едва ли не больше мужчины: «Часто женщины помогают мужчинам и в работах, считающихся специально мужскими, например, полевых. [...] Но мужчина никогда ни в чем не заменит женщину, [...] считая женскую работу унижительной для себя».¹⁴ Шведская исследовательница Marja-Liisa Keinänen также указывает, что для карельской семьи была характерна асимметрия в разделении работ между мужчинами и женщинами. По ее словам, женщины выполняли мужскую работу, но мужчины не могли делать женскую без потери престижа.¹⁵ Уже с раннего детства формировалось распределение трудовых обязанностей: «мальчик бывает занят более в весеннее и летнее время; он боронит поле. [...] В зимнее время он почти свободен. [...] Для девочки более дела в течении всего года; она приучается и стряпать, и рукоделию учится, прядет куделю,¹⁶ затем идут более мелочные хозяйственные дела – мытье, вымести пол, наносить дров, за водой сбежать, приготовить масло и т. п.; в летнее время, сверх этого, или нянчить братишку, или на поже помочь».¹⁷

Обязанности взрослой женщины были разнообразны. Их можно сгруппировать на работу по дому и вне дома. Первая группа занятий включала в себя приготовление пищи, уход за скотиной, воспитание детей, обеспечение всех членов семьи домотканой одеждой и т. д. Весной и летом добавлялась работа в поле. В воскресные и праздничные дни до обеда крестьянка тоже была занята: нужно было исполнить обычные дневные работы, к тому же в эти дни приходилось больше стряпать. Таким образом, хотя традиционно главой семьи и «добытчиком» считался мужчина, без женщины крестьянское хозяйство не могло полноценно развиваться.

В целом, положение женщины в карельской семье, по наблюдениям исследователей XIX в., мало отличалось от положения русской крестьянки. Суждения о карельской семье были различными, однако, многие исследователи отмечают такие ее особенности, как более доброжелательные и доверительные отношения между родственниками, большую самостоятельность женщины (например, во время отсутствия мужа на заработках жена оставалась ответственной за ведение хозяйственных дел). Основной сферой жизни крестьянки продолжала оставаться семья. Отметим, что исследователи Олонецкой губернии и Русского Севера в целом очень редко пишут о женщине вне ее связи с семьей, домом и его традициями, хранительницей которых она являлась. Только с началом I мировой войны на страницах периодических изданий начинают появляться заметки, посвященные крестьянке, чаще начинают писать сами женщины (прежде всего учительницы).¹⁸ В этих статьях подчеркивается возросшая активность женщины в общественной жизни – на сельских сходах, в различных товариществах; двойная нагрузка, так как почти все мужчины ушли на фронт. Почти в каждой статье выражается восхищение силой духа женщины («Женщины вообще есть главная, зиждущая сила всякой семьи»,¹⁹ «Сила женщины – в любви»²⁰ и т. д.). Большой круг вопросов, связанных с положением незамужней девушки, материнством, обрядами, сопровождавшими женщину на протяжении всей ее жизни, еще предстоит изучить исследователям.

*Э. П. Лайдинен,
Петрозаводский государственный университет*

Нуортева: эпизоды семейной хроники

80 лет назад, 31 марта 1929 года, умер Сантери (Александр Федорович) Нуортева. Являясь известным деятелем международного рабочего движения, А. Нуортева стоит в этом отношении на одном уровне с О. В. Куусиненом и Э. Гюллингом. Однако имя второго «президента» Карелии незаслуженно подзабыто. За рубежом, в первую очередь в Финляндии, его помнят и ценят. Так, в 1983 году в Хельсинки вышла его под-

¹¹ Лесков Н. Отчет о поездке к олонецким карелам летом 1893 г. // Живая старина. СПб, 1894. Вып. 1. С. 28.

¹² Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л., 1985. С. 37.

¹³ Черемин Н. А. (Корш) Озерный край. М., 1909. С. 50.

¹⁴ Ефименко А. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С. 75.

¹⁵ Keinänen M.-L. Creating Bodies: Childbirth practices in pre-modern Karelia. Stockholm, 2003. P. 17.

¹⁶ Кудель – вычесанный и перевязанный пучок льна, пеньки, приготовленный для прядения.

¹⁷ Певин П. Очерк Горского прихода Петрозаводского уезда Олонецкой губернии // ОГВ. 1894. № 52. С. 7–8.

¹⁸ Война и бабы // Олонецкая неделя. 1915. № 15; Слезы матерей // Там же. № 33; А. С. (учительница) Из жизни деревенских солдаток // Там же. 1916. № 22; В. Клетский. Война и деревенская женщина // ВОГЗ. 1916. № 7 и т. д.

¹⁹ С. С. Плач детей // ВОГЗ. 1913. № 10. С. 3.

²⁰ О. М. Слезы матерей // Олонецкая неделя. 1915. № 33. С. 11.

робная биография, написанная финским историком А. Костиайненем. Нуортева вошел и в энциклопедию «Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографии», изданную в 2004 г. в Хельсинки.¹

29 июня 1881 г. в Выборге в семье Ньюбергов родился пятый ребенок, которого назвали Александром. В 1906 г., во время компании феннофильства, А. Ньюберг примет финское имя и фамилию – Сантери Нуортева. Отец Александра, телеграфный служащий Клаус Фредрик Ньюберг, и его мать, русская еврейка Анна Сахарова, дочь Курского полицмейстера, познакомились, когда Ньюберг служил чиновником на железной дороге Курск–Азов. Он происходил из знатного финляндского рода, в котором были известные ученые, политики, деятели культуры и военные.

В семье Ньюбергов царил культ России, и не только потому, что мать была отсюда родом: в молодости отец служил в русской армии и позднее работал в Курской губернии. Дома говорили на шведском и русском языке. В семье было шестеро детей, и у всех были русские имена: Ольга, Клаус-Дмитрий, Николай, Лидия, Александр и Борис.² Могли ли родители Александра Ньюберга предположить, что он станет одним из известнейших финнов, лидером международного рабочего движения, «президентом» Карелии и объектом неустанной заинтересованности спецслужб по крайней мере шести государств – царской России, США, Великобритании, Швеции, Финляндии и СССР?

В 1891 г. Ньюберги переехали в Хельсинки, где Александр пошел учиться в гимназию. Однако в 1898 г. юноша прервал учебу и уехал в Германию, где работал в магазине корабельных принадлежностей и кочегаром на пароходе. Молодой моряк повидал страны Америки, Африки и Европы.³ В 1902 г. Александр вернулся в Финляндию. В 1904 году он в Александровском (ныне Хельсинском) университете сдал экзамены на преподавателя русского языка и получил место преподавателя русского, шведского и английского языков в гимназии в г. Форса.⁴

8 августа 1905 г. повенчался с преподавательницей Ирэнной Софие Густафссон, и молодая жена переехала к мужу. Вместе они прожили недолго: в конце января 1909 г. Ирэна скончалась, а через три дня после смерти жены от воспаления легких и дифтерии умерла дочь Керту. Следует отметить, что это была не первая потеря в семье. Еще в 1906 году в Харбине были убиты преступниками Лидия, сестра Сантери, и двое ее детей, а в 1907 году в Петербурге во время конфликта работодателей и рабочих – его брат инженер Клаус Дмитрий.⁵

В 1902 году Нуортева, работая корреспондентом в местечке Ревсе, впервые принял участие в рабочем движении. 15 сентября 1904 г. он вступил в Социал-демократическую партию Финляндии,⁶ политика стала смыслом его жизни. Его, журналиста, редактора и оратора, называли «восходящей звездой» партии. В начале XX века в финском обществе спорили: к чему надо стремиться Финляндии? Одни выступали за расширение прав автономии, другие за полную независимость. Нуортева полагал, что Финляндия должна оставаться в составе России. В данном вопросе его взгляды совпадали со взглядами младофиннов, но кардинально отличались от взглядов членов Партии сопротивления. Избираясь депутатом Финляндского Сейма, он стоял на социал-демократических позициях, выступал за сотрудничество с буржуазией и не признавал революционных форм классовой борьбы, был склонен к компромиссам. Коллеги по парламенту, будущие основатели компартии Финляндии (О. Куусинен, Ю. Сирола, К. Маннер) называли его ревизионистом. В 1924 г. нарком иностранных дел Г. Чичерин скажет в беседе с послом Швеции, что Нуортева всегда был «хорошим политиком», но скорее социал-демократом, нежели коммунистом и он склонен к оппортунизму, что приводит к проблемам. Это отразилось на нем позже, в период проживания в России. По идейным соображениям ряд лидеров финской компартии выступали против принятия его в члены КПФ. Существует мнение, что только после вмешательства Ленина он был принят в финскую компартию. Да и в дальнейшем у него не было тесных связей с финскими коммунистами. В члены ВКП(б) Нуортева был принят с зачетом партийного стажа с 1904 г.⁷

Несмотря на умеренность взглядов и приверженность легальной политике, у Нуортевы неизменно возникали проблемы с властями стран, где он жил и работал. Они начались в Финляндии, когда он резко критиковал в прессе царскую власть. 20 февраля 1909 г. Нуортеву приговорили к 6 месяцам заключения по обвинению в «оскорблении его императорского Величества».⁸ Редактор газеты стал заключенным № 993 губернской тюрьмы в Турку.⁹

В декабре 1911 года во избежание нового тюремного срока он тайно с женой Санни Туомисто и маленьким сыном бежал через Германию в США.¹⁰ 24 января 1912 года его (заочно) осудили на 7 месяцев лишения

¹ см. Kostiainen A. Santeri Nuorteva. Kansainvälinen suomalainen. Helsinki: Vammalan kirjapaino, 1983; Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографии. Хельсинки, 2004.

² Kostiainen A. Op.cit. S. 17.

³ НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7805. С. 5–7.

⁴ НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7805. С. 5–7; Kostiainen A. Op.cit. S. 18, 20.

⁵ Kostiainen A. Op. cit. S. 17, 20, 61.

⁶ см. НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7805. С. 5–7; Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7806.

⁷ Kostiainen A. Op.cit. S. 52, 66–67, 167, 183–184; НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7806.

⁸ Suomen Kansallisarkisto, Valpo, hmp 1661).

⁹ Kostiainen A. Op. cit. S. 53–54.

¹⁰ Kostiainen A. Op. cit. S. 71–73.

свободы.¹¹ Однако позже Нуортева писал, что его в 1911 г. приговорили к 2,5 годам лишения свободы, а свое пребывание в США называет политической эмиграцией.¹²

В Америке Нуортева работал в социалистической прессе, в феврале 1918 г. был полпредом Финляндского революционного правительства и одновременно одним из организаторов «Информационного бюро Советской России», которое выступало против иностранной интервенции и за признание республики Советов. В марте 1918 г. был назначен секретарем организованной в Нью-Йорке Советской миссии¹³ и стал представителем Советской России. Он предпринимает меры по налаживанию дипломатических отношений Советской России с США и развитию взаимовыгодных экономических связей, занимается закупкой техники, продовольствия. Если дипломатические отношения не удалось наладить (т. к. США отказалась признавать Советскую Россию), то в остальном он преуспел.¹⁴ Кроме партийной работы С. Нуортева уделял время и литературному творчеству. В 1914 вышел подготовленный им англо-финский словарь, также он занимался переводом с английского на финский язык.¹⁵

В конце 1918 г. Нуортева порвал с финской организацией социал-демократической партии, не одобрявшей линию его работы. Тогда же приступил к созданию коммунистической организации финских рабочих в Америке.¹⁶ Результатом активной политической деятельности Нуортева в пользу Советской России явилось то, что он стал объектом интереса разведслужб. В архивах американской военной разведки сохранилось немало докладов о нем. Их содержание противоречиво: от «не представляет опасности» до «крайне опасен». В рапортах Нуортеву называют человеком, принесшим в США коммунизм и пытавшимся добиться революции.¹⁷

16 января 1920 г. Антанта сняла блокаду России, и Л. Красин, представлявший российские интересы в Великобритании, пригласил Нуортеву помощником. 24 июня 1920 г. Нуортева прибыл из США в Великобританию. Однако еще до его прибытия в туманный Альбион американская разведка предупредила своих английских коллег об отъезде из США «опасного смутьяна». В Скотланд-Ярде он значился в списках «опасных международных коммунистов», и специальный политический отдел Скотланд-Ярда быстро установил прибытие Нуортева. В начале июля он был задержан, а 12 июля 1920 г. было принято решение о его высылке из королевства в Советскую Россию, так как он «...не соблюдал правил пребывания иностранцев в стране».¹⁸ В Россию его выслали через Данию, которая вернула Нуортева обратно в Англию, где, опять арестовали и, как он пишет в своей автобиографии «впоследствии на миноноске, посланной т. Каменевым и Милитиным, доставили в Ревель, откуда приехал в Москву».¹⁹

4 августа 1920 года Нуортева назначили начальником отдела Антанты и Скандинавии, позже после реорганизации начальником англо-романского отдела в Народном комиссариате иностранных дел (НКВД).²⁰ Назначение Нуортева начальником отдела было обоснованным. У него имелись обширные международные связи, знание языков, хороший контакт с большевиками. Были и другие «заслуги»: оказание помощи Ленину в побеге через Финляндию, политическая деятельность в Финляндии, активная работа в пользу большевиков в США в качестве оратора и пропагандиста, работа дипломатом и торговым представителем в пользу Советской России.²¹

По роду работы он стоял у истоков установления 31 декабря 1920 г. дипломатических отношений между Советской Россией и Финляндией. В начале 1921 г. основали финское представительство в Москве, первым представителем стал Андерс Ахонен, с которым он часто встречался.²²

14 августа 1924 году Нуортева с семьей прибыл в Стокгольм в качестве руководителя руководства советским информационным агентством РОСТОм (позже ТАСС). Шведская сторона рассматривала его как «опасного коммуниста». За ним сразу же установили наблюдение, рапорты направляли в МИД Швеции. После встреч с местными коммунистами полиция ужесточила контроль за Нуортева, инспектора полиции вызывали Нуортева на допрос, на котором допрашивали по разным вопросам, в том числе о его деятельности в США и аресте в Англии. В написанном рапорте делается вывод о том, что Нуортева является опасным человеком. По просьбе МИДа Швеции во избежания напряженности между странами НКВД Советской России отозвал Нуортева в Москву.²³ Отзыв Нуортева из Стокгольма решил проблему, но при этом А. Ф. Нуортева стал разменной монетой двух стран – СССР и Швеции.

Как реагировала Финляндия на появление Нуортева в соседней стране? Из-за отсутствия информации об этом сложно говорить, но известно, что обе страны обменивались информацией. Так, вскоре после приезда Нуортева в Швецию, шведский посол в Хельсинки В. Багген направил в Центральную сыскную полицию

¹¹ Suomen Kansallisarkisto, Valpo, hmp 1661.

¹² НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7806.

¹³ НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7805. С. 5–7.

¹⁴ А. Афанасьева. Красный дипломат // Ленинская правда, 1968, 7 января.

¹⁵ Kostiainen A. Op. cit. S. 84.

¹⁶ НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7805. С. 5–7.

¹⁷ Kostiainen A. Op. cit. S. 102–104.

¹⁸ Kostiainen A. Op. cit. S. 120, 124–125.

¹⁹ НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7805. С. 5–7.

²⁰ НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7805.

²¹ Kostiainen A. Op. cit. S. 132.

²² Kostiainen A. Op. cit. S. 134.

²³ НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7806. С. 3–4; Kostiainen A. Op. cit. S. 151–152, 163.

(ЦСП – орган финской контрразведки и политического сыска), информационное сообщение, в котором сообщались общие сведения о деятельности Нуортева. Другое сообщение поступило из хельсинкского посольства в начале сентября 1924 г. В нем сообщалось о том, что, по полученным из финских кругов (Швеции – прим. автора) данным, Нуортева является крайне опытным и опасным человеком. Он представлялся опаснее других красных финнов. В данном случае его можно сравнить с О. В. Куусиненом. Если разрешить остаться Нуортева в Швеции, то он может стать одним из руководителей красных финских беженцев. В свою очередь шведов больше интересовали данные о прошлом Нуортева.²³

В конце 1920 – начале 1921 гг. ЦСП завело на него досье. Первый документ датирован 29 декабря 1920 года, в нем руководители финской разведки Р. Хейкель и Э. Малмберг информировали финскую контрразведку о том, что по полученным ими из Москвы данным кандидатура Нуортева рассматривалась в НКВД в качестве представителя Советской России в Хельсинки. Даже после его смерти финская тайная полиция собирала материал о нем.²⁴

Дальнейшие попытки направить его на работу, предпринимавшиеся в 1922–24 гг., заканчивались неудачей: Канада, Великобритания, Норвегия отказывали во въезде в страну. Подозрения в отношении Нуортевы были большей частью беспочвенны,²⁵ его преследовали скорее за убеждения: «как опасного для безопасности государства преступника», «как опасного деятеля международного коммунистического движения». Его считали опасным человеком, боялись его революционной деятельности и вмешательства во внутренние дела своих стран. Это отражает общий дух западных стран в то время: СССР и лиц, находившихся у него на службе, приравнивали к большевистской революции и попыткам распространения революции за рубеж.

Нуортева подвергся испытаниям и на новой родине – Советской России: 19 марта 1921 г. он был арестован ВЧК. На Западе высказывались различные версии причин ареста: шпионаж в пользу Великобритании, причастность к заговору против советского правительства, халатность в делах, спекулятивные аферы его подчиненных.²⁶

Впервые в России о причинах ареста написал А. М. Плеханов в своей книге «Дзержинский. Первый чекист России», где автор пишет, что «19 марта 1921 года ВЧК арестовала Нуортева по обвинению в шпионаже».²⁷ Сам Нуортева не знал о причинах ареста. Позже в своей автобиографии он напишет: «В этот день был арестован, насколько мне известно, в результате злостных и бессмысленно-ложных наветов неких товарищей, прибывших из Америки, с которыми у меня были расхождения по организационным вопросам».²⁸

26 марта Дзержинский доложил Ленину о причинах ареста Нуортевы. В связи с его жалобой на необоснованность ареста была создана особая комиссия ЦК РКП(б), которая вынесла заключение, что «ВЧК имела достаточное основание не только для задержания Нуортевы, но и для содержания его под стражей на все время предварительного следствия до выяснения всех обстоятельств дела». Однако «дело Нуортева» закончилось ничем, 23 января 1922 года его освободили из-под стражи, а в дальнейшем следствие по делу было прекращено. В сентябре комиссия ЦК РКП(б) реабилитировала Нуортеву и утвердила членом ВКП(б) со стажем с 1904 г. с года его вступления в Социал-демократическую партию Финляндии.²⁹

Вскоре после освобождения, в марте 1922 г., А. Нуортеву назначили наркомом просвещения Карелии. Он выступал за равноправное развитие культуры и образования республики на финском и русском языках. По возвращении из Швеции его направили в Советскую Карелию, где лучше всего можно было использовать политический и административный опыт Нуортева. В декабре 1924 г. А. В. Шотмана отозвали на работу в Москву, и состоявшаяся после 5-го Всекарельского съезда Советов первая сессия ЦИК нового созыва избрала на высший государственный пост в республике сотрудника НКВД СССР А. Ф. Нуортева.³⁰ Одновременно он выбирается членом Президиума Карельского обкома ВКП(б). Возглавляя в 1924–27 годах ЦИК Карелии, А. Нуортева поддерживал тесный контакт с высшим руководством СССР, используя это на благо республики. Он пользовался большим уважением и доверием в Карелии, избирался членом различных обществ.³¹

Во второй половине 1920-х гг. здоровье Нуортева начало ухудшаться, и 31 марта 1929 года после тяжелой болезни он умер в одной из ленинградских больниц. Так трагически закончилась жизнь известного деятеля международного рабочего движения.

Следует отметить, что знания, опыт, связи и его работу ценили не только в Москве, но и в Карелии, где он пользовался большой популярностью. Для сохранения памяти после его смерти именем Нуортева назвали ряд предприятий, учебных заведений Карелии (переименовали самую большую пекарню «Красный инвалид», Ильинский лесозавод, карьер по добыче диабазы в Калайоки Шелтозерского района, Видлицкое сельскохозяйственное училище и др.) Кроме того, в 1933 г. в Петрозаводске были набережная им. Нуортева, стадион им. Нуортева. По инициативе президиума КарЦИКА в ряде учебных заведений КАССР основали стипендию

²³ Kostiainen A. Op. cit. S. 165–166.

²⁴ Suomen Kansallisarkisto, Valpo, hmp 1661.

²⁵ Kostiainen A. Op. cit. S. 166–167.

²⁶ Kostiainen A. Op. cit. S. 130, 136–138.

²⁷ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М.: Олма Медиа Групп. 2007. С. 413–414.

²⁸ НА РКФ. П-3. Оп. 6. Д. 7805. С. 5–7.

²⁹ НА РКФ. П-3. Оп. 6. Д. 7805. С. 5–7; Плеханов А. М. Указ. соч. С. 415.

³⁰ Бутвило А. И. Новейшая история государственного управления в Карелию 1917–2007. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. М. 46.

³¹ Kostiainen A. Op. cit. S. 167–170.

им. Нуортева, а также создали комиссию для подготовки книги о жизни и деятельности С. Нуортева. Председателем комиссии назначали Юрье Сирола.³² Эта работа так и не была сделана. С началом сталинских репрессий имя Нуортева оказалось на долгие годы забыто.

Трагедия семьи

Трагически сложилась и судьба его семьи. После смерти А. Ф. Нуортева семья, кроме дочери, возвращается в Карелию. Его вдова, актриса Санни Нуортева, умерла после войны в Казахстане, куда переехала с внуком к дочери Кертту в 1941 году.³³

Дочь Кертту Нуортева закончила факультет журналистики ЛГУ, работала в различных газетах. Семейная жизнь у нее не сложилась: она несколько раз выходила замуж, сын Рейма жил в Петрозаводске у бабушки. С 1934 г. она проходила службу в советской военной разведке – была референтом финского сектора разведывательного отдела ЛВО. Уже в 1934 г. она совершила разведывательную поездку в Финляндию, позже НКВД припомнит ей эту поездку. В августе 1937 г. ее арестовали и приговорили к трем годам принудительных работ за совершение преступления по ст. 58–12 (недоносительство о контрреволюционной деятельности) и ст. 121 (раскрытие госсекретов) УК РСФСР. С учетом зачета в срок наказание периода предварительного следствия 16 августа 1940 г. ее освободили из концлагеря в Казахстане и ей разрешили переехать к мужу Льву Варшавскому, освобожденному из лагеря, сотруднику НКВД в г. Алма-Ате. В начале 1941 г. к ней приехали мать и сын.³⁴

Ее приняли на работу в местный НКВД. С началом войны она рвалась на фронт, вместо этого в конце ноября была направлена на работу во внешнюю разведку НКВД. С 30 декабря 1941 г. до конца марта 1942 г. она получила разведывательную подготовку в гг. Куйбышеве и Москве. Ее готовили для ведения нелегальной разведки в Финляндии. Перед ней были поставлены задачи по руководству нелегальной агентурной сетью разведки НКВД по сбору информации военного, политического и экономического характера.³⁵

В ночь с 29 на 30 марта 1942 г. Кертту с документами на имя Элины Сигрид Хямяляйнен и Сиркка Хелминен на самолете перебросили в Финляндию. 16 апреля 1942 г. она устроилась на курсы косметологов в «Парижский Салон» в Хельсинки и приступила к выполнению задания: восстанавливать связь с агентурной сетью и собирать информацию.

Практически сразу же после приземления финская контрразведка получила от своих агентов информацию о заброске в страну советского разведчика и организовала его розыск. 7 сентября 1942 г. сотрудники отдела надзора Генштаба (военной контрразведки) ее арестовали, дело вел лично шеф Хельсинского филиала военной контрразведки Пааво Кастари. Кертту допрашивали каждый день, но она долго придерживалась отработанной легенды, ничего не рассказывая.³⁶

Учитывая негибкость К. Нуортева, Кастари использовал метод психологического воздействия на арестованную. 1 марта 1943 года Кастари организовал в кабинете ресторана Хельсинки встречу Кертту с бывшим Генеральным секретарем компартии Финляндии Арво Туоминеном. В течение 2–3 часов Туоминен на основе своего опыта рассказывал об изменении характера большевизма в период правления Сталина, характере Зимней войны и о месте СССР и Финляндии в мировой войне. Разговор двух идейных противников, закончился победой Туоминена. И она сделала выбор: на следующий день начала давать признательные показания. Она рассказала о разведывательной подготовке в СССР, характере задания и пр.³⁷ Кроме того, финская военная контрразведка использовала ее и в пропагандистских целях. В июне 1943 г. Нуортева и Арво Туоминен совместно написали статью «Дорога в Катынь финских коммунистов, перебравшихся в СССР». В статье рассказывается о десятках финских коммунистов, расстрелянных в СССР.³⁸ Нуортева также написала воспоминания о своей жизни в СССР в 1930-х гг. Книга «Советская воспитанница» увидела свет весной 1944 г. под фамилией Ирья Ниemi.³⁹

Несмотря на то, что К. Нуортева пошла на сотрудничество с финскими властями, суд приговорил ее к высшей мере наказания. За помилование К. Нуортева выступили родственники Нуортева в Финляндии и сам П. Кастари, который к этому времени стал начальником государственной полиции. Последний 26 августа 1944 г. письменно обосновал необходимость помилования. После окончания войны и заключения перемирия 26 сентября 1944 года Кертту освободили и передали в СССР. Она жила в г. Петропавловске (Казахстан), 30 августа 1947 года в ее приговорили по ст. 58-1а (измена родине) УК Каз.ССР к 10 годам лишения свободы.

³² Kostiainen A. Op. cit. S. 179–180.

³³ Kostiainen A. Op. cit. S. 200.

³⁴ НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7807. С. 5; Manninen O. Kerttu Nuorteva. Neuvostokaunotar vakoilujohtajana. Helsinki: Edita Prima Oy, 2006. S. 10–12.

³⁵ Suomen Kansallisarkisto, Valpo, hmp. 4154; Manninen O. Op. cit. S. 16–18.

³⁶ Suomen Kansallisarkisto, Valpo, hmp. 4154; Manninen O. Op. cit. S. 63, 115, 154.

³⁷ Manninen O. Op. cit. S. 162.

³⁸ Nuorteva K., Nuominen A. Neuvostoliiton siirtuneitten suomalaisten kommunistien Katynintie // Suomen Sosialidemokraatti 12.6.1943.

³⁹ Irja Niemi. Neuvostokasvatti. Helsinki. 1944; Suomen Kansallisarkisto, Valpo, hmp. 4154.

22 октября 1954 г. К. Нуортева была освобождена и она поселилась в г. Караганде, где умерла 29 августа 1963 г.⁴⁰

Старший сын А. Ф. Нуортева – Пентти Александрович Нуортева жил в Петрозаводске и работал шофером автобазы «Карелавто». После ареста сестры и ее мужа местные органы НКВД проявили интерес к П. А. Нуортева. При очередном оформлении пропуска в конце лета 1938 года НКВД Карелии отказал ему в выдаче документа, и в сентябре 1938 года он вынужден был уволиться с работы, так как в автобазе работа была связана исключительно с поездками в пограничные районы. С 29 сентября 1938 работал водителем на станции скорой помощи горздравотдела. НКВД трижды «сигнализировал» в партийные органы о политическом облике кандидата в члены ВКП(б) П. Нуортева. 4 января 1939 года на партийном собрании первичной парторганизации автобазы «Карелавто» (где Нуортева не работал уже более 3 месяцев) он был исключен из кандидатов в члены ВКП(б) за то, что «продолжал поддерживать связь со своей сестрой – человеком, репрессированным органами НКВД, сомнительным с точки зрения политического доверия, проявлял пассивность в партийной жизни и дисциплине, повышением своего политического уровня не занимался».⁴¹

В дальнейшем он и его брат Матти работали водителями на скорой помощи. В конце сентября 1941 г. они в порядке общей эвакуации были направлены на барже в г. Вытегру. В пути следования баржа была выброшена на берег и захвачена финскими войсками. Все находившиеся на барже люди были направлены финскими войсками в д. Верхручей Шелтозерского района. 8 октября 1941 года, после побега на лодке через Онежское озеро, в с. Шала они были задержаны отрядом НКВД и заключены под стражу как подозреваемые в шпионаже. 23 ноября 1941 г. они были освобождены и добровольно изъявили желание «на выполнение специальных заданий в тылу врага и готовность жертвовать жизнью за советскую власть». Учитывая, что они свободно владели русским, английским и финским языками, их планировали использовать для выполнения индивидуальных разведывательных заданий.⁴²

После непродолжительной подготовки 4 февраля 1942 года Пентти и Матти были заброшены в тыл противника с целью «оседания для проведения разведывательной работы в тылу врага ... вести наблюдение за финским аэродромом, железнодорожным движением и настроением гражданского населения». Но приступить к выполнению разведзадания им было не суждено: в тот же день они были задержаны частями финской армии по подозрению в шпионаже. В ходе следствия братья никого не выдали. 20 апреля 1942 года решением военно-полевого суда они были расстреляны в д. Космозеро (Заонежье).⁴³

Обратим внимание на то, что сестру и братьев начали готовить практически одновременно в различных городах страны для заброски в тыл противника. К. Нуортева была заброшена в Финляндию, когда ее братья уже были арестованы финской военной контрразведкой.

Жизнь отца и детей была драматична, их объединяло одно – они противостояли Финляндии.⁴⁴ Вся семья Нуортева стала заложницей властей и специальных служб различных государств. Все они погибли ради идеи, которая была отвергнута последующим поколением.

*Е. С. Намятова,
Национальный архив Республики Карелия*

Деятельность попечительства императрицы Марии о слепых на территории Олонецкой губернии

Ведомство учреждений императрицы Марии – высший орган управления благотворительными, женскими и некоторыми специальными учебными заведениями, находившимися под покровительством императрицы и других представительниц императорской фамилии. 10 марта 1883 г. в состав ВУиМ было включено Мариинское попечительство для призрения слепых, образованное 13 февраля 1881 г. как частное учреждение. 15 декабря 1889 г. оно было переименовано в Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых. «Инициатива создания этого общества в России принадлежала Константину Карловичу Гроту, который, используя свое высокое должностное положение и влиятельные связи, сумел обратить внимание общества на бедственное положение людей, лишенных зрения. ...В 1881 г. по инициативе Грота было создано Попечительство о слепых, цель которого состояла в обучении слепых доступным им ремеслам и занятиям, чтобы они могли работать и существовать без посторонней помощи. ...Создание в 1881 г. Попечительства о слепых в России было событием огромного значения. Под эгидой попечительства были объединены разрозненные усилия отдельных представителей русской интеллигенции как в столице, так и в провинции. ...За годы существования

⁴⁰ Manninen O. Op. cit. S. 167–169.

⁴¹ см. материалы НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7807.

⁴² Письмо УФСБ РФ по РК за № 5377/2 от 24.11.2008 г.

⁴³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. ЛД. Арх. № 29. Т. 2 С. 180; ФТДМ. Д. № 8302; Kostiainen A. Op. cit. S. 201.

⁴⁴ Kostiainen A. Op. cit. S. 201.

попечительства, было создано 29 отделений. К началу 1892 г. дело призрения и воспитания слепых было налажено во всех губерниях России».¹

В Олонецкой губернии действовал уполномоченный попечительства. 24 марта 1881 г. председатель Главного попечительства для пособия нуждающимся семействам воинов К. К. Грот возложил обязанности уполномоченного в Олонецкой губернии на Н. М. Зайцева. Николай Моисеевич Зайцев направил извещения об открытии действий Попечительства как служащим в Олонецкой губернии, так и другим известным своею благотворительностью лицам, и отправил в каждый из городов губернии, а также в некоторые монастыри, кружки с надписью «в пользу слепых», для производства сбора в церквях, согласно разрешения Святейшего Синода в течении недели о слепом. С этой же целью кружки были направлены также и некоторым лицам, изъявившим согласие заниматься сбором пожертвований в течении всего 1881 года.²

Число членов Попечительства не было ограничено. Они делились на 4 категории: члены-учредители, к которым принадлежали лица, оказавшие услуги в деле помощи слепым, и те, которые до открытия действий Попечительства внесли в его кассу не менее 200 руб.; почетные члены, которые денежными пожертвованиями, знаниями или трудами своими оказали особое содействие к достижению преследуемой Попечительством цели; члены-соревнователи, вносящие в кассу Попечительства ежегодно не менее 10 или единовременно не менее 150 руб., и члены-сотрудники, личным трудом принимавшие участие в делах Попечительства. Для заведования делами Попечительства учреждался Совет в составе из 14 членов.

Первым в ряды членов-соревнователей попечительства в Олонецкой губернии вступил епископ Олонецкий и Петрозаводский, внесший по званию члена-соревнователя 100 р. За ним последовали олонецкий губернатор с супругой и другие сочувствующие делам благотворительности лица. В том числе потомственные почетные граждане вытегорский 1-й гильдии купец Иван Михайлович Манин и пудожский 2-й гильдии купец Александр Петрович Базегский, которые внесли по званию членов-соревнователей единовременно по 150 р. каждый. Торгующий по 2-й гильдии крестьянин Иван Ульянович Зайцев не только сам вступил в члены-соревнователи попечительства, но вместе с ним вступила и его супруга.³ В дальнейшем членами-соревнователями выступали в основном купцы и торгующие крестьяне.

«Материальные средства отделения состояли из членских взносов, кружечного сбора проводились в разных учреждениях, в казенных винных лавках, сбора «Недели о слепом», специальных пожертвований в пользу слепых и на меры по предупреждению слепоты, пособий от земств, субсидии главного попечительства о слепых из С.-Петербурга, из процентов с капиталов, платы за обучение, призрение и лечение, платы за содержание слепых работниц в общежитии, а также от доходов с продажи изделий слепых, церковных доходов, проведения различных благотворительных мероприятий (лотерей, спектаклей, концертов и т. д.)».⁴

В результате первого сбора (в 1881 г.) по Олонецкой губернии в пользу попечительства было получено от 30 членов-соревнователей 685 руб., единовременных пожертвований от 45 лиц – 184 руб., сборных пожертвований по подписным листам – 73 руб. 51 коп., кружечного сбора в церквях и монастырях – 339 руб. 82 коп., кружечного сбора от 32 сборщиков – 202 руб. 77 ½ коп., т. е. всего – 1485 руб. 10 ½ коп. Интересен следующий факт: при вскрытии кружки, в которую производился сбор в Сретенской церкви г. Вытегры, обнаружилось женское кольцо с драгоценным камнем и двумя жемчужинами.⁵

В последующие годы в Олонецкой губернии средства также собирались через взносы от членов-соревнователей, единовременные пожертвования, сборные пожертвования по подписным листам, кружечный сбор. Денежную помощь получали крестьяне, проживающие в Олонецкой губернии. Велся учет лиц, которые получали помощь. Каждый получал от 1 до 10 руб. в год. Последний кружечный сбор в пользу слепых также был проведен в мае 1918 г.

В 1913 г. деятельность Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых в Олонецкой губернии ознаменовалась открытием убежища для слепых Олонецкой губернии.⁶

Основателем убежища слепых в городе Петрозаводске явились гласный Петрозаводской городской думы Н. М. Беляев и его супруга М. А. Беляева, оставившие по духовному завещанию 5500 руб. и принадлежащий им деревянный двухэтажный дом с мезонином, усадебным местом и всеми дворовыми службами (в общей сложности до 10000 руб. стоимости) Ведомству императрицы Марии Александровны о слепых, обеспечив также расходы по оборудованию убежища на сумму 1000 руб.

3 ноября 1913 г., в годовщину смерти Н. М. Беляева, состоялось торжественное открытие убежища. Под убежище был занят нижний этаж дома в четыре комнаты. Верхний этаж с мезонином попечительство, с целью получения средств на содержание призреваемых в убежище слепых, сдавало под меблированные комнаты за 600 руб. в год. Доход от дома и процент с неприкосновенного капитала составляли текущую наличность, расходующую на содержание призреваемых убежищем слепых.

¹ Скрыпникова Т. Л. Деятельность Воронежского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых // Благотворительность в России. 2002. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 353, 354.

² Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 45, оп. 1, д. 1/1, л. 5–9.

³ НА РК, ф. 45, оп. 1, д. 1/1, л. 220–221.

⁴ Скрыпникова Т. Л. Деятельность Воронежского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых... С. 358.

⁵ НА РК, ф. 45, оп. 1, д. 1/1, л. 367–368.

⁶ НА РК, ф. 45, оп. 1, д. 6/49, л. 76.

К 1 января 1914 г. в убежище состояло: один мужчина и один мальчик 9 лет, семь взрослых женщин и одна девочка 8 лет. Слепые находились на полном иждивении убежища, получая приют, стол, одежду и обувь. Для надзора и ухода за слепыми при убежище состояла надзирательница; сами же слепые исполняли некоторые хозяйственные работы: пекли хлеб, мыли посуду, чистили самовары, выносил и приносили воду и т. п.⁷ К концу существования попечительства на 15 мая 1918 г. в «Списке призываемых в убежище слепых имени Беляевых» значились один мужчина, один мальчик и шесть женщин (за одним исключением, все они были жителями г. Петрозаводска или Петрозаводского уезда).⁸

Попечительство о слепых в Олонецкой губернии за годы своего существования претерпевало изменения в своем составе. Количество лиц, которым была оказана помощь – незначительно. Помощь, в основном, оказывалась деньгами. Существовало попечительство на пожертвования. Помощь была нерегулярной и незначительной. Наибольший вклад в попечение слепых в Олонецкой губернии сделали купцы, регулярно вносившие значительные денежные суммы в пользу слепых.

*С. Н. Филимончик,
Петрозаводский государственный университет*

Деятельность Карельского научно-исследовательского института по сохранению историко-культурного наследия в 1930-е гг.

Опережающее развитие науки и образования в России в 1930-е гг. напрямую определяло успехи в модернизации промышленности, транспорта, связи, в укреплении обороноспособности страны. В рассматриваемый период государство существенно усилило финансирование науки, внедрило тематическое планирование научной работы. В 1930-е гг. в регионах создается широкая сеть стационарных научных учреждений, в том числе и на Европейском Севере России.¹ В национальных районах РСФСР формирование профессиональной науки было неразрывно связано со складыванием национальной государственности и культуры. С другой стороны, сталинский режим проявлял фанатичную нетерпимость к инакомыслию, широко применял административно-политические и репрессивные меры воздействия на интеллигенцию, что нанесло тяжелый урон российской науке.

В первой половине 1930-х гг. деятельность только что созданных научных учреждений Карелии широко освещали советские периодические издания. Авторами первых публикаций являлись республиканские политики, руководители НИИ и ученые.² В послевоенное время основное внимание уделялось работе научных организаций, созданных после Великой Отечественной войны.³

Комплексное изучение истории науки Карелии сталинского времени началось в 1980-е гг. в работах А. И. Афанасьевой.⁴ Важная роль первых научных учреждений в развитии экономики и культуры КАССР подчеркнута в обобщающих работах 1990-х гг.⁵ Обстоятельная характеристика деятельности ряда ведущих ученых КАССР в 1930-е гг. содержится в исследованиях Ю. А. Саватеева.⁶

Научное изучение Карелии, развернувшееся с XVIII в., вступило в новый этап в 1930-х гг., когда в КАССР началось создание комплексных научных учреждений и профессиональных научных кадров. В сентябре 1930 г. СНК КАССР принял постановление «Об организации Карельского научно-исследовательского (комплексного)

⁷ НА РК, ф. 45, оп. 1, д. 6/49, л. 76 об.

⁸ НА РК, ф. 45, оп. 3, д. 1/1, л. 32.

¹ См.: Дюжилов С. А. Развитие научных исследований на Кольском Севере. 1920–1941: Дис ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2001; Малкова Т. А. Научные исследования территории Республики Коми в первой половине XX века. Сыктывкар, 2008.

² Гюллинг Э. А. Социалистическое строительство и научно-исследовательская работа в Карелии // Карело-Мурманский край. 1932. № 3–4. С. 6–8; Макарьев С. А. Наука – на службу социалистическому строительству // Советская Карелия. 1931. № 8–10. С. 23–25; Он же. К I сессии Карельского научно-исследовательского института // Советская этнография. 1932. № 1. С. 110–111; Он же. Научно-исследовательская работа в Карелии // Карело-Мурманский край. 1935. № 5–6. С. 58–60; Пальвадре М. Первая сессия Карельского научно-исследовательского института // Советская этнография. 1932. № 3. С. 90–91.

³ Андриянен А. И. Научная работа Института истории, языка и литературы Карело-Финской базы Академии наук СССР в 1946 г. // Вопросы истории. 1946. № 11–12. С. 177–178; Горский И. И. Карело-Финская научно-исследовательская база Академии наук СССР – научный центр республики // Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. 1948. № 3. С. 12–22; Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. Петрозаводск, 1948; Развитие науки в Карелии за 50 лет Советской власти. Петрозаводск, 1970 и др.

⁴ Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии. 1928–1940. Петрозаводск, 1989; Культурная революция в Карельской АССР (1918–1940 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1990.

⁵ Ученые Карельского научного центра РАН: биографический словарь. Петрозаводск, 1999; Академическая наука в Карелии. 1946–2006. М., 2006. Т. 1.

⁶ Саватеев Ю. А. Степан Андреевич Макарьев. Жизнь и деятельность // Вепсы: История, культура и межэтнические контакты. С. 15–35; Он же. Страницы культурно-музыкальной жизни Карелии 30-х годов XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 6. С. 38–44.

института – КНИИ». Институт начал работу в сложной обстановке: не имел собственного помещения, специального научного оборудования. Деятельность института финансировалась из республиканского бюджета. Несмотря на трудную социально-экономическую ситуацию, правительство Карелии изыскивало необходимые средства. Если в 1933 г. КНИИ было выделено 303,9 тыс. руб., то в 1934 г. смета выросла более чем в 2 раза и составила 697,2 тыс. руб. Кроме того, привлекались средства хозяйственных организаций.⁷

Самой сложной была кадровая проблема. В 1931 г. в штат института вошли 8 научных сотрудников и 2 аспиранта. Среди них Я. Б. Добрин, Евсеев В. Я., Каменев М. Ф., Макарьев С. А., Масленников В. В., Никитин Г. А., Педдер А. Ю., Хаапалайнен Э. А., Юнолайнен А. И., Фрейндлинг М. В.⁸ В годы первой пятилетки заработки ученых были невысоки, продовольствие в городах распределялось по карточкам. Научные работники снабжались в сравнении с другими группами горожан лучше – по нормам индустриальных рабочих, однако питание оставалось скудным. В условиях миграционного всплеска в Петрозаводске обострился жилищный кризис, рассчитывать на хорошее жилье прибывавшим на работу в институт специалистам не приходилось. Несмотря на трудности, в середине 1930-х гг. в КНИИ сложился коллектив специалистов разного профиля. Если в 1931 г. в институте работало всего 10 сотрудников, то в 1935 г. – уже 109.⁹

Первым директором КНИИ стал глава правительства Карелии Э. А. Гюллинг. Среди региональной управленческой элиты 1920-х гг. этот человек выделялся высоким уровнем профессиональной подготовки в области экономики. Он имел университетское образование, опыт научно-исследовательской деятельности, в 1910–1918 гг. преподавал в Гельсингфорсском университете. В то время когда Э. А. Гюллинг являлся Председателем СНК КАССР, в Карелии смогли получить работу и средства к существованию финны-мигранты из Финляндии и Америки, имевшие высокую производственную квалификацию и поддерживавшие социалистическую идею.

Заместителем директора КНИИ был назначен С. А. Макарьев. Выходец из крестьянской семьи прионежских вепсов, в 1923–1927 гг. С. А. Макарьев по направлению профсоюза учился в Ленинградском университете, где приобщился к исследовательской и собирательской деятельности в области этнологии, активно участвовал в студенческих научных экспедициях. По завершении учебы С. А. Макарьев был приглашен на работу в Карелию. В 1928–1931 гг. он возглавлял Каргосмузей, вел активную исследовательскую работу по изучению вепсов.¹⁰

На работу в КНИИ были привлечены местные специалисты, имеющие необходимые навыки. Разворачивалась подготовка научных кадров из среды талантливой молодежи. Выпускников вузов посылали в целевую аспирантуру в Ленинград и Москву. Однако становление ученого, как правило, процесс длительный, рассчитанный на многие годы. В этой ситуации Э. А. Гюллингу удалось привлечь на карельскую землю видных российских ученых и таким образом минимизировать неизбежные трудности процесса становления академической науки в республике. Был образован президиум Карельского НИИ в составе 93 человек, в который вошли ученые из других городов, оформлявшиеся на работу в КНИИ вне штата. Членов президиума утверждало правительство республики. В состав президиума вошли крупнейшие ученые СССР, среди которых были академики Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, А. Е. Ферсман, Д. И. Соколов, профессора М. К. Азадовский, А. И. Андреев, И. Ф. Правдин и др. Сотрудничество с ними было взаимовыгодным. Известные ученые находили в Карелии богатейший материал для своих исследований, учеников и последователей, финансовую поддержку. Их помощь институту была неоценимой: специалисты высочайшей квалификации избирались членами ученого совета института, становились консультантами, научными редакторами, руководителями аспирантов, начальниками экспедиций, и, наконец, являлись авторами фундаментальных научных работ.¹¹

Руководством республики перед КНИИ была поставлена серьезная задача – объединить всю научную деятельность по изучению природы, экономики, культуры Карелии. В 1931 г. начали работу секции лесного хозяйства, развития естественных производительных сил и социально-экономическая. Их деятельность была тесно связана с потребностями народного хозяйства КАССР. Главной задачей института в гуманитарной сфере стало изучение культурного наследия народов Карелии. С 1931 г. вели эту работу этнографо-лингвистическая и историко-революционная секции.

Историко-революционная секция объединила участников революции в России и Финляндии. В ней активно работали Л. М. Летонмяки (руководитель), Э. А. Хаапалайнен, Н. В. Хрисанфов. Выступая на I сессии КНИИ (апрель 1932 г.) глава правительства КАССР Э. А. Гюллинг уделил большое внимание ситуации на Западе, отметив усиление там экономического и политического кризиса, вследствие чего «у масс доверие к капитализму начинает колебаться». Поэтому перед учеными Карелии Э. А. Гюллинг ставил следующую задачу: «Показать те пути, по которым мы завоевали власть здесь на севере, чтобы эти пути стали ясными и для тех, кто еще за нашей границей и еще по этому пути не пошли, в первую очередь для финляндского пролетариата».¹²

У активных участников Финляндской революции 1918 г. Э. А. Хаапалайнена (в 1918 г. – главнокомандующий Красной гвардии и уполномоченный по внутренним делам в рабочем правительстве Финляндии)

⁷ Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 98. Л. 45.

⁸ Там же. Д. 38. Л. 145.

⁹ Там же. Д. 180. Л. 17а.

¹⁰ Саватеев Ю. А. Стапан Андреевич Макарьев. Жизнь и деятельность. С. 15–16.

¹¹ Там же. С. 20–21.

¹² Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 32. Л. 59.

и Л. М. Летонмяки (член революционного правительства, нарком юстиции в том же правительстве) этот призыв нашел горячий отклик. С энтузиазмом поддержали эти идеи сотрудники института – участники Гражданской войны на Европейском Севере России. На Карельском фронте сражались заместитель директора КНИИ С. А. Макарьев, ученый секретарь В. В. Масленников, руководитель издательского сектора С. С. Шлеймович.¹³

Сотрудники историко-революционной секции организовали сбор документов и воспоминаний по истории Революции и Гражданской войны в Финляндии и Карелии, собрали более 600 биографий активных участников этих событий. В 1932 г. вышел в свет на русском и финском языках сборник воспоминаний и очерков «В боях за Советскую Карелию». В него вошли статья Т. Антикайнена, материалы конференции красных партизан, воспоминания о боевых действиях под Петрозаводском, Олонцом, в Заонежье. В. И. Машезерский подготовил хронику революционных событий в Карелии в 1917–1918 гг., в которую включил сведения как о работе большевиков, так и о деятельности кадетских, эсеровских организаций, о политической работе в крае депутатов Учредительного собрания после его роспуска и др.¹⁴

Ученые Карелии откликнулись на призыв М. Горького создать историю фабрик и заводов. Сотрудники историко-революционной секции начали сбор материалов о старых промышленных предприятиях края – Онежском механическом, Соломенском, Кемском лесопильных заводах и о первенце советской индустриализации – Петрозаводской лыжной фабрике. В этой работе ученые тесно сотрудничали с трудовыми коллективами предприятий: записывали воспоминания ветеранов, обсуждали в рабочих коллективах подготовленные разделы. Предпринимались попытки изучения истории первых коллективных хозяйств в Карелии и России, в создании которых участвовали финские эмигранты – коммун «Сеятель» и «Луч».

Этнографо-лингвистическая секция (первый руководитель В. В. Сало) опиралась на опыт археологической и этнографической работы, накопленный в 1920-е гг. Каргосмузеем. Большое внимание уделялось изучению топонимии Прионежья, материальной культуры вепсов, обсуждался вопрос о разработке вепского литературного языка, работали курсы вепского языка для школьных учителей. С 1931 г. систематически проводились научные экспедиции в Шелтозерье под руководством С. А. Макарьева и Г. Х. Богданова.

Систематически организовывались фольклорные экспедиции в Беломорскую Карелию. Одна из самых крупных экспедиций состоялась в 1933 г. Сохранилось письмо одного из руководителей этой экспедиции А. М. Астаховой, в котором она рассказывает, как непросто было организовать работу исследователей в условиях бездорожья и скудного питания. Так, в Ковде, где экспедиция пробыла 8 дней, удалось получить только хлеб и немного сахара. Тем не менее, в этом селе учеными были записаны около 450 песен, сказок, других фольклорных текстов, сделаны десятки фонозаписей и фотографий, собраны воспоминания о Гражданской войне на Севере.¹⁵ Во время этой экспедиции на одном из рыбацких становищ фольклорист А. Н. Нечаев познакомился с крестьянином села Кереть М. М. Коргуевым. Тот так описал свою встречу с молодым ученым: «Поздоровался. “Сказки, – говорит, – записывать у тебя буду”. – “А сколько дней записывать-то будешь?” – спрашиваю я его. “Да дней пять-шесть”. – “Ну, – говорю, – тут не пять дней, а пять недель писать надо. А за пять дней всех моих сказок тебе не взять». 93 самобытных, высокохудожественных произведения записал А. Н. Нечаев от М. М. Коргуева. Двухтомное собрание сказок М. М. Коргуева, изданное в Петрозаводске в 1939 г., получило высокую оценку специалистов.¹⁶

В научный оборот было введено устное творчество населения южных районов, прежде практически неизвестное. Была выявлена целая группа одаренных сказителей, среди которых выделялись Т. Перттунен, М. Ремшу, М. Хотеева, А. Никифорова, М. Архипова, Е. Хямяляйнен и др. В собирании и изучении фольклора Южной Карелии важную роль сыграл В. Я. Евсеев.¹⁷

В 1935 г. этнографо-лингвистическая секция стала одним из организаторов празднования в Карелии 100-летия первого издания карело-финского народного эпоса «Калевала». В дни празднования состоялись торжественные заседания, лекции и доклады, выставки различных изданий «Калевалы», выступления рунопевцев и кантелистов.¹⁸ Юбилей способствовал знакомству с эпосом широких слоев населения Карелии и всей страны, активизировал научные исследования «Калевалы» и всего устного художественного творчества карельского народа.

Многое сделал по возрождению, усовершенствованию и использованию народного инструмента кантеле научный сотрудник КНИИ В. П. Гудков. А. М. Линеvский вел активную исследовательскую работу по изучению петроглифов. В монографиях «Петроглифы Карелии» (Петрозаводск, 1939) и «Очерки по истории древней Карелии» (Петрозаводск, 1940) А. М. Линеvский предложил свое толкование древних рисунков. Он удачно ввел петроглифы в художественную литературу, создав научно-фантастическую повесть «Листы каменной книги». В 1934 г. в целях сохранения этих уникальных памятников по поручению СНК КАССР этнографо-

¹³ Там же. Д. 38. Л. 149.

¹⁴ Машезерский В. И. От Февраля к Октябрю. Выдержки из хроники революционного движения 1917–1918 гг. по Карелии // Советская Карелия. 1934. № 7–8. С. 79–94.

¹⁵ Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 64. Л. 41.

¹⁶ Т. И. Сенькина. Сказочник М. М. Коргуев // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1978. Т. И. Сенькина. Русская сказка Карелии. Петрозаводск, 1988. Н. А. Криничная. Сын моря и сказки // Серебряный корабль. Сказки Матвея Коргуева. Петрозаводск, 1988. С. 5–20.

¹⁷ Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 25–52.

¹⁸ Там же. Д. 141. Л. 7. Д. 175. Л. 7–11.

лингвистическая секция организовала в Пудожском районе заповедник Бесов нос.¹⁹ В середине 1930-х гг. изучение петроглифов начал В. И. Равдоникас. Ему удалось обнаружить немало новых фигур и скоплений. Сенсационным стало открытие большого, необычайно выразительного скопления на Залавруге, в 1,5 км от Бесовых следков. Все изображения были скопированы и опубликованы, тем самым впервые петроглифы Карелии были так основательно введены в научный оборот. Под руководством В. И. Равдоникаса были осуществлены раскопки Оленеостровского могильника.

Важную роль в открытии этого археологического памятника сыграл также Н. Н. Виноградов. Выпускник духовной семинарии, он уже в зрелые годы получил университетское образование: учился в Петербургском университете, окончил историко-филологический факультет Московского университета. Н. Н. Виноградов работал сельским учителем, сотрудником Русского музея, редактировал журнал «Живая старина». Проблемы с властью имел и при царе, и при большевиках. В период ссылки в Костроме в 1910–1916 гг. Н. Н. Виноградов был зачислен на работу в губернскую канцелярию, и в качестве ее сотрудника участвовал в работе губернской архивной комиссии, опубликовал ряд краеведческих статей. В советское время активно трудился в губернском отделе образования, Костромской совпартшколе, кооперации, организовывал крестьянскую газету «Борона». Однако деятельность в канцелярии губернатора, видимо, не была забыта карьеристами-земляками. В 1926 г. Н. Н. Виноградов был сослан на Соловки. Там он стал активным членом Соловецкого общества краеведения. С 1932 г. Н. Н. Виноградов работал в КНИИ: готовил региональную энциклопедию, опубликовал библиографический указатель по фольклору Карелии, статьи по истории политической ссылки на севере.

В 1931–1935 гг. в составе института действовало Бюро краеведения. Председателем бюро являлся С. А. Макарьев, ответственным секретарем – Г. А. Никитин. Бюро координировало работу десятков краеведческих ячеек на местах, проводило месячники краеведения, выпускало краеведческую радиогазету, представляло краеведческие заметки в журналы и газеты. Наиболее крупными изданиями, в подготовке которых участвовало Бюро краеведения, стали сборники «Вопросы краеведения в Карелии» (1931), «Краеведение в Карелии на новом этапе» (1933). Согласно постановлению Президиума КарЦИК 1 января 1935 г. Карельское бюро краеведения было реорганизовано в Общество изучения Карелии.²⁰

При институте быстрыми темпами создавалась научная библиотека. Специалисты выявляли научные издания, разбросанные по разным книгохранилищам города. Библиотеке были переданы книги, изъятые после революции из широкого обращения и хранившиеся «в законсервированном виде» в кладовых КарЦИКа и Каргосмузея, а также часть фонда недавно закрывшегося для читателей Академического отделения Публичной библиотеки. Сразу же был налажен книгообмен с ведущими научными центрами России, организована подписка на широкий круг периодических изданий. Большую помощь в комплектовании библиотеки оказало издательство Академии наук. Много книг присылалось из-за границы. Согласно данным библиотечной переписи 1934 г., в библиотеке КНИИ было 6640 изданий на финском, 1854 на французском, 1255 на шведском, 255 на английском, 600 на немецком языках.²¹ Если в 1931 г. в библиотеку поступили 322 издания, то в 1932 г. – 8454, в 1933 г. – 8724, в 1934 г. – 12262, в 1935 – 9395 книг.²² При библиотеке были созданы национальное и рукописное отделения.

В 1933–1936 гг. заведовала библиотекой Е. П. Ошевенская. До революции она работала учительницей начальной школы, в 1920-е гг. перешла на библиотечную работу. В условиях послевоенной разрухи проявила хорошие организаторские навыки, заведя уездной библиотекой и библиотеками нескольких рабочих клубов. Будучи опытным специалистом, окончила Ленинградский институт внешкольного образования.²³ Энергия и знания Е. П. Ошевенской способствовали созданию первой фундаментальной научной библиотеки Карелии.

В ноябре 1934 г. правительство Карелии приняло постановление «Об издании Карельской энциклопедии», согласно которому одной из главных задач Карельского НИИ на ближайшие годы становились подготовка и издание универсального справочного издания, составленного по образцу многотомных Малой и Большой Советской Энциклопедии и посвященного Карелии. Хотя началась подготовительная работа, претворить в жизнь этот замысел во второй половине 1930-х гг. оказалось невозможным.²⁴

В годы второй пятилетки Сталин начал различными путями вытеснять с руководящих постов партийную интеллигенцию – старых большевиков. Это поколение революционеров сформировалось в условиях незыблемости идеи о близости мировой социалистической революции. А в 1930-е годы правящая партия берет на вооружение новую идеологическую концепцию, в которой основной упор делается на национально-патриотические идеи, защиту государственных и геополитических интересов России. «Финское руководство» Карелии было обвинено в ориентации на Финляндию. Эмигрантов стали бездоказательно обвинять в шпионаже. Массовые беззакония по отношению к этой части граждан цинично оправдывались сталинским руководством как необходимая мера по усилению безопасности тыла на случай грядущей войны.

В январе 1937 г. комплексный институт был реорганизован в НИИ культуры (КНИИК), за которым сохранилось только гуманитарное направление. КНИИК должен был вести научные исследования в области лин-

¹⁹ Там же. Д. 98. Л. 44.

²⁰ Там же. Д. 98. Л. 81.

²¹ Там же. Д. 101. Л. 19.

²² Там же. Д. 28. Л. 1. Д. 67. Л. 17. Д. 101. Л. 19. Д. 139. Л. 3.

²³ Там же. Оп. 26. Д. 139. Л. 1.

²⁴ Савватеев Ю. Настольная книга // Север. 1999. № 10. С. 125–126.

гвистики, истории, фольклора, этнографии, археологии. Подразделения естественнонаучного и технико-экономического профиля передавались соответствующим наркоматам и ведомствам.²⁵ В 1937–1938 гг. были расстреляны бывший директор КНИИ Э. А. Гюллинг, его заместитель С. А. Макарьев, ведущие специалисты КНИИ Э. А. Хаапалайнен, Н. Н. Виноградов, Н. В. Хрисанфов, заведующая институтской библиотекой Е. П. Ошевенская. Арестам и тюремному наказанию подвергся также ряд служащих КНИИ. Незавершенными остались многолетние труды ученых, нереализованными творческие планы. Долгое время институт не имел директора, его заместителей, не были укомплектованы научными сотрудниками подразделения. В начале 1939 г. в КНИИК не было ни одного специалиста, имевшего ученую степень, из 18 научных сотрудников только 8 имели высшее образование.²⁶

В этих тяжелых условиях на работу в Карельский НИИ культуры были приглашены опытные исследователи из Москвы и Ленинграда. Ими были подготовлены первые монографические исследования, посвященные Карелии. В целом во второй половине 1930-х гг. заметно смещение акцента на изучение древней и средневековой Карелии. Успешно работал в этом направлении московский исследователь С. С. Гадзяцкий, первые работы которого вызвали положительную оценку академика С. Б. Веселовского, профессора М. Н. Тихомирова. Большой вклад в освещение древнейшего периода истории Карелии внес московский археолог А. Я. Брюсов, автор книги «История древней Карелии» (М., 1940).

В то же время далеко не все сочинения известных ученых доходили до читателя. В 1939 г. по договору с КНИИК профессор Ленинградского университета В. Я. Пропп представил исследование «Исторические корни волшебной сказки». Институт, прежде публиковавший исключительно фольклорные источники, впервые передал в Госиздат Карелии монографическое исследование по фольклору, однако издательство отказалось печатать книгу выдающего ученого России «по мотивам неактуальности».²⁷ Для чиновников, принимавших решение о публикации, решающую роль сыграло то обстоятельство, что труды В. Я. Проппа во время идеологических проработок 1930-х гг. резко критиковались за «формализм». Монография «Исторические корни волшебной сказки» впервые будет опубликована в Ленинграде в 1946 г.

В ряде случаев работа в КНИИК становилась для ученых реальной возможностью профессиональной самореализации в период опалы. С 1938 г. стала сотрудником КНИИК Р. Б. Мюллер. Выпускница Бестужевских курсов, а в советское время – Петроградского университета, она несколько лет проработала в Постоянной историко-археографической комиссии. Там под руководством выдающегося источниковеда А. И. Андреева Р. Б. Мюллер занималась разбором и описанием монастырских документов XVI в. и получила основательную подготовку как археограф. После «академического дела» она вынуждена была оставить эту работу. В предвоенные годы накопленный источниковедческий опыт Р. Б. Мюллер применила в Карелии. Ею был подготовлен сборник документов о Карелии XVII в., в который вошли источники, выявленные в ленинградских и московских архивах. Судьба этой книги оказалась трагической: в блокаду Ленинграда уцелели лишь несколько экземпляров.

Во второй половине 1930-х гг. на работу в КНИИК охотно привлекалась молодежь – выпускники ленинградских вузов. Среди откликнувшихся на призыв карельского руководства были филологи К. Чистов, А. Соймонов, Н. Богданов, активно включившиеся в экспедиционную и исследовательскую деятельность.

В сложнейших условиях массовых репрессий в Карелии впервые развернулась широкомасштабная работа по созданию единого литературного карельского языка. Особенно важную роль в этой работе сыграл профессор Д. В. Бубрих. Он подготовил Программу по собиранию материала для диалектического атласа карельского языка, включавшую до двух тысяч вопросов по фонетике, морфологии и лексике карельского языка. Научные сотрудники Карельского НИИ культуры, преподаватели Карельского педагогического института, учителя сельских школ, студенты обследовали по этой программе 150 населенных пунктов. На основе собранного материала ученые составили более 200 диалектологических карт, определили территорию диалектов и наиболее характерные особенности каждого из них. Д. В. Бубрих начал уникальный в практике языкового строительства эксперимент, когда в основу письменного литературного языка был положен не один диалект, а в единую систему сводились ведущие черты всех диалектов. К сожалению, в январе 1938 г. Д. В. Бубрих был арестован. В этих условиях основную работу по изучению карельского языка взяли на себя карельские ученые М. Хямяляйнен, Н. Анисимов и др. Приоритетным направлением научной работы КНИИК на 1939 г. правительство Карелии признало подготовку учебников карельского языка, русско-карельских и карельско-русских словарей, научные экспедиции в районы республики по сбору карельского фольклора. На заседании СНК КАССР 7 июля 1939 г. были утверждены правила правописания карельского литературного языка. В 1939 г. все ученики 1–4 классов и большинство учеников 5–7 классов карельских школ были переведены на обучение на карельском языке. Было изданы необходимые учебники. Школы были обеспечены учителями, владеющими карельским языком.

Существенно изменилась политика советского государства в начале Второй мировой войны. Сталин рассчитывал, что ему удастся использовать ослабление столкнувшихся в смертельной схватке западных стран для того, чтобы расширить коммунистическое влияние в Европе, вернуть территории, утраченные с развалом Российской империи. После советско-финляндской войны была создана Карело-Финская ССР, и финский язык

²⁵ Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 221. Л. 99.

²⁶ Там же. Д. 253. Л. 5.

²⁷ Там же. Д. 279. 25–28.

вновь стал широко использоваться в образовании и культуре. Работа по созданию карельской письменности была брошена на полпути по политическим мотивам.

Нельзя забывать, что в 1930-е гг. в Карелии трудилось немало людей, чьи имена составили гордость российской науки XX в. В Кеми и Медвежьегорске отбывали лагерный срок выдающиеся философы А. Ф. Лосев, А. А. Мейер, П. А. Флоренский, историки Н. П. Анциферов, М. Д. Приселков, Б. А. Романов и много других российских интеллигентов. Трагично то, что в крае, где не хватало научных кадров, длительное время находились представители элиты российской научной интеллигенции, но, к сожалению, их интеллектуальный и духовный потенциал использовался варварски.

Таким образом, в 1930-е гг. в Карелии при активной поддержке республиканских властей шел сложный процесс профессионализации гуманитарных наук. Большую помощь в организации научно-исследовательского института, в подготовке научных кадров оказали Карелии ученые Ленинграда и Москвы. Развернулась широкая экспедиционная и исследовательская деятельность по изучению традиционной культуры и языков финно-угорских народов. Были обнаружены и изучены ценные памятники материальной культуры древней Карелии, выявлены и подготовлены к публикации важные документы центральных архивохранилищ, сделаны первые шаги в изучении опыта социалистического строительства в крае. Большой урон нанесли региональной науке сталинские репрессии. Спецификой Карелии стало то, что репрессии были направлены прежде всего против финской интеллигенции, составлявшей республиканскую элиту в 1920– начале 1930-х гг. и отразили изменения в государственной идеологии и внешней политике сталинского руководства. Преследования ученых вели к стагнации ряда научных направлений, насаждению страха и административного диктата. Чтобы не допустить развала научных учреждений, в конце 1930-х гг. власти экстренно предприняли ряд мер по формированию новых творческих коллективов, материальной поддержке некоторых научных направлений.

Раздел 3

Секция «Культура. Литература. Фольклор»

*Ю. С. Александров,
Карельский государственный краеведческий музей*

Первобытные технологии производства в современной музейной экспозиции

Музейные выставки бывают разными: одни запоминаются хорошо и надолго, а с других посетители уходят равнодушными. Очень важно то, как показать музейные предметы посетителю.

В этом аспекте достаточно нелегко преподнести предметы археологии, или же их фрагменты, т. к. археологический предмет имеет свои особенности. Из-за специфики почвы на большинстве древних поселений Карелии не сохраняются костяные и деревянные орудия, которые в те времена преобладали в хозяйстве первобытных людей. Среди находок на древних поселениях доминируют орудия из камня и отходы его обработки, обломки глиняных сосудов, мелкие кальцинированные косточки, перегоревшие в костре.¹ Археологическая коллекция Карельского государственного краеведческого музея насчитывает около 42000 предметов, но большая их часть представлена фрагментально.

Чаще всего этот недостаток восполняют при помощи прорисовок и копий предметов. При подготовке к постоянной экспозиции музейщиками используются различные методы показа предметов.

Представим себе человека, который видит перед собой на витрине каменный топор или фрагменты каменного дротика, ножа, скребка... Ему не всегда легко представить как этот «булыжник» мог быть каменным топором. Как этот камень крепился к рукоятке? Как его изготовляли древние люди? Как пользовались? Каково было их отношение к этому предмету? Многие вещи с первого взгляда совсем непонятны...

Музеи не всегда могут предоставить какой-либо предмет для экспонирования в связи с его плохой сохранностью или особой ценностью, тем более дать его посетителям в руки. Выход из этой ситуации находят в создании копий и реплик определенных предметов. Но одно дело, когда эти реплики находятся за витриной, и совсем другое, когда их можно взять в руки. В последнее время очень широко используется историческая реконструкция тех или иных предметов и восстановление технологий их производства. Совмещение реконструкции и интерактивного момента дает огромные возможности при использовании их в экспозиции.

При помощи интерактивной реконструкции посетители могут представить себе находку, или ее фрагмент, в полном объеме, даже попробовать что-то сделать самому: поткать на ткацком станке, просверлить отверстие дрелью с каменным сверлом и т. д., а экскурсовод может рассказать о древних технологиях производства.

«Копия» в искусстве (лат. *соріа* – множество, запас) – художественное произведение, повторяющее другое произведение с целью его воспроизведения в той же манере, материале и с сохранением размеров подлинника (иногда в уменьшенном или увеличенном виде). Синоним понятия «копия» – реплика. Оригинал и реплика в экспозиции могут быть взаимозаменяемы. Копия сыграла большую роль в сохранении произведений античного мира, когда в эллинистическую эпоху началось копирование лучших образцов предшественников. Современные копии служат для того, чтобы уберечь ценные произведения от возможных повреждений или в учебных целях. Например, знаменитая скульптура «Пьета» работы Микеланджело, находящаяся в соборе святого Петра в Ватикане, заменена копией после того, как было совершено несколько попыток нанести ей различные повреждения. Экспонирование копий практикуется и многими другими музеями. Нередко копии изготавливаются и для продажи. Например, многие музеи занимаются выпуском гальвано-копий редких монет и медалей. Многие музеи мира используют в своих экспозициях копии и реплики различных предметов.

«Новодел» (в широком смысле слова) – современная копия старинной вещи, предмета коллекционирования, но в новоделе делаются умышленные изменения оригинала. Реконструкция – восстановление или имитация прежнего состояния.

На петроглифах Онежского озера и Белого моря есть множество сцен охоты и промысла, которые показывают нам, что древнее население Карелии активно и успешно использовало примитивные технологии для изготовления орудий труда.

Первобытные технологии для изготовления тех или иных орудий, а также обрабатываемые производства весьма разнообразны. Они включают в себя и обработку камня, кости, рога, дерева, выделку шкур, керамическое производство, жилищное строительство, средства передвижения и т. д. Эта тема, требующая отдельного

¹ Жульников А. М., Спиридонов А. М. Древности Петрозаводска, Петрозаводск, 2003, с. 15.

изучения. Нашей целью является показать, как древние технологии производства можно внедрять в экспозиции музеев.

Существует такая наука как экспериментальная археология, где с помощью эксперимента можно установить, как выглядели и крепились друг к другу составные части орудия, как он изготовлялся и работал в целом, а также можно проверить различные научные гипотезы на практике. Связь подобных экспериментов и древних технологий очень тесная, т. к. это дает возможность воссоздать не только внешний вид какого-либо орудия, но и сам процесс его изготовления. Необходимо отметить, что с конца XIX века число экспериментов подобного рода в археологии быстро растет.

Очень важным становится эксперимент и демонстрация древних технологий, благодаря которым иногда можно лучше понять жизнь древних, и даже соприкоснуться с ней. Осмыслить, какие усилия должны были приложить первобытные люди, чтобы добыть себе пропитание, сделать одежду, построить жилище. Многие технологические процессы были общими и социальными для целых групп людей.

Технологии прошлого постоянно совершенствовались. Человечество не смогло бы достичь такого развития без таких, казалось бы, элементарных открытий и простых изобретений, как обработка камня, изобретение керамики, добывание огня, изготовления оружия, поражающего на расстоянии и т. д. Но в наши дни при развитии науки и техники посетители не всегда могут ответить на вопросы: как, и почему именно так делались в древности те или иные вещи, какой они несли смысл помимо хозяйственного применения.

В артефактах скрыта философия, духовная и культурная жизнь человека, его религиозные представления о мире, где он живет. Среди музейных предметов Карельского государственного краеведческого музея, выставленных на экспозиции «На пороге древнего мироздания» находятся предметы с символическими изображениями животных, которые имеют несомненный ритуальный характер.

Наши предки учились на собственных неудачах и успехах, накапливая опыт, передавали его своим потомкам. За эти знания они часто платили дорогой ценой, т. к. как неудача нередко приводила к гибели.²

Каменный век, разделяемый археологами на эпохи палеолита, мезолита, неолита, является наиболее продолжительными в истории человечества. Каменные орудия являются во многих случаях единственным источником информации о процессах далекой человеческой истории.³ Наличие в хозяйстве древнего человека рубящих орудий из сланца позволяло ему сооружать крупные жилища, хозяйственные сооружения, лодки и т. д.⁴ Каменные орудия часто не уступают железным по своим рабочим качествам, даже порой превосходят их (край кремневого отщепа острее стального тупого ножа), однако они гораздо более хрупкие, непрочные и потому ненадежны.⁵

Для того чтобы сделать каменный топор первоначально необходимо взять каменную заготовку и методом расщепления стесать с нее все ненужное, т. е. придать нужную форму для топора. Затем техникой шлифования стачивать топор. Шлифовать можно на плоской крупнозернистой каменной плите. Лучше всего подходит для этого гранит или песчаник. Само шлифование происходит при добавлении песка и воды. Чем крупнее песок – тем стачивание происходит быстрее. К завершению работы можно переходить с крупного на более мелкий песок. Полировка производится мягким сланцем. При шлифовке, а также при сверлении и пилении одного камня другим необходимо всегда добавлять песок и воду, т. к. при помощи этого процесс происходит более эффективно.

Аналогичным способом изготавливались ножи и наконечники из сланца. Для снятия шкуры с убитого зверя широко применялись ножи из мягкого сланца. Кремневые ножи, как более острые, использовались для разрезания кожи.⁶ Скрепки использовались не только для обработки дерева, выделки шкур, но и для очистки рыбы.⁷

Очень интересен факт, что при том уровне обработки камня, кости, дерева, кожи, – найденные артефакты очень красивы, и требовался большой труд и время на их производство. В частности, для того, чтобы теслом и топором можно было работать, достаточно шлифовать и полировать только лезвие. Однако древний человек начинает шлифовать на определенном этапе поверхность всего орудия, что явно требовало дополнительных усилий и времени. Можно предположить, что полностью полированные орудия использовались для обмена. Полировка, возможно, играла также эстетическую функцию, была показателем мастерства древнего человека.⁸

Между тем, подавляющее большинство посетителей не представляют себе, какое количество деревьев можно срубить каменным топором и сколько времени уходит на рубку среднего дерева... Деревьев можно срубить достаточно много, и на среднее дерево диаметром 15–20 см уходит 10–20 минут. Эксперименты, проведенные д. и. н. археологом М. Г. Жилиным показали, что ольха диаметром 10–12 см срубается кремневым топором за 5 минут, а сырая сосна диаметром 15–20 см – за 15 минут. При этом ствол растущего дерева надру-

² Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое: эксперимент рассказывает тайны древних эпох, М., 1988, с. 11.

³ Жульников А. М., Спиридонов А. М. Древности Петрозаводска, с. 23.

⁴ Там же, с. 23.

⁵ Федосеев И. Из истории изготовления каменных орудий способом расщепления в древности и в наши дни // Проблемы археологии и этнографии Карелии, Вып. 4, Петрозаводск, 2002, с. 5.

⁶ Жульников А. М., Спиридонов А. М., с. 27.

⁷ Там же, с. 27.

⁸ Бобенко С., Панов С. Опыт экспериментального изучения сланцевых орудий // Проблемы археологии и этнографии Карелии, Вып. 2, Петрозаводск, 2000, с. 11.

бається по периметру, после чего легко валится руками.⁹ В ходе экскурсии посетителям дается возможность подержать и внимательно рассмотреть предмет и показывается часть бревна, срубленного каменным топором.

Одним из важнейших открытий человечества является огонь. Его всегда оберегали, ему поклонялись, его боялись, к нему относились, как к живому существу. Огонь дарит человеку свет, тепло, защиту от животных, уют, помогает при приготовлении пищи, служит инструментом для обжига керамики, плавки металла и т. д.

Основная масса посетителей музея считает, что огонь можно добыть ударами камня об камень, и что при трении древесина должна вспыхнуть. Это в корне не верно. Даже по телевидению почти невозможно встретить полностью правильного способа разведения огня. Материалы по добыванию огня в современных книгах крайне противоречивы и недостаточны. Добывание огня – одна из тех древних технологий, которые очень интересуют посетителей.

На ранней стадии человечества добыть огонь было трудной задачей. Но, как и все великие открытия ждут своего времени. Существует масса способов разведения огня, делятся они на три основных: трение, пиление, сверление. Из-за особенностей местных климатических условий и пород древесины на Севере наиболее пригоден способ сверления.

Для разведения огня используется обязательно сухая древесина, мертвое дерево. Но далеко не все породы древесины подходят: хвойные забьют все поры смолой, осина еще при жизни чаще всего гнилая, березу трудно найти сухой. В таежных лесах произрастают некоторые виды деревьев, пригодные для добывания огня. Наиболее часто встречаемые из них – это разновидности ивы, ольха, рябина, а также можжевельник.¹⁰ Большое значение имеет степень разложения древесины, иногда небольшое поражение грибом очень сильно влияет на возможность получения огня. Древесина, находящаяся ближе к сердцевине дерева, работает лучше, чем древесина, расположенная ближе к коре.¹¹ Ствол дерева расщепляется, и в нем делается небольшое углубление у края. С краю делается небольшой вырез для доступа кислорода. Огневое сверло вращают в углублении, в процессе трения образуется угольный порошок, который при высокой температуре и доступе воздуха начинает тлеть. Кучка порошка продолжает дымиться и после вращения сверла в течение 5–10 минут. Когда тлеющий уголек станет «сильным», то его необходимо поместить в сено или сухую траву и раздуть по появления огня.

Рассказ экскурсовода с одновременным показом техники разведения огня до появления запаха дыма захватывает посетителей. В конце экскурсии любой желающий может попробовать сам развести огонь.

С включением в экспозиции музея показа новоделов артефактов и демонстрации древних технологий посетители могут понять, как первобытные люди из «бульжников» и галек изготавливали орудия, которыми можно было срубить дерево, убить дикого зверя, снять с него шкуру и разделать тушу.¹² Одно дело прочитать, как жили предки, и совсем другое – увидеть и попробовать самим.

В 1922 году на берегах Боденского озера в Швейцарии появились восстановленные в первоначальном виде поселения каменного и бронзового веков. Сейчас этот музей под открытым небом ежегодно посещают свыше ста тысяч человек.¹³ В 1964 году в Лейре (Дания) было построено экспериментальное село, которое живет жизнью эпохи железа.¹⁴

В качестве другого примера можно привести музей Vuollerim 6000 ar, который находится на севере Швеции. Вся экспозиция посвящена каменному веку и технологиям прошлого. В музее представлено небольшое количество археологических находок, весь остальной материал представляет собой реплики орудий каменного века. Интерес в том, что любой посетитель может примерить костюм из кожи и даже проходить в нем на протяжении всей экскурсии, взять в руки копье, лук и стрелы и попробовать поразить мишень в виде лося, поиграть на бубне и других музыкальных инструментах, попробовать разжечь огонь, обработать шкуру. Даже взрослые люди выходят оттуда в большом восторге.

В экспозиции Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника находятся две каркасные берестяные лодки эпохи камня – раннего металла (V–I тыс. до н. э.) и Средневековья,¹⁵ сделанные по древним технологиям. Сотрудниками музея под руководством кандидата исторических наук археолога А. Я. Мартынова в 2009 году был проведен эксперимент и снят фильм, который будет транслироваться в экспозиции. На одной из лодок был преодолен путь от порта Рабочееостровск (г. Кемь) через архипелаг Кузова Белого моря до о. Большого Соловецкого, вследствие чего было доказано, что древние люди вполне могли передвигаться по морю на таких лодках.

В 1999 году в Карельском государственном краеведческом музее открылась интерактивная выставка «На пороге древнего мироздания», которая активно работает и сегодня, пользуясь большим спросом. Экспозиция посвящена культовым памятникам на территории Карелии: сейдам, лабиринтам, петроглифам. Экспозиция

⁹ Жилин М. Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы / РАН. Институт археологии. М.: Academia, 2004, с. 65.

¹⁰ Коваленко И. Добывание огня трением: некоторые итоги эксперимента // Проблемы археологии и этнографии Карелии, Вып. 4, Петрозаводск, 2002, с. 54.

¹¹ Там же, с. 54.

¹² Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое, с. 258.

¹³ Там же, с. 13.

¹⁴ Там же, с. 15.

¹⁵ И корабль плывет // СМ. Вестник, Периодическое издание Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника, 1 (65) июль 2009, с. 4.

состоит из трех залов, в которых посетители знакомятся с историей открытия культовых мест и их значением. На экспозиции представлены натуральные графитные копии петроглифов Онежского озера и Белого моря. Также в центре зала находится фрагмент скалы с петроглифами Пери Носа Онежского озера. Отдельный зал рассказывает о быте и жизни, занятиях первобытного человека. Экспозиция дополнена интерактивным материалом: репликами каменных топоров и тесел, стрелами, копьями, шаманским бубном. Это была первая экспозиция в Карелии с использованием интерактивного материала подобного рода. Одной из задач выставки было познакомить посетителя с бытом, промыслом, религиозными верованиями и мировоззрением, отношением к окружающей природе первобытных людей, населявших территорию Карелии.

В 2007 году неким продолжением экспозиции «На пороге древнего мироздания» стала передвижная интерактивная выставка «Петроглифы Карелии: образ мира и миры образов», сделанная А. М. Жульниковым и Ю. С. Александровым. Выставка состоит из 19 стендов с фотографиями наскальных рисунков Онеги и Белого моря, а в качестве сопровождающего материала имеются копия скалы с петроглифами из оргстекла, кубики с изображениями петроглифов Фенноскандии и т. д. «Петроглифы Карелии» также пользуется большой популярностью как в России, так и за рубежом, особенно благодаря интерактивным внедрениям.

В сентябре 2008 года был обновлен и дополнен интерактивный материал на выставке «На пороге древнего мироздания» Карельского государственного краеведческого музея. Недавно также были изготовлены новоделы по заказу КГКМ для постоянной экспозиции к разделу археологии. Этот материал представляет собой копии и новоделы археологических находок: копья, стрелы, каменные ножи, молоты, топоры, приборы для разведения огня трением, сверла, скребки и рамы для выделки кожи и т. д. Все новоделы представляют собой копии, иногда немного измененные, найденных артефактов, которые выполнены по всем правилам их производства. Занимаясь изготовлением орудий каменного века, рассказывая о древних технологиях на экскурсиях и показывая эти предметы, мы даем посетителю возможность соприкоснуться с очень важной частью человеческой истории.

Но не всегда стены музея могут позволить себе показать полный объем древних технологий. Иногда требуется открытое пространство, чтобы показать людям процесс изготовления и работу того или иного предмета, техники. Особенно это касается технологий, связанных с использованием огня. Выход из этого положения может быть представлен в ряде выездных программ и мастер-классов. Подобные программы проводились в округе Петрозаводска и различных районах Карелии при совместном сотрудничестве Карельского государственного краеведческого музея, Дворца творчества детей и юношества и КРОО «Центр первобытных технологий». Суть таких выездных программ, как «В гости к первобытным людям» и «Школа первобытных технологий» давала возможность детям поучаствовать в процессе изготовления различных орудий охоты и бытовых вещей, а также проверить их эффективность на практике. Все это сопровождалось игровыми и театрализованными костюмированными представлениями.

Для постоянной экспозиции Карельским государственным краеведческим музеем в таких выездных лагерях была отснята серия фильмов по первобытным технологиям. Фильмы раскрывают темы и показывают различные процессы обработки камня, изготовления керамических сосудов и изготовления форм для литья бронзовых топоров.

Современные технологические возможности многократно превосходят технику и возможности древних. Но не следует забывать о том, что без их «несложных» открытий было бы невозможно существование нашей развитой индустриальной цивилизации.¹⁶ Наши знания о людях, их поведении, отношении с природой, усвоение традиций и технических навыков могут сделать богаче нашу нынешнюю жизнь.

*Е. П. Смирнова,
Карельский государственный педагогический университет,
МОУ «Гимназия № 37» г. Петрозаводска*

Восстановление учреждений культуры и образования в районах Северного Приладожья в 1944–1950 гг.

Тема восстановления и дальнейшего освоения районов Северного Приладожья после окончания военных действий на данной территории в период Великой Отечественной войны остается малоисследованной в современной историографии. Целью данной работы является попытка изучить основные проблемы восстановления культурных и просветительных учреждений в приладожском регионе Карело-Финской ССР в первые послевоенные годы и период реализации четвертого пятилетнего плана.

Как известно, 19 сентября 1944 г. в Москве состоялось подписание соглашения о перемирии между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Финляндией, с другой. Данным соглашением восстанавливалось с некоторыми изменениями действие мирного договора между СССР и Финляндией, заключённого в Москве 12 марта 1940 г. Его пункты в значительной степени относились к Карелии. Финляндия должна была отвести

¹⁶ Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое, с. 258.

свои войска за линию советско-финляндской границы 1940 г. С освобождением территории Карело-Финской ССР, в том числе и в приладожских районах, началось возрождение мирной жизни, восстановление экономики и культуры, налаживание государственного административно-территориального управления.

Финляндские оккупанты нанесли огромный ущерб народному хозяйству Карело-Финской ССР, в том числе и культурно-просветительной сфере районов Северного Приладожья. Согласно данным актов комиссий по подсчету ущерба, причиненного захватчиками учреждениям Наркомата просвещения КФССР, например, в Сортавальском районе общий урон составил примерно 1 млн 890 тыс. рублей., в т. ч. зданиям культурно-бытового значения – около 425 тыс. рублей. Сумма ущерба Сортавальского городского отдела народного образования составила 510 тыс. рублей.¹ Как отмечалось в актах комиссий по оценке ущерба, за время оккупации в приладожских районах частично или полностью были разрушены здания культурно-просветительных учреждений, полностью уничтожены или вывезены книжные фонды школ и библиотек, школьная мебель, оборудование и т. п.

В первую очередь на территории Северного Приладожья начали восстанавливать школы и средние специальные учебные заведения. Районным и городским отделам народного образования пришлось решать много проблем в первые послевоенные годы. Им нужно было обеспечить финансирование образовательных учреждений, срочно укомплектовать школы учительским составом, организовать методическую помощь педагогам, провести родительские собрания, договориться о пополнении школьных библиотек из фондов публичной библиотеки города Петрозаводска, организовать сбор литературы у населения.

Школы в приладожских районах КФССР начали открываться с 1944 г., в частности на территории Питкярантского и Суоярвского районов, поскольку именно этот регион почти полностью был освобожден от оккупационных войск еще летом 1944 г. К примеру, в Питкярантском районе в этом году стали работать одна неполная и 8 начальных школ.² К 1 сентября 1945 г. в Питкярантском районе открыли еще одну начальную школу и реорганизовали Импилахтинскую среднюю школу в неполную и Орусъярвинскую неполную в начальную.³ Первой зав. Питкярантского РОНО стала Клавдия Дмитриевна Егорова.⁴

Осенью 1944 г. в Суоярвском районе начали работать одна неполная средняя школа в Суоярви и 5 начальных школ: Хаутоваарская, Риутоваарская, Леппясюрская, Хюрсюльская и Салонсаарская. Все начальные школы, кроме Хаутоваарской и начальных классов Суоярвской школы, открылись с большим опозданием. Например, учебные заведения в Хюрсюля и Салонсаари стали работать только с 22 ноября 1944 г. К концу 1944 г. начальным обучением в районе было охвачено 266 детей, и в 5–7 классах учился 31 человек. К началу учебного года во всех этих школах провели подготовительные работы: уборку и ремонт школ, перепись детей школьного возраста. Педагогическими кадрами все начальные учебные заведения были обеспечены полностью, но не хватало ряда учителей в неполной средней школе Суоярви.⁵ Первой зав. Суоярвского РОНО была назначена Ольга Дмитриевна Моисеева.⁶

В Куркиёском районе с 15 февраля 1945 г. начали работать три школы: Лахденпохская средняя, Куркиёкская и Элисенваарская семилетние, в которых к концу года закончили обучение 64 человека. В новом 1945/46 гг. открылись уже 16 школ с охватом учащихся в количестве 1248 человек. Лучшими учителями района этого учебного года стали А. И. Ульянова, З. В. Лукьянова, А. Ф. Анисимова и другие.⁷

Одной из главных задач стала организация школьного обучения детей переселенцев и в Сортавальском районе. На заседаниях исполкома горсовета и бюро горкома партии регулярно рассматривались проблемы школьного образования, а председатель горсовета А. И. Горбачев и первый секретарь ГК КП(б) И. И. Каргопольцев часто присутствовали на заседаниях педагогических советов, на первых экзаменах в школах. Они регулярно проводили совещания с учителями по материально-бытовым вопросам и проблемам участия педагогов в общественной жизни города. Первой заведующей городским отделом народного образования после окончания войны стала Валентина Софроновна Грубенко.⁸

В январе 1945 г. в г. Сортавала начала работать первая школа. Под руководством 15 учителей к занятиям приступили 390 детей. Когда школа открылась, на 5 начальных классов приходилось два учителя.⁹

1 сентября 1945 г. в Сортавала открылись уже 2 школы: средняя и неполная средняя с охватом учащихся 1393 человека.¹⁰ К началу работы этих заведений были проделаны большие подготовительные мероприятия. В здании средней школы отремонтировали отопительную систему, водопровод, канализацию, остеклили окна, в октябре восстановили свет, собрали и завезли парты на 960 мест. В семилетней школе также восстановили

¹ НАРК. ф. Р-1192. оп. 2. д. 45/464. л. 2–3.

² НАРК. ф. 223. оп. 1. д. 105. л. 54.

³ Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. 1944–1950: Документы и материалы. – Петрозаводск: Карелия, 1988. С. 97.

⁴ НАРК. ф. Р-1192. оп. 2. д. 45/465. л. 10.

⁵ НАРК. ф. 231. оп. 4. д. 9. л. 52–53.

⁶ НАРК. ф. Р-1192. оп. 2. д. 45/465. л. 4.

⁷ НАРК. ф. 1086. оп. 1. д. 75. л. 2, 5–6.

⁸ Филимончик С. Н., Аноприева С. А. Общеобразовательные школы Сортавалы в послевоенное время (1945–1950 гг.).

// Сортавальский исторический сборник. Вып. 1. – Петрозаводск, 2005. С. 190–191.

⁹ Там же. С. 191.

¹⁰ НАРК. ф. 224. оп. 1. д. 132. л. 13.

водопровод. Побелили потолки в классах, выкрасили и отремонтировали парты на 150 мест. В подготовке к новому учебному году активное участие принимали рабочие железнодорожного узла города Сортавала.¹¹

Другой трудностью в организации школ в Сортавала был недостаток педагогических кадров. К примеру, в первом полугодии 1945/1946 учебного года из-за отсутствия учителей не преподавались физика и математика, в течение всего года – астрономия в 10 классе, рисование и черчение в 5–10 классах. Но уже в следующем году в школах города преподавались все предметы.¹² Недостаток кадров учителей был характерен и для школ других приладожских районов.

Как лучших учителей г. Сортавала в 1945/1946 году, преподававших в первых классах, отмечали Елизавету Емельяновну Енохову, Феоктисту Кирилловну Козлову и Елизавету Федоровну Бульякову. Среди лучших педагогов-предметников упоминались преподаватель географии семилетней и средней школ Нина Васильевна Пазденина. Хороших результатов также добивались учительницы русского языка и литературного чтения Клавдия Дмитриевна Иванова и иностранного языка Эдна Вениаминовна Раяла.¹³

Всего же в 1945/46 учебном году в районах Северного Приладожья открылись 80 школ: в Сортавальском районе – 34 школы, в Куркиёкском – 15, в Питкярантском – 16, в Суоярвском – 15. В них начали обучаться в начале сентября 1945 г. 6112 человек.¹⁴ Однако уже в середине учебного года количество учеников в Суоярвском, Куркиёкском и Питкярантском районах значительно снизилось. Причинами этого стали отсутствие у многих детей теплой одежды и обуви, отдаленность школ от дома, работа на предприятиях и в учреждениях, помощь родителям по дому и другие.

В первые послевоенные годы на территории Северного Приладожья начали работать и профессиональные средние учебные заведения. С 1 октября 1944 г. в селе Импилахти Питкярантского района предполагалось организовать республиканскую сельскохозяйственную школу на 150 человек. Она должна была готовить специалистов средней квалификации, а именно: техникув-полеводов, техникув-животноводов и ветеринарных фельдшеров. Продолжительность занятий определялась в один год.¹⁵

Начали работу и средние учебные заведения в Сортавала. В районном центре в 1945 г. открылись четыре техникума: сельскохозяйственный (директор Бразгин), финансово-экономический (директор Маразмин), физкультурный и лесотехнический, школа ФЗО связи, профтехшкола промсовета и школа работников полиграфии на базе книжной типографии.¹⁶

Физкультурный техникум начал работать с мая 1945 г. Для организации учебы сюда прибыли преподаватели Ленинградского института физической культуры. 10 мая 1945 г. к занятиям приступила первая группа учащихся. В этом учебном году в техникуме планировалась работа только одного первого курса. Учебное заведение готовило инструкторов по физкультуре и спорту.¹⁷

Однако средние учебные заведения начали первый учебный год с большими трудностями: не был проведен ремонт учебных зданий и общежитий для студентов, большинство учреждений не обеспечили на зиму дровами, а также во всех техникумах имелся большой недобор учащихся.

Еще одной задачей, стоявшей перед правительством в послевоенные годы, была организация детских домов для детей-сирот. В 1945 г. было решено организовать один из детских домов в городе Лахденпохья. Его директором стал демобилизованный по тяжелому ранению фронтовик Петр Александрович Талонпойка.¹⁸ Со всей Карелии привозили в Лахденпохский детский дом девочек, родители которых погибли, пропали без вести во время войны. По воспоминаниям одного из работников детского дома известно, что в первые послевоенные годы детей разделяли по полам: мальчиков отправляли в один детский дом, девочек – в другой. Так, в Лахденпохья привозили девочек. Для мальчиков детский дом на 400 мест был организован в поселке Салми.

Поезд на станцию Яккима в те годы приходил ночью, и каждый раз встречал детей сам директор детского дома. Малышей сажали в телегу, а старшие преодолевали трехкилометровое расстояние до дома пешком. В общем в детском доме в Лахденпохья были размещены 250 девочек.¹⁹ В первые годы здесь работали всего 4 воспитателя.²⁰

После войны детский дом переживал большие материальные трудности. Ему помогали правительство республики, местные предприятия, даже организации города Ленинграда. Уже в первый послевоенный год в детском доме появились новые никелированные кровати, сортавальцы подарили суконные одеяла.²¹

В освобожденных районах Северного Приладожья начала оживать и культурная жизнь. Вскоре после подписания перемирия между СССР и Финляндией из Петрозаводска в Сортавала выехал на гастроли театр

¹¹ Филимончик С. Н., Аноприева С. А. Указ. соч. С. 192.

¹² Филимончик С. Н., Аноприева С. А. Указ. соч. С. 194.

¹³ Там же. С. 193.

¹⁴ НАРК. ф. 1394. оп. 6. д. 281. л. 15–16.

¹⁵ Ленинское Знамя. 1944. 24 ноября.

¹⁶ НАРК. ф. 8. оп. 1. д. 1535. л. 52.

¹⁷ Ленинское Знамя. 1945. 16 мая.

¹⁸ Нейкен Л. Л. Лахденпохья. – Петрозаводск, 1989. С. 88.

¹⁹ Граница и люди: Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка. – СПб, 2005. С. 63.

²⁰ Там же. С. 64.

²¹ Нейкен Л. Л. Лахденпохья. С. 88.

музыкальной комедии. 20 октября 1944 г. его артисты показали первую постановку в освобожденном городе – «Свадьба в Малиновке». Театр пробыл на гастролях две недели и показал жителям Сортавала, бойцам и офицерам местного гарнизона оперетты «Роз-мари», «Марица», «Раскинулось море широко» и другие.²² В Суоярви и Импилахти с января по июль 1945 г. было дано 7 концертов бригадой республиканской Филармонии.²³

С 15 сентября 1944 г. начал работать Суоярвский районный отдел кинофикации. К этому времени сюда была направлена первая немая кинопередвижка из Пудожя. К декабрю 1944 г. в Суоярвском районе имелось две киноустановки, в Питкярантском – одна.²⁴ В Сортавале в 1945 г. начали работу театр русской драмы на 560 мест и кинотеатр на 200 мест.²⁵

Открывались в районах Северного Приладожья также клубы, библиотеки, красные уголки. К июню 1945 г. здесь открыли 3 дома культуры, 3 районных библиотеки, 15 изб-читален и 16 сельских библиотек.²⁶

Но нужно отметить, что новое строительство учреждений культуры в послевоенные годы велось медленно. Под руководством горкомов и райкомов партии в этот период в республике проводилась большая работа по повышению уровня общеобразовательных знаний и специальной подготовки работников культуры. Для этого систематически проводились семинары, курсы, организовывалось заочное обучение. Например, Куркиёкский райком партии для повышения деловой квалификации работников культуры проводил 2-х – 3-х-дневные семинары при отделе культпросветработы исполкома райсовета, на которых изучались вопросы методики работы клубов, библиотек.²⁷ В целом, в 1944–1945 гг. в приладожских районах Карело-Финской ССР, несмотря на многочисленные трудности послевоенного времени, была проделана большая работа по восстановлению ряда учреждений образования и культуры.

В марте 1946 г. Верховный Совет СССР принял 4-й план развития народного хозяйства. Его основной задачей было восстановление пострадавших районов страны, достижение довоенного уровня промышленности и сельского хозяйства. В соответствии с этим планом пятая сессия Верховного Совета КФССР в июле 1946 г. утвердила закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства республики. Большие задачи ставились и для дальнейшего развития деятельности культурно-просветительных учреждений КФССР, в том числе и для приладожских районов.

ЦК Компартии КФССР разработал меры по оказанию помощи культурно-просветительным учреждениям республики. Еще в октябре 1945 г. было принято постановление ЦК КП(б) и СНК КФССР «О мероприятиях по улучшению культурно-просветительной работы в КФССР». Оно предусматривало восстановление клубов и библиотек, развертывание художественной самодеятельности, расширение материальной базы учреждений культуры, укомплектование их политически грамотными и подготовленными кадрами из числа партийного, профсоюзного и комсомольского актива. Был принят пятилетний план восстановления сети культурно-просветительных учреждений Карелии.²⁸

В августе 1946 г. состоялось республиканское совещание культурно-просветительных работников, на котором центральным вопросом стало обсуждение пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства и культуры КФССР на 1946–1950 гг. и определялись основные задачи деятельности культпросветучреждений. Согласно резолюции, принятой по итогам данного совещания, было предусмотрено расширение сети культурно-просветительных учреждений в республике и переход их деятельности на качественно новый уровень, удовлетворяющий возрастающим культурным запросам населения.

Все эти рекомендации получили районные и городские отделы образования Северного Приладожья. Согласно им, в 1946 г. были разработаны пятилетние планы развития сети учреждений культуры и образования в Куркиёкском, Сортавальском, Питкярантском и Сортавальском районах. Например, в Куркиёкском районе намечалось провести мероприятия по увеличению сети библиотек и их книжных фондов следующим образом. В 1946 г. начали работу одна городская библиотека (г. Лахденпохья) с книжным фондом 6 тыс. книг и 11 сельских библиотек с фондами по 500 экземпляров книг. К 1950 г. планировалось увечить книжный фонд лахденпохской библиотеки до 25 тыс. книг, количество сельских библиотек до 22 с книжными фондами по 2,5 тыс. книг.²⁹ Подобные мероприятия планировались во всех приладожских районах в отношении всех направлений деятельности учреждений культуры и образования.

В 1946–1950 гг. активно восстанавливались общеобразовательные и средние учебные заведения в районах Приладожской Карелии. В 1946/1947 учебном году в Сортавале начали работать еще две начальных школы, в том числе одна в совхозе № 1. В 1948/1949 учебном году в городе открыли еще одну семилетнюю школу на 500 учащихся. Практически все школы во второй половине 1940-х годов работали в две смены. Кроме этого, в здании средней школы разместились также вечерняя школа, детская спортивная школа и методический кабинет.

²² Ленинское Знамя. 1944. 24 октября.

²³ НАРК. ф. 8. оп. 1. д. 1598. л. 6.

²⁴ НАРК. ф. 8. оп. 1. д. 1258. л. 8, 18.

²⁵ Там же. д. 1535. л. 8.

²⁶ НАРК. ф. 8. оп. 1. д. 1598. л. 34.

²⁷ Федорович Г. А. Восстановление и деятельность культурно-просветительных учреждений Карелии в 1946–1950 гг. // 50 лет Советской Карелии. – Петрозаводск, 1970. С. 172.

²⁸ Федорович Г. А. Указ. соч. С. 169.

²⁹ НАРК. ф. Р-2602. оп. 1. д. 1/3. л. 1.

В 1946/1947 учебном году в школах города Сортавала начали обучаться 1841 человек. Таким образом, по сравнению с предыдущим годом количество школьников увеличилось на 605 человек.³⁰ В 1947/48 учебном году количество школ в Сортавальском районе увеличилось до 43. В связи с ростом числа общеобразовательных учреждений и необходимости их оснащения в бюджете района расходы на просвещение возросли на 54 %.³¹

В Суоярвском районе к середине пятилетки количество школ возросло до 22. Лучшими учителями района в 1947/1948 учебном году стали И. И. Мюхинен, П. П. Анисимова, К. Г. Карпович, Л. В. Ермакова и другие.³² В Куркиёкском районе в сентябре 1947 г. открылись двери 35 школ с количеством учащихся 2610 человек, в 1948 г. – уже 36 школ, а к концу 1949 г. – 41 школа, в которых обучалось 3282 человека.³³

Однако в своей работе школы сталкивались с многочисленными трудностями. Так, на создание учебных кабинетов всем школам, независимо от их величины и степени оснащенности, выделялось по 300 рублей на класс. Но такое положение привело к тому, что в кабинетах многих школ не было практически никаких учебных пособий, кроме географических карт. Особенно не хватало оборудования для проведения занятий по физике и по химии.

Большинство школ в первые послевоенные годы практически не имели школьных библиотек. А правительством на их создание выделялось всего по 100 рублей на одно учебное учреждение. Этих средств, конечно, было недостаточно для организации хороших книжных фондов для школьников.

В приладожских районах в конце 1940-х годов сохранялась хуторная система поселения, и поэтому значительное количество детей здесь вынуждены были жить в интернатах. К примеру, в Сортавальском районе в 1946 г. в интернатах при школах проживали 800 детей. А в связи с открытием в новом учебном году 4-х школ в совхозах их количество увеличивалось до 1000 человек. Однако в бюджете средства на их содержание также не были заложены.³⁴ Такая проблема была характерна и для других приладожских районов.

16 июня 1949 г. Совет Министров и ЦК КП(б) республики Карелия приняли постановление «О введении всеобщего обязательного семилетнего обучения детей в КФССР». Как и в целом по Карело-Финской ССР, в приладожских районах этот закон выполнялся неудовлетворительно. Особенно большой отсев учащихся из школ в 1949/1950 учебный год наблюдался в Куркиёкском, Питкярантском и Суоярвском районах. Причиной этого были болезни детей, отдаленность населенных пунктов от школ, помощь родителям по хозяйству, исключение из школы и некоторые другие.³⁵

В целях улучшения музыкального образования у населения в послевоенные годы открывались новые музыкальные школы, в том числе одна из них была организована в городе Сортавала.³⁶

Помимо того, в районах Северного Приладожья восстанавливались профессиональные средние учебные заведения. В Карелии, как и во всей стране, обеспечение кадрами различных отраслей сельского хозяйства осуществлялось через систему высших и средних учебных заведений, а также путем курсового обучения и повышения квалификации. В решении этого вопроса важную роль сыграл сельскохозяйственный техникум в Сортавале. В начале Великой Отечественной войны это учебное заведение эвакуировали в Пудож, а в 1945 г. он вновь возвратился в Сортавалу.³⁷ После войны в нем готовили кадры традиционных профессий данной отрасли экономики: агрономов, зоотехников, ветработников, землеустроителей. В 1949 г. в техникуме были открыты три новых отделения: гидромелиорации, механизации и электрификации сельскохозяйственного производства. Помимо расширения количества профессий, в техникуме увеличили прием и выпуск учащихся.

В 1950 г. при Сортавальском сельскохозяйственном техникуме открыли заочное отделение. Здесь начали готовить зоотехников, агрономов и техников-механиков. Однако по ряду причин, в том числе из-за невыполнения плана приема, низкой успеваемости части учащихся, отсева, выпуски специалистов были немногочисленными. Например, в первый год обучения план приема был выполнен менее чем наполовину. Из 24 поступивших прошли полный курс программы в установленный срок лишь два человека.³⁸

В первую послевоенную пятилетку в связи с возрождением колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций потребность в руководителях и специалистах сельского хозяйства резко возросла. В таких условиях основное внимание было уделено организации краткосрочных форм обучения, позволявшим наиболее быстро если не ликвидировать, то хотя бы существенно уменьшить недостаток в кадрах. Поэтому вскоре после войны начала работу межрайонная курсовая школа в Куркиёки. Повсеместно при райсельхозотделах открывались краткосрочные курсы, на которых готовили специалистов различных профессий, но прежде всего руководителей.

³⁰ Филимончик С. Н., Аноприева С. А. Указ. соч. С. 191, 193.

³¹ Первая сессия Верховного Совета КФССР. 15–19 апреля 1947 г.: Стенографический отчет. – Петрозаводск, 1947. С. 98.

³² Ленинский путь. 1947. 16 января; 1948. 4 апреля.

³³ НАРК. ф. 1086. оп. 1. д. 138. л. 12; д. 214. л. 20, 25.

³⁴ Первая сессия Верховного Совета КФССР. 15–19 апреля 1947 г. С. 99.

³⁵ Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. С. 105, 107.

³⁶ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 752.

³⁷ Сортавальский совхоз-техникум. – Петрозаводск, 1980. С. 4.

³⁸ Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии в 1945–1960 гг.: Историко-социологические очерки. – Л., 1988. С. 107.

В 1947 г. на базе Куркиёвской межрайонной курсовой школы были созданы одногодичная сельскохозяйственная школа счетоводов и одногодичная сельскохозяйственная школа животноводов в Лахденпохья. За период их деятельности (до 1956 г.), по неполным данным, здесь было подготовлено и переобучено около 1,5 тысячи специалистов и руководителей различных отраслей сельскохозяйственного производства.³⁹ Школа механизации в начале 50-х годов была перенесена из Куркиёки в Лахденпохья. Впоследствии ее преобразовали в профтехучилище.⁴⁰

Активно оживлялась в годы первой послевоенной пятилетки культурная жизнь в приладожских районах Карело-Финской ССР. Неоднократно в районы Северного Приладожья в течение 1946–1950 гг. приезжал с концертами и спектаклями Государственный национальный драматический театр. Так, по сообщению директора театра Киуру, например, с 1 января по 15 сентября 1948 г. театр проводил значительную работу по культурному обслуживанию населения сельской местности, в том числе и приладожских районов. За этот период были даны концерты и спектакли в колхозах, рабочих поселках лесной и целлюлозно-бумажной промышленности и районных центрах в Питкярантском, Сортавальском, Куркиёвском и Суоярвском районах.⁴¹ В 1950 г. открылся еще один театр в Карелии – передвижной драматический театр в Сортавала, обслуживавший районы республики.⁴²

В годы четвертой пятилетки в Северном Приладожье вновь стали издаваться районные газеты. Они сохранили за собой довоенные названия («Колхозная Правда» в Куркиёвском районе, «Ленинский Путь» в Суоярвском, «Новая Ладога» в Питкярантском и «Красное Знамя» в Сортавальском).

Медленно шло в 1946–1950 гг. восстановление библиотек, домов культуры и других учреждений культуры на селе. К примеру, в сельских библиотеках Сортавальского района было очень мало художественной литературы, журналов и газет. Почти не было детских книг.

В Куркиёвском районе к началу 1948 г. было создано всего 9 изб-читален, 11 сельских библиотек, районный Дом Культуры и районная библиотека.⁴³ Большая работа культурно-просветительными учреждениями велась среди тружеников сельского хозяйства. Например, работники клубов Сортавальского района за июль–август 1946 г. провели в поле сотни докладов и бесед, на которых присутствовало несколько тысяч человек, также совместно с коллективами художественной самодеятельности устраивали для полеводов концерты. Активизировалась деятельность Сортавальской районной библиотеки, расширился круг её читателей.⁴⁴

В итоге, можно отметить, что постепенная работа по улучшению деятельности культурно-просветительных учреждений привела к тому, что в приладожских районах к 1950 г. их сеть значительно увеличилась. Однако, несмотря на выделение значительных средств на совершенствование материально-технической базы клубов, библиотек, школ и т.п., здесь оставалось еще много нерешенных проблем, связанных с тяжелым периодом восстановления всего народного хозяйства Карело-Финской ССР и Советского Союза в целом.

Источники

1. Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского Перешейка / науч. ред. Е. А. Мельникова. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2005. – 484 с.
2. Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. 1944–1950: Документы и материалы. – Петрозаводск: Карелия, 1988. – 150 с.
3. Куркиевский районный комитет КП(б) КФССР // НАРК. Ф. 1086.
4. Ленинский путь (1947 г.).
5. Ленинское Знамя (1944–1945 гг.).
6. Наркомат просвещения КФССР; Министерство просвещения КФССР (с 1946 г.) // НАРК. ф. Р-1192.
7. Отдел культпросвет работы Куркиевского района // НАРК. ф. Р-2602.
8. Первая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. 15–19 апреля 1947 г.: Стенографический отчет. – Петрозаводск: Изд. Верховного Совета КФССР, 1947. – 200 с.
9. Питкярантский районный комитет КП (б) КФССР // НАРК. Ф. 223.
10. Совет Народных Комиссаров КФССР; Совет Министров КФССР (с 1946 г.) // НАРК. Ф. 1394.
11. Сортавальский городской комитет КП (б) КФССР // НАРК. Ф. 224.
12. Суоярвский районный комитет КП(б) КФССР // НАРК. Ф. 231.

³⁹ Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Указ. соч. С. 108–109.

⁴⁰ Петров И. В., Петрова М. И. Лахденпохский район. От каменного века до наших дней // Сайт Куркиевского краеведческого центра «Кирияж». – Режим доступа: <http://kirjazh.spb.ru/history.htm>.

⁴¹ Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. С. 118.

⁴² История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 753.

⁴³ НАРК. ф. 1086. оп. 1. д. 174. л. 13.

⁴⁴ Федорович Г. А. Указ. соч. С. 174.

Литература

1. История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева, А. И. Бутвило, Л. И. Вавулинская и др. ; под общ. ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. – Петрозаводск : Периодика, 2001. – 943 с.
2. Клементьев Е. И. Сельская среда и население Карелии в 1945–1960 гг. : Историко-социологические очерки / Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов. – Л. : Наука, 1988. – 214 с.
3. Нейкен Л. Л. Лахденпохья / Л. Л. Нейкен. – Петрозаводск : Карелия, 1989. – 96 с.
4. Петров И. В., Петрова М. И. Лахденпохский район. От каменного века до наших дней // Сайт Куркиекского краеведческого центра «Кирияж». – Режим доступа: <http://kirjazh.spb.ru/history.htm>.
5. Сортавальский совхоз-техникум / отв. за вып. Р. Э. Вильнер. – Петрозаводск : Карелия, 1980. – 15 с.
6. Федорович Г. А. Восстановление и деятельность культурно-просветительных учреждений в Карелии в 1946–1950 гг. / Г. А. Григорович // 50 лет Советской Карелии / редкол.: А. И. Афанасьева, В. И. Машезерский, К. А. Морозов. – Петрозаводск, 1970. – С. 168–179.
7. Филимончик С. Н. Общеобразовательные школы Сортавалы в послевоенное время (1945–1950 гг.) / С. Н. Филимончик, С. А. Аноприева // Сортавальский исторический сборник. Вып. 1. Материалы I международной научно-просветительской краеведческой конференции «370 лет Сортавала» / редкол.: Т. Ю. Бердяева, С. Г. Веригин, А. М. Пашков. – Петрозаводск, 2005. – С. 190–201.

Г. В. Кудрявцева,
МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 6» г. Петрозаводска

Пушкин и Карелия

Долгое время занимаясь литературным краеведением, я заинтересовалась темой «Пушкин и Карелия», попыталась обобщить этот материал и популяризировать его, учитывая как интерес к теме, так и приближающуюся дату 210-летия со дня рождения поэта. Определенные аспекты этой темы находила в целом ряде источников.

Общеизвестно, что Александр Сергеевич никогда не был ни на Севере, ни в нашем крае, но еще до революции одна из улиц столицы была названа его именем – Пушкинская. В нашем городе живет и трудится прямыми потомками Пушкина – профессор Лидия Савельева и ее сын Евгений Тарланов.

Зримые и незримые ниточки – знакомств, дружеских посланий, откликов на них – говорят о том, что Пушкин знал о крае, держал в поле своего внимания то, что появлялось на литературном небосклоне, имя его придет легендарной в наш край, как отклик народный на боль от великой потери.

Пушкин и Карелия... Первое знакомство с краем уходит в лицейские годы поэта. Этот факт его биографии известен всем: «Державина видел я только однажды в жизни...» – так начинаются воспоминания Пушкина о его великом поэте-предшественнике. Произошло это так: Царское Село. Лицей. 8 августа 1815 г. Публичный экзамен. На него приглашен почтенный лет человек, который дремал до того времени, пока не начался экзамен по русской словесности. «Тут он оживился, глаза заблестели: он преобразился весь, – вспоминал об этой встрече Пушкин. – Разумеется, читаны были его стихи, разбирали его стихи, поминутно хвалили его стихи. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе» стоя в двух шагах от Державина. Я не в состоянии описать состояние души моей, когда дошел я до стиха, где упоминается имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося упоительным восторгом!...». Державин был в восхищении. Он назвал юного поэта своим преемником. «Державин ...был очень стар», – отметит Пушкин, и наш образ великого поэта все время соотносится с ним. «Старик Державин нас заметил...» Действительно, к тому времени у Гаврилы Романовича позади была большая жизнь государственного деятеля и придворного поэта. Одна из ее страниц связана с нашим краем. С Петрозаводском. 22 мая 1784 г. Екатерина II подписала указ о переименовании Олонецкой области в наместничество и об учреждении в губернском городе Петрозаводске губернских присутственных мест. Правителем нового наместничества он и был назначен. При пушечных выстрелах, звуках труб, барабанном бое и колокольном во всем городе звоне, Петрозаводск был объявлен губернским городом.. Державин приедет в город 25 мая и поселится в специально для него подготовленном доме в конце улицы Английской (ныне проспект К. Маркса) в длинном – 11 окон по фасаду – здании. Дом, к сожалению, не сохранился: его сожгли перед оккупацией города в 1941 году. На его месте теперь здание Кареллеспрома и лишь мемориальная доска напоминает об этом историческом в жизни города событии. Конечно, Державин приехал сюда не стихи писать (даже знаменитую оду «Водопад» он начнет писать в 1791 г.), а исполнять обязанности высокого должностного лица. Как ревностный исполнитель и образованный человек, Державин многое пытался организовать для жителей. С его именем связывают открытие первой больницы на 30 мест: «на 25 человек без платы и на 5 с за-

платой». Державин составил ее первый устав, в его проектах были организация городской музыки, народного училища, библиотеки. Говорят, что Державин с собой привез не только канцелярских работников и мебель для канцелярии, но и библиотеку из 2 тыс. томов. Дороги тоже были в поле его внимания. Но не сошелся он взглядами на государственное устройство с генерал-губернатором Тутолминым – нашла косога на камень – и даже свое путешествие по Карелии он совершал, чтобы сравнить «с натурой» описание, которое составил об Олонецком крае Т. И. Тутолмин с целью доказать, что в нем много ошибок. По дороге губернатор вел записи. Так родилась интереснейшая «Поденная записка», где фиксировались все впечатления его длительного путешествия (а это около 1500 км). Два летних месяца по бездорожью, по воде – утомительная дорога...». Гавриле Романовичу 41 год, – правда, по меркам XIX века это много – но человеком он был физически крепким и на здоровье не жаловался. В его «Записке», не потерявшей ценности и по сей день, мы читаем прозаические строки о Киваче, где только штрихи – черточки тех поэтических строк, что восхитят современников. А они восхитят. Об этом есть упоминание в тех же воспоминаниях Пушкина: «...мы все волновались. Узнав, что на экзамене будет он (Державин) Дельвиг вышел на лестницу, чтобы поцеловать ему руку, руку, написавшую «Водопад». Пушкин тоже считал эту оду лучшим произведением Державина. А кто у нас в крае не слышал о ней, оде, посвященной Кивачу, и, стоя у падуна (старинное название водопада), невольно не цитировал эти строки, ставшие хрестоматийными? Вчитайтесь в них еще раз:

*Алмазна сыплется гора
С высот четырема скалами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит...*

Зримая картина! Не так ли? Сколько еще хвалебных строк посвятят Кивачу, но не потеряются, не померкнут в их множестве эти строки. Ими восхищался и Пушкин. Так еще в юности услышал будущий первый поэт России о нашем крае, с которым ему еще предстоит познакомиться и через личные встречи, и через строчки дружеских посланий.

...Известно, что Е. А. Энгельгардт – будущий директор Лицея – побывал в Карелии в 1812 г. и П. П. Свиныин – издатель «Отечественных записок» – на заседаниях Общества любителей российской словесности выступал с рассказами о своих поездках по северу. И от них Пушкин несомненно слышал о крае. Дружеские послания из Карелии тоже не заставили себя ждать.

Одно из них начиналось так: «Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину в знак отличного уважения и преданности от сочинителя» – это дарственная надпись на поэтическом послании из Петрозаводска. Время – 1830 год... Послание: описательное стихотворение в 4-х частях. Название: «Карелия». Автор **Федор Николаевич Глинка**. Среди множества его заслуг и должностей – должность председателя Общества любителей русской словесности, где собирались и лицеисты. И, конечно, Пушкин – постоянная его любовь и забота. Глинка – участник войны 1812 года, заграничных походов, гвардии полковник. Блестящий офицер, награжденный золотым оружием «За храбрость», член литературно-политического общества «Зеленая лампа», Союза спасения и Союза благоденствия. Он поражае разносторонностью своих взглядов. «Истинным другом человечества» называли его современники. Он пользовался уважением Жуковского, Батюшкова, Гнедича... Он был другом Пушкина. В сборниках лирических стихов поэта находим и строки, посвященные Глинке:

*Но голос твой был мне отрадой
Великодушный гражданин...*

– как отклик на послание «К Пушкину». Ему около 40 лет, невысокий, темноволосый, полный сил, энергии, планов.

И вдруг заснеженный Олонецкий край и долгие четыре года ссылки. Привлеченный по делу декабристов, Глинка сослан под надзор полиции и 30 июня доставлен в Петрозаводск. В письмах к друзьям он жалуется на свою судьбу, судьбу человека утомленного чтением безобразной приказной прозы и «непостижимым единообразием» здешней жизни. Но как ни томительна была она, Глинка проявил интерес к краю – стране, погруженной «во глубину дремучих, древних лесов». Многочисленные псалмы (над которыми иронизировал и Пушкин), стихи, романсы (романс «Не слышно шуму городского» из стихотворения «Сон русского на чужбине» до сих пор пользуется популярностью), поэмы, написанные в Петрозаводске – одна из ярких страниц творчества Глинки. В 1930 году описательное стихотворение «Карелия» выходит отдельным изданием. Первый его экземпляр автор посылает Пушкину с известной Вам надписью. А в сопроводительном письме Федор Николаевич пишет: «Приемлю смелость (хоть и трудно на это отважиться!) препроводить к Вам мою Карелию, – произведение лесное и горно-каменное. Наши критики читают глазами то, что написано от души: но Вы... может быть заметите в Карелии чувствования, незаметные другим или другими пренебрегаемые. Примите благосклонно мою лесную сироту и верьте искренней преданности и совершенному почтению...». И Пушкин откликнулся. О том, что он заинтересованно прочел ее, свидетельствует весьма доброжелательная рецензия в «Литературной газете» № 10 за тот же 1830 год. Прочитав поэму Глинки, ознакомившись с ее приложениями, которые справедливо считаются «краеведческими очерками в стихах», Пушкин мог получить полное представление о нашем крае, его богатствах, природе, обычаях, устном народном творчестве. Ни один достойный внимания эпизод, считают исследователи, не укрылся от внимания Александра Сергеевича. Выписывая около десятка страниц, включив туда и строки о языке карел и УНТ, Пушкин особо подчеркивает строки о Киваче – память о Державине? – и восемь больших отрывков из поэмы он цитирует в статье «для угождения наших чи-

тателей», что наверняка свидетельствует о том, что он разделяет «теплоту чувств» по отношению к краю. Самыми удачными он считал картины, посвященные величественной природе Карелии. Прочтите и Вы отрывки из глав, которые приводит Пушкин как доказательство того, что «из всех наших поэтов Ф. Глинка самый оригинальный». А Вашему вниманию предлагаю строки, описывающие Карелию в разные времена года.

Весна:

*Здесь поздно настаёт весна:
...там долго снег лежит буграми,
И долго лёд над озерами
Упрямо жмётся к берегам.
Цветок синее подснежный
И мох цветистый оживёт
Над трещиной скалы прибрежной:
А серый безобразный лёд
(когда глядишь на даль с высот)
Большими пятнами темнеет,
И от воды студёным веет...
И жизнь молчит, и по горам
Бедна карельская берёза:
И в самом мае по утрам
Блещет серебро мороза...*

Осень:

*...Но живописна ваша осень,
Страны Карелии пустой:
С своей палитрой дивной кистью
Неизъяснимой пестротой
Она златит, малюет листья:
Янтарь и яхонт и рубин
Горят на сих древесных купах,
И кудри алые рябин
Висят на мраморных уступах.*

Этим строкам более 170 лет.

В нашей «подстоличной» отбывал ссылку и **Святослав Афанасьевич Раевский**. А причиной был Пушкин, вернее, память о нём.

Трагический день 27 января 1837 года. Вся скорбящая Россия твердила наизусть ходившие в рукописных списках строчки, запоминающиеся мгновенно:

*Погиб поэт, невольник чести,
Пал, оклеветанный молвой...*

И последние 16 строк, что лягут на стол к царю с пометкой «воззвание к революции»:

*Вы, жадною толпою стоящие у трона,
Свободы, гения и славы палачи...*

«Винных» искать долго не пришлось. Автор – М. Ю. Лермонтов, 24-летний поэт – лирик, в мгновение ставший Поэтом, гласом народным – был сослан на Кавказ, под чеченские пули, а 30-летний распространитель – С. А. Раевский, «его приятель» (А. Тургенев) – в Олонецкую холодную губернную. Исследования карельских историков позволили расширить круг знаний об этом человеке и о Петрозаводском периоде его жизни. В «Краеведе Карелии» за 1990 вы найдете этот материал. И о том, что его крестной матерью была Е. А. Арсеньева – бабушка Лермонтова. Иногда он жил в их доме. Время его обучения в Московском университете совпало с движением декабристов и их разгромом, но он остался верен их идеям. Занимая высокий государственный пост – должность столоначальника департамента военных поселений Военного министерства – он постоянный посетитель «пятниц» у А. А. Краевского, где собиралось все Пушкинское окружение и Святослав Афанасьевич имел «значительные литературные связи». Был ли он представлен Пушкину? История умалчивает, но их духовная близость очевидна. Его поступок – подтверждение этого. Сосланный на два года в наш город чиновником при губернаторе Дашкове, он берётся за издание первой в Карелии газеты «Олонецкие губернские ведомости» и ведёт её неофициальную (краеведческую) часть, целью своей определив, что изучение и описание каждой страны «составляет непрременную обязанность образованного туземца». Помните у Пушкина: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков такой, какой нам бог её дал»? Раевский взялся за её изучение, его статьи станут началом большого дела. Первая попытка научно изучить край, его историю, культуру, этнографию принадлежит ему. Он привлечёт внимание собирателей к фольклору Олонецкой губернии, пробудит интерес у местных краеведов. До конца ссылки он будет вести эту работу, считая это долгом гражданина. В Карелии будут открыты «острова сказок», «Исландия русского эпоса» и, конечно, имена их носителей.

Нет сомнения, что разговор о Карелии заходил у Пушкина и с выходцами из нашего края.

Владимир Григорьевич Бенедиктов. Его детство прошло в Петрозаводске. С 1819 по 1821 год он учился в Олонецкой мужской гимназии (ныне Музей изобразительных искусств). Здесь пробудился в нем поэтический

дар. Может, следуя пушкинской традиции, отмечать день лица стихами, Бенедиктов, встретясь с однокурсниками через 20 лет после окончания гимназии, за дружеским столом прочтет стихотворение «К товарищам детства», где вспомнит наш город Петрозаводск:

*В краю, где природа свой лик величавый
Венчает суровым сосновым венцом
И, снегом напудрив столетни дубравы,
Льдом землю грунтует, а небо – свинцом...
Там, други, по воле святой провиденья
Нам было счастливое детство дано...*

Уехав в Петербург, он довольно успешно будет служить в министерстве финансов, дослужится до высоко-го чина. А встречаться с Пушкиным он будет на «субботах» у Жуковского и в литературных салонах. И однажды о нем заговорят как о новом поэте, «пришедшем на смену Пушкину еще при его жизни». Возможно, прав Гоголь, говоря, что Пушкин «был для всех поэтов ему contemporaries точно поэтический огонь, от которого, как свечи зажигались другие самоцветные поэты. Вокруг него их образовалось целое созвездие». Дважды будет вспыхивать звезда Бенедиктова, восхищая современников. Едва ли не все писатели Пушкинского окружения попадут под обаяние его стихов: Тургенев и Крылов, Вяземский и Плетнев... Сам Жуковский – патриарх русской поэзии – по словам Панаева – «... до того был поражен и восхищен книжкой Бенедиктова, что несколько дней кряду не расставался с ней и, гуляя по Царскосельскому саду, оглашал воздух бенедиктовскими строками». Что же говорить об обыкновенных читателях? Девушки переписывали его стихи, юноши хвастались тем, что удалось заучить нигде еще не печатанные. «Он был в моде», – вспоминал Полонский. Те же современники донесут до нас и реакцию Александра Сергеевича. «Один Пушкин остался хладнокровен, прочитав Бенедиктова. На вопрос, каково он мнения о новом поэте, отвечал, что у него есть превосходное сравнение неба с опрокинутой чашей (Панаев «Из литературных воспоминаний»), но Бенедиктов к Пушкину сохранил благоговейную любовь навсегда. Он вспомнит позднее и о своих встречах на «субботах»:

*Вечера субботние: рекою
Наплывали гости. и являлся
Он, – чернокудрявый, огнеокий.
Пламенный Онегина создатель,
И его веселый, громкий хохот
Часто был шагов его предтечей...*

И о том, как подходил он к Пушкину с томиком своих стихов. И о том, как почувствовал иронию в словах Александра Сергеевича, что он ни у кого не встречал таких рифм – «удивительные рифмы».

Были и еще встречи Александра Сергеевича с выходцами из Карелии.

Интересно предположение о том, что фамилия главного героя романа в стихах «Евгений Онегин» подсказана встречами поэта с Александром Полторацким – кузеном той самой Анны Керн, кому посвятил поэт известные строки «Я помню чудное мгновенье...». Полторацкий родом из Петрозаводска, что на Онего-озере (так тогда называлось Онежское озеро), и фамилия главного героя, – как считает Н. Кутков, прямой намек, доказательство этого знакомства. А сколько их было! Легендой, преданием отзовется в нашем крае имя Пушкина.

Сто лет спустя легенду о поэте запишет в нашем фольклорном краю К. Г. Паустовский. «Мы – потомки Пушкина, и с нас это спросится», – это строчка из последнего письма Константина Паустовского друзьям, его «личное завещание». «Мы жили на этой земле, не давайте её в руки опустошителей, пошляков, невежд. Мы – потомки Пушкина...» – с этим ощущением Паустовский жил всю жизнь. В журнале «Мир Паустовского» № 14 за 1999 – пушкинский год – директор музея И. Комаров опубликует статью «Из поэтической антологии К. Г. Паустовского: Пушкин», создав венок из произведений поэта, цитируемых на страницах его романтической прозы. В списке и произведения, написанные в Карелии. В 1937-м появляется рассказ писателя «Колотый сахар», действие которого происходит летом в небольшом северном городке на Онежском озере. Что привело автора туда – жажда «неутомимого скитальца» (как он называл себя) или жизненные обстоятельства тех лет? Это рассказ о доверии к человеку. «Гостинец» (первоначальное его название) напоминание о том, что мы – потомки Пушкина: в 1937 г. исполнилось 100 лет со дня гибели великого поэта России. Вьюга давно замела след от саней, что проследовали по белорусскому тракту той морозной январской ночью 1837 года. Последняя земная дорога поэта и первый шаг в бессмертие: и жизнь и имя его станут легендой, и одна такая легенда ляжет в основу короткого и незатейливого сюжета рассказа. В двух словах: он о недоверии ко всему, что выходит за рамки инструкции – человек ли это, его поведение, образ жизни. И неслучаен поэтому конфликт человека, «стриженного бобриком», с человеком, живущим по другим – душевным – законам, таким как герой – сказочник Александр Федосьев. «Сеятель я и собиратель, хожу промеж людей и пою» – он твёрдо убежден в том, что «какой народ петь не любит – плёвый тот народ, нету у него правильного жизненного понятия». Эту убежденность подтверждает белоглазый старец семейной реликвией рода – преданием о том, как дед его – ямщик Прохор пел песни для самого Пушкина, а потом волей судьбы провожал гроб с его телом в последний путь с песней, так полюбившейся поэту. Для нас поведал – для тех, кто душу имеет. Вот его рассказ: «Все мы, Федосьевы, были со стародавних времен ямщики да певуны. Дед мой Прохор был великий певец, по всему тракту от Пскова до Новгорода голос свой пропел, проплакал. Голос беречь надо, он не зря человеку даден, и дед мой берег, да не уберег – сорвался. Может, знаешь или нет, жил у нас в Псковской губернии знаменитый земляк

Александр Сергеевич, поэт Пушкин... Из-за него дед голос свой и сорвал. Встретились они на ярмарке, в Святогорском монастыре. Дед пел. Пушкин слушал. Потом пошли они в питейное заведение и просидели до ночи. Об чем гуторили, никому не известно, только дед вернулся веселый, как хмельной, хоть вина почти и не пил. Говорил потом бабке: «От слов и от смеха его я захмелел, Настюшка, – такой красоты слова – лучше всякой моей песни». Была у деда одна песня, очень её Пушкин уважал.

Старик помолчал и вдруг запел звенящим томительным голосом:

*Эх, по белым полям, по широким
Наши слезы снежком замело!*

...раз зимой будят деда ночью, стучат в оконце, велят запрягать по спешной казенной надобности. Вышел дед с крыльца, видит – полно жандармов, ходят, звенят тесаками. Ну, думает, опять вести каторжан. Однако нет никаких арестантов, а на санях черный гроб лежит, веревками увязан. Кого же это? Думает, и в могилу, страдальца, в оковах везут. Кого ж это царь и после смерти боится? Подошел к гробу, смахнул рукавицей снег с черной крышки и спрашивает жандарма: «Кого повезем?» – «Пушкина, – говорит жандарм. – Убили его в Петербурге». Дед отступил на шаг, скинул шапку и поклонился гробу в пояс. «Ты, что ж, знаком ему, что ли?» – спрашивает жандарм. «Песни я ему пел». – «Ну, так теперь петь не будешь!». Ночь была тяжелая, крепкая, дыхание в груди замерзло. Подвязал дед бубенцы, чтобы не гремели, сел на облучок, поехал. Тихо кругом, только полозья свистят да слышно, как тесаки стучат о гроб глухим стуком. Накипело у деда на сердце, от слез заболели глаза, собрал он весь свой голос и запел:

Эх, по белым полям, по широким...

Жандарм его бьет ножами в спину, а дед не слышит, поёт. Вернулся домой, лег, молчит: голос на морозе застудил. С той поры до самой смерти говорил шепотом, одним шепотом...

...Многие времена прошли, умер дед столетним стариком и песню ту велел петь своим сыновьям и внукам».

Вот такая история – память! Как завет от Пушкина достались нам слова: «Все от сердца делать надо... Песенную силу беречь надо... Негу хуже, когда у человека душа сухая, вянет от таких жизнь. Как трава от осенней росы».

Как эстафету принял это и Паустовский, своим творчеством не давая засохнуть душам, передавая нам очарование свое людьми, словом, природой, миром.

«Мы – потомки Пушкина», – Паустовский ушел с этим ощущением и оставил нам свои жизнеутверждающие книги.

С этим же ощущением: «Пушкину внимая» – прожил жизнь и карельский поэт **Борис Андреевич Шмидт**.

*...В нас искра пушкинская есть.
Доколь для нас дороже жизни
Свобода,
Родина
И Честь.
...покуда сердце будет биться.
Я – с непокрытой головой –
иду к нему, чтоб причаститься
его поэзии живой...*

Это строки из стихотворения Бориса Андреевича, в жизни которого Пушкин – «человек его судьбы», «неизменная и постоянная его любовь» – так вспоминали участники литературного вечера памяти, посвященного 85-летию поэта. Любовь эта началась с деловой поездки в Михайловское, а продолжалась всю жизнь. Здесь были и огненные версты Великой Отечественной, что прошли через разоренные Святые горы, и, уже в мирное время, десятилетиями длившаяся переписка с директором Пушкинского музея-заповедника С. С. Гейченко, и, конечно, целые циклы стихов. Названия его поэтических сборников не требуют комментариев: «Стихи о моих сокровищах», «Письмо в Михайловское», «Пушкину внимая...». Многие из них написаны в Карелии.

*Есть высшая спасительная радость –
Открыть том Пушкина (который всю войну
Прошел со мной в солдатском вещмешке)...*

– скажет Шмидт в «Белых стихах, написанных при свете белой ночи».

Сколько раз пушкинские строки – хорошо знакомые со школьной скамьи – вплетались в канву его стихотворений или, будучи вынесены в эпиграф, придавали им (стихам) особое очарование узнавания и в то же самое время «сквозь магический кристалл» выявляли новую грань, становясь откровением прожившего жизнь мудрого человека.

С пушкинскими стихами, с Пушкиногорьем связан Шмидт и предметной памятью. Это – монетка, серебряная, пятикопеечная, которая сто сорок лет хранилась в семье и передавалась из поколения в поколение. Это карта – фронтовая карта пушкинских гор, что не вернул (как полагалось) военный корреспондент Б. Шмидт после боев, а пронес как пожизненный талисман. Это кусочек ели-шатра, «из Тригорских лесов сувенир», которая, как писал С. Гейченко, «несмотря на принятые врачебные меры умерла 15 мая 1965 г. от тяжелых ран, полученных в сорок первом...». Обо всем этом – стихи, написанные в разное время, но особенно «урожайно» в 1974 году, когда отмечалось 175-летие со дня рождения А. С. Пушкина, 150-летие его приезда в ссылку и 30-летие освобождения Михайловского от фашистов.

И летели в Пушкиногорье письма в стихах:

*Семен Семенович, поверьте,
Пусть я и сед, и трижды дед,
Но молодею на сто лет,
Увидев штемпель на конверте
И Пушкина автопортрет.
У нас метели. В Прионежье
И в Заонежье все бело,
В Чупе и Калевале снежно –
По грудь сугробы намело,
А утром небо посветлело
В краю озерном и лесном,
Сама собой душа запела
И полетела к Вам письмом...*

Факты биографии Шмидта пронизаны светлым именем – Пушкин. Даже будучи «гуманной диктатурой Гиппократ», «сосланным» в санаторий «Марциальные воды», Шмидт вспоминает, что здесь бывал прадед Пушкина. И «вдруг оно само собой поперло в Михайловское из Дворцов письмо», где он повествует и об истории курорта, и об «алмазной горе Кивача», и о красоте нашего карельского края.

*...расписан лес, как у Юфы подробно
В живые Заонежья кружева.
Блистательно и неправдоподобно
Как слава их в Париже и молва...*

«...Спеши сюда», – приглашает он «сердечного друга», и Гейченко, увлеченный прекрасной «рекламой» Севера, дважды посещает наш край.

Письма, встречи, воспоминания и надежда-пожелание:

*Пусть берег Сороти священный,
Когда и мы уже умрем,
Все также искренне и щедро
Горит прозрачным сентябрем...*

Такая преданность покоряет. Из письма известного литературоведа – пушкиниста Дмитрия Благого Борису Андреевичу: «Особенно дорого мне в ваших стихах, что по ним я увидел, какое громадное значение имеет для Вас – и человека и поэта – Пушкин, с которым и в личных бедах, и в невзгодах, и в больших исторических испытаниях воистину не пропадешь! Многое в ваших стихах порадовало меня своей подлинной и своеобразной поэтичностью.

Крепко, как брата во Пушкине, обнимаю». А в ответ – новые стихи:

*Пушкин пламенно-нежный и дерзкий,
Красоты и Добра волшебство.
Мне и дня не прожить без него.
Я – старик, но с наивностью детской
Втайне верую в наше родство.*

Письма, встречи, воспоминания и надежда-пожелание:

*О нем, современнике нашем,
Чьей славой Россия горда! –
О Пушкине все не расскажешь,
Он с нами, как сердце, всегда.*

Этими именами только начинается необъятная тема «Пушкин и Карелия»: каждый год у памятника на Пушкинской поэты новых поколений читают стихи, посвященные «солнцу русской поэзии», но это уже тема нового исследования.

Троицкая Сунорецкая пустынь: историко-культурное пространство

Монастырь в контексте культуры... Эта тема многогранна и необъятна.

Традиционно выделяют такие функции монастырей, как историко-колонизаторская, духовно-религиозная, просветительская и хозяйственная.¹

Монастырь – это культурный центр и место сосредоточения духовной деятельности. Монастырь – это центр религиозного воздействия, в котором осуществляется аскетический идеал, идет поиск путей к спасению.² Кроме того, монастырь – это не только духовная корпорация, но и хозяйствующий объект. Попытаемся определить и оценить культурное значение конкретной обители, а именно – Троицкой Сунорецкой пустыни.

На Русском Севере с конца XV по XVII век было основано около 180 монастырей и пустыней.³ Они составляли разветвленную сеть, охватившую важнейшие хозяйственные зоны, водные и сухопутные коммуникации и административные центры. Среди них можно выделить монастыри различных типов.⁴ Это: монастыри-вотчинники (почти все монастыри Севера имели земельные угодья, но лишь треть владела еще и крестьянами), монастыри-аскеты и нестяжатели (противники сосредоточения в руках монастырей недвижимой собственности) и малые обители (монастыри-общины). К числу таких малых обителей или «монастырей-общин» и относится Троицкий монастырь.

Троицкая Сунорецкая пустынь – православный монастырь, который возник в окрестностях современного города Кондопога в середине XVII века. Основателем монастыря считается инок Кирилл, в миру Карп Васильев (1608–1690) – карельский крестьянин из деревни Андреев Наволок.⁵ Последнее название монастыря – Свято-Троицкая Сунорецкая пустынь, но в разные периоды место это называлось по-разному: то Виданской (по названию острова, на котором была основана пустынь), то Троицкой, то Сунорецкой, то Кирилловской (в честь инок Кирилла) пустынями. Забегая вперед, скажем, что инок Кирилл – видный деятель раннего старообрядчества, один из первых Выгорецких пустынножителей. Его упоминает Иван Филиппов в «Истории Выговской старообрядческой пустыни» как одного из первых насельников пустыни: «Бяше же тогда в пустыни сей живя <...> Кирилл, дивный постник иже прежде на Суне реце с Епифанием Соловецким отцем и последи бывшем страдальцем постническим подвизася и гонения ради отгуду семо переселися и zde жестокии житием Богу оугоди...».⁶

Многие русские монастыри возникали на островах. Карелия не являла собой в XIV–XVII веках исключение: в XIV в. на Ладожском озере возникает Валаамский монастырь, на Муромском озере – Муромский монастырь, на Онежском – Палеостровский. В XVI в. на острове Большом Клименецком в Онежском озере возникает Клименецкий монастырь. Троицкая Сунорецкая пустынь также была основана на острове, образованном рекой Суной при разветвлении её на Малую Суну и Большую Суну. Острова привлекали прежде всего безлюдностью, своей удаленностью от греховного мира, облегчавшей единение с Богом, и труднодостижимостью.⁷

При основании пустыни были соблюдены основные принципы планировки, характерные для средневековых монастырей.

Монастырь в Средневековье воспринимался как образ Царствия Небесного на земле, и конечно, это коренным образом влияло на его планировку. Так «Горний Град», согласно Откровению Иоанна, имеет регулярную планировку, в центре – престол Бога и Агнца, по периметру – жилища праведников. И для большинства средневековых монастырей можно проследить стремление к такой планировке и четкое соотношение строений между собой. Это связано с представлением о теоцентричности мира: ближе к центру, то есть ближе к Богу, располагается более значимое. Все монастырские постройки образовывали четкую иерархическую систему, соподчиняясь между собой. Последовательность чередования была следующей: собор–кельи–стены–

¹ Мелехова Г. Н. Монастыри в традиционной народной культуре Русского Севера. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.kargopol.ru>.

² Колычева Е. И. Православные монастыри второй половины XV–XVI века. // Монашество и монастыри в России. XI–XX века : Исторические очерки / отв. ред. Н. В. Сеницына. – М. : Наука, 2002. – С. 111.

³ Камкин А. В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года / А. В. Камкин. – Вологда : Вологодский государственный педагогический институт, 1992. – С. 54.

⁴ Указ. соч., с. 55.

⁵ Пашков А. М. Троицкая Сунорецкая пустынь в истории России // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы III краеведческих чтений посвященных памяти А. И. Шошина. – Петрозаводск ; Кондопога, 2000. – С. 7.

⁶ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни: Издана по рукописи Ивана Филиппова. С соблюдением его правописания, одиннадцатью портретами знаменитых старообрядцев и двумя видами Выгов. муж. и жен. общежительных монастырей. – СПб. : Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1862. – С. 104 // <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml>.

⁷ Мильчик М. И. Островные монастыри Русского Севера в иконографии XVI – начала XVIII века // Святые и святыни северорусских земель (по материалам VII научной региональной конференции). – Каргополь : Каргопольский гос. ист.-архитект. и худож. музей, 2002 г. – С. 109.

хозяйственные дворы и службы за стенами. А монастырская стена воспринималась как ограждение монастыря от «грешного мира».⁸

Были ли соблюдены эти основные принципы при создании Сунорецкой обители? Ответ на поставленный вопрос можно найти в «Житие и подвизи блаженного инока Кирилла первого Выгорецкого пустынножителя». Пожелав основать монастырь, Кирилл создал «церковь, во имя Пресвятыя, и Живоначальныя Троицы, созда хлебню, и столовую, и у дворов келии <...> и около монастыря ограду устрой юже тарасами или треугольными клетями укрепи. высоту в дванадцать бревен, и плащьями большими тесаными покры, и на углы малыя шатрики постави, <...> и врата большыя в шахматы, <...> и на двое растворять устрой. и подле другия малыя содела. <...> и назва тья врата Святыми». А хозяйственные постройки обители, в частности мельницу и скотские дворы, были вынесены за её стены: «и скотския дворы за рекою постави <...> мельницу же от монастыря прочь повыше отнесе, за поприще понеже оной у монастыря быти не удобно».⁹

Таким образом, можно сделать вывод, что Троицкая Сунорецкая пустынь представляла собой пример типичной средневековой монастырской застройки: церковь во имя Пресвятой Троицы – как центр «Града Божьего», кельи монахов и ограда, за которой были расположены хозяйственные службы. Мы видим стремление соблюсти планировку и соотношение строений между собой из-за желанья уподобить конкретную обитель образу Небесного Иерусалима.

Подтверждения данным заключениям мы находим и в археологии: М. М. Шахнович, проводивший археологические работы на Виданском острове в августе 2007 года, определяет валунную ограду, проходящую по западному склону острова, как остатки монастырской стены.¹⁰

Духовно-религиозная сторона деятельности обителей, связанная с их участием в процессах духовной жизни населения

И здесь мы можем видеть особое значение Сунорецкого монастыря как одного из оплотов старообрядчества в крае.

Как известно, во второй половине XVI века в православной жизни на Руси произошел раскол из-за сильного противодействия значительной части населения реформам, проведенным в Церкви патриархом Никоном. Большое количество старообрядцев находило приют на Севере, в том числе и в Карелии. Здесь они основывали свои обители или подвизались в уже существующих монастырях.

Изначально Сунорецкая пустынь не представляла собой «нарушительницу спокойствия», так как возникла раньше, чем были проведены реформы Никона. Но после нововведений, утвержденных в церковной жизни, Троицкий монастырь склонился к «вере отцов и дедов». В нем нашел приют такой видный деятель старообрядчества, как инок Епифаний Соловецкий. Он пришел на Виданский остров и принес с собой не только «книги и иная нужная потребная пустынная», но и истовую приверженность дониконовскому православию. Епифаний, как и Кирилл Сунорецкий, был хорошо известен крестьянам близлежащих деревень и немало способствовал переходу жителей в старообрядчество. Об этом упоминает еще Семен Денисов – один из основателей Выговского старообрядческого общежития – в сочинении «История об отцах и страдальцах Соловцких».

И многие годы, вплоть до упразднения в 1764 году, монастырь служил местом, где укрывались гонимые старообрядцы «елицы же хотящие хранить древлеотеческое благочестие. яко окрестных сел жителіе. тако и страннии иже о обители блаженного слышаху, могущии вси приходяху к нему присно наслаждающеся древлецерковных благочинных песней и кождо испытующе свою совесть причащахуся».¹¹

Внутренняя, сокровенная жизнь монашества невидима миру, но ее явственно ощущали крестьяне. И в обитель, а в нашем случае это Сунорецкая пустынь, шли люди в стремлении достичь правды, понять тайну жизни во Христе, обрести пример праведной жизни. В Троицкую обитель к инок Кириллу «начаша же к нему приходити. тако иноцы, яко бельцы желающе сожителствовати ему <...> собрася же всей братии иноков и бельцов во обитель блаженного числом до полуста и больше».¹²

Таким образом, духовно-религиозные связи обители с окружающим сельским миром были чрезвычайно прочными. Монастырь остался верен «старым», дореформенным церковным обрядам, сохранял книги и иконы. Кроме того, он немало способствовал укоренению и распространению старообрядчества среди жителей окрестных селений.

Крепкими были и хозяйственно-экономические связи. О хозяйственной функции Троицкого Сунорецкого монастыря судить достаточно сложно ввиду практически полного отсутствия источников. Но некоторые сведения, опять же, мы можем получить из жития самого инока Кирилла.

⁸ Колычева Е. И. Православные монастыри второй половины XV–XVI века // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки, 2002. – С. 98.

⁹ Житие о подвизи блаженного инока Кирилла первого Выгорецкого пустынножителя, создавшего прежде обители при реке Суне на острове Виданском во Олонецких пределах. – Режим доступа: http://starover.boom.ru/kiril_suna.html (с сохранением стилистики текста).

¹⁰ Шахнович М. М. Археологические работы на усадьбе Троицкого Сунорецкого монастыря в 2007 году // Православие в Карелии. – Петрозаводск, 2008. – С. 85.

¹¹ Житие о подвизи блаженного инока Кирилла первого Выгорецкого пустынножителя...

¹² Указ. соч.

Хозяйственно-экономический аспект занимал в монастырской жизни немаловажную роль. Активная деятельность небольших монастырей и пустыней XVI–XVII вв. способствовала вовлечению в хозяйственный оборот прилегающих к ним земель, а иногда появлению новых поселений. Данные процессы были характерны и для Суворецкой обители.

Уже после основания монастыря, то есть со второй половины XVII века, инок начинает вести активную хозяйственную деятельность. Он ставит келию и, «живяше в ней <...> и нача труды к трудом прилагати, сеча-ше бо лес, и сжигая опрытоваше, сеяше и саждаше копая мотыкою»,¹³ то есть начинает обработку земельных угодий на острове – расчищает пашни в лесу.

В более поздний период существования монастыря, начиная примерно с конца 70-х годов XVII века, Кирилл покупает или принимает в дар уже готовые угодья от местного населения.

Кроме того, еще в первый период освоения Виданского острова Кирилл построил мельницу, на которую приезжали молотить зерно крестьяне из соседних деревень. Позднее эта мельница была перенесена на некоторое расстояние от монастыря: «мельницу же от монастыря прочь повыше отнесе, за поприще понеже оной у монастыря быти не удобно».¹⁴

Также остатками хозяйственной деятельности обители можно считать валунные насыпи, которые были найдены в ходе археологической экспедиции М. М. Шахновича в 2007 году. Их можно классифицировать как «сооружения утилитарно-хозяйственного назначения».¹⁵ Они представляют собой остатки деятельности крестьян, монахов и трудников обители по расчистке пашен для монастыря.

Итак, мы видим, что Троицкая-Суворецкая пустынь начала существовать как хозяйствующий объект уже с самого её основания. А позднее наличие на Виданском острове монастыря активно способствовало тому, что близлежащие земли были вовлечены монашеством в хозяйственный оборот.

Личность самого инока также вызывает интерес. Кирилл – человек, живший в XVI веке и, следовательно, обладавший характерным для данного времени мировоззрением. Оно теоцентрично: главенствующей идеей христианского мировоззрения являлась идея Бога. Смысл человеческого бытия состоял в соединении с Богом в «Божьем царстве». И все стороны жизни и деятельности человека рассматривались через призму религиозных ценностей, как факторы, благоприятствующие «спасению».

Кирилл Суворецкий (в миру – крестьянин Карп Васильев) стремился постичь Бога, «спастись» – как говорили издревле на Руси. Он не мог обрести покой в мирской жизни, несмотря на кажущееся её благополучие. Все чаще и чаще Кирилл стал задумываться над уходом от мира: «Но юноша <...> искаше како бы ярем креста Господня могл поносити, <...> непрестанно желаше отлучитися мира и похотей его».¹⁶ Он, мучимый мыслями о спасении души и поиске Бога, был недоволен своей «мирскою» жизнью, находился в состоянии поиска и сомнений: «тако укаяря себе по вся дни и часы. не даяше сна своим очима и веждама дремания».¹⁷

Мы видим душевные муки Кирилла, его желание покинуть мирскую жизнь и посвятить себя Богу. Это характерное стремление человека средневековья. И он начинает искать способ общения к богу, «приимаше нищия, и странных под кров ввожда упокоеваше непрестанно, и с ними беседуя и вопрошаше о спасительных пустынных местех <...> и положи блаженный желание в сердца своем во еже быти тамо».¹⁸ В конце концов, он уходит из семьи в возрасте 19 лет и отправляется в «пустыню Юрьегорскую», где становится монахом.

Из жития инока известно, что он родился в 7116 году от сотворения мира (1608 год), и, если он покинул дом отца и свою семью в 19 лет, значит, Кирилл вступил в иноческую жизнь с 1627 года – очень молодым. Средняя продолжительность периода послушничества составляла в среднем примерно 4–5 лет, следовательно можно предположить, что монахом Кирилл должен был бы стать примерно в 23–24 года. Но согласно Житию, он был пострижен «от рождения его в двадцатое лето», то есть в 20 лет. Таким образом, мы видим, что положенный срок периода послушничества инок не прошел. А ведь чаще всего было наоборот: желающего принять монашеский сан могли испытывать не просто стандартные 4–5 лет, а намного дольше. Почему же Кирилл прошел всего годичное испытание?

Проведя некоторое время в монастыре «великаго отца преподобнаго Александра Свирскаго» и совершив паломничество, «прииде ему в мысль посетити родителей своих», то есть покинуть святую обитель и на некоторое время вернуться в мир. Трудно сказать, о чем свидетельствует этот шаг? Возможно, о сильнейшей душевной борьбе преподобного. Но само по себе странно – человек, принявший монашество, покидает свою обитель и отправляется домой, ведь чаще всего родственники сами навещали монаха. Может быть, встав на путь монашества, Кирилл так и не обрел желаемого покоя?

Он впервые начал осваивать Виданский остров с 1645 года,¹⁹ как повествует Житие «отшествов из дому родителей своих на остров Виданский. в лето 7148-го».²⁰ Тогда Кириллу было 37 лет. Итак, мы видим, что

¹³ Житие о подвизи блаженного инока Кирилла первого Выгорецкаго пустынножителя...

¹⁴ Указ. соч.

¹⁵ Шахнович М. М. Валунные насыпи на территории Карелии. // Кижский вестник. – Петрозаводск : Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижский», 2005. – Вып. 5. – С. 273.

¹⁶ Указ. соч.

¹⁷ Житие о подвизи блаженного инока Кирилла первого Выгорецкаго пустынножителя...

¹⁸ Указ. соч.

¹⁹ Шахнович М. М. Археологические работы на усадьбе Троицкого Суворецкого монастыря в 2007 году // Православие в Карелии. – Петрозаводск, 2008. – С. 81–82.

²⁰ Житие о подвизи блаженного инока Кирилла первого Выгорецкаго пустынножителя...

в еще достаточно молодом возрасте он подверг себя самому сложному духовному испытанию, когда человеческая душа испытывает множество искушений и соблазнов – он стал отшельником-пустынником. Подвизаясь в Сунорецкой пустыни, Кирилл был лишен главного христианского таинства – таинства причастия, а также не имел духовного наставника, которому мог бы исповедоваться. То есть искушения, которым он себя подверг, должны были приносить ему сильнейшие душевные страдания. А мы помним, что он принял монашеский сан именно за тем, чтобы «спастись», облегчить себе те муки, которые испытывал, находясь в миру.

Итак, Житие Кирилла сообщает нам «О отшествии из дому родителей своих на остров Виданский. в лето 7148-го».²¹ Он становится отшельником или, что считается синонимичным, пустынником. И здесь мы можем задаться еще одним вопросом: а как же все-таки определить статус Кирилла Сунорецкого? В самом Житии он именуется пустынником.

В «Толковом словаре русского языка» Ожегова приводится следующее определение слова пустынник – «монах, живущий в скиту, отказавшийся от общения с внешним миром»,²² с пояснением «то же, что отшельник». То есть, нет разделения между значением слов.

Устав Иосифа Волоцкого разделяет «пустынников» и «отшельников». Термин отшельник представляет собой перевод греческого слова «анакорет» и означает «уходящий».²³ Отшельник – это не просто пребывающий в удалении от монастыря монах, но монах, уже имевший опыт подвижничества в каком-либо монастыре, ему предписано иметь духовного руководителя, и лишь с благословения «духовного мужа» он может покинуть монастырь в поисках более уединенного пребывания.

«Пустынник» же – это монах, пребывающий в «пустыни», вовсе не обязательно отшельник, то есть совершивший «отшествие» из своего монастыря. Термин «пустынь» служил для характеристики природно-географического положения обители, места её основания, для противопоставления городскому монастырю.

Можно считать Кирилла Сунорецкого именно пустынником. Ведь он, стремясь «отойти от мира» и достигнуть монашеского идеала богоуподобления, становится пустынником. Но если внимательно оценить его поступок, то вновь перед нами встает вопрос: а можно ли это вообще назвать «уходом» от мира? Согласно Житию, Виданский остров находился не так уж и далеко от населенных пунктов, в частности от дома самого пустынника: «отстояше бо остров той от дому его за 12 поприщъ», то есть за 12 верст.²⁴ Если перевести эти цифры в современное расстояние, то получится примерно 13 километров.

Если считать Кирилла отшельником, вновь возникают некоторые вопросы. Да, он уже имел опыт подвижничества в монастыре – 3 года в Юрьегорском, 2 года в Задне-Никифоровской пустыни и 5 лет в монастыре Александра Свирского. Но он не получил благословение от духовного отца на отшельничество. И опять же удаление от мира и осуществление монашеского идеала представляется сомнительным. Ведь монахи оставляют все, по возможности, земные занятия для занятия молитвой, чтоб посредством ее соединиться воедино с Богом. А от родителей блаженного мы слышим совет отправиться на Виданский остров, потому что «вельми всяко удобно ти будет ко спасению, ибо лесом и рыбною ловитвою изобильна есть».²⁵ Последние несколько слов сразу же разрушают обозначившийся уже перед нами образ аскета-отшельника. Он словно превращается его в обычного человека, выбирающего себе место для поселения.

Таким образом, мы видим, что и сама личность инока, и его духовный путь в поисках Бога вызывают еще немало вопросов и представляют отдельную тему для исследования.

Надо сказать, что инок Кирилл испробовал несколько форм монашеской жизни: и иноческое общежитие (когда он подвизался сначала в «пустыни Юрьегорской», затем провел два года в «Задней пустыни», а также некоторое время провел в Александро-Свирском монастыре), и отшельничество (когда был пустынником на Виданском острове). Кроме того, он совершил паломничество, посетив близлежащие обители: Климецкий монастырь, Кожеозерский монастырь, Ошевенский монастырь, Кенозерский монастырь, Курженскую пустынь, Муромский монастырь, Палеостровский монастырь и Соловецкий остров.

Проследив жизнь Сунорецкого пустынника, мы можем предположить, что и его пребывание в Юрьегорской пустыни, и паломничество по близлежащим обителям и послушание в Задне-Никифоровской пустыни и в Александро-Свирском монастыре, и отшествие на Виданский остров, и позднейшее житие на Выге – все это вызвано только одной причиной – духовным поиском Кирилла, стремлением найти смысл своей жизни и обрести «спасение». И его духовные искания и борьба с самим собой не прекращались всю его жизнь.

Троицкая-Сунорецкая пустынь имеет большое значение для сакрального пространства Карелии, представляет особую ценность для изучения развития старообрядчества в крае. Обитель являлась одним из центров движения старообрядчества в Карелии в XVII веке. Кроме того, на сегодняшний день это единственный памятник старообрядчества в Кондопожском районе, что придает ей особое значение и ценность как исторического памятного места для прихожан Русской Православной Старообрядческой Церкви. А изучение такого явления как старообрядчество не мыслимо без нашего понимания масштаба сакрального пространства Севера

²¹ Житие о подвизи блаженного инока Кирилла первого Выгорецкого пустынника...

²² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003. – С. 633.

²³ Сеницына Н. В. Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV–XVI вв.) // Монашество и монастыри в России. XI–XX века : Исторические очерки, 2002. – С. 118.

²⁴ Житие о подвизи блаженного инока Кирилла первого Выгорецкого пустынника...

²⁵ Указ. соч.

России в целом. Поэтому исследование этого небольшого монастыря может внести неоценимый вклад в изучение истории северных монастырей.

Список использованных источников и литературы:

1. Монашество и монастыри в России. XI–XX века. – М. : Наука, 2002. – 346 с.
2. Мелехова Г. Н. Монастыри в традиционной народной культуре Русского Севера.
3. Камкин А. В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года / А. В. Камкин. – Вологда : Вологодский государственный педагогический институт, 1992. – 163 с.
4. Кондопожский край в истории Карелии и России : Материалы IV краеведческих чтений посвященных памяти А. И. Шошина. – Петрозаводск, 2000. – 250 с. : ил.
5. Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни : Издана по рукописи Ивана Филиппова. С соблюдением его правописания, одиннадцатью портретами знаменитых старообрядцев и двумя видами Выгов. муж. и жен. общежительных монастырей. – СПб. : Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1862. – 480 с. : ил.
6. Святые и святыни северорусских земель. – Каргополь : Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, 2002. – 316 с.
7. Житие о подвизи блаженного инока Кирилла первого Выгорецкого пустынника, создавшего прежде обители при реке Суне на острове Виданском во Олонецких пределах.

Интернет-ресурсы:

1. www.pravoslavie.kargopol.ru.
2. elibrary.karelia.ru/book.shtml.
3. starover.boom.ru/kiril_suna.html.

*К. В. Шафранская,
Петрозаводский государственный университет*

А. М. Линецкий и организация краеведческого движения в Карелии (первая половина 1930-х гг.)

Территория Карелии на протяжении веков представляла собой зону этнокультурных контактов двух разных миров: финно-угорского и славянского.¹ Такие факторы как: пограничное положение, выход через Кольский полуостров в Белое и Баренцево моря, обусловивший вхождение в блок стратегических территорий северо-запада России, биэтнический² и разно-конфессиональный³ состав населения, а также культурный феномен «открытой границы» между Восточной Карелией и Финляндией (период 1809–1917 гг.) – обусловили необходимость изучения края в историческом, социально-экономическом, хозяйственном и культурном отношении.⁴

До октября 1917 г. в Петрозаводске функционировала система «краеведческих центров», занимавшихся комплексным изучением Карелии в русле общегосударственной политики, – это местные государственные учреждения, церкви, просветительские учреждения и Общество изучения Олонецкой губернии.⁵ Исследователей привлекала богатая материальная культура края, северная эстетика, хранящая идеалы старинного поэтического слова. Помимо отечественных ученых большой интерес к изучению карельского наследия проявляли и скандинавы. Так, по словам историка Веры Сурво, к концу XIX в. Восточная Карелия превратилась в настоящий «объект паломничества финляндских ученых, художников, композиторов, архитекторов, поэтов и прочих любителей старины».⁶

Важным результатом собирания устного творчества карелов в то время стало появление грандиозного памятника эпической поэзии – поэмы «Калевала», составленной финляндским краеведом, профессором финского языка и литературы Хельсинкского университета Элиасом Лённротом на основе народных преданий.

¹ Килин Ю. М. Карельский вопрос в Финляндии и СССР (1920-е годы) / Ю. М. Килин // Север. – 1997. – № 7. – С. 115.

² Финно-угры (финны, карелы, вепсы) и русские.

³ Православие (русские, вепсы), старообрядчество (русские, карелы), лютеранство (финны).

⁴ Заднепровская А. Все Петербургская губерния / А. Заднепровская, М. Куропятник // Мир музея. – 1996. – № 3. – С. 44–45.

⁵ Пашков А. М. Историческое краеведение Карелии конец XVIII – начало XX в. как социокультурное и историческое явление / А. М. Пашков // Методология региональных исследований. Российский и зарубежный опыт. – СПб., 2000. – С. 86.

⁶ Сурво В. Традиции Карелии в «иконической» реальности Финляндии / В. Сурво // Рябининские чтения – 2007 : Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 17–21 сентября 2007 г. – Петрозаводск, 2007. – С. 117.

После прихода к власти в России большевиков цели, задачи и характер краеведческой деятельности претерпели существенные изменения. Вследствие отделения церкви от государства и от образования традиция церковного краеведения к середине 1920-х гг. прекратила существование. Дореволюционные краеведческие общества повсеместно подверглись критике за т. н. «отсталость», «замкнутый характер деятельности», «неактуальность».⁷ В начале 1930-х гг. в краеведение пришло поколение молодых исследователей, получивших профессиональное образование этнографов, историков и археологов. Однако, серьезно изменившиеся под влиянием власти, научные приоритеты вместо обращения к истории и культуре настоятельно рекомендовали краеведам заниматься выполнением насущных «хозяйственно-политических» задач. Так сложилась практика, при которой советские краеведы своей деятельностью стремились не только произвести научные изыскания, но и послужить пропаганде социалистического строительства общества.⁸

В подтверждение вышесказанного приведем выдержку из Постановления № 266 СНК АКССР «О мероприятиях по развитию краеведения в Карелии» от 20 июня 1931 г., в тексте документа читаем: «Вопросы социалистического строительства в Карелии тесно связаны с изучением производительных сил и природных богатств республики», а значит «требуют широкого участия в этом краеведческих организаций».⁹ В соответствии с этим республиканские Наркоматы и районные исполнительные комитеты (РИК-и) получили распоряжение активно вовлекать краеведов в совместную работу с плановыми и хозяйственными организациями, особенно в деле выявления и изучения природных ископаемых и других ресурсов Карелии.

Характерной чертой краеведения рубежа 1920-х первой половины 1930-х гг. стало привлечение все большего количества людей далеких от научно-исследовательской сферы, что соответствовало партийной установке на «массовость» любого общественного движения. Краеведение рассматривалось как метод воспитания и просвещения, сращивалось с идеологической работой, «колониционной» (хозяйственное освоение края), туристической и спортивной деятельностью, что, в свою очередь, отвечало второй установке – на «утилитарность». В краеведение внедрялись советские методы работы: ударничество, соревнование, проведение месячников и пятидневок, масштабные агитационные кампании в прессе.

Одним из известных карельских краеведов, начало научной деятельности которого приходится на это время, стал этнограф и писатель Александр Михайлович Линеvский, воспитанник Ленинградской исторической школы, весной 1929 г. прибывший в Петрозаводск по приглашению Правительства республики. Имя А. М. Линеvского (1902–1985 гг.) символично для науки и культуры Карелии XX в. Будущий автор популярного исторического романа «Листы каменной книги» совершил свое первое, беспрецедентное научное открытие в 1926 г., обнаружив в ходе студенческой экспедиции в Карелию крупное скопление наскальных изображений («Бесовы следки») в районе р. Выг (окрестности современного г. Беломорск).¹⁰ Благодаря карельским петроглифам, к окончанию в 1928 г. этнографического отделения ЛГУ, А. Линеvский зарекомендовал себя в качестве практикующего исследователя.

Краеведческую деятельность А. М. Линеvского в обозначенный нами период целесообразно разделить по трем направлениям: 1) Карельский музей и организация кружков краеведческой направленности «Друзья музея» и «Юные друзья музея»; 2) Центральное архивное управление (ЦАУ) АКССР и мероприятия, связанные с обследованием архивных материалов в районах республики; 3) Экскурсионное бюро Наркомпроса АКССР и содействие развитию местного туризма.

По прибытии в Петрозаводск А. М. Линеvскому удалось наладить при Карельском музее функционирование кружков, занятия в которых он проводил лично.¹¹ В частности, итоговым результатом деятельности литературного кружка Линеvского стала публикация сборника краеведческой тематики под названием «К 10-летию Советской Карелии».¹² Очевидно, развитие краеведения в республике не обходилось без трудностей. Так, усилия, предпринимаемые Линеvским для развития краеведческого движения в районах Карелии, по его словам, не имели значительного результата. Александр Михайлович отмечал, что в районах интеллигенция была «почти исключительно приезжей» (финны). Свое пребывание в Карелии они рассматривали «как вынужденное и кратковременное» и «не испытывали большого интереса к краю».¹³ В ответ на призывы организовывать краеведческие кружки, «приезжие» часто жаловались, что «ничего нет в этой дыре примечательного, и нет у них времени, надо о своем желудке позаботиться».¹⁴

⁷ Соболев В. С. Академия Наук и краеведческое движение / В. С. Соболев // Вестник РАН. – 2000. – Т. 70, № 6. – С. 535–541.

⁸ Васильев Т. Краеведение и туризм – на службу социалистическому строительству / Т. Васильев, В. Карпыч // Правда. – 1931. – 17 октября.

⁹ Постановление СНК АКССР № 266 «О мероприятиях по развитию краеведческого дела в Карелии» 20.06.1931 / Переписка с Каргосмузеем о развитии краеведческого дела в Карелии // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 3. Д. 41/323. Л. 4.

¹⁰ Отчет по изучению доисторических памятников и палео-этнологической работе в Карелии в 1926, 1927 и 1928 гг. [сделан для этнографо-экскурсионной комиссии географического факультета ЛГУ] (1928 г.) // НА РК. Ф. 3262. Оп. 2. Д. 8/164. Л. 1–23.

¹¹ Линеvский А. М. Фрагмент «Минувшего». Воспоминания о работе в Карельском краеведческом музее и встречах с Э. А. Гюллингом, А. Н. Лесковым и др. (1971 г.) // НА РК. Ф. 3262. Оп. 1. Д. 24/266. Л. 1–19.

¹² К 10-летию Советской Карелии (1920–1930). Литературно-художественный сборник русской секции КАПП. Петрозаводск, 1930. – 26 с.

¹³ Фрагмент. «Минувшего» ... Л. 10.

¹⁴ Фрагмент. «Минувшего» ... Л. 11.

С 1932 по конец 1934 г. А. М. Линеvский работал в ЦАУ АКССР, являясь инспектором, архивистом-консультантом, а затем заведующим архивно-техническим сектором. Он участвовал в кампании по популяризации задач «архивного строительства» среди населения республики. Имея опыт научной и музейной работы, Линеvский ясно осознавал значение документальных памятников для культуры края. В начале 1930-х гг. продолжалась реконструкция архивной отрасли, все еще имели место случаи намеренного или случайного уничтожения фондов дореволюционных учреждений, гибло и текущее делопроизводство.¹⁵

В статье, посвященной состоянию архивного дела в АКССР, А. М. Линеvский писал: «Потеря документов о деятельности учреждения является не заполняемым пробелом в истории Карелии. <...> Участие краеведа в деле сохранения архива может выразиться хотя бы даже в форме уведомления ЦАУ о том или ином факте, гибельно отражающемся на архиве». Линеvский совершал поездки по отдаленным районам Карелии, инспектировал архивы, признавая, в большинстве случаев, состояние фондов совершенно неудовлетворительным (рис. 1) – «документы в виде россыпи сваливались в бесформенную кучу в непригодных для хранения бумаг помещениях, а иногда и просто уничтожались».¹⁶

К первой половине 1930-х гг. относится становление сферы карельского туризма. Развитие туризма было поставлено на научную основу и шло параллельно с краеведческим изучением республики. Так, в документах СНК АКССР можно прочитать о «вовлечении масс в краеведение путем сочетания туристического движения с работой краеведческих организаций», а также узнать об «исследовательском походе туристов».¹⁷ Первые пакеты туристских услуг, маршруты и путеводители разрабатывались при краеведческом музее в Петрозаводске, где было сформировано Экскурсионное бюро Наркомпроса Республики, а затем – в КНИИ под руководством этнографа и краеведа С. А. Макарьева.¹⁸

Однако, чтобы привлечь массового туриста из Ленинграда и Москвы, требовалось создание концептуально нового, репрезентативного имиджа советской Карелии – индустриально развитого, живописного, богатого культурными традициями края. Под руководством С. А. Макарьева в эту работу включился А. М. Линеvский, член Экскурсионного бюро, а с марта 1935 г. – научный сотрудник Карельского научно-исследовательского института (КНИИ).

Одним из ответственных мероприятий А. М. Линеvского стала подготовка карельской экспозиции к выставке науки, техники и культуры, проходившей в Ленинграде в августе–сентябре 1934 г. Подобные выставки являлись в то время своеобразным публичным отчетом научной и культурной общественности перед XVII съездом ВКП(б),¹⁹ констатирующим «всеобщий политический и трудовой подъем советского народа, вызванный завершением 1-й пятилетки (1929–1932) в 4 года».²⁰

Средства на организацию Карельского павильона (рис. 2) предоставило правительство республики, в задачу А. М. Линеvского входило создание проекта экспозиции, ее организация, а также проведение экскурсий, призванных охарактеризовать АКССР в разрезе «Карелия в прошлом – Карелия в настоящем». Экспозиция состояла из 15 отделов (рис. 3), демонстрировавших «бурные темпы социалистического строительства» и достижения населения республики в сельском хозяйстве, промышленности, на водном транспорте, в строительстве (особенно ББК), в сфере лесного хозяйства, рыбного и пушного промыслов, транспорта, связи, культуры, научно-исследовательской работы и местной печати. Карельский павильон пользовался популярностью. В частности, согласно отчету А. М. Линеvского, за 33 рабочих дня экспозицию посетили 33200 человек, состоялось 150 экскурсий.

Участие Карелии в выставке оказалось очень своевременным и выявило ряд стереотипов массового сознания в отношении нашего края. Из отчетных документов А. М. Линеvского видно, что жители Ленинграда, Москвы и других крупных городов имели довольно скудное представление о Карелии, что, в совокупности со слабым знанием географии, иногда приводило к появлению совершенно фантастических представлений, «курьезов». Некоторые посетители, по выражению Линеvского, «удаляли Карелию на широты земли Франца Иосифа». Среди вопросов, задаваемых экскурсоводу, отметим: «А что дальше от Ленинграда: Карелия

¹⁵ Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. / Т. И. Хорхордина. – М., 1994. – С. 14.

¹⁶ Отчет научного сотрудника А. М. Линеvского по обследованию райархивов и учреждений Сорокского и Кемского районов за 1932–1933 гг. // НАРК. Ф. 30. Оп. 1. Д. 10/286.

¹⁷ Постановление № 266 СНК АКССР «О мероприятиях по развитию краеведческого дела в Карелии»... Л. 5.

¹⁸ Степан Андреевич Макарьев 1895–1937 гг. уроженец Вознесенского района Ленинградской области, коренной вепс. Участник Первой Мировой и гражданских войн. Член РКП(б) с 1918 г. Студент этнографического отделения ЛГУ по финно-угро-саамскому циклу (1923–1928 гг.). С 1928 г. – в Петрозаводске – зав. Карельским музеем, председатель Экскурсионного бюро, КБК и комиссии по учету и охране памятников природы, старины, искусства и революционного движения. После организации КНИИ – зам. директора Института. Авторитетный вепсолог, краевед, автор 70 печатных работ (в период с 1926 по 1935 гг.). В 1935 г. по политическим мотивам был исключен из партии, уволен из Института. Арестован 20 июня 1937 г., как «член контрреволюционной организации» при КНИИ. 27 ноября 1937 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован.

¹⁹ XVII съезд ВКП(б) состоялся в период с 26 января по 10 февраля 1934 г. в Москве.

²⁰ Резолюции и постановления съезда о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства. XVII съезд ВКП(б), Москва (26.01. – 10.02.1934) // КПСС. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 6. 1933–1937. – 9-е изд., доп. и испр. – М., 1985. – С. 33–37.

или Камчатка?», «А как живут люди в Карелии, когда наступает вечная ночь?».²¹ Большинство гостей выставочного павильона пребывали в уверенности, что Карелия – это «сплошь тундра, где живут оленеводством». Изучая карельские фотографии, люди искренне удивлялись, что здесь можно выращивать хлеб, а в летнее время купаться и загорать. Распространенным заблуждением также являлось представление о Карелии как о месте расселения исключительно «социально вредных элементов», «соловчан». По итогам выставки Карельский павильон вошел в число лучших, а тысячи посетителей не только теоретически ознакомились с Карелией, но и захотели в будущем лично побывать в нашей живописной республике.

Таким был вклад талантливого ученого, краеведа, яркой, творческой личности – Александра Михайловича Линевого в развитие краеведения в Карелии и популяризацию нашего края в первой половине 1930-х гг.

Источники и литература

Источники

1. Отчет по изучению доисторических памятников и палео-этнологической работе в Карелии в 1926, 1927 и 1928 гг. [сделан для этнографо-экскурсионной комиссии географического факультета ЛГУ] (1928 г.) // НА РК. Ф. 3262. Оп. 2. Д. 8/164. Л. 1–23.
2. Постановление СНК АКССР № 266 «О мероприятиях по развитию краеведческого дела в Карелии» 20.06.1931 / Переписка с Каргосмузеем о развитии краеведческого дела в Карелии... // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 3. Д. 41/323. Л. 4.
3. Васильев Т. Краеведение и туризм – на службу социалистическому строительству / Т. Васильев, В. Карпыч // Правда. – 1931. – 17 октября.
4. Отчет научного сотрудника А. М. Линевого по обследованию райархивов и учреждений Сорокского и Кемского районов за 1932–1933 гг. // НА РК. Ф. 30. Оп. 1. Д. 10/286.
5. Резолюции и постановления съезда о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства. XVII съезд ВКП(б), Москва (26.01. – 10.02.1934) // КПСС. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 6. 1933–1937. – 9-е изд., доп. и испр. – М., 1985. – С. 33–37.
6. Отчет старшего научного сотрудника КНИИ Линевого А. М. о работе павильона КАССР на выставке науки, техники и культуры в Ленинграде (август–сентябрь 1934 г.) // НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 121. Л. 1–29 л.
7. Линева А. М. Фрагмент «Минувшего». Воспоминания о работе в Карельском краеведческом музее и встречах с Э. А. Гюллингом, А. Н. Лесковым и др. (1971 г.) // НА РК. Ф. 3262. Оп. 1. Д. 24/266. Л. 1–19.

Литература

1. Заднепровская А. Все Петербургская губерния / А. Заднепровская, М. Куропятник // Мир музея. – 1996. – № 3. – С. 44–45.
2. К 10-летию Советской Карелии (1920–1930). Литературно-художественный сборник русской секции КАПП. – Петрозаводск, 1930. – 26 с.
3. Килин Ю. М. Карельский вопрос в Финляндии и СССР (1920-е годы) / Ю. М. Килин // Север. – 1997. – № 7. – С. 115–123.
4. Пашков А. М. Историческое краеведение Карелии конец XVIII – начало XX в. как социокультурное и историческое явление / А. М. Пашков // Методология региональных исследований. Российский и зарубежный опыт. – СПб., 2000. – С. 86.
5. Соболев В. С. Академия Наук и краеведческое движение / В. С. Соболев // Вестник РАН. – 2000. – Т. 70, № 6. – С. 535–541.
6. Сурво В. Традиции Карелии в «иконической» реальности Финляндии / В. Сурво // Рябининские чтения – 2007 : материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 17–21 сентября 2007 г. – Петрозаводск, 2007. – С. 117.
7. Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. / Т. И. Хорхордина. – М., 1994. – С. 14.

²¹ Отчет старшего научного сотрудника КНИИ Линевого А. М. о работе павильона КАССР на выставке науки, техники и культуры в Ленинграде (август–сентябрь 1934 г.) // НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 121. Л. 1–29 л.

Иллюстрации

Рис. 1. Фотография, сделанная А. М. Линевским во время обследования районных архивов и учреждений Сорокского района 1932–1933 гг. Надпись справа от изображения (очевидно, рукой Линевского) – «Обычный вид фонда во всех как районных, так и сельсоветских организациях (в данном случае Сорокский РИК)

Рис. 1а. Фотография, сделанная А. М. Линевским во время обследования районных архивов и учреждений Сорокского района 1932–1933 гг.

Рис. 2. Павильон Карелии на выставке науки, техники и культуры в Ленинграде (ЦПКО, Елагин остров). Август–сентябрь 1934 г. Около входа в здание сфотографирован А. М. Линевский

Рис. 3. Стенд с лыжами и другими предметами, характеризующими хозяйство АКССР, представленный в август–сентябрь 1934 г. (Павильон Карелии, ЦПКО, Елагин остров)

*Е. В. Дианова,
Петрозаводский государственный университет*

Кооперативные библиотеки Европейского Севера в первые десятилетия XX века

В начале XX вв. в России при крупных кооперативных организациях стали создаваться публичные библиотеки и читальни, имевшие свободный доступ для всех желающих получить необходимые знания, познакомиться с трудами основателей кооперации. Такие публичные библиотеки играли большую роль в распространении культуры и просвещения, а также кооперативных идей среди населения России. А. И. Герцен, выступая при открытии публичной библиотеки для чтения в Вятке 6 декабря 1837 г., сказал: «Сфинксы, охраняющие храм наук, не каждого пропускают, и не каждый имеет средство войти в него. Для того чтобы просвещение сделать народным, надобно было избрать более общее средство и разменять, так сказать, науку на мелкие деньги», т. е. открыть публичные библиотеки в губернских городах. По мнению А. И. Герцена, библиотеки – это «открытый стол идей, за который приглашен каждый, за которым каждый найдет ту пищу, которую ищет, это запасной магазин, куда одни положат свои мысли и открытия, а другие берут их в рост». Именно в этой речи А. И. Герцен дал яркое образное определение книги: «Книга – это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить; приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому заступающему его место».¹

А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский были идеологами революционного народничества и русского утопического социализма. Н. Г. Чернышевский был также основоположником теории товарищества, артельно-кооперативной формы организации труда. Эти идеи Н. Г. Чернышевский изложил в статье «Капитал и труд» и романе «Что делать?». Неслучайно в начале романа «Что делать?» Вера Павловна напевает французскую песенку, в которой были такие слова: «Мы бедны, но мы рабочие люди, у нас здоровые руки. Мы темны, но мы не глупы и хотим света. Будем трудиться – труд обогатит нас... Будем искать счастья, и найдем гуманность, и станем добры... Труд без знания бесплоден, наше счастье невозможно без счастья других. Просветимся – и обогатимся». Работники мастерской участвуют в громких читках, т. е. имеют возможность для самообразования.²

Просветительские идеи А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского были подхвачены деятелями кооперативного движения. Они выражали взгляды передовой части общества о важности просвещения народа, продвижения знаний, необходимых для развития сельского хозяйства, торговли, промышленности. В 60–70-е гг. XIX в. в России появляются первые кредитные и ссудо-сберегательные товарищества. С целью распространения их опыта издавались книги. Это были брошюры Н. П. Колюпанова «Практическое руководство к учреждению сельских и ремесленных банков по образцу немецких ссудных товариществ», А. В. Яковлева «Очерк народного кредита в Западной Европе и России», В. Ф. Лугинина и А. В. Яковлева «Сельские ссудные товарищества, их устройство и значение».

С ростом кооперации стало очевидно ее положительное влияние на социально-экономическое и духовно-нравственное развитие страны. А. Н. Анцыферов, профессор Харьковского университета, был убежден в том, что «кооперация создает основу для пробуждения высших духовных интересов человека и человеческого об-

¹ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1954. Т. 1. С. 366–367.

² Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Роман. М., 1978. С. 28.

щества, для развития того, что по праву может быть названо культурной жизнью человечества и его подлинным и прочным прогрессом».³

Общественные деятели, работники кооперации стремились к широкой пропаганде кооперативных идей и просвещению народа. Еще в 1913 г. на Всероссийском съезде кооперации в Киеве было принято постановление о культурно-просветительской деятельности кооперативов, в котором, в частности, говорилось: «Необходимо возможно большее участие кооперации в просветительской деятельности... При своих культурных начинаниях кооперативы должны иметь не только образовательные, но и воспитательные цели для воспитания населения в духе солидарности и выработки в нем привычек общественной жизни (кружки, лекции, библиотеки, читальни, книжные лавки, вечерние школы, детские сады, экскурсии, народные дома, разумные развлечения)».⁴

В 1919 г. состоялся первый Всероссийский съезд по кооперативному просвещению и культурно-просветительской деятельности кооперации. На этом съезде было принято постановление, в котором ставились задачи кооперативного просвещения, организации книжного и библиотечного дела, краеведческой работы, народных театров и др. В организации книжного дела издательская деятельность кооперации определялась ее социально-экономической функцией. Съезд определил необходимость «неустанной работы по распространению полезной и необходимой населению книги». Большую роль в выполнении этой задачи надлежало сыграть кооперативным библиотекам как «учреждениям, преследующим общие культурно-просветительные цели кооперации». При этом «внутренняя жизнь кооперативной библиотеки должна быть построена на активном участии и сотрудничестве читателя и руководителя библиотеки».⁵

Кооперативные библиотеки создавались как при первичных кооперативах, так и при союзах кооперативных товариществ. Так же могли возникать культурно-просветительные кружки и комиссии по руководству домашним чтением. Они должны были заниматься распространением среди населения кооперативной и художественной литературы. Кооперация как «фактор социального воспитания масс» обращала самое пристальное внимание на работу с детьми. Она принимала участие в устройстве детских садов, клубов, площадок для игр, библиотек, читален, аудиторий для рассказывания и др. В то время педагоги рекомендовали после чтения книг организовывать для детей «часы рассказывания, содействующие развитию в детях активности, воображения, памяти и речи».⁶

Эта замысли по организации кооперативного просвещения и культурно-просветительской деятельности кооперации нашли свое воплощение в издательской деятельности кооперативных союзов России. Кооперативные издательства Москвы, Санкт-Петербурга, Харькова и других городов России выпускали большое количество различной литературы по истории кооперации и кооперативного движения в нашей стране и Западной Европе, научные и статистические исследования кооперации, работы по кооперативному праву, труды о роли кооперации в хозяйственной жизни страны, популярные брошюры и труды теоретиков кооперации, в том числе произведения социалистов-утопистов Роберта Оуэна, Сен-Симона, Шарля Фурье. В издательствах выходила печатная продукция и для обслуживания практических и организационных нужд кооперации (бланки, бухгалтерские книги, типовые уставы, инструкции и памятки для рядовых членов кооперативов).

Сведения о наличии литературы на складах и планах издательств помещались в кооперативных журналах и газетах, а также на последних страницах типовых уставов. Типовые уставы кооперативов печатались в типографиях Издательского товарищества кооперативных союзов «Кооперация» в Петрограде и Московского Союза потребителей обществ и Главного Управления по делам мелкого кредита. Типовой устав включал в себя следующие разделы: 1) Общие положения; 2) Состав, права, обязанности и ответственность членов; 3) Средства общества; 4) Управление делами общества; 5) Поверка дел общества; 6) Счетоводство и отчетность; 7) Прибыль и убытки; 8) Ликвидация общества. Затем следовала информация об издательской продукции.

На последних страницах и на обложках типовых уставов размещалась реклама издательства и сведения о его печатной продукции. Так, Петроградское издательство товарищества кооперативных союзов «Кооперация» ставило в известность членов потребительских обществ, что в 1917 г. оно организовало «отдел социально-политической народной литературы к текущему моменту, при чем книги и брошюры принимаются на складах особой редакционной межпартийной коллегией и по направлению своему соответствующему платформе Всероссийского Совета кооперативных союзов». Издательство принимало на себя обязательство составления примерных библиотечек на разные суммы начиная с 3 рублей. За первые 5 месяцев после Февральской революции издательством было подобрано более 500 разных библиотек для кооперативных и иных общественных организаций на сумму более 500 руб. На складах имелись также полные комплекты счетоводных книг и бланков для потребительских обществ, кредитных и ссудо-сберегательных товариществ.⁷

Издательское товарищество кооперативных союзов «Кооперация» знакомило подписчиков с новыми изданиями на 1917–1918 гг. для формирования кооперативных библиотечек при потребительских обществах. Так, были изданы или готовились к печати книги таких авторов, как: К. А. Башкирова «Как укрепить потребительские кооперативы»; Л. М. Брендстед «Краткое руководство по счетоводству потребительских обществ», «По-

³ Отзывы ученых и общественных деятелей о кооперации. М., 1918. С. 4–5.

⁴ Кооперация. Страницы истории. М., 1993. Вып. 3. С. 14.

⁵ Там же. С. 20–21.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 20/356. Л. 1–15.

требительское общество (организация и практика)» и «Задачи городской кооперации»; Э. Н. Левина «Кооператив как потребительское хозяйство». Эти книги должны были способствовать лучшей организации счетоводства, бухгалтерского учета и работы потребительских обществ по снабжению своих членов продуктами и товарами.

Издательство «Кооперация» не оставалось в стороне от насущных проблем современности, от активного участия в решении важнейших вопросов российской действительности. Так, в 1917 г. были выпущены книги В. П. Гайдебурова «Социальная природа прибыли» и «Классовая борьба и социальная солидарность». Для решения аграрного вопроса предлагалось использовать опыт создания сельскохозяйственных товариществ, в связи с чем рекомендовалось приобрести книги В. П. Гайдебурова «Земельная теснота, раздел земли и кооперация» и А. П. Герна «Сборник статей по сельскохозяйственной кооперации».

В начале XX века были популярны идеи социального переустройства общества, среди них идеи кооперативного социализма. В период революции 1917 г. интеллигенция обсуждала различные пути общественного развития, в том числе кооперативный и социалистический. Это нашло отражение в издании теоретических трудов по проблемам социалистических учений теоретиков кооперативного движения. Кооперированному населению предлагалось книги К. И. Морозова «Социализм и кооперация (к вопросу об эмпирических предпосылках социалистического государства)»; К. А. Пажитнова «История кооперативной мысли»; В. Ф. Пекарского «К вопросу о нашей экономической политике в связи с кооперацией (программа практической социалистической работы)»; В. Ф. Тотомиянца «Кооперация и другие социальные движения»; Б. Р. Фромметта «О социалистических и кооперативных идеалах в сороковых годах» и «Кооперативное воспитание детей и возрождение человечества».⁸

Подобранные издательствами кооперативные библиотечки рассылались на места по заявкам губернских и уездных кооперативных союзов или отдельных кооперативов. В 1917–1918 гг. почти все кооперативные союзы или каждое крупное потребительское общество имели собственные библиотеки. Они располагались в зданиях лавок и магазинов потребительских обществ или в отдельном помещении избы-читальни. Библиотеки формировались организаторами и активными пайщиками потребительских кооперативов, как правило, это были представители местной интеллигенции: учителя, агрономы, врачи, фельдшера, священники, а также грамотные крестьяне. Библиотеки создавались на средства кооперации.

В Олонецкой губернии местные кооперативные работники, осознавая необходимость просвещения народа, разработали программу культурно-просветительской деятельности среди населения. О важности данной работы говорилось на первом кооперативном съезде Олонецкой губернии, который состоялся в 1918 г. Делегаты съезда, представители уездных кооперативных союзов и товариществ обратились с призывом ко всем работникам кооперации губернии: «Учить, воспитывать, влиять на ум, чувства и волю народа. Именно теперь кооперация больше, чем когда-либо, должна взять на себя просвещение населения, потому что Россия переживает глубокий экономический и культурный развал, примириться с которым невозможно». Для «удовлетворения духовных нужд трудового населения» при местных кооперативах нужно было открывать библиотеки, народные дома, клубы, избы-читальни, книжные лавки, кружки.⁹

Большую по размаху культурно-просветительскую работу проводил Северосоюз Вологодской губернии. Почти с самого основания Северосоюза с 1912 г. был открыт книжный склад для распространения книг среди населения. В 1916 г. при активном участии и по инициативе Северосоюза была создана Высшая крестьянская школа (ВКШ). Для ее создания был организован сбор пожертвований, население вносило на школу «последние гроши, кольца, нательные кресты». Значительную долю прибыли отчислял в фонд создания школы и Северосоюз. Несмотря на революцию и гражданскую войну ВКШ была открыта и вошла в состав учебного отдела Северосоюза, затем Вологодского губсоюза. При ВКШ была создана библиотека, ее ядром послужила одна из частных библиотек. В 1920–1921 гг. библиотека регулярно и значительно пополнялась новыми книгами и к 1922 г. ее книжный фонд на 50 % превосходил начальную цифру. Из бывшего книжного музея-склада Северосоюза в библиотеку поступило около 2 тысяч книг лучших дореволюционных издательств Девриена, Брокгауза и Эфрона, «Мир», товарищества «Просвещение» и др. Среди новых поступлений преобладали книги по экономике, кооперации и школьному просвещению. Вологодский губсоюз уделял большое внимание библиотеке ВКШ, о ней писалось в журнале «Кооперация Севера» в заметке «Из жизни библиотеки высшей крестьянской школы». Кооперативные работники понимали: чтобы обеспечить экономическое возрождение края, нужно «создать могучую тягу к просвещению, дать толчок (к нему) там, где до сих пор близоручко заботятся лишь о сегодняшнем куске хлеба».¹⁰

Кооперативные библиотеки создавались при культурно-просветительских сельскохозяйственных обществах, которые в это время получили довольно большое распространение. Такие самодеятельные культурно-просветительские общества создавались во многих северных губерниях. Например, если в 1918–1919 гг. в Вологодской и Северо-Двинской губерниях такие общества были созданы при 40 кооперативах, то в 1920 г. культурно-просветительские общества открыли уже 210 кооперативов. Особенно интересной была деятельность культурно-просветительского сельскохозяйственного общества села Вознесенье-Вохма Никольского уезда Вологодской губернии. Образцовый устав данного общества был принят Никольским земским собранием.

⁸ Там же. Л. 16.

⁹ Олонецкий кооператор. 1918. № 2. С. 10–11.

¹⁰ Кооперация Севера. 1922. № 17–18. С. 67–68.

ем. В нем определялась цель создания общества: «Содействовать поднятию культурного уровня населения и развитию сельского хозяйства и сельской промышленности». В 1919 г. в данное культурно-просветительское общество входило 135 человек, в том числе представители местной интеллигенции – 3 врача, 3 агронома, 9 студентов, 40 учителей. При обществе имела библиотека (1800 книг) с читальным залом. В 1918–1919 гг. в библиотеке насчитывалось 350 читателей. Число посетителей читального зала библиотеки ежедневно составляло зимой 70, летом – 40 человек.

В этой библиотеке жители села Вознесенье-Вохма и других близлежащих волостей Никольского уезда могли познакомиться с периодическими изданиями, которые выписывало местное потребительское общество. Это были газеты «Власть народа», «Вольный голос Севера», «Деревенская беднота», журналы «Кооперативное дело», «Союз потребителей», «Северный хозяин» и др. Также в библиотеке можно было прочитать «Местный еженедельник», который выпускался данным культурно-просветительским обществом. Его печатали на пишущей машинке в нескольких экземплярах. Авторами статей и заметок по кооперации, сельскому хозяйству, вопросам медицины и образования были сами организаторы этого культурно-просветительского общества и местного кооператива.

В Вологодской губернии библиотеки были созданы и при других культурно-просветительских сельскохозяйственных обществах. Так, в Никольском уезде в Кичменско-Городецком обществе, куда входило 40 членов, в том числе 25 учителей, была библиотека (878 книг). В деревне Отметниково Грязовецкого уезда было создано Сеньковское общество, насчитывавшее 50 членов, все крестьяне. При этом обществе тоже имела библиотека (448 книг). Библиотеки обществ были центром культурно-просветительской работы в деревне. Здесь устраивались концерты, спектакли, киносеансы для взрослых и детей, проходили лекции и беседы по политическим и экономическим вопросам, по все отраслям знаний, прежде всего по сельскому хозяйству.¹¹

В Архангельской губернии кооперативные библиотеки устраивались при потребительских обществах (ПО). Так, по сведениям Архангельского союза кооперативов, в 1919 г. библиотеки и читальни были в потребительских обществах таких сел, как Кянда, Талица, Гора-Жеребец Онежского уезда, посад Луда Архангельского уезда. Библиотеки и читальни были организованы в Вагинонаволоцком и Кильдинском ПО Архангельского уезда, Покшеньгском ПО Пинежского уезда. При Лисестровском ПО Архангельского уезда была библиотека и культурно-просветительский кружок. В Кехотском ПО наряду с библиотекой и читальной работал кружок молодежи. При потребительском обществе «Экономия» (Аван-порт Архангельского уезда) были открыты народный дом, театр и кинематограф. В селе Вознесенье Архангельского уезда при библиотеке Вознесенского ПО действовал культурно-просветительский кружок «Самообразование» (так писалось это слово по правилам старой орфографии).¹²

В 1918–1919 гг. в северных губерниях издавались кооперативные журналы, которые занимались пропагандой и распространением кооперативных библиотек. Так, в Вологде издавался журнал Северосоюза «Северный хозяин». В Петрозаводске с октября 1918 г. выходил журнал «Олонецкий кооператор». С 1919 г. в журнале «Олонецкий кооператор» появляется рубрика «Библиография». Здесь печатались подробные рецензии на выходившие в других городах России кооперативные издания. Так, в первом номере журнала за 1919 год была представлена рецензия на книгу Н. Н. Соколова «Кооперативное движение в России (Цифры и факты)» (Изд-во «Мысли», 1918). Как пишет рецензент, «в этой небольшой брошюре автор дает ряд цифр и фактов, характеризующих наше кооперативное движение. К 1 января 1918 г. в стране насчитывалось 16,5 тысяч кредитных кооперативов с 10 млн членов, потребительских обществ – 6100 (на 1 янв. 1917 г.), сельскохозяйственных товариществ – 2100 (на 1 янв. 1917 г.), маслодельных артелей – более 3 тысяч, кустарных, производственных и других артелей – не менее 1 тысячи. Таким образом, в России насчитывалось 52–55 тысячи кооперативов (по новейшим подсчетам 60 тысяч) и не менее 20 млн членов, 600 кооперативных союзов».¹³

В этой же рубрике сообщалось о том, что вышел «Спутник кооператора» – настольный календарь на 1919 год. Издание было подготовлено в Петрограде в типографии Оптосоюза (Общество оптовых закупок) при Северном областном союзе кооперативов. Там же говорилось о том, что вышли из печати и готовятся в продажу издания Совета народного хозяйства Северного района (Петроград) «Список фабрично-заводских предприятий г. Петрограда», «Стенографический отчет съезда Советов народного хозяйства Северной области. Петроград, 11–14 июля 1918 г.», книги В. В. Ястржембского «Как рабочие создают новый строй» и «Рабочие и создание народного хозяйства», В. М. Молотова «Как рабочие строят социалистическое хозяйство».

С 1919 г. в журнале «Олонецкий кооператор» появился специальный отдел «Бюллетень неторгового отдела». Здесь публиковались отчеты В. И. Крылова, заведующего неторговым отделом Петрозаводского союза потребительских обществ, о культурно-просветительской деятельности олонецкой кооперации. С первых дней своего существования Петрозаводский союз оказывал поддержку народному просвещению Олонецкой губернии. В 1918 г. потребительским обществам было передано 50 библиотек, 150 комплектов плакатов и 6000 листовок; 20 библиотек получили культурно-просветительские кружки; было приобретено 500 картин для иллюстрации чтений по кооперации, 2 кинопроектора и 25 кинолент. Также во все библиотеки и избы-

¹¹ Кооперация Вологодской и Северо-Двинской губерний к началу 1919 года. Вологда, 1920. С. 22–23.

¹² Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 362. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–51.

¹³ Олонецкий кооператор. 1919. № 1. С. 56.

читальни в целях развития кооперативного сознания населения были разосланы журналы «Олонецкий кооператор», «Общее дело», «Объединение».¹⁴

В 1920-е гг. Центросоюз возобновил работу, начатую еще до революции, по формированию кооперативных библиотечек. В издательстве Центросоюза выходили отдельные серии книг по кооперации для различных социальных групп и по разным видам кооперации. Так, для сельских потребительских обществ была создана серия «Библиотека крестьянина-кооператора». В эту серию входило 23 книги как по организации бухгалтерии, торговой деятельности потребительского общества, так и по проведению культурно-массовых мероприятий. Крестьяне-кооператоры могли познакомиться с книгами, в которых давались рекомендации по кооперативной деятельности: «Как улучшить работу кооператива» В. Тихомирова, «Как должно отчитываться правление сельского потребительского общества» Н. Пажитнова, «Как работает хороший кооператив», «Торговая деятельность потребительского общества», «Вопросы пайщика на отчетном собрании», «О чем и как докладывать правлению и ревизионной комиссии на отчетном собрании потребительского общества» В. Фомицкого, «Рас-трат не допускай, растратчиков не милуй». Также предлагались издания «Как крестьянину выгоднее продавать хлеб» В. Конко, «Крестьянину – крестьянская подмога» Галицкого. В 1920-е гг. большое внимание уделялось вовлечению в кооперацию женщин. С этой целью издавались листовки и брошюры «Крестьянка, в кооперацию!», «Чем может помочь кооперация крестьянке-матери?», «Для чего нужна кооперация крестьянке?».

В годы нэпа большое внимание уделялось празднованию Международного дня кооперации. В связи с этим большими тиражами печатались брошюры, различные агитационные материалы. Для «продвижения книги в массу» открывались киоски для продажи пропагандистской кооперативной литературы. Среди населения распространяли дешевые – всего по 2 копейки – брошюры «Выполним заветы Ильича, укрепим кооперацию», «Крестьянка, кооперация – твой друг», «Читай, что думал Ленин о союзе с мужиком», «Работница, строй кооперацию», «Кому продавать излишки», «Кооперация – путь к коммунизму», «Рабочие и крестьяне всего мира, под знаменем коммунизма стройте кооперацию». Для усиления кооперативного просвещения Северо-Западный союз потребительской кооперации отправлял на места популярные книги по истории и теории кооперации, такие как «Рассказ о том, как кооперация мужиков из болота вытащила» Н. Логинова, «Крестьянская кооперация. Для чего и как организуются кооперативы» С. Базыкина, «Деревенская кооперация» С. Крылова, «Современная кооперация» Н. Мещерякова, «Роберт Оуэн» С. Цедербаума.¹⁵

Кооперативы должны были принимать участие в организации массовых мероприятий по случаю Международного дня кооперации и других гражданских торжеств. Во время проведения праздников ставились театрализованные представления. Самодеятельные коллективы разыгрывали сценки на злобу дня. Одной из самых актуальных тем того времени помимо международного положения была кооперация. В серии «Библиотека крестьянина-кооператора» на эту тему было включено несколько пьес: «Подвох» И. Лебедева, «Представление любительское про дело потребительское» М. Вольпина, «За жизнь кооперации» Г. Курина, «Волки в овчарне» И. Рудакова. Даже была напечатана пьеса для кукольного театра «Кооператив плох – ты сам плох» Ю. Юрьина. Также в серию были включены рассказы: «Куриное яйцо и кому какая от него польза» А. Тутунова, «Просеки» И. Лебедева, «Сказка про купцовую нацию, мужика и кооперацию» В. Маяковского и Н. Асеева, повесть в стихах «Отпускник красноармеец Артем» (авторы Б. Ковынев, Дж. Алтаузен и А. Ясный).

Все эти книги из серии «Библиотека крестьянина-кооператора» можно было заказывать в оптовом розничном магазине Центросоюза в Москве. В издательстве Центросоюза печатались и плакаты с просветительскими и пропагандистскими целями. Так, например, в 1929 г. был издан широко известный плакат «Если книг читать не будешь – скоро грамоту забудешь». На нем изображена крестьянка, держащая в руках книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир».

В 1920-е гг. библиотеки существовали при всех губернских кооперативных союзах и даже при некоторых первичных кооперативных товариществах. Так, библиотека Архангельского губсоюза была составлена из кооперативной литературы, книг и брошюр, которые рассылались Севзапсоюзом по северным губерниям во время подготовки различных мероприятий, празднования Международного дня кооперации. В 1925–1926 гг. библиотека Архангельского союза выписывала журналы 10 наименований. Здесь имелись диапозитивы по общественно-экономическим вопросам, киноаппарат для демонстрации научных и революционных фильмов. На содержание библиотеки, подписку и приобретение книг выделял средства Архангельский губернский союз кооперативов.¹⁶

Карело-Прионежский союз потребительской кооперации также участвовал в формировании библиотек первичных кооперативов. В 1927 г. за счет средств культфонда Каронегсоюза на места было выслано 50 библиотечек по 63 экземпляра каждая. В библиотеки выписывались газеты «Кооперативная жизнь» и «Общество потребителей». Библиотеки были центром по подготовке и проведению праздника Международного дня кооперации.¹⁷

Организацией библиотечного дела занимался и Карельский союз промысловой кооперации (Карпромсоюз), в который входили артели со всех районов КАССР. Это был единственный опорный пункт культурно-

¹⁴ Там же. 1919. № 6–7. С. 30; № 1. С. 32.

¹⁵ НАРК. Ф. 509. Оп. 17. Д. 7/81. Л. 32, 12–13.

¹⁶ Северный кооператор. 1926. 35–6. С. 30.

¹⁷ НАРК. Ф. П.-3. Оп. 2. Д. 97. Л. 7.

просветительной работы среди кустарей, к тому же он находился в Петрозаводске, поэтому перед организаторами культурно-просветительской работы в Карпромсоюзе стояла задача расширять сеть красных уголков и изб-читален во всех артелях союза, обеспечивать их общей, политической и технической литературой.

Кустари и артельщики, прежде всего, должны были изучать следующую литературу: труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина, А. А. Жданова, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, биографию И. В. Сталина, историю гражданской войны. Библиотека Карпромсоюза могла предложить своим читателям также произведения русской классической и советской художественной литературы: сочинения М. Е. Салтыкова-Щедрина, рассказы А. П. Чехова, М. Горького, стихи В. В. Маяковского и Н. Н. Асеева. В библиотеке Карпромсоюза были литературные произведения народов СССР, в том числе абхазская поэзия, стихи белорусского поэта Петруся Бровки, былины сказителя И. Г. Рябины, лирика средневекового азербайджанского поэта Г. Низами и даже книжка малоизвестного грузинского писателя Гори Бухикашвили.

От библиотечных работников требовалось развернуть техническую пропаганду на производстве, организовать заочное обучение кустарей, добиться стопроцентного охвата подпиской на газеты «Кустарь», «Артель», «Лесной рабочий», разместить в артелях радиоточки. В начале 1930-х гг. 80 % кустарей и членов артелей были охвачены культурно-массовой работой. Кустарно-промысловая кооперация являлась для кустарей школой, где они «учились вести общественное хозяйство, где было легче и проще поднять само кустарное производство». С октября 1930 г. до 1 февраля 1931 г. в избах-читальнях Карпромсоюза книги получали 490 человек, в то же время кино посмотрели 3430 человек, членов союза. За этот период в беседах, громких читках, прослушивании докладов и лекций участвовало 16045 человек.¹⁸

С начала 1930-х гг. в центре внимания политико-просветительной работы библиотек находились речи и статьи товарища И. В. Сталина. Особенно тщательно изучалась речь И. В. Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. «Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства». В этой речи И. В. Сталин выдвинул «шесть условий развития нашей промышленности»: рабочая сила, зарплата рабочих, организация труда, создание собственной производственно-технической интеллигенции, изменение отношения к инженерно-техническим силам старой школы, внедрение и укрепление хозрасчета. Культурно-просветительный отдел Карпромсоюза занимался систематическим изучением «шести условий товарища Сталина» для того, чтобы «хозяйственные руководители руководили предприятиями не вообще, не с воздуха», а конкретно; чтобы они не ограничивались бумажной отпиской или общими фразами и лозунгами, а входили в технику дела, вникали в «мелочи», ибо из «мелочей» строятся теперь великие дела».¹⁹

Эту речь И. В. Сталина изучали по всей стране. В Архангельске была издана и передана в библиотеки специальная брошюра «Путь к победе. Как проверять выполнение шести указаний товарища Сталина» (авторы И. Валов, Л. Ивич). Эта книжка предназначалась для очередной политической кампании – массовой проверки реализации шести условий товарища Сталина, которая должна была вскрыть, насколько перестроена работа партийных, комсомольских, профсоюзных, советских, кооперативных и хозяйственных организаций в соответствии с новыми задачами хозяйственного строительства. К ней привлекались проверочные бригады, контрольные посты, отряды «летучей кавалерии» и рабселькоровские активисты.²⁰ С этой брошюрой должны были знакомиться и работники библиотек, для того чтобы быть в числе организаторов работы по изучению «шести условий товарища Сталина».

Подводя итог, можно сказать, что в первые десятилетия XX века кооперативные библиотеки сыграли большую роль в культурно-просветительской деятельности северной кооперации, просвещении крестьянского и городского населения Европейского Севера. Они способствовали повышению грамотности и распространению научных знаний, знакомили читателей с произведениями художественной литературы.

*С. В. Новожилова,
Научная библиотека
Петрозаводского государственного университета*

Библиотека Историко-литературного клуба в фонде Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета

В 2004 году в Научную библиотеку Петрозаводского университета поступило собрание книг и периодических изданий независимой общественной библиотеки, существовавшей в Петрозаводске в годы перестройки. Библиотека была передана заведующим кафедрой архивоведения и специальных исторических дисциплин ПетрГУ А. А. Кожановым и в настоящее время находится в секторе редкой книги в виде отдельной коллекции под названием Библиотека Историко-литературного клуба (БИЛК). Все книги изначально были помечены яр-

¹⁸ НАРК. Ф. 2161. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 18; Д. 1/3. Л. 66.

¹⁹ Сталин И. В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 348; НАРК. Ф. 2161. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 24.

²⁰ Валов И., Ивич Л. Путь к победе. Как проверять выполнение шести указаний товарища Сталина. Архангельск, 1931. С. 7.

лыком с этой аббревиатурой и (или) круглым штемпелем: Дом культуры строителей. Историко-литературный клуб г. Петрозаводска.

Общественное объединение под названием Историко-литературный клуб существовало в Петрозаводске с октября 1988 по 1994 год. Инициаторами его создания стали бывший политзаключенный Э. М. Хмяляйнен и преподаватель спецшколы поэт А. Л. Иванов. Несколько позже к ним присоединился университетский историк А. А. Кожанов, принявший на себя заботы о библиотеке. В отличие от других неформальных организаций, появившихся в это время и сразу заявивших о своем желании участвовать в политической борьбе, члены клуба провозгласили неполитический характер своего объединения, поставив на первое место просветительские цели, что выражено было в девизе: «К гражданскому обществу – через демократическое просвещение». Второе направление работы – движение за реабилитацию репрессированных в 1950–80-е годы инакомыслящих – было выбрано не случайно: именно в этот период, о котором тогда еще мало говорили даже правозащитники, Э. Хмяляйнен отбывал срок в Мордовских лагерях. Клуб, численность которого в разное время колебалась от 30 до 70 членов, устраивал тематические экспозиции, обзоры и лекции, однако на первом месте были библиотека и собственный информационный бюллетень. Вот что сказано в его первом номере: «Считая, что свобода печати есть гарантия развития личности и общества..., мы убеждены, что распространение художественной, общественно-политической и религиозной литературы, не издаваемой по идеологическим мотивам – долг гражданина», Источником для приобретения книг стали взносы членов клуба и пожертвования, а начало было положено партией книг, закупленных Хмяляйненом в Ленинграде на занятые деньги. Установленные позднее контакты с редакцией журнала «Гласность» и независимыми общественными библиотеками, ленинградской и московской, способствовали пополнению фонда. При Московской независимой общественной библиотеке (МНОБ) действовало издательство «Из глубин», где копировались книги, полученные из-за границы. Эти ксерокопии, достаточно узнаваемые по внешнему виду (листы в них согнуты пополам), рассылались в другие города. Комплектованию библиотеки способствовало также получение гранта от фонда «Культурная инициатива».

В 1990 г. клубом была поставлена задача целенаправленного сбора неформальной прессы, по возможности широко представляющей и географию, и общественно-политический спектр самиздата вплоть до самых радикальных изданий. Для этого потребовалось расширить связи с другими городами и даже республиками. Большую помощь в комплектовании периодикой оказало Московское бюро информационного обмена (М-БИО). Неформальная пресса продавалась в киоске, которым клуб обзавелся к этому времени. Киоск был подарен клубу хозрасчетным центром при Карельском фонде культуры, а располагался на перекрестке проспекта Ленина и улицы Антикайнена.¹

Независимая периодика Карелии

Для понимания места и значения БИЛК необходимо коснуться истории независимых библиотек. Самая крупная из российских (Прибалтийские библиотеки на особом счету) открылась в ноябре 1988 года в Москве. Учредителями Московской Независимой общественной библиотеки (МНОБ) стали «Демократический союз», «Международное общество прав человека», московский народный фронт и др. Это событие повлекло за собой создание подобных библиотек и в других городах страны: Ленинграде, Свердловске, Пскове, Саратове, Новосибирске, Улан-Удэ, Омске, Ставрополе, Нижнем Новгороде. Упоминается в этом ряду и Петрозаводск.² Из ранее существовавших в независимой прессе того времени упоминаются: в Москве – 6 библиотек, из них наиболее крупная и хорошо организованная – при Еврейской культурной ассоциации, две – в Ленинграде (в том числе при ленинградском фонде культуры), а также в Горьком, Саратове, Новосибирске.

Библиотека Историко-литературного клуба в ее сегодняшнем виде – это около 2380 книг, брошюр и периодических изданий. Тематический круг достаточно широк: политика, история, художественная литература, право, экология, религия, экономика, национальные проблемы. По месту и способу издания можно выделить следующие группы: независимая литература, произведенная в СССР (самиздат), изданное за рубежом (тамиздат), и в отдельную группу, которая условно названа «независимой литературой», включены издания «полулегитимные», уже не являющиеся самиздатом в традиционном понимании, в том числе выпущенные после

принятия в 1990 г. закона о печати. Нужно оговориться, что разделение это формальное и в некоторых случаях весьма затруднительное. Ксерокопии с тамиздата, в том числе продукция независимых издательств «Из глубин» или «Привет», – это одновременно и тамиздат, и самиздат. Есть и просто отдельные трудные случаи, как,

¹ Об «Историко-литературном клубе» см. Цыганков А. М. К гражданскому обществу: Демократический союз. Народный фронт Карелии. Социал-демократы. «Зеленые»... Кто они? К чему стремятся? – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 247 с.

² Это кажется нам не совсем правомерным, учитывая хотя бы факт возникновения ИЛК месяцем раньше.

например, «Проза» А. Власова, напечатанная в Финляндии, видимо в типографии, но при этом очень похожая на самиздат.

В книжной части коллекции 283 наименования, из которых 15 % составляет самиздат (в наиболее типичном виде: машинопись, фотокопии и размноженные на ксероксе или ротапринтере), 66 % – тамиздат (23 % от этого количества – ксерокопии) и 18 % – независимая литература. Около 20 % этого фонда – малотиражные брошюры. Среди авторов книг – как знаменитые: А. Солженицын, А. Зиновьев, А. Авторханов, Ю. Алешковский, В. Войнович, Л. Алексеева, так и малоизвестные, причем оказалось, что многих произведений в НБ ПетрГУ нет, часть же представлена только журнальными, часто сокращенными вариантами. Более того, при сверке с каталогами Российской государственной и Российской национальной библиотек³ было выявлено отсутствие в них около 50 наших изданий.⁴ В это число не включены самодельные копии, сделанные с легальных книг (например, «Один день Ивана Денисовича» из «Роман-газеты», или дореволюционные издания), машинописные подборки стихов и т. п.

Среди типичного самиздата можно отметить машинописные «Документы встречи бывших политзаключенных послесталинского периода» (Ленинград, 1990), «Документы второй международной конференции по правам человека» (Вильнюс–Ленинград, 1990), копии приговоров по политическим делам.

Большую часть ненайденного составляют брошюры, изданные различными партиями и общественными группами, однако есть и несколько книг, из которых хотелось бы отметить книгу Б. А. Яковлева «Концентрационные лагеря СССР» (London, Ontario: Заря, 1983). Это ксерокопия второго издания книги. Первое вышло в 1955 г. и вызвало настоящий шок на Западе, где долго отказывались верить ужасам об СССР. По предположению автора предисловия А. Авторханова первое издание было полностью изъято из магазинов. Основанием для этого первого исследования ГУЛАГа стали показания немецких военнопленных, вернувшихся из советских лагерей.

В журнальный фонд входят 80 наименований (250 экз.). Среди них «Гласность», «Митин журнал», «Посев», «Новый журнал», «Страна и мир», а также «Третья модернизация», «Левый поворот», «Эсдек» и др. Около 30 % журналов составляет тамиздат, остальные – независимая пресса.

В коллекции газет 380 с лишним наименований (2090 экз.), и она представляет, несомненно, самую ценную часть библиотеки как в отношении библиографическом, так и историческом. Именно к этим изданиям больше всего подходит цитата из А. Суетнова, известного библиографа самиздата: *«из-под тоталитарного пресса вылезло живое, хотя и нестерпимо вульгарное и тенденциозное слово. С одной стороны, это голос интеллектуалов-аутсайдеров, с другой, неприкрыто хамский агрессивный «глас народа», а где-то рядом ерничают авангард и рок-культура»*.⁵ И, действительно, кого здесь только нет: демократы, коммунисты (вплоть до сталинистов), анархисты, христианские демократы, националисты, а, с другой стороны: зеленые, профсоюзы, афганцы, представители различных религиозных конфессий, эсперантисты, художественный андеграунд и рядом попса, желтая пресса в зачатке и правозащитники... Обширна также и география. Помимо наиболее представленных Москвы и Ленинграда, это Прибалтика (25 изданий), Украина (8), Белоруссия и Армения (по 7), а дальше – Грузия, Азербайджан, Молдавия и, конечно, регионы России, представленные порой совсем небольшими городами. В отличие от остальной части коллекции газетный фонд достаточно однороден по происхождению: это независимая печать периода своего расцвета (1988–1991 гг.).

Среди всего этого разнообразия особого внимания заслуживают местные издания, на которых мы остановимся подробнее.⁶

«Информационный бюллетень».* Орган Историко-литературного клуба г. Петрозаводска. Издавался с ноября 1988 г. тиражом от 40 до 70 экз., Это самое внушительное из карельских изданий по объему (до 20 машинописных листов), редактор А. Л. Иванов, в редакционную группу входили Хямяляйнен Э. М., Шамонаев О. Н., Шилов М. Ю. Вышло 16 номеров, последний – в январе 1990 г. (все они есть в нашей библиотеке). «ИБ» был лидером среди карельских независимых изданий, насчитывая до тысячи постоянных читателей (на страницах журнала нам встретилось упоминание о полутора тысячах). А. Цыганков отмечает неплохой профессиональный уровень публикаций. Не являясь, по утверждению редактора, политическим изданием, «ИБ» много места уделяет политике, да это и не могло быть иначе, т. к. все острые и больные темы воспринимались как политические. Наиболее значимые рубрики: «Из истории правозащитного движения» (перепечатки Л. Алексеевой, А. Солженицына и др.), «Демократия в Карелии: прошлое и настоящее». Нужно сказать, что между белыми пятнами прошлого и злободневными вопросами настоящего часто оказывается один шаг. Так в статье Хямяляйнена о Куусинене наверное впервые был поставлен вопрос, «не пора ли ПГУ поменять

³ Сверка производилась с электронными каталогами РГБ и РНБ, сканированным карточным каталогом РНБ, а тамиздат кроме того с печатным каталогом Книга Русского Зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки 1918–1991: библиографический указатель. – в 3-х т. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997–2002.

⁴ Автор ни в коем случае не настаивает на точности этих результатов. Необходимо учесть, что привлечены каталоги лишь двух крупных библиотек (с каталогом ГПИБ книги не сверялись), да и в случае с РГБ могут быть неточности, т. к. ее карточный каталог недоступен в Интернете.

⁵ Цит. по: Андрушина С. В. Критерии отбора в фонд нетрадиционных изданий // Библиотековедение. – 1996. – № 3. – С. 83.

⁶ Сведения об изданиях, помеченных*, взяты из: Цыганков А. М. К гражданскому обществу: Демократический союз. Народный фронт Карелии. Социал-демократы. «Зеленые»... Кто они? К чему стремятся? – Петрозаводск: Карелия, 1991. – С. 196–204.

свое “славное” имя». Результатом обратной связи с читателями стала «рубрика читателя». Все тот же провозглашенный отказ от политики, а также склонность к плюрализму сделали логичным для редакции предоставление своих страниц для высказывания самых разных политических взглядов, отнюдь не всегда ею разделяемых. Публикуется программа Народного фронта Карелии, обращение кандидата в депутаты С. Белозерцева, полемические выступления члена Демократического Союза Билибина, все, как правило, сопровождается комментариями редакции. На страницах «ИБ» нашли также пристанище тексты, отвергнутые официальной прессой: статьи, обращения, стихи, переписка с цензорами и другими разрешающими органами. Литературно-художественная составляющая невелика и представлена в основном стихами (все-таки редактор – поэт).

«Зеленый квадрат»* – рукописный журнал, издавался Свободной студенческой зеленой лигой (редакторы студент В. Поташов и журналистка Ю. Утышева), тираж шесть экземпляров, объем – до 20 страниц. Первый номер вышел 23 октября 1989 г. У нас № 1–5. (Последний номер – май–июнь 1990 г.). Тематика журнала отнюдь не исчерпывается экологией, на его страницах публиковались стихи, пьесы, рассказы начинающих авторов, впрочем, и экология рассматривается в широком смысле, включая и человека с его проблемами.

«Пробуждение»* (1988 г., № 1–3; 1989 г., № 6; 1990 г., № 7), машинописное «независимое политическое издание» Дмитрия Билибина, тираж 10–20 экз. объем 25–30 с. Идеальная направленность, по словам издателя – антикоммунистическая, сам он подчеркивал свою принадлежность к НТС и называл себя не иначе, как «наиболее опасным политическим противником советской власти».⁷ «Пробуждение», по словам Цыганкова, не имело широкого хождения и вряд ли заслуживает серьезного анализа. По большей части номера, помимо статей самого редактора, отдавались под перепечатки.

«Вестник»*, неперiodическое издание Пресс-центра Дворца пионеров и школьников Петрозаводска, тираж 200–250 экз., выходило с конца февраля 1990 г. Газета для школьников и, что особенно ценно, издававшаяся с их участием (редактор школьница Аня Базегская). В библиотеке ИЛК № 2–8 (последний номер за 8 мая 1990 г.).

«Samarano»* («Одноклубник») – газета на языке эсперанто и русском, издавалась с марта 1987 по 1990 г., всего вышло 57 номеров (у нас – 16). Тираж – от 7 до 20 экз. Ответственный за выпуск Б. Романов, газета распространялась среди членов петрозаводского клуба эсперантистов и рассылалась по адресам родственных клубов. Основное направление – призыв к объединению человечества в мировое государство и поддержка идеи международного языка.

«Республика/Tasavalta», издание Социал-демократической партии России (Карелия), редактор В. Н. Логунов, учредитель ЦХКД «Омега», издатель МП «Намедни», тираж 3200, (1991 г., № 1; 1992 г., № 10).

«Команда» (ЕХ-Комсомолец) издавалась журналистами, вышедшими из состава газеты «Комсомолец» по идейным соображениям, редактор Б. Матвеев (1991 г., № 1–4). Особую ценность представляют номера 2 и 3 от 20 и 21 августа 1991 г. – оперативный отклик на известные события.

«Благовест», издание Петрозаводской епархии и общества охраны памятников (№ 1 за июль 1991 г.).

«Левашовский бульвар». Газета учреждена кооперативом «Торос», (№ 2 за 5 июня 1991 г.). Заявленный тираж – 999 экз., газета платная. Тон легкий, юмористический, характер предполагается, исходя из названия, «бульварный», это слово обыгрывается неоднократно, что, видимо, следует считать намеком программного характера, в редакторской колонке (подписана В. П. и В. Ш.) сказано в качестве шуточного пожелания: «В шуме бульварной листвы уже тонут скандалы, прекращается хулиганство, все яростные политические дебаты видоизменяются в уютные бульварные беседы».

«Тайна», независимое коммерческое издание, газета объемом в один лист, представлена № 1 за 1990 г. – тираж 2000 экз., платная. Издатель и редактор В. Г. Опарин, отпечатана в Пряжинской типографии. Среди рассказов о различных тайнах (Джиоконды, клада Наполеона, травоядных гуманоидов и т. д.) есть местная – «тайна Косалмы». Никаких ссылок на источники, а также подписей кроме фамилии самого Опарина нет.

Небезынтересными для понимания места и значения нашей коллекции могут быть сведения о судьбе некоторых других подобных собраний. Фонд МНОБ в настоящее время находится в Российской государственной библиотеке, собрание Ленинградской независимой общественной библиотеки, считавшееся до недавнего времени утраченным, – в одном из Санкт-Петербургских государственных архивов. Некоторые коллекции хоть и сохранились, но не всегда доступны для исследователей. Это прежде всего такие крупные собрания, как архив М-БИО (периодика передана в Московский Мемориал, документы – в Архив Института Восточной Европы Бременского Университета (ф. 118) и т. н. «Алексеевский архив» (сейчас в Санкт-Петербургском Мемориале).⁸

Что касается государственных библиотек страны, то известно, что целенаправленно к комплектованию независимой литературы крупнейшие из них приступили не ранее 1989 г. (РГБ, ГПИБ – в 1989 г., РНБ – в марте 1990 г.).⁹ О том, каким образом складывалась коллекция тамиздата в РГБ, рассказывается в предисловии к каталогу: «До 1991 г. книги Русского Зарубежья попали в библиотеку в основном в качестве даров Главлита,

⁷ Цит. по: Цыганков А. М. К гражданскому обществу: Демократический союз. Народный фронт Карелии. Социал-демократы. «Зеленые»... Кто они? К чему стремятся? – Петрозаводск : Карелия, 1991. – С. 199.

⁸ См. Струкова Е. Н. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987–1996) / под ред. проф. В. И. Тропина. – М. : ГПИБ России, 2005. – С. 16–19.

⁹ См.: Без цензуры: Периодика «самиздата» до и после распада СССР в фондах Российской национальной библиотеки: Каталог / сост. А. С. Асватуров, М. А. Семенова. – СПб., 1999. – С. 3.

*а это привело к тому, что эмигрантская книга, не неся сильной идеологической нагрузки, относительно хуже была представлена в «спехране».*¹⁰ Этот интересный штрих, вероятно, объясняет отсутствие в данном каталоге, как, впрочем, и в каталогах РНБ, двух сборников стихов и прозы из библиотеки БИЛК.

Самым крупным хранилищем самиздата, а также местом его изучения является Государственная публичная историческая библиотека. На ее сайте представлен сводный каталог «Самиздат и новая политическая пресса», включающий 11 коллекций Москвы и Санкт-Петербурга.¹¹ Около 150 наименований периодических изданий из коллекции БИЛК в данном каталоге не обнаружено, что, впрочем, ни о чем еще не говорит, т. к. эти сведения даны по состоянию на 1992 год.

Тем не менее, при беглом осмотре коллекции БИЛК Е. Н. Струковой, ею были отмечены некоторые незнакомые названия, не говоря уже об отдельных номерах изданий, которые не сверялись. В любом случае можно сказать, что независимая литература периода перестройки, отразившая один из самых исторически значимых периодов в жизни нашей страны, недостаточно полно представлена даже в самых крупных библиотеках. Добавляет ценности нашему собранию также и тот факт, что других случаев, когда провинциальная независимая библиотека целиком попала бы в государственное хранилище, пока не отмечено.

С. Н. Исакова,
Национальная библиотека Республики Карелия

Книжная палата Республики Карелия: к 50-летию

Государственной библиографии Карелии в январе этого года исполнилось 50 лет. Мы хотим еще раз напомнить о Книжной палате Национальной библиотеки Республики Карелия.

Некоторое время назад из прокуратуры в Национальную библиотеку РК поступил запрос. Следователей интересовала годовая подшивка одной газеты. Газета была прежних лет издания, и предоставить ее смогла только Книжная палата. Мы выдали подшивку и помогли тем самым следствию. Такой историей могут поделиться и другие Книжные палаты. Например, Российская. Как-то туда также из прокуратуры поступил запрос, следователей интересовал конкретный номер районной газеты – его копию выслали. А вскоре от работников правоохранительных органов пришло письмо – с благодарностью за помощь следствию, связанного с лжебанкротством одного предприятия. По закону процедура банкротства должно предшествовать объявление о нем в прессе. Так вот, люди, провернувшие эту махинацию, отпечатали несколько фальшивых экземпляров местной газеты с таким объявлением. А настоящая газета вышла без него – в чем и убедились следователи благодаря Книжной палате.

Разные истории происходят периодически и у нас, потому что часто нужные документы можно найти только в фондах Книжной палаты. Но не они определяют содержание нашей работы – действительно тихой, но напряженной.

Ежедневно к нам в Книжную палату поступают обязательные экземпляры документов от издателей и полиграфистов нашей республики. Их нужно принять, зарегистрировать, систематизировать, предметизировать, описать и, наконец, определить в информационно-библиографический ресурс Национального книгохранилища Республики Карелия. Этот фонд включает в себя печатные и другие издания, вышедшие на территории Карелии с 1959 г. Много ли их набралось за 50 лет? Судите сами: на 1 января 2009 г. в Книжной палате насчитывалось 23307 единиц хранения. Это – книги, авторефераты диссертаций, периодические издания (журналы, бюллетени, газеты), а также ноты, карты, аудио-видео издания. В целом больше, конечно, книг. Их более 15478 экземпляров.

У вас может возникнуть вопрос: «А зачем все это хранить в фондах Книжной палаты, если практически все эти материалы поступают в отдел национальной и краеведческой литературы Национальной библиотеки РК?». Ответ Книжных палат прост: мы являемся одним из главных гарантов сохранения книжной и печатной памяти нации, поскольку, в отличие от библиотек, призваны в максимально полной степени собирать и хранить всю выходящую печатную продукцию. Наше фондохранилище рассчитано на вечное хранение и полноту поступающей издательской продукции в виде обязательных экземпляров. Наш архив выступает страховым библиотечным фондом краеведческой литературы.

В начале 1990-х годов возникало много частных издательств и типографий, которые выпускали остро дефицитную на тот момент литературу – детективы, фантастику, женские романы, детскую литературу, но при этом игнорировали обязательную отправку Книжной палате контрольного экземпляра. Такая «вольница» 1990-х ударила по наполнению нашего фонда – определенный пласт исторической памяти поврежден. Но ситуация исправляется. Мы занимаемся докомплектованием (восполняем пробелы), а по обязательной рассылке стараемся получать по максимуму все что издается сегодня в нашей республике.

¹⁰ Книга Русского Зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки 1918–1991 : библиографический указатель. В 3-х т. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997–2002.

¹¹ Адреса электронных источников см.: Струкова Е. Н. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987–1996) / под ред. проф. В. И. Тропина. – М. : ГПИБ России, 2005. – С. 307–309.

Статистика карельского книгоиздания XXI века показывает поступательный рост количества книг из года в год по числу названий. Каждый год нового тысячелетия побивает рекорд предыдущего. Никогда еще за всю 200-летию историю книгоиздания Карелии не издавалось такого количества названий книг: в последние годы в Карелии это более 800 названий в год.

И вот со всем этим богатством в нашем отделе работают всего 4 человека и еще один оператор работает на ½ ставки. Это меньше, чем было раньше, но дефицита кадров мы пока не ощущаем, потому что всегда учимся, и при этом Книжная палата постоянно модернизирует свои технологии и процессы.

Палата не имеет аналогов по широте и разнообразию своих функций, т. к. является органом не только национальной библиографии, но и статистики печати, ведет научную деятельность по созданию государственной библиографии. Результаты нашей работы зафиксированы в информационных источниках – государственном библиографическом указателе «Летопись печати Республики Карелия» (выходит ежеквартально, издается с 1960 г., но первый выпуск включил в себя документы уже за 1959 г.), информационно-статистическом бюллетене «Печать Карелии в ... году» (издается с 2000 г.). Через эти издания Книжная палата снабжает информацией все общество, служит своего рода мостом между старыми и новыми издателями, является объединяющим звеном для всех основных отраслей книжного дела.

В юбилейный год для нашей Книжной палаты уместно вспомнить историю ее создания. Государственный учет издательской продукции принят почти во всех странах. Происходит он на основе Закона об обязательном экземпляре документов.

Возникновение понятия «обязательный экземпляр» в России относится к периоду правления Екатерины II, когда в 1783 году вышел указ Ее Императорского Высочества о непременно поступлении каждого печатного издания в библиотеку Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. А 27 апреля (10 мая по новому стилю) 1917 г. было принято постановление Временного правительства «Об учреждениях по делам печати», которым и создавалась Российская книжная палата.

Национальная библиотека РК выполняет функции республиканской Книжной палаты как центр архивного хранения местных изданий, государственной библиографии и статистики печати с 1959 г. на основании приказа МК СССР № 15 от 7.01.58 г. в соответствии с постановлением СМ СССР от 29.04.48 г. и 15.03.58 г., по которому на республиканские библиотеки автономных республик, не имеющих книжных палат, возложено осуществление государственной библиографической регистрации издаваемых книг, журналов ... и издание ежегодных «Летописей печати».

А уже как отдел Книжная палата была образована в нашей библиотеке только в 1995 г. на основе сектора государственной библиографии.

Книжная палата Национальной библиотеки РК сегодня – это закономерный результат ее исторического развития, эволюции приемов работы с книгой.

Биографию государственной библиографической регистрации в Карелии украсили:

Такала Елена Ивановна – пионер госбиблиографии в нашей республике, Человек энциклопедических знаний.

Горячева Нина Ивановна – прекрасно образованная, ироничная и очень требовательная к себе и другим.

Кушнир (Морозова) Эльвира Петровна – библиограф финской части «Летописи печати...».

Липкина Алма Матвеевна – долгое время возглавляла сектор государственной библиографии. Человек добрейшей души, умный и чуткий руководитель, рукодельница и прекрасный кулинар. Она единственная из работавших в библиотеке, в качестве переводчика с финского языка, побывала на Фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 г.

Суомалайнен Лилия Степановна – вела финскую часть «Летописи печати Карелии», ее записи в Инвентарной книге до сих пор являются образцом.

Туренкова Марина Ивановна, Афанасьева Валентина Николаевна, Сакалаускене Марита Казисовна, Мошникова Энна Эсковна, Флинк Любовь Михайловна, Стенарь Татьяна Михайловна – каждая в свое время также занималась финской частью «Летописи печати...», а Марина Ивановна Туренкова длительное время была ее главным редактором. Сейчас они стали нашими финскими коллегами.

Помогали в издании «Летописи печати...» сотрудники отдела национальной и краеведческой литературы **Татьяна Владимировна Терпугова** и **Лариса Александровна Бурмистрова**.

Уже в отделе Книжная палата работали –

Вера Александровна Ягодкина – первая его заведующая.

Ольга Петровна Кошкина – редактор-библиограф, лучший из работавших в нашей библиотеке.

Смирнова Ирина Ивановна – молодой специалист, занимавшаяся библиографической росписью и вводом документов на вепском языке, работавшая с поразительной скоростью.

Традиции продолжает современный, очень сплоченный, квалифицированный, ответственный, трудолюбивый, постоянно занимающийся самообразованием и уже применяющий новые технологии и ... прочее-прочее коллектив, в составе которого

Шегина Инна Валентиновна – заведующая отделом, главный редактор «Летописи печати...», составитель ежегодного сборника «Печать Карелии в ... году».

Петропавловская Надежда Сергеевна – главный библиотекарь, ведущая раздел «Карелия в печати России и зарубежных стран» в «Летописи печати...».

Исакова Светлана Николаевна – главный библиотекарь, занимается комплектованием фонда архива Книжной палаты и фонда краеведческой литературы Национальной библиотеки РК.

Засекова Инна Ивановна – редактор «Летописи печати...», ведущая государственную библиографическую роспись документов помимо русского – на финском и карельском языках.

Демина Лариса Леонидовна – оператор.

И уже приступает к работе наша новая сотрудница – **Ольга Викторовна Шакурова**.

Все мы вместе при помощи и поддержке коллег из других отделов готовим и проводим ежегодный республиканский конкурс «Книга года Республики Карелия».

Традиции продолжают, и Книжная палата Республики Карелия, как и Российская книжная палата, заботится о том, чтобы разумное и доброе хранилось вечно.

А. М. Пашков,

Петрозаводский государственный университет

Петербургский комитет грамотности и попытки создания карельской письменности в 1860-е годы

В последние десятилетия происходит активный процесс развития этнического самосознания крупнейшего прибалтийско-финского народа современной Карелии – карел. В связи с этим представляется крайне важным изучение истории зарождения важнейшего проявления карельского этнического самосознания – письменности на карельском языке. Одна из малоизвестных попыток создания такой письменности связана с деятельностью Петербургского комитета грамотности, созданного в 1861 году.

В нем идею «о переводе на карельский язык русскими буквами для первоначального обучения грамоте и религии», то есть об издании книг на карельском языке, но с использованием русского алфавита, первым озвучил в 1862 году член Комитета новгородский протоиерей О. В. Гиляровский. Комитет грамотности обсудил вопрос о распространении грамотности среди карел и принял решение: «...издать или содействовать сначала изданию азбуки на карельском языке русскими буквами и молитв, а затем и некоторых других учебников, но, принимая во внимание существующее различие между наречиями корелов новгородских, тверских и олоонецких, положено было предварительно выяснить степень этого различия и возможность понимания всеми корелами учебников, которые были бы составлены на одном из наречий, более общепринятом».¹ Для этого Комитет принял решение сначала «исследовать различие наречий» карельского языка и для этого просить разных «известных Комитету лиц» из Тверской, Новгородской и Олоонецкой губерний перевести на «местный карельский язык русскими буквами несколько молитв и других изречений». Но до конца 1863 года ни одного отклика на это обращение из указанных губерний получено не было.

В это время с Комитетом связался Егор Иванович Тихонов (Тиханов). Биографических сведений о нем почти не имеется. Вероятно, он принадлежал к роду олоонецких карел, переселившихся в Финляндию, разбогатевших там и сделавшихся зажиточными купцами. Сам Е. И. Тихонов, вероятно, имел высшее образование и, по некоторым данным, в середине 1860-х годов был юристом на государственной службе. По его собственному признанию, интерес к приладожским карелам, их истории и культуре был связан с тем, что он сам родился «между финляндскими карелами», был «близко знаком с их житьем-бытьем», неоднократно посещал приладожскую Карелию и в результате всего «стал заниматься в продолжении многих лет вопросом о карелах вообще».

В середине 1860-х годов Е. И. Тихонов начинает ставить вопросы о тяжелом положении приладожских карел в своих обращениях в различные государственные учреждения и общественные организации, среди которых был и Петербургский комитет грамотности. В декабре 1863 года председатель Комитета по просьбе Е. И. Тихонова написал письмо архиепископу Олоонецкому Аркадию с просьбой «оказать нравственное и материальное содействие к доставлению нужных г. Тихонову переводов чрез Комитет грамотности».²

На заседании Комитета грамотности 14 января 1864 года Е. И. Тихонов выступил с докладом о положении карел и необходимости развивать карельскую письменность. По его словам, несмотря на то, что в северной России и Финляндии проживает до 170 тысяч карел, они «занимают самую низкую ступеньку в нравственном отношении», а в Финляндии есть местности, населенные карелами, куда «не проникал еще ни один луч цивилизации». И хотя русская общественность знает об этом положении и были предприняты меры по «улучшению их быта», но эти меры не дали заметных результатов. Самой неотложной, хотя и сложной задачей Е. И. Тихонов считал распространение среди карел грамотности на карельском языке: «Это касается в особенности до развития грамотности в карельском народе. Причина этому может быть и та, что для развития гра-

¹ Меры по распространению грамотности между карелами // Занятия комитета грамотности. Год второй. Вып. 1. СПб., 1864. С. 36.

² Журнал заседания комитета грамотности 14 января // Занятия комитета грамотности. Год второй. Вып. 1. СПб., 1864. С. 7–8.

мотности между ними употреблялись мало понятные для них языки финский и русский, так что изучение их не могло поддерживаться сочувствием самых карелов. А между тем потребность грамотности проникла даже в карельские села. Я имел случай убедиться в этом, бывши в прошлом году в Финляндии, где, пользуясь случаем, читал карелам свои переводы из ветхозаветных книг, желая узнать степень пригодности моих переводов для их понимания. Судя по той ревности, с которою они слушали меня, я не могу упрекнуть их в тупом отвращении от всякой новизны, в особенности от изучения грамоты. Слыша родные звуки, карелы не раз обращались ко мне с просьбою учить их чтению. С таким же предложением посещали меня неоднократно петербургские карелы, проживающие в столице по различным причинам. К сожалению, я не мог исполнить их просьбы, не имея на то официального права. Зная с детства карельский язык, домашнюю жизнь карелов, их степень понимания и вообще нравственный быт, и успевши убедиться в сознательно развившейся уже у них потребности грамотности *на понятном для них языке*, я с начала нынешнего года посвятил свои досуги карельской грамоте».³

Для реализации своего замысла Е. И. Тихонов прежде всего составил карельскую азбуку: «Азбуку я составил из русских букв, вполне удовлетворяющих выражению звуков карельского языка при помощи принятых мною некоторых весьма простых надстрочных знаков. Русскую азбуку я считал обязательною в том отношении, чтобы открыть для карелов легкий путь к изучению русского языка, необходимого для их дальнейшего развития, и чтобы образовать неразрывно связующее звено карельского языка с русским». Большую часть сделанных Е. И. Тихоновым переводов были переводы православно-церковных текстов («Десять заповедей», «Молитва Господня», отрывки из книг Ветхого и Нового завета), а также светских текстов религиозного содержания (детская азбука «Правила христианской премудрости» и стихотворение А. С. Пушкина «Птичка Божия»). Именно с этими переводами Е. И. Тихонов летом 1863 года «отправился с этнографической целью в финляндскую Карелию, где, пользуясь случаем, читал карелам эти переводы».⁴

Главной трудностью для реализации своих планов Е. И. Тихонов считал наличие разных диалектов карельского языка: «Так как в языке карелов есть много видоизменений, смотря по месту их жительства, то я в видах обобщения азбуки и пригодности переводов моих для тех мест, вступил в переписку с некоторыми лицами». Но ответ был получен только от преподавателя Олонецкой духовной семинарии в Петрозаводске Ершова.

Ершов сообщил Е. И. Тихонову ценные сведения о состоянии изучения и преподавания карельского языка в петрозаводской семинарии: «В Олонецкой епархии азбуки для карелов нет, а составленные учителем семинарии В. Ильинским азбука, грамматика и лексикон употребляются только в семинарии в рукописях. И кроме этих еще нет никаких. Новым учителем карельского языка они исправляются и пополняются постоянно для учеников, но не напечатаны. Ничего никем вновь для карелов к изданию или составлению не предполагается. Духовное юношество, как выше сказано, обучается карельскому языку для целей своего служения в приходах карельских, именно: для устной беседы церковной и домашней с карелами. Обучение же грамоте карелов не входит в круг обязанностей духовенства. Азбука, грамматика и лексикон составлялись с 1830 до 1835 года покойным лектором карельского языка В. В. Ильинским, а настоящим лектором священником Модестовым переведено на карельский язык множество проповедей из разных печатных сборников. Все они в рукописи. И, если желаете, то эти проповеди доставят к вам».⁵ Завершая свое письмо, Ершов поддержал намерение Е. И. Тихонова и выразил готовность высылать ему все необходимые материалы. Е. И. Тихонов обратился за помощью и к преподавателю карельского языка в Олонецкой семинарии священнику Григорию Модестову, который также обещал прислать все свои рукописи на карельском языке.

С помощью Петербургского комитета грамотности Е. И. Тихонов хотел получить «сведения или документы о карельских наречиях в различных местностях России», после получения которых должен был приступить к доработке своих переводов и азбуки.

Составленная Е. И. Тихоновым азбука и его переводы на карельский язык были переданы «для сличения языка» губернаторам Архангельской, Новгородской и С.-Петербургской губерний и вице-губернаторам Ярославской и Тверской губерний. Но отзыв на переданные тексты был получен только от Архангельского губернатора.⁶

Не получив в правительственных кругах поддержки своих планов по изданию литературы на карельском языке, Е. И. Тихонов покинул Петербург и уехал на службу в Литву. Последнее известие о просветительской активности Е. И. Тихонова относится к марту 1871 года, когда он передал в Петербургский комитет грамотности изданный им карельско-русский молитвенник, предназначенный для бесплатной рассылки в школы губерний с карельским населением с целью «распространения грамотности между карелами православного исповедания». Составленный Е. И. Тихоновым «Карельско-русский молитвенник для православных карелов» был им издан в 1870 году.⁷ Несколько сотен экземпляров этой книги Е. И. Тихонов передал в Петербургский комитет грамотности «для бесплатной рассылки в школы». На заседании комитета было принято решение разослать

³ Записка г. Тиханова о необходимости составления книг на карельском языке // Там же. С. 14–15.

⁴ Тихонов Е. И. Карелы в Финляндии // Всемирный труд. 1867. № 1. С. 285.

⁵ Записка г. Тиханова о необходимости составления книг на карельском языке. С. 16.

⁶ О распространении грамотности между карелами // Занятия комитета грамотности. Год третий. Вып. 2. СПб., 1865. С. 25.

⁷ Тихонов Е. И. Карельско-русский молитвенник для православных карелов. СПб., 1871.

«поступившие от Тихонова книги» в Финляндию и губернии с карельским населением — Новгородскую, Тверскую, Архангельскую и Олонецкую.⁸ Известно, что «изданный в 1870 году для бесплатной раздачи по деревням, где есть православные карелы», карельско-русский молитвенник Е. И. Тихонова использовался для преподавания карельского языка в Олонецкой духовной семинарии в Петрозаводске. Но в 1872 году Олонецкую семинарию проверял член-ревизор Учебного комитета при Святейшем синоде С. Миропольский. Преподаватель карельского языка священник Гр. Модестов заявил ему, что карельско-русский молитвенник Е. И. Тихонова «составлен неудачно, так как при переводе принят был не чисто карельский язык, а смесь с финским, почему здешним карелам он не вполне понятен».⁹ Однако, современный исследователь карел Е. И. Клементьев писал: «В настоящее время молитвенник Тихонова считается лучшим по орфографии печатным изданием на одном из ливвиковских диалектов карельского языка, а именно на сямозерском говоре».¹⁰ Вероятно, такая противоречивость оценок связана с тем, что до 1917 года карельский язык в России не был изучен и воспринимался как какой-то единый язык, хотя на деле он делился и делится на несколько диалектов и говоров.¹¹

Можно сделать вывод, что Е. И. Тихонов при содействии Петербургского комитета грамотности пытался решить в 1860-е годы важную задачу — создать условия для развития карельского языка на основе издания книг на карельском языке, напечатанных русским шрифтом, и укрепить приверженность карел православию через перевод церковной службы на карельский язык.

После 1871 года никаких сведений о краеведческой, просветительской или публицистической деятельности Е. И. Тихонова, посвященной карелам, обнаружить не удалось. Вероятно, он полностью переключился на решение проблем по новому месту службы в Литве. Известно, что в 1872 году он издал большую работу о правовом положении литовских крестьян.¹² Дальнейшие следы Е. И. Тихонова теряются. Неизвестны даже дата и место его смерти.

Итак, на волне общественного подъема 1860-х годов возник Петербургский комитет грамотности, который, среди других задач по распространению грамотности, уделял большое внимание развитию грамотности среди народов России (чувашей, калмыков и др.). Особое внимание комитет уделял распространению грамотности среди карел, вероятно, потому, что карелы жили в окружавших Петербург губерниях. Эти идеи комитета получили активную поддержку одного из представителей малочисленной карельской интеллигенции — Е. И. Тихонова. Но из-за изменения политического курса после 1866 года совместные усилия Е. И. Тихонова и деятелей Петербургского комитета грамотности встретили равнодушное отношение и даже противодействие властных структур и имели весьма скромный результат. А карельская буржуазия и карельская интеллигенция были слишком малочисленны и слабы, чтобы отстаивать необходимость создания карельской письменности перед властями или чтобы решить эту задачу своими силами. В результате этот вопрос был отложен до начала XX века. Новое обострение интереса к созданию карельской письменности произошло только после революции 1905–1907 годов.

*Е. Г. Сойни,
Карельский научный центр Российской академии наук*

«Калевала» в интерпретации художников филоновской школы

В 1933 г. издательство «Academia» решило выпустить первое издание «Калевалы» в СССР. Инициатором издания выступил полпред СССР в Финляндии Иван Михайлович Майский, автором вступительной статьи «Из истории Калевалы», состоящей из четырех разделов, был Дмитрий Владимирович Бубрих — основатель советского финно-угроведения, будущий директор Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Видный ученый выразил общепринятые в те годы взгляды на «Калевалу», принимая миграционную теорию Каарле Крона и вслед за ним усиливая значение героев-богатырей и воинских сюжетов. По мнению Д. В. Бубриха, проникновение рун «Калевалы» к приграничным карелам было явлением весьма поздним и большая часть карелов «рун «Калевалы» никогда не знала».¹

Словом, художникам под руководством Павла Николаевича Филонова (мастерам аналитического искусства) была дана установка оформить «Калевалу» как памятник католического средневековья в западно-финской интерпретации, исторические корни которой восходят не к родственным финно-угорским народам, а к народам ближайшего окружения Балтийского моря, особенно к германцам.

⁸ Карельско-русский молитвенник // ОГВ. 1871. № 23 (от 3 апреля).

⁹ Миропольский С. Преобразование духовно-учебных заведений Олонецкой епархии (в 1872 году). СПб., 1875. С. 62.

¹⁰ Клементьев Е. И. Карельский язык // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 195.

¹¹ Там же. С. 185–189.

¹² Тихонов Е. И. Волостной суд и мировой судья в крестьянских селениях. Ковно. 1872. 4+4+167 С.; 2-е изд.: 2+6+239 С.

¹ Бубрих Д. В. Из истории «Калевалы» // Калевала / перевод Л. П. Бельского ; под ред. Д. В. Бубриха. — М. ; Л. : Academia. 1933. — С. XVI–XVII.

И «Калевала» стала для филоновцев своеобразным окном в Европу. В письме в производственный сектор издательства «Academia» в Москву Филонов это подчеркивал: «... в "Калевале" мы имеем дело с Северо-Западом Европы в сложнейших национальных взаимовлияниях».² Теоретически филоновцы начали работать над «Калевалой» как над памятником, восходящим к временам финского католического средневековья. Но подлинное искусство оказалось выше теоретических установок. Вживаясь в калевальские образы, они почувствовали древнейшую архаику, первобытный синкретизм мышления, «хтоническую» наднациональную символику Севера. Софья Людвиговна Закликовская, автор иллюстрации к циклу рун о Куллерво, вспоминала: «Мы изображали не отдельные эпизоды, а полузабытую подоснову. Вы видите, что пространство просвечивается сквозь пространство, а время переливается сквозь время. Мы назвали это – концентрированное время и пространство».³

Своими графическими работами филоновцы на десятилетия предвосхитили открытия фольклористов. То, что было не выявлено наукой 1920–30-х годов, выявили художники. Современными эпосоведами подчеркивается – в «Калевале» как полистадиальном памятнике важен прежде всего древнейший архаический пласт, а представления школы К. Крона сейчас считаются устаревшими. По словам Е. М. Мелетинского, «в "Калевале", как и в других архаических эпосах, доминирует не воинская героика и богатырская самонадеянность, <...>, а мудрость, магическая сила, творческий порыв в космогонии и мирном труде, своего рода «прометеевский пафос», чуждый классическим формам героического эпоса...».⁴

«Калевала» заморозила воображение художников своей архаичностью докатолического происхождения, времен прибалтийско-финской общности. Именно за выявление в «Калевале» древнейшего архаического пласта, критика 1930-х годов подвергла иллюстрации осуждению. Памятник словесности, созданный многими рунопевцами, был проиллюстрирован коллективом художников. И в результате родилась новая эстетика, образец нового графического искусства. Мастера аналитического искусства, одержимые единой идеей «Калевалы» и вынужденные подчиняться жесткому канону (в данном случае роль канона выполнили художнические указы и заветы П. Н. Филонова), были похожи на мастеров единой иконописной школы, создавшей коллективное, художественное письмо. Мастера и ученика связывало полное единство ду-

Школа Филонова. [С. Л. Закликовская].
Куллерво-батрак. 1933 г.

ховных и моральных принципов, принятие общих обетов почти религиозного братства, принятие особой веры, самодисциплины и самоограничений.⁵ Художники показали свое ощущение натурфилософии эпоса и в то же время добивались максимальной «сделанности» иллюстраций. «Мы были объединены одной целью, – вспоминал Михаил Цыбасов, – исследуя живописью жизнь, передать наиболее законченные ее формы, придать живописи атомистическую сделанность и поставить на службу народу, и это создавало свой стиль, что помогало нам в оформлении книги».⁶ Ощущение архаичного мира, смена эпох древних и исторических, чередование небесного и земного подчеркивается формами «неопрimitивного» рисунка. Одним из подходов филоновцев к иллюстрированию «Калевалы» был подход к изображению человека в процессе его эволюции.

Особенно это ощутимо в страничной иллюстрации Софьи Людвиговны Закликовской (1906–1978) к циклу рун о Куллерво, (помещенной между страницами 192 и 193 – конец руны 31 («Рождение и воспитание Куллерво») и начало руны 32 («Куллерво служит пастухом»). Возможно, художница сама не ожидала, какого результата она сможет достичь, «просвечивая время сквозь время». В рисунке абсолютно отсутствует традиционное понимание композиции, перспективы, пространства, одних только линий горизонта можно пять. Небо проходит сквозь землю, и даже через человека. Земля и вода едины, едины и времена года: зима (лесоруб в валенках на заднем плане, рубит сосновый ствол) и лето (босой Куллерво стоит среди бурных вод порожистой север-

ной реки, возле его ног рыбы), тут же разворачивается сюжет из истории вражды двух братьев Унтамо и Куллерво.

² Филонов П. Н. Дневник. – СПб.: Азбука. 2000. – С. 216–217.

³ Покровский О. В. Высшая мера жизни // Белые ночи: очерки, зарисовки, воспоминания, документы. Л., 1989. С. 496–510. Цит. по Марушина Г. Комментарии // Филонов П. Н. Указ. соч. С. 617.

⁴ Мелетинский Е. М. «Калевала» в сравнительном освещении // «Калевала» – памятник мировой культуры: материалы науч. конференции, посвящ. 150-летию первого изд. карело-фин. эпоса. 30–31 января 1985 г. – Петрозаводск, 1985. – С. 80.

⁵ Мислер Н. Павел Николаевич Филонов: Слово и знак. (По следам архивных материалов) // Russian Literature, XI, Amsterdam, 1982. С. 241. Цит. по: Марушина Г. Комментарии. Там же. С. 463–464.

⁶ Бондаренко В. Г. Летописец северного края // Север. 1985. № 10. С. 98.

Тело его как бы прозрачно и сквозь него видны речные волны, бьющаяся в сетях большая рыба, угол бревенчатой избы, перевернутая лодка на камнях. Изображенные в диагонали река, небо, земля, животные, рыбы, сливаются в один поток жизни, устремлены в одном направлении, как бы указанным рукой, сжатой в кулак. Эта же диагональ поддерживается линией плеч и расположением топорика. Поток-стрела тянет Куллерво к испытаниям – злым знаком выглядит открытая пасть щуки. Судя по его суровому лицу, он к ним готов, он их жаждет. Но путь мести – это тупиковый путь. «Куллерво оскорбили люди, – размышляла художница <...>. – Но свое страдание не изжить страданием других».

На месте сердца изображено единственное на рисунке молодое растущее деревце, как бы доказывающее, что трагический герой изначально был добр, и его путь мог бы быть другим. Это почувствовал Михаил Цыбасов и передал в иллюстрации к руне 34-й «Куллерво находит своих родителей». Куллерво бережно обнимает мать после многих лет разлуки, согревает ее своими большими ладонями. В трагической судьбе матери и сына художник находит счастливый момент – их встречу и создает образ Куллерво не в минуты позора и отчаяния героя, а в момент радости и подлинной человечности.

Школа Филонова. [М. П. Цыбасов].
Куллерво находит своих родителей.
1933 г.

Михаилу Цыбасову в «Калевале» принадлежит семь иллюстраций, из которых 2 страничных, концовка к нескольким рунам и, самое важное, цветной фронтиспис. В подготовке страничного рисунка «Встреча Вьянямейнена и Еукахайнена», по словам Цыбасова, принимал участие и П. Филонов. Эта иллюстрация к третьей руне выделяется среди других яркой экспрессией, встреча двух мировоззрений, двух поколений, а, может, и культур – молодой Еукахайнен фигурирует в «Калевале» как лапландец – показана через борьбу животных. Морды лошадей в гротескном изгибе напоминают драконов. Изображение людей в этом рисунке не главное. Вьянямейнен показан спиной к зрителю, а Еукахайнен – на заднем плане. Весь смысловой акцент на лошадях. Переплетенные экспрессивные линии, изображающие дуги, оглобли, вожжи, лошадиные спины, передают борьбу стихий, борьбу природы:

Эта жаркая схватка на фоне спокойствия заснеженных холмов звучит диссонансом, Цыбасов следует калевальской этике, считая, что дело людей состязаться в ином:

Приготовимся же к пенью,
Пропоем мы наши песни.

Когда этика нарушается, нарушается и порядок вещей, герой приносят страдание себе и своему роду.

Образ Куллерво в страничной иллюстрации Цыбасова к руне 36-й («Смерть Куллерво») уже совсем иной, чем образ Куллерво, в иллюстрации к руне 34-й. Жестокий взгляд, открытый в гневе рот. На него с осуждением и жалостью смотрят лошадь и собака. И если в иллюстрации С. Закликовской на месте сердца у Куллерво нарисовано деревце, то в иллюстрации Цыбасова деревце расположено под ногами мстителя. Дерево как символ рода, мироздания. И Куллерво перешагивает через него, идя навстречу гибели.

Для Цыбасова особенно характерна передача неразрывного единства человека с миром природы. В иллюстрации к руне 6 «Еукахайнен ранит лошадь Вьянямейнена» (18,5 x 6,2. МИИ РК) изображение лошади занимает большую часть рисунка. Еукахайнен показан лишь на заднем плане – в расщелине между скалами. Зритель глядит на лошадь со многих точек зрения одновременно. При взгляде сверху: стрела, попавшая в спину лошади, грива, сбруя; спереди: подкосившиеся передние ноги, полузакрытые глаза и язык, касающийся сырой земли. Это единство ощутимо и в иллюстрациях «Вьянямейнен делает новое кантеле» к руне 44 (18,5 x 6,5. ГМИИ РК), «Илмаринен пашет поле» к руне 42 (18,5 x 6,2. МИИ РК).

В работе над фронтисписом Цыбасов, возможно, учел точку зрения Д. В. Бубриха, относившегося к калевальцам как викингам. Фронтиспис выполнен в красно-синей цветовой гамме. Декоративность, локальный цвет, историческая направленность позволяют поставить эту работу в один ряд с картинами раннего Николая Рериха на варяжские темы.

Но Цыбасов стремится передать мир своих героев через портрет – через изображение лица и рук. Изображению рук придается едва ли не самое важное значение. Художник прописывает пальцы, сжимающие весла и даже ногти. Действуя «точкой», Цыбасов воссоздает средневековый

⁷ Покровский О. В. Указ. соч. С. 617.

орнамент на костюмах и оружии. А колдующий взгляд голубых глаз рулевого, длинная седая борода и полуоткрытый, словно в песне, рот, выдает в богатыре не столько воина, сколько певца.

В страничной иллюстрации Нины Ивановой к руне 42 «Похищение Сампо» значительно больше подчеркивается воинственность героев: грозные лица в шлемах, в руках боевые топоры, на заднем плане изображены силуэты елей, они повторяют линию копья, острие которого как бы делит иллюстрацию на две части – с одной стороны – Лоухи, с другой – калевальцы.

У Лоухи сжат кулак, подчеркнута острый профиль. Филонов благосклонно отнесся к этой страничной иллюстрации художницы, 5 января 1934 года он пришел к Нине Ивановой, чтобы сказать о выходе «Калевалы»: «Мне было приятно смотреть, ... как оживились радостью лица Ивановой и ее мужа ... Муж Ивановой, гордый и счастливый счастьем и успехами своей жены, налюбовавшись ее иллюстрациями и "Калевалой" в целом, подарил мне папиросу Кемаля-Паши».⁸

Узнаваема среди иллюстраторов филоновской «Калевалы» Алиса Порет. Ее рисунки радостны и слегка игрушечны. В отличие от своих коллег Алиса Порет писала «Невесту» (иллюстрация к руне 23 «Наставления невесте») намного мягче.

Девушка-невеста изображена сразу в двух ипостасях, в двух мирах, точнее в момент перехода из одного, девичьего мира, в другой – мир замужней женщины, обремененной семьей, хозяйством, детьми. С одной стороны она юная дева, босая, с голой ладонью, без платка. Но ей уже дано наставление:

Не ходи ты без платочка,
Не ходи без башмаков ты.

И девица превращается в жену. Невеста тоже тянет руку к жениху, но их руки еще не коснулись друг друга. И самое главное, не видно самого жениха, изображена только рука, зовущая в неведомое.

Участие И. М. Майского в отборе иллюстраций порой шло на пользу книге. Однако в отводе форзацев, возможно, И. Майский сыграл определенную роль. Сначала ему не понравился красный цвет головы одного из калевальцев, нарисованной на форзаце Алисой Порет, что на его взгляд, могло финскому читателю внушить мысль о красной опасности, затем, возможно, из перестраховки он решил отказаться от форзацев вообще, хотя один из форзацев Елена Борцова выполнила синим и белым – цветами финляндского флага, «как просила Москва». Но Москва отвела и этот форзац Борцовой, «прекраснейшую вещь», по выражению Филонова.

При отсутствии форзацев большее значение стало придаваться суперобложке – ее делали коллективно. Филоновцы создали красочный, удивительный по разнообразию цветовой гаммы образ Финляндии. Евгений Ковтун называл эту акварельную работу «Суоми <...> с высоты птичьего полета, не только в зримом, но умопостижимом образе».⁹ В единой, совершенной гармонии, словно при звуках песни Вяйнямейнена, показана озерная и лесная Финляндия, люди и птицы, животные и травы. Абстрактные формы сочетаются с вполне реалистическими образами. Красный, синий, терракотовый, охра в сложнейших сочетаниях напоминают филоновскую «Формулу весны», но в отличие от нее здесь все узнаваемо. Своеобразная «Формула Финляндии». В такой суперобложке «Калевала» 1933-го года издания вышла в свет в самом начале 1934-го года. Павел Филонов и Михаил Цыбасов параллельно описывают в своих дневниках ее появление на прилавках книжных магазинов:

Павел Филонов:

*4 января 1934 года я ждал не только ее выхода, но и любой провокации, вплоть до отвода ее в целом и изъятия, я удивился, что не очень-то обрадовался ее выходу. Чудо, что при такой травле на нашу школу эта книга все же вышла.*¹⁰

Михаил Цыбасов:

*4 января 1934 года Это было неожиданно и наибольшая экспансивность была конечно со стороны Ек[атерины] Ал[ександровны] (жена П. Н. Филонова. – Е. С.).*¹¹

Выход «Калевалы» вызвал недоброжелательную критику в прессе и одновременно одобрение в дипломатических кругах, большая часть тиража ушла в Финляндию. Но самое главное, «Калевала» сплотила новое ядро филоновцев, сделала их счастливыми, наполнила их сердца гордостью, утвердила в вере в собственные силы и в филоновский метод.

«Калевала» вошла в сознание филоновцев. Для некоторых из них работа над поэмой стала делом жизни. В 1940-м Алиса Порет самостоятельно оформила Калевалу, изданную в Петрозаводске. Автором вступительной статьи на сей раз был профессор Е. Г. Кагаров. В отличие от Д. В. Бубриха он отрицал идею исключительно западно-финского происхождения калевальских рун, считая их родиной и Карелию, и Финляндию. В то же время, подчеркивая международное, общечеловеческое родство рун с фольклором разных народов, Е. Г. Кагаров отрицал и столь важное для фольклористики и этнографии понятие, как «финно-угорская семья народов». Вероятно, вынужденно. В исторической ситуации 1940-го года, когда закончилась советско-финляндская война, автор вступительной статьи доказывал, что «нелепо говорить о каком-то особом родстве рун Калевалы с песнями вепсов, ингерманландцев, марийцев, коми и других «финских» народов <...>, «финно-угорская семья народов «отнюдь не составляет какой-либо единой и цельной системы в антропологическом

⁸ Филонов П. Н. Дневник. С. 230.

⁹ Ковтун Е. Графическая «Калевала» // Советская графика. М. : С. Х., 1985. С. 265.

¹⁰ Филонов П. Н. Дневник. С. 229–230.

¹¹ Сойни Е. Г. «Жизнь моя – это живопись...» // Цыбасов М. П. Каталог выставки. СПб., ГРМ, 2004. С. 23.

и культурном соотношении...».¹² Иллюстраторы вынуждены были считаться с установками издателей и авторами вступительных статей. И Алиса Ивановна, в своей «Калевале» 1940-го года, уже меньше подчеркивала финскость в лицах героев и в ландшафте, делая рисунки очень простыми, миниатюрными и «общечеловеческими». Несомненной удачей художницы были концовки, в которых двумя-тремя графическими знаками, напоминающими орнамент карельских и финских вышивок, резьбы и росписи по дереву, Порет передала северный колорит «Калевалы». Он усиливался сочетанием черного и зеленого цветов, хотя пышные кроны деревьев, горы, не характерные для Карелии и Финляндии, как бы говорят, что действие поэмы могло происходить и не только на Севере. Филоновская традиция в «Калевале» Порет ощутима, частично она проявляется в точечном методе, но большей частью в напряженной форме, в умении художницы свободно совмещать в рисунке объемы и плоскости, дальнее и ближнее, мизерное и величественное.

Алиса Порет выполнила к каждой руне (или песне, как указывалось в издании 1940-го года) заставку и концовку. Таким образом получилось пятьдесят заставок, пятьдесят концовок, титул, шмуцтитул, переплет и форзац. На форзаце – миниатюра, изображающая действительно карельский или финский пейзаж: две ели на острых скалах написаны черной тушью, они даны в контексте с белой гладью воды и зеленым лесом, окружающим озеро. Ели и скалы – все устремлено вверх и только плавная береговая линия озера уравнивает эту устремленность, принося в рисунок спокойствие и умиротворенность. «У меня есть веселость, жизнерадостность и доброта»,¹³ – писала о себе художница. Возможно, благодаря такому восприятию мира Алиса Порет стала иллюстратором детских книг и оформленная ею «Калевала» воспринимается как издание для юношества. Ее рисунки чисты и даже милы, но все-таки в историю графического искусства Алиса Порет вошла прежде всего не иллюстрациями к изданию, оформленному ею одной, а рисунками к первой советской «Калевале», оформленной коллективно.

А. И. Порет. Иллюстрация к песне 3-й. 1940 г.

С «Калевалой» тесно переплелась судьба еще одного ученика Филонова – Валентина Ивановича Курдова (1905–1989), заслуженного художника РСФСР, лауреата Государственной премии им. И. Репина. Валентин Курдов непосредственно к школе Филонова не принадлежал, но и не отрекался от своего ученичества у Павла Николаевича: «...ученики, и я в том числе».¹⁴ В годы учебы во Вхутеине, с 1923 по 1927 год, Валентин Курдов часто посещал мастерскую Павла Николаевича, «приходил к нему послушником, на исповедь».¹⁵ В 1934 г. Филонов уже называл Курдова «своим бывшим учеником»,¹⁶ но сохранял с ним довольно теплые отношения. Курдов прошел серьезную академическую школу, но в то же время помнил уроки Филонова, признавался, что «влияние Филонова на него было велико».¹⁷ Это влияние несомненно проявилось в его иллюстрациях к «Калевале». Валентин Курдов участвовал в оформлении трех «Калевал»: 1949-го года, 1956-го и 1979-го. Издание 1949-го года «Kalevalan runoutta» («Поэзия «Калевалы») художник иллюстрировал вместе с Георгием Стронком и Ниной Родионовой, а «Калевала» 1956-го и 1979-го годов была оформлена им одним.

Образы калевальцев в иллюстрациях Курдова к «Калевале» 1956 (М., ГИХЛ) излишне приземлены и даже фотографичны. На «бытописательную струю», выделенную художником в содержании рун, не раз обращала внимание критика (Б. Сурис, С. Полякова).¹⁸ Однако в работе художника ощущается и подход филоновцев к оформлению «Калевалы» 1933-го года: рисунок точкой, в изобилии встречающиеся изображения животных,

¹² Кагаров Е. Г. Калевала как памятник мировой литературы // Калевала : карело-финский народный эпос / перевод Л. П. Бельского. – Петрозаводск, 1940. – С. IV–XLII.

¹³ Алиса Порет рассказывает и рисует : из альбома художника / вступительная статья и публикация В. Глоцера // Пано-рама искусств 12. – М. : СХ, 1989. – С. 393.

¹⁴ Курдов В. И. Памятные дни и годы // Павел Филонов : реальность и мифы / сост., вступ. ст. и коммент. Л. Правовой. М., 2008. С. 207.

¹⁵ Там же. С. 209.

¹⁶ Филонов П. Н. Дневник. С. 262.

¹⁷ Курдов В. И. Указ. соч. С. 207.

¹⁸ Сурис Б. [Вступительное слово] // Курдов В. И. Каталог выставки. Л., 1980. С. 13.

смелое смещение пространственных форм. Это характерно для иллюстраций к рунам 17, 16 и особенно к руне 20, изображающей быка.

Бык кормился у карелов,
В Суоми жирного взрастили<...>
Был у тавастов хвостом он,
Головой – у речки Кеми.
Вышиной рога в сто сажень,
В полтора сажен морда.

В иллюстрации обращает на себя умение художника передать размеры животного, Курдов не только рисует быка выше сосен, шире реки, но и показывает голову, переходящую в небо, облака, пронизывающее туловище. Удивительно передан пронзительный взгляд бычьих глаз, как бы понимающих нехитрую логику жизни животного.

В. И. Курдов. Иллюстрация к руне 20-й. 1956 г.

В «Калевале» 1979-го года, вновь изданной в Ленинграде, художник проявил себя с совершенно неожиданной стороны, найдя не похожую ни на чью иную манеру легкого размытого рисунка, усиленного охристым цветом разной насыщенности. Работу художника над иллюстрациями к «Калевале» 1979 года С. Полякова называет подвигом жизни Валентина Курдова. В основе новых иллюстраций, по ее словам, «по-прежнему лежит народное, крестьянское мировосприятие, но теперь оно обогащено философским прозрением художника и большой силой поэтическим чувством».¹⁹ И в этой поздней работе художник по-филоновски работал с пространством, показывал одно сквозь другое. Фон рисунков охвачен дымкой, а нарисованные точкой фигуры прозрачны.

Словом, последний коллективный труд филоновцев – оформление «Калевалы» 1933-го года – положил начало серьезной традиции. Художники, учитывавшие успех этого высочайшего достижения второго этапа русского авангарда, добивались весомых результатов, не теряя при этом своей индивидуальности.

В. Н. Водлазко,
Карельский республиканский
институт повышения квалификации работников образования

Николай Константинович Михайловский и Ирина Федосова

В ноябрьском номере «Отечественных записок» за 1872 год была опубликована рецензия публициста народнического толка и либерального философа Н. К. Михайловского на книгу известного этнографа, собирателя и историка старообрядчества Елпидифора Васильевича Барсова «Причитания Северного края».

Е. В. Барсов, много лет отдавший исследованию народного творчества Олонецкой губернии, в 1867–68 гг. записал от сказительницы из Заонежья Арины Федосовой причитания, лирические и свадебные песни, былины, плачи, большая часть которых вошла в трёхтомное издание; первая часть этого собрания вышла 1872 г. и сразу же попала в поле зрения литературоведения и публицистики, в том числе и одного из лучших демократических журналов XIX столетия «Отечественные записки».

В материале «О записях и изданиях "Причитаний Северного края..."» Е. В. Барсов вспоминал, что, оказавшись в Петрозаводске «после окончания академического курса на службе в Олонецкой семинарии», встретился с Ириной Андреевной Федосовой, уже известной в это время плачущей и сказительницей, которая, между прочим, сказала ему не без вызова и гордости, «что супротив её песеннице не быть – будет отвечать Господу Богу, – что на свадьбах ли запоёт – старики запляшут, на похоронах ли завопит – каменный заплачет». По совету П. Рыбникова и, «располагая очень много свободным временем», Барсов «в Великом посту 1867 года...» стал записывать от Федосовой «духовные стихи и былины: диктовать что-либо другое в это время она сама считала грехом...». Всё записанное тогда и соответствующим образом обработанное, публиковалось в «Олонецких губернских ведомостях» с благословения и по протекции Ю. К. Арсеньева, Олонецкого губернатора, сына академика К. И. Арсеньева, бывшего воспитателя Александра Второго. Плачи Федосовой публиковались также и в некоторых столичных газетах, например, в августе 1870 года в газете «Современные известия» был напечатан «Плач по старосте». Издателем этой газеты с 1867 по 1887 гг. был известный церковный журналист и педагог, профессор Московской духовной академии, заведовавший в течение десяти лет кафедрой герменев-

¹⁹ «Калевала» в творчестве художников / Полякова С. К. Петрозаводск : Карелия. 1984. С. 39.

тики, вероисповеданий, ересей и расколов, Н. П. Гиляров-Платонов, славянофил по своим политическим позициям.

Барсов рассматривал «похоронные причитания» как непосредственные излияния тех дум и ощущений, какие вызываются в человеке потерей родных и близких сердцу людей. Если в былинах, песнях, побывальщинах и даже сказках вызнаётся душа народа, то в надгробных и надмогильных плачах ещё скорее может сказаться та правда, которой нет в деловых актах, договорах и хрониках.

Михайловский в своей рецензии относится к плачам и причитаниям как к некрологам, надгробным речам, которые произносят над покойником – «вопят» вдова, дочь, соседка или «просто посторонняя талантливая "вопленица"». У автора рецензии обзор носит как бы ступенчатую структуру, он у него ранжирован: сначала он рассматривает причитания по простому мужику-крестьянину, затем по деревенскому администратору – старосте и, наконец, – по деревенскому писарю, игравшему важную роль в жизни сельского общества. Надо заметить, что последние два сюжета пользовались у слушателей особой известностью, и особенно, как отмечает «Литературная энциклопедия», у творческих деятелей.

В первом плаче рассказывается о том, что умерший жил в весьма отдалённых от центров просвещения и цивилизации местах, в которые вообще чрезвычайно трудно добраться: туда «серый зайчошко... не проскаки-ват, малая птичка не залётыват, извошки не заезжают, перехожие калики не прохаживают... у озера нет... лодочек, через речку дубовой нет мостиночки». Вдова «вопит» о том, что любила покойника, который был для неё «скачёной жемчужинкой», «яркой свичушкой», «яблонью кудреватой», хоть и был он иногда «упь-янсливой головушкой». Много повествуется о том, что теперь ей, бедной головушке, часто и долго приходится по земским избам хаживать, в судебных местах выстаивать, «всем судьям да властям покоряться». «Плач вдовы по муже» привлёк внимание Н. А. Некрасова, который «активно использовал» это произведение И. А. Федосовой в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо», в частности, в сюжете о Матрёне Тимофеевне после ухода мужа на заработки и в солдаты. По иному причитают по покойному старосте: старостиха, обращаясь к миру, плачет и причитает: «Он не плут был для вас, не лиходейничек, соболезнавал об обчестве, он стоял по вам стеной... от этих миро-вых да злых посредников. Теперь всё прошло у вас, миновалось: нет заступушки у вас, заборонушки». Михайловский почти полностью приводит в своей рецензии плач вдовы старосты – фрагмент из её причитания занимает более двух страниц. Плач заканчивается горькими пожеланиями в адрес «злого посредничка», который «присрамил победную головушку» – её мужа, «при обчестве собранном», увёз старосту «во крепость во великую», так пусть Господь Бог даст «ему в дом жену неумную, плодить детей неразумных». Н. А. Некрасов в главе «Крестьянка», введённой, по словам К. В. Чистова (стр. 444), под влиянием сборника Е. В. Барсова, почти дословно повторяет эту часть причитания И. А. Федосовой:

«Злодею моему!
Ты дай-же Боже-Господи!
... Жену ему неумную
Пошли, детей юродивых!»

«Вот какие, – восклицает рецензент, – глубоко трагические обороты прорываются иногда в надгробных речах и некрологах мужика. Всякие комментарии тут неуместны», – заключает далее Михайловский (с. 759).

У Н. А. Некрасова во всех изданиях его замечательной поэмы в подстрочных примечаниях прямо указывается: «Взято почти буквально из народного причитанья».

Плач о писаре рецензент оценивает как «чрезвычайно оригинальное» причитание Федосовой. Как и большинство плачей, оно начинается с проклятий: «Буди проклято велико это горюшко, буди проклята злодйная невзгодушка, как по нонешним годам да по бедовым лучше на свет человеку не родиться: много страсти теперь, да много упасти, как больше того великих пригрозушек, наезжают то судьи да страховитые...» (с. 759). А далее идёт весьма поэтический рассказ о происхождении Гора, рассказ, имеющий, по-видимому, поморское происхождение. В плаче Арины Федосовой появление на белом свете Гора происходило так: поехали рыбаки в «окиян-море», поймали там необыкновенную рыбу. У рыбы этой «точно хвост да как у рыбы ле-бединый, голова у ей вроде как козлиная»; нашли мужики у неё в брюхе «ключи золочёные», да и пошли по деревне эти «ключи прилаживать: к церковным замкам не подходят, к лавочкам не подходят». Тогда пошли они по тюрьмам, там «в подземельные норы ключ поладился, где сидело это горюшко велико». Мужики «за-мок отмыкали, без молитовки знать, двери отворяли», но не успели «добры молодцы отпереть двери дубовые, с подземелья злое горе разом бросилось, чёрным вороном в чисто поле слетело, на чистом поле садилось и са-мо тут злодйно восхвалялося, што тоска буде крестьянам неудельная...». Поэтому вопленица обращается к новопреставленному писарю, как к человеку, знавшему грамоту, довести до сведения «Бладыки – света истинного», до самого Господа Бога, о крестьянских бедах и невзгодах, о том, что «зло несносное, велико это горюшко по Россиюшке летает ясным соколом, над крестьянами злодйно чёрным вороном». А горе несут не только непогоды, да людские дела, но больше всего – «не праведные судьбы»: «некуды от их злодеев не укроешься, во темных лесах найдут оны дремучиих, всё доищутся... Кабы ведали цари да со царицами, кабы знали все купцы да ведь московские про безчастную жизнь нашу крестьянскую...».

Подобные «гражданские мотивы», отмечает Н. К. Михайловский, весьма актуальны, хотя сравнительно редко встречаются в собрании Барсова; по большей части причитания не выходят за рамки личных или семейных дел усопшего. К. В. Чистов считает, что причитания Ирины Федосовой не только замечательны в поэтическом отношении, но они также «уникальны как исторические документы, помогающие проникнуть в самые сокровенные слои и уголки семейной жизни крестьян» (стр. 434, Причит. Сев. Края, С-Пб, 1997, том 1).

Мифологизация представления о Горе в этом плаче, по мнению К. В. Чистова, «сходна с традиционным представлением о Смерти как некоем мифологическом существе. Горе выступает здесь не как с у д н а (судьба), приданная отдельному человеку от рождения и фатально преследующей его до самой смерти, а как коллективная д о л я всех людей, особенно крестьянства. Отсюда идея о том, что Горе не вечно господствовало на земле, а было время идеальных человеческих отношений, когда Горю на земле было н е м е с т е ч к о». Мифологизация судьбы, связывается Ариной также с «синим славным Онегушкой», которое символизируют у неё и как границу видимого мира, как границу между светом и мглой, и как границу между жизнью и смертью.

В плаче о писаре «максимально обобщённый образ Горя раскрывается в совершенно конкретной социальной форме: это – с у д ь и н е п р а в о с у д н ы е, заполонившие Русь и разоряющие крестьян». Эти обстоятельства, видимо, объясняют то, что в подготовительных материалах Н. А. Некрасова обнаружены почти полные записи этого плача, которые он назвал «Происхождение Горя общественного». (Чистов. С. 384).

Выход в свет «Причитаний ...» во фрагментах или отдельных плачах И. А. Федосовой немедленно обратил на себя внимание известнейших русских писателей демократического направления. «Первым из значительных русских писателей, активно использовавших в своём творчестве "Причитанья Северного края", был П. И. Мельников-Печерский... Даже беглое знакомство с известнейшим романом... "В лесах" убеждает в напряжённости фольклорных и этнографических интересов», – отмечает замечательный знаток и комментатор И. Федосовой и Е. Барсова К. В. Чистов» (С. 444). С не меньшим энтузиазмом, как только что отмечалось, воспринял «Причитанья Северного края» Н. А. Некрасов.

Кроме научных рецензий Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, Л. Н. Майкова и др., на первый выпуск «Причитаний...» сразу же после их появления в печати и даже до их выхода в свет, в повременных изданиях стали публиковаться отзывы виднейших демократических журналистов и прежде всего Н. К. Михайловского, рецензия которого в «Литературных и журнальных заметках» «Отечественных записок» явилась «самым значительным откликом в тогдашней публицистике». (Чистов. С. 440).

Михайловский считал, что обычай «вопить является одним из древнейших народных обычаев, постепенно вытесняемый цивилизацией». В качестве языческого обычая он давно подвергается преследованию духовных и светских властей; Е. В. Барсов в предисловии к рецензируемому первому тому «Причитаний...» приводит «несколько образчиков такого преследования», но, по мнению рецензента, эти преследования «сделали мало вреда», гораздо больше ущерба обычаю «вопить» над покойным «сделал ход истории» (с. 760). Михайловский, автор нашумевшей в своё время статьи «Что такое прогресс?», оказался прав: прошло немногим более века и этот обычай совершенно вытеснен из общественной жизни и позабыт в обыденной жизни.

Публикация Е. В. Барсовым «Причитаний Северного края» является по оценке Н. К. Михайловского «особенно приятным событием» в литературной и научной жизни России, и поэтому «его труд заслуживает всякого внимания и благодарности», вследствие того, что «надгробные речи и некрологи мужика чрезвычайно любопытны и характерны... и всегда и везде достойны изучения, и тем паче собирания» (С. 761).

Рецензия Н. К. Михайловского бесспорно сыграла определённую роль в знакомстве читающей публики – учёных, литераторов, любителей и ценителей русского народного творчества, передовой педагогической общественности – с бесценными творениями Заонежской сказительницы Арины Федосовой «истолковательницы, по словам Е. В. Барсова (стр. 434), горя народного».

Отмечая это обстоятельство, было бы крайне несправедливым не сказать о выдающемся событии, имеющем к нашему сюжету непосредственное отношение: в 1997 году в Санкт-Петербурге вышло, спустя 125 лет, второе издание «Причитаний Северного края, собранные Е. В. Барсовым». Первое издание собрания Е. В. Барсова, как известно, было неполным: вышли два первых тома в 1872 и в 1882 гг., третий том вообще не публиковался и более века оставался по сути неизвестным для исследователей. Современное издание теперь уже полного собрания плачей Ирины Федосовой – настоящий научный прорыв и подвиг, совершенный известными учёными и крупнейшими специалистами и знатоками северо-русского фольклора Б. Е. и К. В. Чистовыми.

Совершенно очевидно, что это важное для российской и мировой фольклористики событие вызвало в учёном мире оживлённые отклики и рецензии, в которых специалисты весьма высоко оценили труды по составлению, изданию и многопозиционному научному комментированию «Причитаний...», осуществленные петербургскими учёными. Одним из таких откликов является рецензия С. М. Лойтер, профессора Карельского Государственного педагогического университета, доктора филологических наук, опубликованная в сборнике материалов III Международной научной конференции «Рябининские чтения – 99» «Мастер и народная художественная традиция Русского Севера» (Петрозаводск, 2000. С. 187–194).

Характеризуя научную ценность издания, С. М. Лойтер отмечает прежде всего точность воспроизведения составителями текстов «Причитаний...», записанных Е. В. Барсовым, существенное их расширение, а также «огромную исследовательскую работу по текстологическому редактированию и комментированию», что само по себе представляет вклад в теорию и практику текстологии фольклора. Комментируется с лингвистических, этнографических, исторических, социологических, литературоведческих позиций практически каждая строка, каждый речевой оборот заонежского диалекта, на котором Е. В. Барсовым были записаны причитания Арины Федосовой. Такая тщательная и глубокая аналитическая работа Б. Е. и К. В. Чистовых с текстами и их вариантами способствовала созданию ими чрезвычайно широкого библиографического оснащения нового издания, сделать его «питательным», по словам Ю. М. Лотмана, для исследователей и читателей.

Оценивая второе издание «Причитаний Северного края», С. М. Лойтер совершенно точно и исторически справедливо отмечает, что оно «аккумулировало творчество и научную деятельность трёх Мастеров: Мастера-сказителя, художника, поэта, Мастера-собираателя, первооткрывателя, издателя, и Мастера-учёного-исследователя. Вот такое замечательное сопряжение, триединство: Федосова – Барсов – Чистов».

Интерес Н. К. Михайловского к народным талантам, их высокохудожественному творчеству, в частности, к Арине Федосовой, её плачам, соответствовал его народническим принципам, которые он, с либеральных позиций пропагандировал среди современной ему русской интеллигенции второй половины девятнадцатого века.

Литература

1. Акбулатова Г. Г. Вопленица // Молодёжная газета. 2002. 18 июля.
2. Кузнецов В. П. «Синее славное Онегушко» в причитаниях И. А. Федосовой (семантика фольклорного образа) // Рябининские чтения – 2007 : материалы Пятой научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. – Петрозаводск, 2007. – С. 330–332.
3. Лойтер С. М. Второе издание «Причитаний Северного Края, собранных Е. В. Барсовым» // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера : (доклады III Международной конференции «Рябининские чтения – 99». – Петрозаводск, 2000. – С. 187–194.
4. Михайловский Н. К. Из литературных и журнальных заметок 1872 г. // Сочинения Н. К. Михайловского. Том первый. – СПб., 1896. – С. 756–761.
5. Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. В 2 т. / изд. подгот. Б. Е. Чистова и К. В. Чистов. – СПб., 1997.

*Л. В. Бобикова,
Карельский государственный краеведческий музей*

Елизавета Томберг – народная артистка СССР

28 января 2009 исполнилось 100 лет со дня рождения Елизаветы (Лийзи) Томберг – одной из самых талантливых актрис Национального театра Карелии, имя которой в 1950–1980-е годы было известно далеко за пределами республики. В фонды Карельского государственного краеведческого музея в 2005 г. поступила ее мемориальная коллекция. В составе коллекции – документы, фотографии, предметы одежды, а также живописный портрет (автор портрета Ю. Кряквин). Передала предметы в музей дочь актрисы – Ираида Федоровна Воеводова. Кроме того, в 1950–1980-е годы сотрудниками музея было собрано несколько коллекций по культуре Карелии, включающих большое количество фотографий и негативов о работе Национального финского драматического театра. Таким образом, в фототеке краеведческого музея сформирована интересная коллекция, посвященная творчеству Елизаветы Томберг.

Время неумолимо движется вперед и забываются имена даже очень популярных и знаменитых людей. Сегодня о Е. Томберг помнят лишь представители старшего поколения жителей Карелии, большинство молодых людей не знает о ней ничего. А рассказ о судьбе многих актеров Финского театра, так же как и о судьбе Е. Томберг, это практически рассказ об истории Национального финского театра.

Родилась будущая актриса в деревне Войскорово Детскосельского района Ленинградской области в семье финнов-ингерманландцев. А «там, где даже три финна, обязательно будет по меньшей мере два драмкружка». В деревне Войскорово, разумеется, был драматический кружок и свою первую роль одаренная девочка сыграла перед земляками. Это была роль служанки в пьесе Мины Кант «Кража со взломом». Несмотря на «несценическую внешность» Лиза Томберг хорошо пела и танцевала, несколько лет она посещала драматический кружок, а в 1932 году была принята в Ленинградский государственный Финский драмтеатр, организованный годом раньше.

Театрального образования у Елизаветы Степановны не было, в 1930 году она закончила сельскохозяйственный техникум на станции Всевожская Ленинградской области и до прихода в театр два года работала агрономом. Лекции по теории сценического искусства актеры, пришедшие из самодеятельности, слушали в институте повышения квалификации работников искусств г. Ленинграда, а практиковались на сцене своего театра. В 1938 г. Елизавета Степановна жила в г. Пушкине, где руководила драмкружком при трикотажной фаб-рике имени Второй Пятилетки, так как Ленинградский финский театр был закрыт. А, начиная с 1940 г., когда Е. Томберг переехала в Карелию, ее судьба связана с Национальным финским театром в г. Петрозаводске. Муж Елизаветы Степановны – актер и режиссер петрозаводского театра Суло Александрович Туорила. Познакоми-лись они на Карельском перешейке во фронтовом театре, куда оба были мобилизованы в 1939 г. с началом со-ветско-финской войны 1939–1940 годов. Несомненно, что театральный Ленинград сыграл главную роль в превращении деревенской девочки в профессиональную актрису. Значимым для творческого роста Елизаветы Степановны явилось и общение с московским режиссером Николаем Васильевичем Демидовым. В годы Великой Отечественной войны петро-заводский Финский театр, в основном, базировался в г. Беломорске, а его художественным руководителем был Н. С. Демидов, который давал советы самому К. С. Ста-

ниславскому. Когда «реформатор русской сцены» писал книгу «Работа актера над собой», Демидов был режиссером и преподавателем Оперного театра имени Станиславского и помогал Константину Сергеевичу. Работая в годы войны с актерами национального театра КФССР, Демидов при постановке спектаклей «Нора» Г. Ибсена и «Обручение» А. Киви на практике использовал «систему» Станиславского. Еще два спектакля были поставлены им совместно с молодым режиссером, выпускником театрального училища имени Щепкина В. Н. Богачевым: «Кража со взломом» М. Кант и «Синий платочек» В. Катаева. В 1945 году Н. В. Демидов начал репетировать «Грозу» А. Н. Островского, а завершили спектакль С. Туорила, В. Суни и Т. Ланкинен.

После освобождения Карелии финский театр работал в г. Олонце. Здесь с 1946 по 1949 годы было поставлено большое количество спектаклей, среди которых «На сплавной реке» Т. Паккала, «Куллерво», «Обручение» и «Семеро братьев» А. Киви, «Молодой мельник» М. Лассила. Спектакли по произведениям финских классиков принесли театру заслуженное признание. Музыкальная комедия «На сплавной реке» Теуво Паккала, поставленная Вальтером Суни, пользовалась особой популярностью у зрителей и была в репертуаре театра более 25 лет.

В советское время театр не мог рассчитывать на поддержку государства да и просто существовать без «идейных» пьес, без постановок к «красным дням» календаря. Начальник Управления по делам искусств при СНК КФССР в приказе от 9 октября 1946 г. отмечал низкий художественный уровень спектакля «Так и будет» по пьесе К. Симонова в национальном театре и указывал две пьесы советских авторов, которые необходимо было срочно перевести на финский язык и включить в репертуар. Это были пьесы «За тех, кто в море» Б. Лавренева и «Далеко от Сталинграда» А. Сурова. В дальнейшем руководство национального театра четко следовало линии партии при формировании репертуара. Особое внимание уделялось произведениям российского «пролетарского» писателя А. М. Горького, демократических финских писателей М. Лассила и А. Киви. Часто ставились пьесы современных авторов, представителей различных республик Советского Союза, в том числе и писателей Карело-Финской СССР. Например, в пьесе молодого карельского писателя Я. Ругоева «Огни Марикоски» рассказывалось о строительстве электростанции в глухой карельской деревушке. Классовой борьбе карельского народа посвящен спектакль по произведению Н. Яккола и Т. Ланкинена «Глушь пробуждается».

Главным «идейным» спектаклем стал «Ветер с юга» (1948 г., постановщик В. Суни, художник А. Колосенок), рассказывающий о пороках капиталистического мира и о просыпающемся классовом самосознании главного героя батрака Эйнари. Исполнитель главной роли Т. Ромппайнен был удостоен звания заслуженного артиста КФССР, а режиссер В. Суни, артисты Е. Томберг и Т. Ланкинен получили за этот спектакль Сталинскую премию 1950 г.

В 1951 г. театр гастролировал в Москве. Естественно, что для гастролей были отобраны лучшие спектакли, а именно: «Васса Железнова» (А. Горький, московский режиссер М. Горбунова), «Беспокойная старость» (Л. Рахманов, режиссер С. Туорила), «Ветер с юга» (Э. Грин, Б. Филиппов, режиссер В. Суни), «Новые друзья» (У. Викстрем, режиссер В. Суни), «Семеро братьев» (А. Киви, режиссер В. Суни), «На сплавной реке» (Т. Паккала, режиссер В. Суни). Местная драматургия была представлена пьесой У. Викстрема «Новые друзья», рассказывающей о послевоенной Финляндии, о борьбе демократических сил с теми, кто пытался втянуть страну в конфликт с Советским Союзом. Как недостаток гастролей газета «Правда» отмечала то, что не было показано ни одного спектакля о жизни современной Карелии.

По отзывам прессы спектакль «Примешь ли меня, земля карельская?» по пьесе А. Тимонена (1969 г., режиссер Т. Хайми) стал самой заметной постановкой театра, посвященной истории Карелии. Пьеса повествует о том, как гражданская война отразилась на жизни глухой карельской деревни, о трагедии семьи, в которой родные братья оказались во враждующих лагерях. Писатель А. Тимонен за роман «Мы карелы» и пьесу «Примешь ли меня, земля карельская?» в 1971 г. получил премию КАССР. Спектакль был показан в 1971 году в Финляндии, а за год до этого – на Всероссийском театральном конкурсе, организованном в честь 100-летия со дня рождения Ленина. Дипломами I степени были отмечены: Е. Томберг за роль Мелание и П. Микшиев за роль Васселея, режиссер Т. Хайми, художник В. Авдышева и композитор С. Леончик. Хвалебные отзывы о постановке опубликовали журнал «Театр» и финские газеты.

Специфика театра заключалась в том, что при постановке произведений писателей братских советских республик пользовались русским текстом, который подвергался следующему переводу на финский язык, и при двойном переводе авторский текст не мог не искажаться. Не случайно главными удачами Финского театра являлись постановки пьес финских авторов Т. Паккала, А. Киви, М. Лассила, М. Кант, не требующие перевода. Из произведений писателей национальных республик чаще других в Финском театре ставили произведения эстонских авторов, тем более, что актер и режиссер Суло Туорила – муж героини нашего повествования Елизаветы Томберг в 1950-е годы короткое время работал в Таллине главным режиссером телевизионных передач на финском языке.

Елизавета Степановна Томберг – актриса с широким творческим диапазоном, на сцене Финского театра в г. Петрозаводске она сыграла более ста ролей. Счастливой актерской карьере актрисы способствовало то, что режиссером многих спектаклей, где «блистало» ее дарование, был Суло Туорила. Самыми удачными спектаклями постановщика Туорила называют «Молодой мельник» М. Лассила (1948 г.), «Куллерво» А. Киви (1949 г., спектакль поставлен совместно с В. Суни), «Беспокойная старость» Л. Рахманова (1950 г.), «Люди с Дангора» М. Андерсена – Нексе (1955 г.), «Женщины Нискавуори» Х. Вуолийоки (1956 г.), «Сельские сапожники» А. Киви (1958 г.), «Мать своих детей» А. Афиногенова (1960 г.) Без таланта, трудолюбия невозможно создать на сцене запоминающиеся образы и получить народное признание, даже имея мужа постановщика. А отзывы те-

атральных критиков о спектаклях с участием Е. Томберг свидетельствуют о том, что она обладала и талантом, и трудолюбием. Больше всего хвалебных, восторженных отзывов актриса удостоилась за роли Вассы Железновой в одноименном спектакле, фру Бон в спектакле «Люди с Дангора», хозяйки в спектакле «Женщины Нискавуори». В этих спектаклях наиболее ярко раскрылся талант трагедийной актрисы Е. Томберг. А удачно сыгранные роли поварихи Майи в спектакле «На сплавной реке» Т. Паккала, Анны Андреевны в «Ревизоре» Н. Гоголя, Марты в «Сельских сапожниках» А. Киви и ряд других ролей являются подтверждением того, что Елизавета Степановна обладала и даром комедийной актрисы.

Хочется привести строки из характеристики, которую дала актрисе администрация театра в 1965 году: «Е. С. Томберг – человек щедрый и богатой души, одаренная от природы талантом в сочетании со страстной любовью к артистической деятельности. За более чем 30-летний творческий путь стала одной из самых ярких и неповторимых актрис Карелии, славой и гордостью Финского театра». Театральное сообщество г. Петрозаводска неоднократно выдвигало Елизавету Степановну в члены Всесоюзного театрального общества, в связи с 70-летием ВТО наградило актрису медалью имени Ф. Волкова. Жители Петрозаводска в 1960-е годы избирали Томберг депутатом Верховного Совета СССР. С честью носила она высокое звание «Почетный гражданин г. Петрозаводска». Среди наград актрисы ордена «Знак Почета» (вручен в 1951 г.) и «Дружбы народов» (вручен в 1979 г.). Надо отметить, что такого большого признания Томберг добилась, не являясь членом Коммунистической партии.

В фототеке музея представлены фотографии сцен из многих спектаклей Финского театра, где занята Е. Томберг, в том числе: «На сплавной реке» (в роли Майи), «Ветер с юга» (в роли Эльзы), «Молодой мельник» и «Воскресший из мертвых» (по пьесам М. Лассила), «Вишневый сад» (по пьесе А. Чехова, в роли Раневской), «Люди с Дангора», «Беспокойная старость», «За тех, кто в море», «Лес» (по пьесе А. Островского, в роли Гурмыжской), «Зыковы» (по пьесе А. Горького). Большая группа фотографий посвящена декаде карельского искусства в Москве, которая проходила в 1959 году. Актёры засняты в музеях, на улицах Москвы, на вокзале. По этим фотографиям мы представляем внешний облик актёров без грима, какими они были в жизни. В музей фотографии поступили от одного из участников декады – фотографа Дома офицеров Северного военного округа Маркелова.

Большой интерес для театралов представляют негативы, посвященные «олонецкому» периоду в работе Финского театра (1946–1949 гг.). Восемь негативов музей закупил в 1949 г. от фотокорреспондента Совинформбюро Берлинера Якова Леопольдовича. На них представлены ведущие актёры театра Е. Томберг, Д. Карпова, Т. Ланкинен, режиссеры В. Суни, С. Туорила, а также сцены из спектаклей «Ветер с юга» и «Куллерво». Всего в Олонце театр подготовил более 20 постановок. Спектакль под названием «Куллерво» по мотивам карело-финского эпоса «Калевала» (А. Киви, режиссеры В. Суни, С. Туорила) был возобновлен в 1949 г. в связи с празднованием 100-летнего юбилея полного издания эпоса «Калевала». Режиссер Р. Нюстрем осуществил постановку пьесы А. Киви еще в 1935 году в связи со 100-летним юбилеем первого издания эпоса. С. Туорила писал о произведениях финского классика: «Я наслаждаюсь читая эти произведения. Язык Алексиса Киви звучит в моих ушах, как лучшая поэзия. Богатство чувств и яркость изображения у него не могут не задеть душу и сердце слушателя и зрителя». В 1949 г. одновременно с празднованием юбилея «Калевалы» в Петрозаводске состоялась декада театра, на которой кроме спектаклей «Ветер с юга» и «Куллерво» были показаны «Вишневый сад» А. Чехова, «Молодой мельник» М. Лассила и ряд других. Вскоре после успешной декады театр был переведен из Олонца в г. Петрозаводск.

Не менее интересны в нашей коллекции, посвященной творчеству Финского театра, и негативы фотокорреспондента газеты «Тотуус» (на финском языке) К. Н. Перфильева. Среди них два негатива 1941 г., на которых представлены сцены из спектакля по пьесе А. Афиногенова «Машенька» (режиссер И. Кренке, художник Е. Сийки) и три негатива со сценами из спектакля «Куллерво» 1948–1949 годов.

На фотовыставке, подготовленной Ленинградским отделением ТАСС к 25-летию КФССР (1948 г.), творчество Финского театра было представлено сценой из спектакля «На сплавной реке». Выставку готовил фотограф Иванов, автор оригинала С. М. Раскин. Сам Раскин использовал фотографию с данной сценой в альбомах «Карело-Финская ССР. 1923–1948», в музее хранится шесть таких альбомов, в каждом из которых первоначально было по 117 снимков. Кроме того, в нашей коллекции представлен большой альбом С. Раскина «Карело-Финская ССР в фотографиях», включающий 296 снимков, среди которых 4 фотографии посвящены Финскому театру. Фототека музея располагает и авторскими негативами для фотографий из данных альбомов.

Фотографии со сценами из спектаклей отражают работу костюмеров, гримеров, художников. Большое количество спектаклей Финского театра оформил Фред Линдхольм, в том числе: «На сплавной реке» Т. Паккала, «Семеро братьев» А. Киви, «Молодой мельник» и «Воскресший из мертвых» М. Лассила, «Ревизор» Н. Гоголя, «Сын рыбака» В. Лациса, «Люди с Дангора» М. Андерсена-Нексе, представленные в нашей коллекции.

Краеведческий музей не является специализированным театральным музеем и не имеет возможности отразить каждый шаг творческого пути театра, но основные вехи на этом пути все же представлены в нашей коллекции.

«Кондопога = провинция» (Образ города Кондопоги в устной словесности)

Первое упоминание о Кондопоге относится к 1495 году. Село Кондопога Шуйской волости, из которого впоследствии развился город, существовало два с половиной столетия. Октябрьская революция вдохнула новую жизнь в этот уголок бывшей «подстоличной Сибири». В 1921 году Кондопога приковала к себе пристальное внимание трудящихся Карелии. Здесь по постановлению Совета Труда и Оборона от 26 апреля 1921 года, принятого при активном участии В. И. Ленина, было решено построить бумажную и целлюлозную фабрики, деревообрабатывающий завод и электростанцию. Волостной центр превратился в индустриальный город – «первенец индустриализации Карелии».

В 1927 году Кондопога стала районным центром, а в 1938 году он по постановлению ВЦИК от 5 июня был переименован в город. В настоящее время Кондопога является административным центром одноименного района Республики Карелия.

«Провинциальные города и местности именуются, как известно, "болотом", "дырой", "сонным царством", "медвежьим углом"»,¹ «глушью», «глубинкой», «захолустьем» или «периферией». Балтийско-финское «kond» означает «крестьянский двор, хозяйство». В соединении с «rohja» – «дальний угол» на русской почве превратилось в «погу» и дало название «Кондопога», переводимое как «конда в дальнем углу». Финское слово «kontio» означает «медведь». Название города может быть переведено и как «медвежий угол».

*«На удивительном месте стоит наш город, между двух озер расположился, словно бы голубой траве, да еще ниточка канала соединяет их. И верхние озера Сандал и Нигозеро на несколько десятков метров выше Онего – не чудо ли это?! А между ними сосновый лес когда-то стоял, медведи жили. Кондопога – медвежий угол. Деревня дала название городу, вливалась в него со своим богатством – знаменитой Успенской церковью», – так описывает город писатель Виктор Сергин.*²

Л. Седлуха, главный архитектор института «Урбанистики», отмечает: *«Кондопога же – город особенный. Он расположен на высоком берегу губы Онежского озера, его застройка имеет запоминающийся силуэт при въезде в город со стороны Петрозаводска».*³ На это обращает внимание в интервью преподаватель КГПУ Л. И. Кириллова: *«Очень красивый въезд в город – открывается широкая панорама, хорошо видны промышленные предприятия и сам город».*⁴

Кондопога живет как любой другой русский город: *«Ну у нас, как везде»* (Андрей, 43 года, слесарь ЖХХ).⁵ Жизнь в городе информанты характеризуют как обычную: *«Нормальная жизнь, обычная. Город наш вообще хороший, чистый»* (Виктор, 17 лет, учащийся ПТУ № 15).⁶

Некоторые жители называют Кондопогу *«самым развитым райцентром в республике»* (мужчина, 39 л., владелец кафе);⁷ *«городом европейским...»*.⁸

Акустическое восприятие города связано с покоем и тишиной: *«Тише воды, ниже травы, самый спокойный городок в стране»* (мужчина, 40 лет, зам. рук. цеха ОАО «Кондопога»);⁹ *«Городок у нас маленький, тихий, спокойный, до боли спокойный. Народ в нем живет мирно и дружно»* (Юрий, 38 лет, охранник).¹⁰ *«Нравится мне здесь тишина, покой. Хоть и прибавилось машин, но Кондопога – тихий город».*¹¹

Визуально город представлен информантами как пространство, в котором ничего не меняется: *«Город как город, таких много в Карелии, да и по всей России»* (мужчина, 32 года, азербайджанец, приехал в 1997 году);¹² *«А у нас тут ничего никогда не происходит»* (Андрей, 17 лет, учащийся ПТУ № 15).¹³ Многие информанты отмечают скучную жизнь в городе: *«Живем тихо и очень скучно»* (Сергей, 34 года, работник ЦБК);¹⁴ *«Скучновато народ у нас живет»* (мужчина, 24 года).¹⁵

¹ Разумова И. А. Оппозиция «провинция/столица» в повествовательном фольклоре / И. А. Разумова // Русская провинция: миф – тест – реальность / сост. А. Ф. Белоусов и Т. В. Цивьян. – М. : СПб., 2000. – С. 293.

² Сергин В. Город нашего детства / В. Сергин // Новая Кондопога. – 1992. – 13 окт. – С. 4.

³ Седлуха Л. На благо города / Л. Седлуха // Новая Кондопога. – 1998. – 10 февр.

⁴ Что знают и говорят о нашем городе : мини-опрос в Карельском государственном педагогическом университете / зап. Н. Урванцева // Новая Кондопога. – 1998. – 7 июля.

⁵ Григорьев М. Кондопога: что это было / М. Григорьев. – М. : Европа, 2007. – С. 128.

⁶ Там же. – С. 118.

⁷ Там же. – С. 82.

⁸ Кригер А. Благодарю, поздравляю / А. Кригер // Новая Кондопога. – 1998. – 30 апр. – С. 1.

⁹ Григорьев М. Указ. соч. – С. 72.

¹⁰ Там же. – С. 195.

¹¹ Люблю тебя, твой золотой узор / зап. Г. Иванова // Авангард. – 1996. – 11 окт.

¹² Григорьев М. Указ. соч. – С. 165.

¹³ Там же. – С. 116.

¹⁴ Там же. – С. 134.

¹⁵ Там же. – С. 201.

Время в провинциальной Кондопоге представляется однообразно, чередой дней, похожих друг на друга. Несмотря на скуку, некоторые информаты отмечают картины природы и быта: *«Наш город, расположенный в краю лесов и озер», настолько невелик, что несколько минут достаточно, чтобы очутиться в лесу или у озера»*.¹⁶

Цветовая символика города представлена словом «зеленый»: *«Ваш город очень чистый и зеленый»* (мужчина, 34 года, турист), *«Здесь много зелени!»* (из сочинения ученика 7-го класса СОШ № 3).

Образ города в сознании «чужих» людей предстает по-разному: для одних он актуализуется с отрицательной стороны как «провинция» (*«Кондопога – провинция, довольно развитая для своих размеров»*),¹⁷ «захолустье» (*«Все, что мне нужно, тут есть. Без излишеств, естественно, но к излишествам я и не привыкла. Сама родом из такого же захолустья»*),¹⁸ «большая деревня»,¹⁹ «убогий городишко» (*«...Судя по фотографиям, городишко – убогий и скучный, делать там особо нечего...»*)²⁰, а для других – с положительной: *«Пресловутая Кондопога, <...> имеющая задатки маленького центра...»*;²¹ *«Кондопога – районный центр, где родилась Лазуса Лазутина...»* (из репортажа А. Колобова).

Кондопожцы обладают своими ментальными характеристиками: *«Городок у нас спокойный. Народ тихий. Спокойный, северный»* (мужчина, 45 лет, владелец магазина);²² *«Регион северный, люди, может, и суровые, но тихие»* (женщина, 45 лет, руководитель среднего звена).²³ Отдаленность от центра обуславливает ощущение «замедленности» и «заторможенности» в замкнутом пространстве: *«Народ тут в республике замороженный»* (мужчина, около 40 лет, руководитель частной силовой структуры).²⁴ Такой же склад характера отмечают приезжие люди: *«Да тут все замороженные»* (мужчина, 27–30 лет, представитель преступной группировки).²⁵

Жители Петрозаводска Кондопогу представляют по-разному: *«Существует две Кондопоги: одна ассоциируется с бумагоделательным производством, она какая-то провинциально-промышленная, а другая – более уравновешенная, это берег Онежского озера и Успенская церковь»*.²⁶

Для С. Л. Катанандова Кондопога ассоциируется «с бумажным комбинатом и его замечательным директором В. А. Федермессером, с известной во всем мире кондопожской бумагой». ²⁷ Кондопога – это «индустриальный форпост, воздвигнутый среди живописных лесов и озер». ²⁸ *«Кондопога – это город бумажников»* (женщина, библиотекарь, 36 лет).

Студентка ПетрГУ считает, что в Кондопоге находится кондитерская фабрика, выпускающая известные конфеты: *«Какой же все-таки у вас чудесный город, какие вкусные конфеты делают! Покупаю свои любимые – «Белочку» или там «Мишку на севере», а там на всех фантиках – «Конд. фабрика». Хороший у вас город»*.²⁹

По сравнению с другими карельскими провинциальными городами в Кондопоге жизнь лучше: *«Наш город светлый. По сравнению с Медвежьегорском, где я работала и жила»*; ³⁰ *«По сравнению с какой-нибудь Сегежей – рай неземной»*.³¹ Петрозаводский поэт Сергей Горбунов отмечает уникальность города: *«Кондопога уникальна. Здесь можно делать вид, что снисходительно относишься к "провинции" и в то же время любить. Был почти во всех районных центрах Карелии – там совсем не то: у нас есть жизнь, как будто какой-то "выхлоп энергии" над городом»*.³²

По-разному население сопоставляют Кондопогу со столицей Карелии – Петрозаводском: *«Живем лучше. По крайней мере с Петрозаводском»* (А. Кострикин, милиционер);³³ *«По сравнению с Петрозаводском наш*

¹⁶ Зеленцов Д. Глазами лиценстов // Новая Кондопога. – 1996. – 12 окт.

¹⁷ <http://www.cityk.ru/viewtopic.php?t=1625&start=0&postdays=0&postorder=asc&highlight=&sid=c27aae7cc1dd92f3e61ccc9831d12eda>

¹⁸ Григорьев М. Указ. соч. – С. 174.

¹⁹ Что знают и говорят о нашем городе : мини-опрос в Карельском государственном педагогическом университете / зап. Н. Урванцева // Новая Кондопога. – 1998. – 7 июля.

²⁰ Кондопога или Крокадино? – Режим доступа: <http://gleza.livejournal.com/89978.html>.

²¹ Харитонов М. Место, обделенное жизнью: провинциальная философия России / М. Харитонов // Русская жизнь. – 2007. – 23 нояб.

²² Григорьев М. Указ. соч. – С. 85.

²³ Там же. – С. 106.

²⁴ Там же. – С. 112.

²⁵ Григорьев М. Указ. соч. – С. 95.

²⁶ Харитонов М. Указ. соч.

²⁷ Катананов С. Л. Зарисовка о петрозаводском мэре в интерьере кондопожского бассейна / С. Л. Катананов; интервью вела Т. Манойлина // Новая Кондопога. – 1998. – 17 февр.

²⁸ Белоусов А. Ф. «А у нас в провинции...»: стихотворение Ани Ярцевой «Посвящается Кондопоге» / А. Ф. Белоусов // Русская провинция: миф – тест – реальность. – С. 286.

²⁹ Ода любимому городу / М. К. // Новая Кондопога. – 1996. – 25 июня.

³⁰ Люблю тебя, твой золотой узор / зап. Г. Иванова // Авангард. – 1996. – 11 окт.

³¹ <http://www.cityk.ru/viewtopic.php?t=1625&start=0&postdays=0&postorder=asc&highlight=&sid=c27aae7cc1dd92f3e61ccc9831d12eda>

³² Горбунов С. Позвольте пару слов без протокола / С. Горбунов; интервью вела М. Крузман // Новая Кондопога. – 1996. – 23 июля.

³³ А что люди говорят? / интервью вел С. Днепров // Новая Кондопога. – 1992. – 22 сент.

город – такая дыра. Делать нечего» (Ольга, 32 года, продавец продуктового магазина).³⁴ В оппозиции Кондопога находится и с Москвой: «По сравнению с Москвой – нищий...».³⁵

Многие жители трепетно относятся к своему городу и считают, что «он лучше многих столичных городов» (из сочинения семиклассника Кондопожской средней общеобразовательной школы № 3); «Для нас Кондопога – лучший город мира» (Л. Ведехова, пенсионерка).³⁶ «Кондопоге никогда не стать Мегполисом, но у нее есть свое особенное очарование».³⁷

Итальянский писатель Умберто Эко в романе «Маятник Фуко» пишет: «Разве надо столько кусочков для того, чтобы сообщить, что Пуп земли обретается, скажем, в Баден-Бадене, Виннипеге или Кондопоге?».³⁸

После событий 2006 года, произошедших в Кондопоге, провинциальный городок некоторое время был в центре внимания средств массовой информации. Теперь «имя города, известное только полиграфистам стало нарицательным».³⁹ Оно стало своеобразным топонимом-логотипом, символизирующим массовые беспорядки в маленьких городах. На одном из сайтов в Интернете читаем: «Кондопога и Сальск (следующий город, где разыгрались подобные события) все же являлись захолустными городами, принадлежащими глухой провинции. А что, если какая-нибудь «кондопога» взорвется где-нибудь...».⁴⁰ Кондопога под пером журналистов превратилась в «город-герой» («Кондопога – город-герой современной России»;⁴¹ «Кондопога – город-герой»: лозунг участников «Русского марша»».⁴²

Таким образом, в устных текстах о Кондопоге создается разноплановый образ города, обладающий как уничижительно-пренебрежительным, оценочным («глухая провинция», «захолустный город», «большая деревня», «убогий городишко», «город-герой»), так и реальным, идеальным значением («медвежий угол», «провинция», «первенец индустриализации», «город бумажников», «индустриальный форпост», «маленький город», «уютный город», «спокойный город», «чистый город», «тихий город», «лучший город мира», «рай неземной», «Пуп земли»).

Д. А. Евдокимова,
соискатель кафедры русской литературы
Петрозаводского государственного университета

Д. Новиков и И. Львова: проблемы мировосприятия

Петрозаводские прозаики Дмитрий Новиков и Ирина Львова занимают одно из первых мест в современной русской литературе Карелии. Этих писателей сближает целый ряд обстоятельств: эпоха, возраст, место жительства. Они в некоторой степени близки по социальному положению: оба имеют высшее образование (он – по медицинской специальности, она – по специальности «Филология»). Как писателей их сближает наличие авторских сборников, доминирующим жанром у того и у другого является рассказ.

Вместе с тем, и Новиков, и Львова – оригинальные, неповторимые писатели, со своим особым взглядом на мир, со своим особым стилем. Немаловажным отличием этих писателей друг от друга является и то, что один из них – мужчина, а другая – женщина.

Нашей целью будет сравнение доминирующего мировосприятия в рассказах Д. Новикова и И. Львова, а именно, мы остановимся на таких важных для этих писателей темах, как тема одиночества, тема денег и тема счастья.

В большинстве рассказов Д. Новикова чувствуется единый образ повествователя, помогающий нам понять точку зрения самого автора. Правда, иногда, как например, в рассказе «Другая река», события представлены от лица объективированного персонажа, но чаще всего использование формы первого лица говорит об автобиографичности рассказов, а не о дистанции между автором и субъектом рассказывания. Можно говорить и о большой близости автора и главного героя. На это указывает одинаковое образование: главными героями Д. Новикова являются люди с медицинским образованием, многие из них имеют пристрастие к литературе, пытаются быть писателями или обладают выраженной способностью подмечать и воспроизводить в слове детали окружающего мира: «Вот мужик, с утра пьяный, вышел из магазина с авоськой, полной апельсинов. Поскользнулся, рассыпал апельсины – оранжевое на белом – красиво. <...> Очень хорошо, нужно запомнить,

³⁴ Григорьев М. Указ. соч. – С. 140.

³⁵ <http://www.cityk.ru/viewtopic.php?t=1625&start=0&postdays=0&postorder=asc&highlight=&sid=c27aae7cc1dd92f3e61ccc9831d12eda>.

³⁶ Ведехова Л. Какие люди нас окружали / Л. Ведехова // Новая Кондопога. – 1998. – 7 апр.

³⁷ Зеленцов Д. Глазами лицеистов // Новая Кондопога. – 1996. – 12 окт.

³⁸ Эко У. Маятник Фуко / У. Эко // Иностранная литература. – 1995. – № 8. – С. 65.

³⁹ Харитонов М. Указ. соч.

⁴⁰ Кондопога или Крокадино? – Режим доступа: <http://gleza.livejournal.com/89978.html>.

⁴¹ Федотов Е. Кондопога – город герой современной России / Е. Федотов // Русская неделя. – 2006. – 18 сент. – Режим доступа: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=18864>.

⁴² <http://www.regnum.ru/news/732035.html>.

своим рассказать, посмеемся вместе» (с. 220).¹ Так воспринимает мир черный риэлтер с медицинским образованием из рассказа «Section». Обращает на себя внимание желание героя быть хроникером событий, происходящих вокруг.

О произведениях И. Львовой мы даже можем сказать, что находим здесь повторяющиеся оценки окружающих, одинаковые переживания, одинаковые поступки, независимо от того, ведется ли повествование от первого или третьего лица, обладает ли повествователь самостоятельным именем или не обладает, участвует в действии или не участвует. Напрашивается вывод, что для всего творчества И. Львовой характерен единый субъект повествования. И. Львова также относится к типу писателей, у кого дистанция между автором и главным героем очень мала. Она может описать внешность и поведение совершенно разных людей, но в таком случае описание будет ограничено лишь несколькими штрихами, если даже герой описан подробно. Если в деталях представлен внутренний мир героя, оттенки его переживаний, то перед нами alter ego автора. И чем подробнее показан внутренний мир героя, тем больше герой похож на автора.

Одной из самых главных тем современной литературы является тема одиночества. В критической литературе, посвященной И. Львовой, многократно говорилось об одиночестве ее героинь и о духе одиночества, который пронизывает все творчество писательницы. Для героев Д. Новикова проблема одиночества тоже является актуальной. Но одиночество героев Львовой и героев Д. Новикова существенно различаются.

Главные герои Новикова – это мужчины, мальчишки, юноши и молодые люди, которых отличает избыток жизненной энергии, физическая сила, интеллект и стремление побыстрее реализовать эти свои качества в жизни. Федор, герой рассказа «на Суме-реке», «спешил впитать в себя как можно больше солнца, дождя, воздуха, травы, слов и звуков, красок и прикосновений», ему «целый мир был мал, мил, недостаточен» (с. 98). Они почти не знакомы с чувством одиночества, поэтому остро чувствуют в нем потребность и сами его ищут. Они постоянно вовлечены в какую-нибудь бурную деятельность, чаще всего предпринимательскую, и одиночеством для них является бегство от людей, с которыми они в своей деятельности связаны. Они ищут уединения в буквальном смысле этого слова, желая остаться один на один с природой и собой, со своими мыслями и чувствами. Им кажется, что одиночество поможет им преодолеть ту грань, которая отделяет их от настоящей жизни, потому что себя они считают людьми нереализованными. «Сегодня, наконец, стала сбываться давняя его мечта об одной спокойной, одинокой неделе где-нибудь в заброшенной, никому неизвестной деревне, где он смог бы спрятаться от самого себя, внешнего и притязательного» (с. 143). Приведенная цитата из рассказа «ОГОНЬ ВОДА» наглядно демонстрирует восприятие одиночества как способа уйти от проблем. Герой другого рассказа, «Волшебные превращения», выходит из леса, где «покинутость и обездоленность заполнили его до краев и слезами готовы были перелиться наружу», преображенным, понимающим свое назначение и умеющим «определять врага» (с. 117). В некоторых рассказах мы узнаем, какие именно проблемы преодолеваются с помощью одиночества. Это может быть жизненная суета, не дающая герою ни минуты покоя, а могут быть мучающие совесть героя греховные поступки.

В отличие от Д. Новикова, И. Львова предпочитает описывать само одиночество, причем женщин, девушек. Жизнь героинь И. Львовой почти бессобытийна. В ней «мало что происходит», потому что «не происходит ничего» («Начало»).² Героини Львовой боятся жить, ищут предлога, чтобы отложить события на потом: «Нам даже нравилась заснеженная наша берлога, в ней уютно было дремать, мечтать, откладывая жизнь до прихода весны» («Две встречи», с. 96).³ Так, девушка из рассказа «Фантазия» «живет словно наполовину, словно фантазирует, а не живет» (с. 63). Описывая женский мир, где живет девочка Юля из рассказа «В июле», автор сообщает нам, что здесь «предчувствия значили больше, чем факты, и желание становилось опытом» (с. 78).

Причину своего одиночества героини И. Львовой ищут в окружающем их мире, который не дает возможности реализоваться их личности. «Я оказалась вдаль от дома, в маленьком городке, в стесненных обстоятельствах» («Путешествие»).⁴ Они ждут перемен, готовятся к ним, и все время удивляются, что эти перемены никак не наступают: «Я просыпалась с надеждой, что новый день неожиданно приведет меня туда, где воздух напоен свободой, где жить также легко, как и дышать. Каждый день я ждала известий о путешествии» («Две встречи», с. 95).

Героини Львовой страдают от одиночества, не в силах его преодолеть, но находят в нем своеобразную жизненную мудрость: «не нужно усилий, чтоб ее усвоить, – достаточно просто жить, проходить круг за кругом, каждый год, возвращаясь ко дню, с которого все началось» («День рождения», с. 203).

В произведениях И. Львовой открывается обреченность человека на одиночество, которое невозможно преодолеть, даже общаясь с другими людьми: «Иногда она думает, что жизнь вообще не с кем разделить и дело не в том, что нет никого рядом, а в том, что твоя жизнь никому, кроме тебя, больше не принадлежит, и принадлежать не может» («Фантазия», с. 64–65). Героиня рассказа «Фантазия» рассуждает как типичный человек XX века, воспитанный этикой капитализма, где главной ценностью является частная собственность. Не имея

¹ Произведения Д. Новикова цитируются по изданию: Новиков Д. Г. Возжеление. М. : Вагриус, 2005.

² Львова И. В. Начало // Север. – 2008. – № 9/10.

³ Произведения И. Львовой, за исключением особо оговоренных случаев, цитируются по изданию: Львова, И. Если бы нас спросили...: рассказы. Петрозаводск, 2003.

⁴ Львова И. Путешествие. Опубликовано: Lvova, I. Matka [kertomus] / Irina Lvova; suom. I. Hännikäinen // Carelia. – 2004. – № 10. – S. 8–23.

материальных накоплений, юная девушка воспринимает как собственность свою жизнь, не желая признавать, что жизнь человека зависит не только от него самого, но и от многих неподвластных ему обстоятельств. Именно с этими обстоятельствами ведут неустанную борьбу героини Львовой, желая целиком и полностью распоряжаться своей судьбой, но не решаясь и не умея ею распорядиться. Такое поведение в конце концов и порождает одиночество.

Другая, важная для этих писателей и помогающая раскрыть их мировосприятие тема – это тема денег. Д. Новиков, имея за плечами богатый опыт предпринимательства, подробно описывает все хитросплетения этой деятельности и душевные надрывы, которые она вызывает в человеке: «А мы бизнес делали, делали. По городам мотались, мотались. Водкой торговали, торговали. Вагон туда, вагон сюда, денежки себе – и праздник до ночи, до утра, до последней копейки. А потом кредиты брали, брали. Банки разводили, разводили, с бандюками бились, бились и друзей теряли, теряли, сами предавали, предавали, предаемы бывали, ох, бывали. И-и-и, раскудрит твою, береза...» («Накормите ж голубей», с. 256). И. Львова такого опыта скорее всего не имеет. Тем не менее, она тоже неоднократно обращается к роли денег в жизни человека: «Единственный металлический рубль в кармане придает твоему движению цель, а жизни – смысл» («Ты просишь немного – всего лишь ответной любви...», с. 198). Деньги в ее произведениях имеют метафизический оттенок, проецируясь на все сферы человеческой жизни: «ты увидишь неразменный рубль на ладони и вспомнишь, что все это: незаметно пролетевшие годы, весенние ароматы, и дальние голоса – все это и было самым удивительным, самым щедрым подарком» («Ты просишь немного – всего лишь ответной любви...», с. 198).

Характерна такая деталь – героиня Львовой сжимает монету в руках, боясь ее выпустить: «Ты идешь, чтобы потратить новенькую монету. Оказывается, это не просто: и ее не хватает даже на автобусный билет, и ты идешь пешком, сжимаешь неразменный рубль в ладони» (с. 198). Деньги приобретают здесь символический смысл и выражают отношение к самой жизни. Героиня осознает, как невелика ценность монеты, воплощающей собой связь с бытом и материальным миром, но она не готова рисковать даже этой малостью. Героиня Новикова есть что терять: они успешные предприниматели, честными и нечестными путями накопившие небольшие богатства. Но деньги не задерживаются в их карманах. Писателя, как и его героев, интересует сам процесс движения денег: «Деньги – такая же чепуха, как и все остальное. Сначала бьешься, чтобы их заработать, потом такие же титанические усилия, чтобы не потерять, после чего надоедает эта бессмысленная круговерть, и поэтому все теряешь. А иначе совсем противно – копить всю жизнь, зажимать душу в постоянные тиски ограничений» («Чувство, похожее на блюз», с. 161–162). Накопление денег, попытку их сохранить герой воспринимает как ограничение душевной жизни, как стремление подчинить ее материальным ценностям. Неудивительно, что в рассказе «Лекарственные средства» именно потеря денег изображается с использованием сказочных мотивов, тогда как их приобретение имеет вполне бытовую природу. Ноги бегущих по весенней улице предпринимателей, открывших свое дело, сравниваются с копытами волшебного животного, от прикосновений которых к земле на свет появляются монетки: «Из карманов свернутой одежды со звоном сыпалась на асфальт мелочь, и от каждого копыта разлеталось двадцать пять рублей целковых» (с. 66).

Д. Новикова и И. Львову сближает и то, что их герои считают свою жизнь несостоявшейся. «Убедившись очередной раз в собственной трагической неспособности измениться к лучшему, в частности, хотя бы бросить курить, попытаться получить удовольствие в иных, кроме винного и книжного, видах шопинга или по-мужски увлечься мелкими аксессуарами в виде часов, зажигалок и галстуков, я внезапно понял, что жизнь моя не состоялась», – рассуждает Жолобков в рассказе «Накормите ж голубей» (с. 248). «Мне же счастье не давалось. За что бы я ни бралась, все очень скоро казалось мне постылым, люди утомляли меня раньше, чем я успевала к ним привыкнуть. Я думала о своей судьбе. Может быть, как и все члены нашей семьи, я отравлена горечью, мешающей ощущать вкус жизни?», – делает вывод девушка из рассказа И. Львовой «И она стояла на пороге с улыбкой» (с. 94). Но при внешнем сходстве мы можем обнаружить существенную разницу.

Героиня И. Львовой жалуется, что занятия кажутся ей постылыми, а люди утомительными, но ни о какой своей деятельности она не говорит, и единственными ее близкими людьми являются «пятеро одиноких женщин» – «три сестры и их незамужние подруги» (с. 90). Героиня чувствует себя одинокой, подчеркивает, что она привезла свое одиночество из столицы, т. к. «в провинции одиночество – непонятная прихоть» (с. 91). Ее надежда устроиться на работу сторожем в школу тоже раскрывает ее взаимоотношения с обществом. Если бы был сделан акцент на эпоху и было бы подчеркнуто, что описывается последнее десятилетие советской власти, можно было бы предположить, что героиня выступает в роли диссидента-интеллектуала, в одиночку противостоящего государству. Но о времени, когда разворачиваются события в рассказе, мы можем догадываться только по биографии самой писательницы, черты которой легко узнаются в главной героине. Опираясь же только на художественный мир рассказа, мы можем сделать вывод, что героиня страдает от своей бездеятельности и некоммуникабельности.

Совсем иначе ощущают свои отношения с миром герои Д. Новикова. Их несостоятельность связана не с отсутствием деятельности, а с отсутствием понимания смысла этой деятельности, именно осмыслить свое бурное прошлое обычно они и пытаются. Поэтому в приведенной цитате скрыта прозрачная ирония. Своей «неудавшейся» жизни Жолобков противопоставляет узаконенные обществом стереотипы правильной и счастливой жизни, вроде собирания мелких, но дорогих аксессуаров. Жолобков прекрасно понимает условность такой системы ценностей, не позволяющую воспринимать ее как идеал. Если его жизнь и не состоялась, то только потому, что она продолжается и еще далека от своего конца. Но Новиков умеет описывать и настоящие несчастья, надрывы, надломы. В рассказе «Sectio» герой превращается в «бича» и алкоголика и замерзает,

потеряв силы от приступа аппендицита. Его страдания вызваны не тем, что он не смог сделать то, о чем мечтал, а тем, что он совершил зло – жил за счет других людей.

У Д. Новикова и И. Львовой, конечно, есть и свои особые темы. Но мы видим, что для них характерна и тематическая общность. Видимо, причины кроются в том, что они писатели одного поколения, одного социального круга. Но все три рассмотренные нами темы решаются у каждого из этих писателей по-своему, иногда даже диаметрально противоположно. Если герои Д. Новикова ищут одиночества, то герои И. Львовой живут в своем одиночестве. Легкость отношения к жизни у Д. Новикова воплощается в легкости отношения его героев к деньгам, тогда как мучительные самоограничения героинь И. Львовой предстают в образе руки, сжимающей металлический рубль. И у Д. Новикова, и у И. Львовой герои не чувствуют себя счастливыми, но у И. Львовой несчастье вызвано бездеятельностью и нерешимостью что-то изменить, а у героев Д. Новикова – непониманием захватившего их потока жизни.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы III научной конференции (20 февраля 2009 г.)

Составитель

Н. П. Новикова, заведующая отделом Национальной библиотеки Республики Карелия